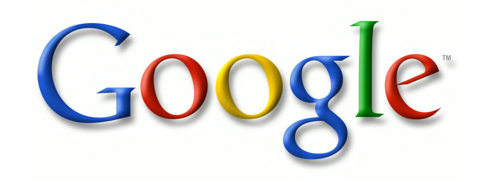

Google

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

В. Н. КАРАЗИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Я. В. Абрамова

2

Съ портретомъ Каразина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39
1891

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 переп.) 1 р. и 2 р.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе стихотвореній и вся беллетристика въ прозѣ. Въ 1 томѣ. Съ біографіей, портретами. и пр. Ц. 1 р. Съ карт.—2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе съ портретами, біографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.) Цѣна безъ картинъ—75 к. Съ картин.—1 р. 50 к.

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями и портретомъ. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рѣзаны на деревѣ. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе съ 188 рис. Ц. 60 к. Въ папкѣ—75 к. въ переп. 1 р.

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. Съ портретомъ автора и статьей Н. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО. Критич. очерки, публицист. этюды, литерат. характеристики. Цѣна за все собраніе въ 2 большихъ томахъ 3 р.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ въ государственной жизни. Профес. Гольцендорфа. Ц. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ Ѳ. РѢШЕТНИКОВА Въ 2 томахъ. Съ портретомъ автора и статьей М. Протопопова. Цѣна 2 р. 50 к. Переплеты въ 50 к. и 1 р.

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕЛГУНОВА Въ 2 томахъ. Съ портр. автора и стат. Н. Михайловскаго. Цѣна за оба тома 3 р. Въ переп. 3 р. 50 к. и 4 р.

ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ. Съ портретомъ Тургенева. Ц. 15 к.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ. Макса Нордау. Перев. Э. Зауеръ. Ц. 2 р.

БЕСѢДЫ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ. С. Горинской. Ц. 15 коп.

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ, общепонятно изложенные и объясненные Составилъ В. Фармаковскій. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. А. Цвѣткова. Съ портретами. Ц. 3 р.

ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ С. Приклонскаго. Ц. 2 р.

БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ. Бытовые очерки И. Тимощенкова. Ц. 1 р.

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА. А. Бахтіарова. Цѣна 1 р.

СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ. П. Мантегацца. Ц. 75 к.

БОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ. Гигіеническій романъ П. Мантегацца. Ц. 50 к.

НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЫ Ф Павленкова. Цѣна 35 к

ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА. 2-е изд Ц. 75 к.

ИСТОРІЯ КНИГИ НА РУСИ А. Бахтіарова. Со мног. рис. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к. — **Бахчисарайскій фонтанъ** Съ 8 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., ц. 3 к. — **Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к — **Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к. — **Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт.. ц. 4 к. — **Евгеній Онѣгинъ** Съ 11 карт., ц. 20 к. — **Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт.. ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.— **Моцартъ и Сальери.** Съ карт., ц. 2 к. —**Каменный гость** Съ 3 карт., ц. 3 к.— **Пиръ во время чумы** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.— **Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт. ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к —**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт, ц 20 к.— **Исторія Пугачев. бунта.** Съ мног. карт, ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт, ц. 25 к.— **Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт.. ц. 10 к — **Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт, ц. 20 к.— **Повѣсти Бѣлкина** Съ 7 карт. ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

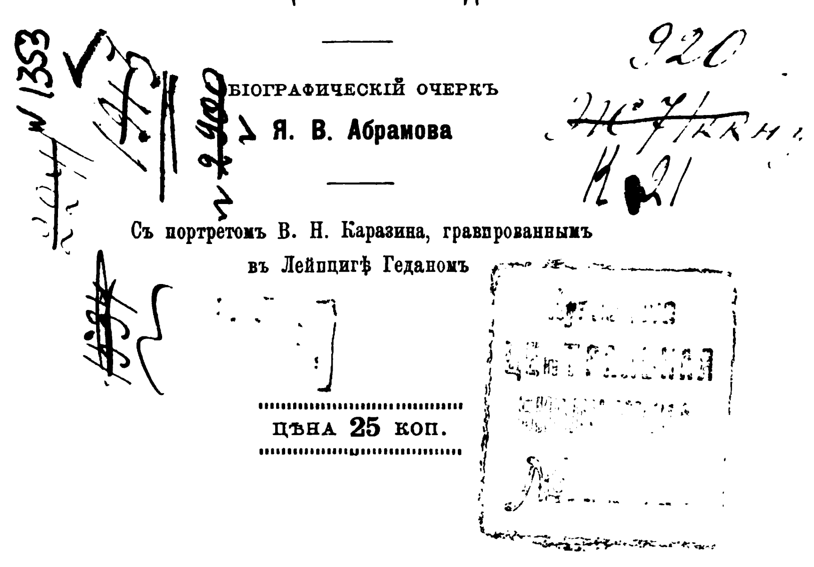
15 Іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпуститъ дешевое изданіе СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

В. Н. КАРАЗИНЪ

(ОСНОВАТЕЛЬ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА)

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Я. В. Абрамова

Съ портретомъ В. Н. Каразина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39.
1891

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ И. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разсказы. А. Лякидэ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ—1 р. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ переп. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Съ 53 рисунк. Ц. 2 р. Въ перепл.—2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл.—2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разсказы. А. Нольде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер 1 р. 50 к.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Азбелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ИСКРЫ БОЖЬИ. Біографическіе очерки А. Островинской. Цѣна 1 р. 25 к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ. Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ пап.—1 р. 50 к., въ переп.—1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флёри. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Кроника Доррита. 10) Два города. Цѣна каждаго романа—40 к. Въ папкѣ 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Ворисгофера. Съ 73 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер.—2 р. 50 к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап.—2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Ворисгофера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгофера. Съ иллюстрац Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р 50 к.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова 853 рис. Ц. 2 р., въ переп.—2 р. 75 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Люкаса. Съ франц. Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл.—2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисун. Ц. каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ переплетѣ—2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.—2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э. Кандеза. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ—2 р 25 к., въ переплетѣ—2 р. 50 к.

15 іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпуститъ дешевое изданіе сочиненій Лермонтова.

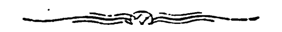
Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 2 марта 1891 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*

Пособіями при составленіи біографіи В. Н. Каразина служили:

1. *Г. П. Данилевскій*. Украинская старина. Харьковъ. 1866.
2. *„Русская Старина“*. 1870 г., кн. 3. 1871 г., кн. 6 и 7. 1872 г., кн. 9. 1873 г., кн. 2, 3 и 4. 1875 г., кн. 2 и 5. Разные документы и мелкія замѣтки, касающіяся жизни и дѣяній В. Н. Каразина.
3. *„Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей“*. 1866 г., № 3.
4. *„Современная Лѣтопись“*, 1865 г., № 16.
5. *„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“*. 1872 г., № 1 и 2; 1873, № 2. Воспоминанія Лавровскаго объ основаніи Харьковскаго университета.
6. *„Русская Старина“*, 1875 г., кн. 4, 9, 10 и 11. Воспоминанія объ основаніи Харьковскаго университета.
7. *Сухомлиновъ*. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи при Александрѣ I.
8. *Пыпинъ*. Общественное движеніе при Александрѣ I. 1871 г.
9. *В. И. Семевскій*. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв.

ВВЕДЕНІЕ.

Огромнѣйшему большинству нашего образованнаго общества Василій Назаровичъ Каразинъ неизвѣстенъ даже по имени. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ выразительныхъ примѣровъ несправедливости исторіи. Въ то время какъ отъ эпохи, въ которую жилъ В. Н. Каразинъ, въ памяти потомства остались имена множества ничтожныхъ людей, которые сдѣлались историческими дѣятелями исключительно въ силу какихъ-либо случайныхъ причинъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ ихъ личнымъ качествамъ, и, нашумѣвъ на исторической сценѣ, въ сущности прошли совершенно безслѣдно для жизни русскаго общества и русскаго народа,—личность, выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ своими блестящими качествами, человѣкъ, стоявшій по научнымъ познаніямъ и идеямъ на цѣлый вѣкъ впереди своего времени, дѣятель, оставившій глубокій слѣдъ въ русской жизни, образецъ необычайной нравственной высоты, смѣлости и прямоты, совершенно неизвѣстныхъ въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ онъ вращался, человѣкъ, смѣло говорившій царямъ правду, которая до сихъ поръ не можетъ увидѣть свѣта иначе, какъ съ пропусками и урѣзками,—такой человѣкъ остается совершенно забытымъ для общества. Въ любой европейской странѣ такому человѣку давно былъ бы поставленъ памятникъ, его имя стояло бы на надлежащемъ мѣстѣ въ исторіи, его личность, мнѣнія и дѣятельность послужили бы предметомъ многочисленныхъ историческихъ работъ, его біографія, наконецъ, сдѣлалась бы настольною книгою каждаго гражданина. У насъ же даже имя этого человѣка неизвѣстно. Въ самомъ дѣлѣ,

многіе-ли изъ читателей настоящей книги могутъ сказать, что они не то что имѣютъ какое-либо понятіе о В. Н. Каразинѣ, но хотя бы слышали его имя? Увы! такихъ найдется не много...

Но что говорить о массѣ общества, когда наши присяжные историки до сихъ поръ оставляютъ личность В. Н. Каразина въ совершенномъ пренебреженіи. Не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что мы доселѣ не имѣемъ мало-мальски связнаго біографическаго очерка, хотя бы чисто внѣшняго, посвященнаго этой замѣчательной личности. Чьихъ біографій мы только не имѣемъ? В. Н. Каразинъ, оказывается, до сихъ поръ не заслужилъ чести имѣть хоть кое-какую біографію ни какъ ученый, ни какъ общественный дѣятель, хотя въ обоихъ отношеніяхъ онъ представлялъ собою выдающееся явленіе. Этого мало. Игнорированіе историками В. Н. Каразина идетъ еще далѣе. Въ извѣстномъ капитальномъ трудѣ А. Н. Пыпина, «Общественное движеніе при Александрѣ I», совсѣмъ не упоминается даже имени В. Н. Каразина, хотя онъ, какъ увидитъ читатель изъ настоящей книги, игралъ весьма крупную роль въ періодъ развитія просвѣтительныхъ и освободительныхъ стремленій Александра I. Такая несправедливость историковъ по отношенію къ В. Н. Каразину станетъ еще болѣе обидною, когда мы примемъ во вниманіе, что въ единственномъ историческомъ изслѣдованіи, въ которомъ удѣлено большее или меньшее вниманіе В. Н. Каразину, (*В. И. Семевскій.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1888 г.), онъ представленъ въ довольно неблаговидномъ свѣтѣ. Его попытка облегчить участь своихъ крестьянъ выставлена чуть не своекорыстнымъ дѣломъ, а исторія, изъ-за которой онъ попалъ въ 1820 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость, изложена въ томъ смыслѣ, что В. Н. Каразинъ предлагалъ себя чуть не въ добровольные шпіоны правительству. Читатель убѣдится изъ нашего очерка, насколько несправедливо такое отношеніе историка къ этой замѣчательной личности.

Составить полную, обстоятельную біографію В. Н. Каразина, при тѣхъ матеріалахъ, которые имѣются въ печати въ настоящее время, невозможно. О личной жизни Каразина мы, можно сказать, не имѣемъ никакихъ данныхъ. Даже относительно его общественной дѣятельности данныя слишкомъ часто отрывочны и неполны. Тѣмъ не менѣе, сводъ и тѣхъ данныхъ, которыя уже опубликованы, рисуетъ предъ нами глубоко симпатичную и выдающуюся во всѣхъ отношеніяхъ личность и даетъ возможность нѣсколько

пополнить пробѣлъ, существующій въ историческихъ работахъ, посвященныхъ эпохѣ, въ которую жилъ В. Н. Каразинъ.

Приступая къ составленію настоящаго очерка, мы не задавались цѣлью создать такъ называемый «солидный трудъ». Подобная работа выходила бы за предѣлы нашей задачи и не соотвѣтствовала бы рамкамъ, поставленнымъ для цѣлаго изданія, въ которое нашъ этюдъ входитъ, какъ часть. Мы имѣли въ виду лишь дать популярный, біографическій очеркъ человѣка, столь несправедливо забытаго нашимъ обществомъ и нашею историческою наукою, и тѣмъ привлечь ихъ вниманіе къ этой оригинальной личности и видному дѣятелю нашей прошлой жизни.

При нашей работѣ мы пользовались исключительно печатными источниками. Есть много указаній на матеріалы для біографіи В. Н. Каразина, хранящіеся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ. Въ «Украинской Старинѣ» Г. П. Данилевскаго говорится о многотомныхъ «Запискахъ» В. Н. Каразина, которыя предполагалось издать еще въ 60-хъ годахъ, но которыя доселѣ не появились на свѣтъ. Тотъ спеціалистъ-историкъ, который рано или поздно возьмется за составленіе полной біографіи В. Н. Каразина, безъ сомнѣнія, соберетъ всѣ эти рукописные матеріалы и, пользуясь ими, дастъ намъ жизнеописаніе этого замѣчательнаго человѣка, вполнѣ достойное его выдающихся качествъ и своеобразной роли, сыгранной имъ въ русской жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе В. Н. Каразина.—Его воспитаніе и первые годы жизни до попытки бѣжать за-границу при Павлѣ I.—Попытка бѣгства, арестъ, письмо императору Павлу и освобожденіе.—Служебныя занятія.

О дѣтствѣ Василія Назаровича Каразина не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Объ юношескихъ годахъ его имѣются только отрывочныя извѣстія.

По происхожденію Каразинъ былъ грекъ или сербъ. Самъ онъ, повидимому, считалъ себя сербомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ говоритъ въ запискѣ, представленной въ 1804 г. князю Чарторижскому по поводу сербскаго возстанія, — запискѣ, о которой мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Но едва-ли не вѣрнѣе считать его предковъ греками. Это была дворянская фамилія Караджи. Семейство Караджи переселилось въ Россію при Петрѣ I. Родоначальникъ этого семейства, Григорій Караджи, былъ архіепископомъ г. Софіи, нынѣшней столицы Болгаріи. Онъ былъ прадѣдомъ Василія Назаровича Каразина. Дѣдъ послѣдняго, Александръ Григорьевичъ, умеръ капитаномъ русской гвардіи. Сынъ его, Назаръ Александровичъ Каразинъ, также служилъ въ военной службѣ, былъ въ 1767 г., предъ началомъ турецкой войны, представленъ Екатеринѣ II, какъ опытный инженерный офицеръ, и получилъ порученіе отправиться секретно въ Турцію для снятія плановъ крѣпостей. Исполняя это порученіе, онъ былъ пойманъ въ Адріанополѣ и едва избѣжалъ участи быть посаженнымъ на колъ, успѣвъ убѣжать изъ заключенія. Въ Россію онъ вернулся не только со свѣдѣніями, которыя ему было поручено добыть, но еще съ 3,000 арнаутовъ, оставившихъ Турцію. Сдѣланный на-

чальникомъ этихъ арнаутовъ, Назаръ Каразинъ пошелъ съ ними во главѣ русской арміи, выступившей противъ турокъ; въ 1768 г. напалъ на Бухарестъ, выгналъ отсюда турецкое войско и плѣнилъ валахскаго господаря, Григорія Гику, съ братомъ, сыномъ и придворными; въ 1770 г. подвергся нападенію 7,000 турокъ близъ Бухареста, причемъ почти всѣ его арнауты пали и онъ спасся всего съ нѣсколькими человѣками. Въ то время онъ уже былъ полковникомъ. Въ этомъ чинѣ онъ и вышелъ въ отставку, получивъ въ награду отъ Екатерины населенныя имѣнія въ Харьковской и Московской губерніяхъ. Женатъ онъ былъ на дочери сотника Харьковскаго полка, Ковалевскаго.

Эти черезчуръ даже краткія свѣдѣнія о происхожденіи и предкахъ В. Н. Каразина даютъ однако право заключить, что тѣ стремленія и идеи, которыя обнаруживалъ впослѣдствіи этотъ замѣчательный человѣкъ, были даны ему всего менѣе его семьею. Единственное, что могла внушить ему семья, это стремленіе къ военной службѣ, обнаружившееся въ Каразинѣ, какъ увидимъ сейчасъ, еще тогда, когда онъ былъ ребенкомъ, но ослабѣвшее и вытѣсненное совсѣмъ другими стремленіями, лишь только онъ сталъ жить сознательною жизнью.

Родился Василій Назаровичъ Каразинъ 30 января 1773 года въ имѣніи отца, селѣ Кручикъ, Краснокутскаго коммиссаріатства, теперь Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Первоначальное воспитаніе онъ получилъ сперва въ Кременчугскомъ, а затѣмъ въ Харьковскомъ частныхъ пансіонахъ. Во время пребыванія въ послѣднемъ, будучи 11-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, Каразинъ, во время проѣзда черезъ Харьковъ графа Румянцова-Задунайскаго, явился къ нему и заявилъ ему о своемъ желаніи поступить въ военную службу. Отецъ его въ это время только-что умеръ, и Румянцевъ, знававшій Назара Каразина, отнесся внимательно къ его малолѣтнему сыну, причемъ, по обычаю того вѣка, записалъ ребенка въ кирасирскій орденскій полкъ, шефомъ котораго былъ самъ.

Въ чемъ состояло ученье Каразина въ пансіонахъ, намъ неизвѣстно. Содержатели пансіоновъ были, повидимому, люди весьма почтенные и вліяли на своего питомца благотворно. Каразинъ впослѣдствіи вспоминалъ о нихъ въ теплыхъ выраженіяхъ.

Каразину не было еще 18 лѣтъ, когда онъ поступилъ на дѣйствительную службу сержантомъ въ лейбъ-гвардейскій Семе-

новскій полкъ. Служба тогдашнихъ гвардейцевъ оставляла имъ много свободнаго времени; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было предоставлено вообще много свободы. Каразинъ воспользовался этими обстоятельствами для того, чтобы получить серьезное высшее образованіе и ознакомиться съ Россіей. Вскорѣ онъ и совсѣмъ вышелъ въ отставку, чтобы имѣть больше возможности заниматься наукою. Къ тому же военная служба мало гармонировала съ его характеромъ и стремленіями. Онъ регулярно посѣщалъ лучшее изъ тогдашнихъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній — горный корпусъ, и здѣсь, подъ руководствомъ профессоровъ и самостоятельно, пріобрѣлъ столь обширныя познанія по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ естествознанія, что они служили впослѣдствіи предметомъ изумленія, а порою и зависти для спеціалистовъ. Химія, физика, ботаника, метеорологія — въ этихъ областяхъ естествознанія онъ чувствовалъ себя какъ дома, на сколько это было возможно при тогдашнемъ развитіи естественно-научныхъ знаній. Медицинскія познанія составляли также предметъ его пристрастія. Математическая подкладка лежала въ основѣ его образованія. Онъ прекрасно зналъ также языки латинскій, нѣмецкій и французскій. Рано начавъ интересоваться общественными вопросами, Каразинъ ознакомился со всѣмъ важнѣйшимъ, что тогда имѣлось во всемірной литературѣ по этимъ вопросамъ. Но главнымъ предметомъ его занятій въ первый періодъ жизни, какъ и позднѣе, въ періодъ долгаго пребыванія въ деревнѣ, было естествознаніе. Ниже мы увидимъ, какое важное значеніе придавалъ онъ естественнымъ наукамъ. Теперь же сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній о тогдашнихъ занятіяхъ Каразина. Вѣроятно, именно въ это время, ему пришлось ознакомиться со священнымъ писаніемъ, знаніемъ котораго онъ впослѣдствіи иногда щеголялъ. Чтобы пополнить свое образованіе, Каразинъ рѣшился ознакомиться съ состояніемъ своего отечества и для этого совершилъ путешествіе по Россіи, объѣздивъ многія губерніи.

Мы упомянули, что Каразинъ рано началъ интересоваться общественными вопросами. Впослѣдствіи мы увидимъ, каковы были его взгляды на важнѣйшія явленія общественной жизни. Здѣсь же замѣтимъ, что даже значительно позднѣе, когда горькій опытъ долженъ былъ бы многому научить и умудрить Каразина, онъ оставался крайнимъ идеалистомъ. Собственно говоря, онъ оставался идеалистомъ, равно какъ и пылкимъ энтузіастомъ, до самой

своей смерти. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе должны были производить на молодого идеалиста и энтузіаста порядки, наступившіе при восшествіи на престолъ императора Павла. Тотъ паническій ужасъ, который охватилъ тогда все общество, особенно сильно подѣйствовалъ на впечатлительнаго Каразина. Подъ вліяніемъ этого ужаса онъ вышелъ въ отставку и рѣшился уѣхать заграницу. По указу Павла, паспорта для заграничныхъ поѣздокъ выдавались только по Высочайшему повелѣнію. Каразинъ обратился съ просьбою къ императору о дозволеніи ему ѣхать заграницу, причемъ указалъ, какъ на цѣль своей поѣздки, на желаніе учиться. Желаніе это конечно всего менѣе было понятно Павлу и не заслуживало ни малѣйшаго уваженія въ его глазахъ, а скорѣе должно было сдѣлать Каразина подозрительнымъ въ глазахъ государя, воспретившаго ввозъ изъ-за границы всѣхъ книгъ и рѣшившагося отдѣлить Россію отъ Европы своего рода китайской стѣной. Само собою разумѣется, что на свою просьбу Каразинъ получилъ отказъ, и тогда онъ задумалъ просто бѣжать заграницу. Это оказалось однако не такъ-то легко привести въ исполненіе, потому что Павелъ, воспретивъ своимъ подданнымъ выѣздъ за границу, оцѣпилъ ее войсками, и нашъ бѣглецъ былъ схваченъ на границѣ разъѣздомъ драгунъ и доставленъ арестованнымъ въ Ковно. Каразинъ хорошо понималъ, какая участь его ожидаетъ. Къ этому времени царствованіе Павла уже ознаменовалось цѣлымъ рядомъ дѣяній, не оставлявшихъ для Каразина никакого сомнѣнія въ томъ, что ему не избѣжать позорной «кобылы». И вотъ, находясь въ такомъ положеніи, бѣглецъ пишетъ изъ-подъ ареста Павлу письмо, которое представляетъ собою любопытнѣйшій образчикъ обращенія безсильнаго узника къ всемогущему повелителю. Указавъ на то, что онъ — преступникъ «не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ», а только противъ «повелѣній» императора Павла и что лично онъ «не имѣлъ никакой нужды спасаться бѣгствомъ», которое будетъ «загадкою» для его слѣдователей, Каразинъ объяснилъ причину своего бѣгства въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„*Я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости.* Многіе примѣры, разнесенные молвою на пространствѣ царства твоего, молвою вѣроятно удесятеренные, грозили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить тебя; но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ“...

Павлу конечно не часто приходилось получать подобныя письма; вѣрнѣе, ему въ первый и едва-ли не послѣдній разъ пришлось услышать такое категорическое обвиненіе въ жестокости, которая заставляла и людей невинныхъ страшиться за свою участь. Онъ былъ пораженъ, и подвергая за гораздо меньшія вины людей смертной казни или ссылкѣ, на этотъ разъ не только не подвергъ никакому наказанію дерзкаго подданнаго, но еще захотѣлъ показать ему свою милость. Онъ потребовалъ Каразина къ себѣ, и когда того привезли, сказалъ ему: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься! Скажи, при комъ ты хочешь находиться?» Хотя Каразинъ и не изъявлялъ желанія служить при комъ-либо, но, очевидно, въ это время было не до противорѣчій, и онъ указалъ на одного изъ тогдашнихъ сановниковъ, окружавшихъ Павла,—Трощинскаго. Къ послѣднему онъ и былъ опредѣленъ на службу. Въ формулярѣ его по этому поводу значится: «Произведенъ при опредѣленіи, по Высочайшему повелѣнію, къ статскимъ дѣламъ, въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора, коллежскимъ переводчикомъ».

Попавъ при такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ на службу, Каразинъ имѣлъ возможность избрать для себя занятія по своему выбору. Онъ выразилъ желаніе и получилъ разрѣшеніе работать въ архивахъ — иностранныхъ дѣлъ и разряднаго — въ Петербургѣ и Москвѣ для собиранія матеріаловъ по исторіи Россіи вообще и въ особенности исторіи финансовъ и медицины. Повидимому матеріалы эти, переданные Каразинымъ государственному казначею, не получили никакого употребленія, но за собираніе ихъ Каразинъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Восшествіе на престолъ Александра I.—Первое письмо Каразина къ молодому Императору.—Приближеніе Каразина къ Александру I.—Министерство народнаго просвѣщенія.—Политическія воззрѣнія Каразина.—Благоволеніе къ нему Александра I.—Секретныя порученія.

Въ 1801 году совершились извѣстныя событія, прекратившія царствованіе императора Павла и возведшія на престолъ Александра I.

Конецъ царствованія Павла былъ крайне мраченъ; жизнь общества была совершенно сдавлена; безопасность каждаго сдѣлалась до того необезпеченною, что перемѣна царствованія, не взирая на средство, которымъ она была произведена, вызвала общую радость. Едва-ли оставался человѣкъ, не исключая даже лицъ, наиболѣе приближенныхъ къ покойному императору, который не былъ бы обрадованъ прекращеніемъ невыносимаго положенія вещей, царившаго особенно въ послѣдній періодъ царствованія Павла. Въ эту печальную эпоху никто, ложась спать, не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ встанетъ съ постели по своей волѣ, а не по волѣ грубаго насилія, и что ему не придется на другой день отправляться въ Сибирь или идти на эшафотъ. Дѣло доходило до того, что гвардейскіе офицеры всегда носили съ собою запасъ денегъ, чтобы не быть застигнутыми въ расплохъ, когда имъ неожиданно прикажутъ садиться въ телѣгу и отправляться въ Сибирскія тундры. Короткое царствованіе Павла положительно переполнено арестами, разжалованіями, ссылками, казнями на площадяхъ, и все это почти всегда обрушивалось на людей, совершенно ни въ чемъ неповинныхъ, оговоренныхъ, вызвавшихъ гнѣвъ монарха какимъ-нибудь мелочнымъ несоблюденіемъ субординаціи и страннаго, введеннаго Павломъ, этикета, или просто

показавшихся чѣмъ либо подозрительными. Это былъ тяжелый, мучительный кошмаръ, тяготѣвшій надъ всѣми и каждымъ, и не дававшій буквально никому вздохнуть свободно. Дѣло дошло до того, что даже наслѣдникъ престола, будущій императоръ, оказался подозрительнымъ и долженъ былъ дрожать за свою участь. Что же удивительнаго послѣ этого, если прекращеніе такого ужаснаго положенія вещей вызвало общія горячія ликованія? Общество почувствовало себя освобожденнымъ отъ тяжкихъ узъ и беззавѣтно отдалось радости, вызванной чувствомъ избавленія отъ грозной опасности и тысячи мелочныхъ и нелѣпыхъ стѣсненій (вродѣ запрещенія извѣстнаго рода экипажей, круглыхъ шляпъ, сапогъ съ отворотами, прически à la Titus, запрещенія употребленія нѣкоторыхъ словъ *) и т. п.), несоблюденіе которыхъ могло однако сгубить всю жизнь человѣка. Общая радость была такъ велика, что увлекла даже людей вродѣ Державина, который неожиданно для всѣхъ разразился стихами, выразившими весьма рельефно тогдашнее настроеніе общества.

Общее ликованіе было вызвано не только прекращеніемъ ужаснаго режима, но и восшествіемъ на престолъ личности съ такими качествами, какими отличался молодой Александръ I. Конечно современники событій, о которыхъ мы говоримъ, въ силу контраста, представлявшагося личностями Павла и Александра, могли быть склонны преувеличивать прекрасныя качества послѣдняго, рисовавшагося имъ въ роли освободителя отъ мучительнаго кошмара и уже въ силу этого казавшагося для нихъ истиннымъ ангеломъ; но и мы, далекіе потомки этихъ современниковъ, спокойно оцѣнивая событія и людей того времени, должны признать, что въ исторіи Европы было немного монарховъ, которые всходя на престолъ, были бы проникнуты такими благородными стремленіями и чувствами, какъ Александръ I. Воспитанникъ суроваго республиканца Лагарпа, Александръ, при вступленіи своемъ на престолъ, жаждалъ насадить въ своемъ государствѣ сво-

*) 1797 г. было запрещено употребленіе словъ: обозрѣніе (вмѣсто него повелѣно употреблять «осмотрѣніе»), врачъ (вмѣсто него «лекарь»), выполненіе (исполненіе), пособіе (помощь), преслѣдованіе (посланной (?) въ погоню), сержантъ (унтеръ-офицеръ), граждане (жители или обыватели), отечество (государство) приверженность (привязанность или усердіе), стража (караулъ), степень (классъ), отрядъ (деташементъ или команда); слово «общество» совсѣмъ изгонялось изъ русскаго языка—безъ замѣны какимъ либо другимъ.

боду и сдѣлать счастливыми всѣхъ своихъ подданныхъ. Къ тому-же онъ слишкомъ близко видѣлъ на примѣрѣ своего отца, къ чему ведетъ противоположная система. Помимо убѣжденій, внушенныхъ воспитателемъ и подкрѣпленныхъ примѣромъ дѣйствительности, на тотъ-же путь работы для блага своего государства и народа, или вѣрнѣе всего человѣчества, Александра толкали и его личныя, въ высокой степени благородныя качества. Какъ личность, Александръ производилъ самое обаятельное впечатлѣніе, и всѣ, кто имѣлъ возможность вступать съ нимъ, въ годы его молодости, въ личныя отношенія, былъ глубоко очарованъ имъ. Въ исторіи имѣется мало примѣровъ того необычайнаго великодушія, которое проявлялъ Александръ I по отношенію къ своимъ политическимъ врагамъ и измѣнчивымъ друзьямъ (Наполеонъ, Францъ, Фридрихъ Вильгельмъ), и того постояннаго мужества, съ которымъ онъ велъ борьбу съ Наполеономъ, не взирая на всевозможныя неудачи, до тѣхъ поръ пока не побѣдилъ этого колоссальнаго разбойника. Извѣстно глубокое огорченіе Александра, когда онъ встрѣтилъ на первыхъ же порахъ препятствія осуществленію своего желанія освободить себя отъ бремени неограниченной власти. Извѣстны также его симпатіи къ крѣпостнымъ крестьянамъ и его желаніе освободить ихъ. Не наше дѣло останавливаться на выискиваніи причинъ, въ силу которыхъ это необычайное соединеніе передовыхъ убѣжденій и столь благородныхъ личныхъ качествъ въ лицѣ могущественнаго монарха, слово котораго являлось непреложнымъ закономъ, не привело къ осуществленію и незначительной доли тѣхъ ожиданій, которыя возлагали на Александра I его современники, когда онъ всходилъ на престолъ послѣ мрачнаго царствованія Павла. Мы хотѣли указать только, что самыя пылкія ожиданія современниковъ имѣли полное основаніе въ личныхъ качествахъ Александра и характерѣ его убѣжденій и стремленій.

Если восшествіе на престолъ Александра I взволновало даже такаго «стараго воробья», какимъ былъ Державинъ, то понятно, во сколько разъ болѣе сильное впечатлѣніе это событіе должно было произвести на такого пылкаго энтузіаста и идеалиста, какимъ былъ Каразинъ, имѣвшій въ это время всего 27 лѣтъ отъ роду. Впечатлѣніе это выразилось въ поступкѣ, который людямъ положительнымъ могъ показаться сумасброднымъ, но который не показался таковымъ прекрасному юношѣ, вызвавшему своею лич-

ностью это сумасбродство. Пользуясь суматохою, царившею во дворцѣ въ первое время по воцареніи Александра I, Каразинъ, во время одного изъ придворныхъ церемоніаловъ, пробрался въ кабинетъ императора и тамъ оставилъ на столѣ письмо на имя государя. Послѣдній прочиталъ письмо и пришелъ въ восторгъ какъ отъ тѣхъ идей, которыя высказывались въ письмѣ, такъ и отъ его пылкаго и задушевнаго тона. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ это письмо не могло быть напечатано безъ пропусковъ, хотя, казалось-бы, теперь оно имѣетъ значеніе исключительно историческое. Мы остановимся на содержаніи этого письма подробнѣе, такъ какъ оно съ одной стороны служило исходною точкою отношеній Каразина къ Александру I, а съ другой даетъ богатый матеріалъ для характеристики тогдашняго умонастроенія Каразина, его идей и стремленій.

„Государь!—писалъ Каразинъ: Ты царствуешь надъ сорока милліонами человѣкъ, искони пріобыкшихъ чтить власть, внѣ которой они не могутъ представить себѣ блаженства. Одного взора ихъ царей часто *довольно*, чтобы развить повсемѣстную радость и, конечно, *одного величія*,—*чтобъ устроить счастье*, какимъ только можетъ человѣкъ наслаждаться на землѣ“...

Указавъ затѣмъ на то, что Россія по своей величинѣ, но естественнымъ богатствамъ представляетъ собою единственное въ мірѣ государство и является также единственнымъ по условіямъ, благопріятствующимъ благодѣтельной дѣятельности монарха, отмѣтивъ наконецъ, что, по тогдашнему состоянію Европы, данное время наиболѣе удобно для возведенія Россіи на верхъ славы и блаженства (слова манифеста при восшествіи Александра I на престолъ), Каразинъ переходитъ къ перечню ожиданій, которыя онъ возлагаетъ на молодого государя *).

„Безъ сомнѣнія, нашъ Александръ, другъ людей, вѣдаетъ, что *довѣренность къ правительству*, утверждаемая извѣстностью *непремѣнныхъ* его началъ, *одна* рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою; что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей и источникъ благоденствія.

„Съ довѣренностью къ правительству на одной степени поставитъ онъ *вѣру къ правосудію*. Безъ нихъ обѣихъ почтенныя слова: *гражданинъ*, *отечество*—суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ!

„Онъ презритъ новыхъ лжеполитиковъ, утверждающихъ, якобы частныя неправды не обращаются обществу во вредъ; якобы для государства „все равно, какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ

*) Начало этихъ пожеланій, въ размѣрѣ 54 строкъ „Русской Старины“, гдѣ напечано настоящее письмо Каразина, доселѣ не увидѣло свѣта.

руки". Предоставивъ весь судъ *избраннымъ изъ народа*, онъ удалитъ ихъ отъ соблазновъ, не законами, безгласными *по необходимости*, но доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, соразмѣрнаго ихъ безкорыстію и соревнованію объ общей пользѣ. На сей конецъ подчинитъ онъ судей *общественному мнѣнію*. Оно всегда было болѣе безпристрастно, болѣе неумолимо, нежели высшія инстанціи, нерѣдко движимыя *одинаковыми же* началами на вящее посрамленіе законовъ!..

„Онъ положитъ единожды навсегда твердое основаніе государственному достоянію; изочтетъ богатства своихъ обширныхъ владѣній; опредѣлитъ возможности и повинности подданныхъ *по неподвижному размѣру, измѣненіямъ отъ прилива и отлива изобразительныхъ знаковъ богатства неподверженномъ*"...

„Не поводы къ новымъ налогамъ велитъ онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія *мнимыхъ* доходовъ; но съ благоволеніемъ приметъ тѣ мѣры, кои клониться будутъ къ уменьшенію издержекъ. И симъ *вѣрнѣйшимъ* путемъ, сопровождаемый благословеніями гражданъ, трудящихся въ потѣ лица, достигнетъ онъ до постояннаго *избытка государственнаго,* которымъ ни одна держава похвалиться еще не могла.

„Онъ ограничитъ особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ имперіи и не возвышаютъ на самомъ дѣлѣ блеска вѣнца его, уменьшитъ дворъ свой; изженетъ изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе имперіи имъ принадлежитъ и что они преимущественное имѣютъ право на милости государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы.

„Онъ ограничитъ суетную *любоздательность*—сіе желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство представляетъ еще безкровныя хижины. Не художества призоветъ онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ; но въ премудрости своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ: онѣ несокрушаемы временемъ и не одно удивленіе празднаго любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

„Самыя художества не будетъ онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ своихъ, съ условіемъ, чтобъ они платили ему лестью; но дѣйствительно ободритъ ихъ, *умноживъ общее благосостояніе и разрѣшивъ узы ума и таланта.*

„Вообще онъ будетъ дорожить произведеніемъ кроваваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую; и моральное изящество будетъ его первѣйшимъ предметомъ".

„Какъ наисовершеннѣйшіе законы останутся безполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ невѣждъ, то безъ сомнѣнія обратитъ онъ всю свою внимательность на *воспитаніе* подданныхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго.. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа, и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія предоставятся не тѣмъ изъ проповѣдниковъ слова Божія, которые съ поэтическимъ восторгомъ станутъ величать государя въ городскихъ храмахъ, но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ, которые, учредивъ училища, нелѣ-

ностно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человѣка и гражданина".

„Еще подѣйствуетъ онъ на нравственность состояній, называемыхъ *послѣдними*. Онъ обезпечитъ права человѣчества въ *помѣщичьихъ крестьянахъ*: введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости. Онъ заселитъ мало-по-малу пространныя степи Россіи, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скоропостижно за цѣлыя тысячи верстъ, въ страны, по своей одной безвѣстности уже страшныя для нихъ и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ; но изъ сосѣдственныхъ, населеннѣйшихъ мѣстъ вызывая и ободряя наградами и льготою.

„Безводные, но впрочемъ тучные кряжи благословенныхъ климатовъ будетъ онъ умѣть содѣлать обитаемыми и превратитъ въ цвѣтущіе сады, проводя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ, обращая въ пользу пространныя озера или одѣвая исподоволь отлогости горъ лѣсомъ. Неужели однѣ только пресыщенныя столицы имѣютъ право на подобныя симъ издержки правительства?"

„Онъ назначитъ торжественныя награды для поселянъ, кои отличаются или рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, или введеніемъ новыхъ предметовъ земледѣлія или промышленности".

„Рукодѣлія возбуждать онъ станетъ не самовластнымъ *внезапнымъ* запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній; но привилегіями, данными мануфактурамъ и фабрикамъ, и въ особенности снятіемъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя".

„Для внутренней и внѣшней торговли, для совершенія великаго подвига законодательства, онъ конечно потщится сохранить миръ съ державами... Не имѣетъ-ли онъ надежнѣйшихъ способовъ содержать всѣ дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находитъ-ли по нынѣшнему положенію своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины или выгоды входить въ раздоры ихъ? Населеніе Россіи, *въ цвѣтѣ еще находящейся*, таково-ли, чтобы жертвовать людьми безъ *крайнѣйшей* необходимости?.. Если Всевышній мерзитъ человѣкоубійствомъ и другими гнусными слѣдствіями войны, если ему угодно, чтобы когда-либо существовала истинно-христіанская держава, то сей предметъ удобнѣе всего въ Россіи и въ царствованіе Александрово".

„Въ счастливое сіе время вооруженная сила не останется безполезною... По примѣру римлянъ, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однакожъ производить воинами общественныя работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ новѣйшія времена предпринимали такіе же опыты, и въ числѣ ихъ самого основателя сей столицы, обезпечившаго продовольствіе ея Ладожскимъ каналомъ, станетъ онъ употреблять по очереди часть мощныхъ нашихъ ратниковъ, съ младенчества привыкшихъ къ повиновенію и трудамъ, на государственныя работы... Откроются повсюду водяныя и сухопутныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота превратятся въ плодоносныя долины... Между тѣмъ и границы имперіи не останутся безъ защищенія, и русская сила будетъ всегда въ виду и въ понятіи у непріятелей".

Перечень своихъ ожиданій отъ Александра I, Каразинъ заканчиваетъ слѣдующими словами:

„Народы всегда будутъ то, что угодно правительствамъ, чтобъ они были. Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ: онъ имѣлъ ихъ. Петръ желалъ видѣть насъ подражателями иностранцевъ: къ несчастью, мы съ излишествомъ такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *россіянъ*. Александръ довершитъ великое сіе дѣло. Наслаждаясь нѣкогда плодами своей юности, онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ; и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!.“.

Идеи, высказанныя въ письмѣ Каразина, были крайне симпатичны молодому государю, который въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ и въ особенности въ придворныхъ кругахъ находилъ черезчуръ мало людей, раздѣлявшихъ его освободительныя стремленія, и еще менѣе такихъ, которые относились бы къ этимъ стремленіямъ съ горячностью молодости, какою онъ былъ проникнутъ. Правда, вокругъ Александра стояли такъ называемые «inseparables»,—четыре друга его юности, во многомъ сходившіеся съ нимъ и даже во многомъ вдохновлявшіе его: Чарторижскій, Строгановъ, Новосильцевъ и Кочубей. Но это были люди, всего менѣе похожіе на пылкихъ энтузіастовъ. А между тѣмъ Александру, неожиданно вознесенному на самый могущественный престолъ міра, тогда какъ еще недавно онъ долженъ былъ трепетать за свою свободу, а пожалуй и жизнь и считавшему своимъ священнымъ долгомъ употребить всѣ свои силы на осуществленіе высокихъ идей, которыя онъ долженъ былъ доселѣ глубоко таить въ своей душѣ, лишь изрѣдка бурно и неожиданно высказывая ихъ личностямъ, казавшимся ему подходящими для того и тѣмъ не мало изумляя ихъ,—Александру нуженъ былъ человѣкъ, пылко преданный идеямъ, столь близкимъ сердцу и уму молодого государя, энтузіастъ, который своею восторженностью поддерживалъ бы его собственныя стремленія, идеалистъ, который жилъ бы исключительно ради своихъ идей, не заботясь о мірскихъ благахъ, домогательство которыхъ служило въ большей или меньшей степени основою дѣйствій почти всѣхъ окружающихъ Александра. И такого человѣка Александръ увидѣлъ въ авторѣ письма, быть можетъ не столько по его содержанію, сколько по восторженному тону, нашедшему близкій отзвукъ въ душѣ Александра. Въ сущности монархъ этотъ всю жизнь свою былъ мечтателемъ, и если онъ могъ понимать

*

и принимать близко къ сердцу и попытки Роберта Оуэна создать общество на новыхъ началахъ, и дикія фантазіи Аракчеева на счетъ земледѣльца-воина, поведшія къ созданію печальной памяти военныхъ поселеній,—то только потому, что онъ былъ мечтатель. И въ авторѣ письма онъ почувствовалъ такого-же мечтателя, какимъ былъ самъ. И онъ не ошибся.

Письмо было безъ подписи. Александръ рѣшился отыскать автора его. Случайно онъ поручилъ это дѣло тому самому Трощинскому, подъ начальствомъ котораго числился Каразинъ. Тому стоило взглянуть на почеркъ письма, чтобы узнать автора его, и онъ на другой же день привезъ во дворецъ Каразина. Встрѣча Александра съ Каразинымъ была трогательная. Александръ еще былъ всецѣло проникнутъ впечатлѣніемъ, полученнымъ отъ письма, а Каразинъ приближался къ своему государю съ чувствами, которыя не трудно представить. Александръ спросилъ Каразина:

— Ты написалъ эту бумагу?

— Я, государь! отвѣчалъ Каразинъ.

— Дай обнять тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду! Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ!

И Александръ обнялъ Каразина. Растроганный Каразинъ упалъ къ ногамъ Александра и клялся говорить ему одну правду и говорить ее всегда. И онъ свято выполнилъ эту клятву, хотя впослѣдствіи правду его и не было желанія выслушивать.

Встрѣча съ Александромъ произвела глубокое впечатлѣніе на Каразина. Съ этой минуты его симпатіи къ молодому государю превратились въ самую горячую привязанность, которая сохранилась у него до самой смерти, не смотря ни на что, несмотря на Шлиссельбургскую крѣпость, въ которую Каразинъ въ концѣ концовъ попалъ за высказываніе правды «другу его души», какъ называлъ онъ Александра I въ своихъ письмахъ къ нему. Каразинъ свято хранилъ память о «другѣ своей души» и тогда, когда «другъ» сошелъ въ могилу, и до конца дней своихъ отзывался о немъ самымъ восторженнымъ образомъ.

На Александра встрѣча съ Каразинымъ и послѣдующая бесѣда при этой встрѣчѣ также произвели сильное впечатлѣніе, и послѣ этой встрѣчи между двумя мечтателями завязываются самыя

задушевныя отношенія, продолжавшіяся къ сожалѣнію слишкомъ недолго. Александръ, приглашая Каразина являться къ нему всегда, когда тотъ пожелаетъ, и писать непосредственно ему, минуя всякія инстанціи, оказывалъ ему глубокую довѣренность во многихъ щекотливыхъ случаяхъ.

Послѣ первыхъ минутъ свиданія Александръ указалъ Каразину на стулъ у своего письменнаго стола и сказалъ:

— Садитесь, мнѣ нужно побесѣдовать съ вами: вы коснулись въ вашей бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать, съ чего начать работу.

— Конечно, съ образованія народнаго, отвѣчалъ Каразинъ.

Въ послѣдовавшей за этимъ началомъ продолжительной бесѣдѣ Каразинъ выяснилъ Александру необходимость особаго учрежденія для завѣдыванія народнымъ образованіемъ и полный планъ цѣлой системы просвѣтительныхъ учрежденій. Здѣсь-то впервые была высказана идея учрежденія министерства народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Въ наше время эта идея кажется такою естественною, болѣе того—настолько обязательною, что невозможно даже представить цивилизованное государство безъ министерства народнаго просвѣщенія. Совсѣмъ иначе стояло дѣло 90 лѣтъ тому назадъ, въ 1801 году, когда имѣла мѣсто первая встрѣча Александра съ Каразинымъ. До сихъ поръ отлично обходились безъ особаго вѣдомства для народнаго образованія. Да это было и понятно, потому что ему нечего было бы и вѣдать. Учрежденіе особаго вѣдомства народнаго просвѣщенія имѣло смыслъ только въ случаѣ принятія ряда мѣръ по народному образованію, созданія ряда просвѣтительныхъ учрежденій. А тогдашнее общество весьма мало было озабочено этимъ предметомъ. Равнодушіе къ данному вопросу царило не только въ консервативномъ большинствѣ общества, но и среди болѣе передовыхъ элементовъ, не исключая и вышеупомянутыхъ «inseparables», составлявшихъ интимный кружокъ Александра I. Занятые вопросомъ о переустройствѣ высшаго управленія Россіи въ смыслѣ приближенія его къ болѣе свободнымъ политическимъ формамъ, друзья Александра мало думали о вопросахъ народнаго просвѣщенія. И вотъ среди такого-то общества является человѣкъ, который говоритъ Александру, что реформаціонную работу, которую задумалъ этотъ государь, нужно начинать съ народнаго образованія. Это было новостью для Александра, и Каразинъ не могъ

не заинтересовать его уже одною этою идеею, которая казалась неожиданною и оригинальною.

Взгляды Каразина на значеніе народнаго образованія для того времени были дѣйствительно новы и оригинальны, да и для нашего времени ихъ не только нельзя признать устарѣвшими, а, наоборотъ, многое въ нихъ до сихъ поръ остается въ качествѣ pia desideria. Важность, которую Караз нъ придавалъ дѣятельности государства на пользу народнаго просвѣщенія, выразилась уже въ отвѣтѣ Александру на вопросъ, съ чего начать. Позднѣе, въ 1810 г., въ письмѣ къ доктору Реману, просившему Каразина изложить свое мнѣніе о положеніи народнаго образованія въ Россіи, онъ выражалъ свой взглядъ на значеніе народнаго образованія въ слѣдующихъ восторженныхъ и нѣсколько напыщенныхъ, какъ и все, что писалъ Каразинъ, словахъ:

„Народное просвѣщеніе!.. Какое прекрасное выраженіе! Еслибъ чрезъ полсотни лѣтъ я сдѣлался наконецъ способнымъ быть министромъ, то больше всего желалъ бы быть министромъ народнаго просвѣщенія. Какой важный постъ въ такомъ государствѣ, какъ Россія! *Если что-либо можетъ обезпечить незыблемость безмѣрнаго ея пространства, то это только просвѣщеніе ея народовъ. Если что-либо можетъ сдѣлать ее истинно-независимою отъ всякаго внѣшняго давленія,—какъ бы громадно оно ни было.—то это опять-таки только просвѣщеніе*".

Далѣе Каразинъ выясняетъ свой взглядъ на предѣлы вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія:

„Произнося слово „народное просвѣщеніе", я воображаю себѣ отрасль государственнаго, отеческаго управленія, обнимающую все, что только можетъ осноситься къ образованію добрыхъ гражданъ, *къ какому бы сословію они ни принадлежали, какого бы пола* *) *и возраста ни были*. Произнося слово „министръ народнаго просвѣщенія", я представляю себѣ просвѣщеннаго начальника, вполнѣ распоряжающагося этою отраслью управленія, дающаго отчетъ о ней только верховной власти. Министерство народнаго просвѣщенія должно быть независимо отъ другихъ вѣдомствъ, которыя отнюдь не должны вмѣшиваться въ сферу его дѣятельности. Оно должно вѣдать образованіе во всей его совокупности, какъ общее, такъ и спеціальное".

Изложеніе Каразинымъ своихъ взглядовъ на народное образованіе при первомъ свиданіи съ Александромъ I привело къ тому,

*) Вопросъ о женскомъ образованіи занималъ Каразина всегда, и онъ почти наканунѣ смерти напечаталъ въ «Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» (1841 г. № 3) замѣтку «о воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ».

что императоръ, отпуская Каразина, выразилъ желаніе, чтобы онъ подробно изложилъ свои воззрѣнія на данный предметъ и свой трудъ представилъ Государю. Каразинъ исполнилъ это порученіе и составилъ записку о созданіи въ Россіи особаго управленія народнаго образованія и его дѣятельности.

Съ этого времени начинается обширная дѣятельность Каразина на благо народнаго просвѣщенія.

Въ началѣ 1802 года былъ образованъ особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Комитетъ этотъ былъ составленъ изъ Муравьева, графа Потоцкаго и академика Фуса, а правителемъ дѣлъ его былъ назначенъ Каразинъ. Работая въ этомъ комитетѣ, Каразинъ составилъ уставы Московскаго университета, Академіи Наукъ и Академіи Художествъ. Здѣсь же онъ возбудилъ давно занимавшій его вопросъ объ учрежденіи Харьковскаго университета, созданнаго, какъ увидимъ ниже, исключительно благодаря его личнымъ трудамъ.

Когда въ томъ же году было рѣшено учредить министерства, императоръ поручилъ Каразину передѣлать вышеупомянутую представленную имъ записку объ особомъ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія соотвѣтственно общему строю вновь учреждаемой организаціи высшаго государственнаго управленія. Каразинъ составилъ проектъ организаціи и дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія и «Правила народнаго образованія». Проектированное министерство было открыто, хотя ему и не было придано такого серьезнаго значенія, какое оно должно было имѣть по мысли Каразина, и «Правила» утверждены. По этимъ «Правиламъ» было создано «Главное правленіе училищъ», которое состояло, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго, изъ Свистунова, Муравьева, Черторижскаго, Потоцкаго, Новосильцева, Румовскаго, Озерецковскаго и Фуса и, соотвѣтствуя теперешнему департаменту народнаго просвѣщенія, служило средоточіемъ всѣхъ дѣлъ по министерству народнаго просвѣщенія. Правителемъ дѣлъ этого «Главнаго правленія училищъ» былъ назначенъ Каразинъ. На этомъ мѣстѣ Каразинъ дѣятельно работалъ надъ упорядоченіемъ дѣлъ новаго министерства и расширеніемъ его дѣятельности. Между прочимъ имъ былъ составленъ проектъ преобразованія виленскаго университета, проектъ устава харьковскаго университета, проектъ устройства «приходскихъ училищъ», которыя были бы приспособлены къ потребностямъ «поселянъ», и мног. друг.

Относясь съ благоволеніемъ къ Каразину, Александръ I давалъ ему порученія не только по вопросамъ народнаго образованія. Это и понятно, такъ какъ идеи, которыя развивалъ Каразинъ предъ Государемъ, касались не только одной области народнаго образованія, да и по характеру своему самъ Каразинъ никогда не могъ ограничиться какимъ либо однимъ спеціальнымъ дѣломъ, а широко расбрасывался соотвѣтственно ширинѣ своего умственнаго кругозора. Въ истинныхъ спеціалистахъ всегда есть значительная доля узости міросозерцанія, безъ которой и спеціалистомъ нельзя быть. А Каразинъ всего менѣе страдалъ такою узостью. Ниже мы увидимъ, какъ онъ вмѣшивался во все, гдѣ видѣлъ неправильное теченіе дѣлъ или злоупотребленія, и какъ эта разносторонность вооружила противъ него всѣхъ приближенныхъ Александра I и сгубила его блестящую карьеру въ качествѣ государственнаго дѣятеля. А здѣсь мы пока остановимся на воззрѣніяхъ Каразина по разнымъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ, которые онъ разновременно излагалъ въ письмахъ и запискахъ, представлявшихся имъ Александру I и Николаю I. Воззрѣнія эти безпорядочно и отрывочно были отмѣчены уже въ первомъ письмѣ къ Александру, такъ очаровавшемъ молодого Государя и приблизившемъ къ нему Каразина; по впослѣдствіи они были изложены съ несравненно большею полнотою и опредѣленностью, хотя высказывались большею частью при обстоятельствахъ, которыхъ большинство не сочло бы особенно благопріятными для откровеннаго изложенія своихъ политическихъ воззрѣній.

Каразинъ въ вопросѣ о политическомъ устройствѣ государства былъ сторонникомъ монархическаго принципа. Въ запискѣ, представленной Каразинымъ въ 1810 г. слободско-украинскому губернатору И. И. Бахтину, запрашивавшему его относительно своеобразнаго устройства его крѣпостныхъ крестьянъ (о чемъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ), онъ говоритъ между прочимъ:

..."Какъ въ человѣкѣ разумъ и совѣсть могутъ быть затемняемы страстями, то и надлежитъ законы, диктуемые первыми, облечь въ форму *ненарушимаго завѣта,* подъ сѣнью котораго единоначаліе и становится идеаломъ общественнаго управленія... Для узнанія же общественныхъ нуждъ, такъ какъ никакой смертный не можетъ въ одно и то же время самъ проникать всюду, достаточно въ помощь единовластію общественное мнѣніе, т. е. свобода всякому выражать свои воззрѣнія на вещи,—не въ парламентахъ и на площадяхъ, представляющихъ обширное поле страстямъ, а *въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати*".

Итакъ, монархія, но монархія ограниченная, однако, не народнымъ представительствомъ, а съ одной стороны — коренными законами, съ другой-же—правомъ каждаго подданнаго свободно выражать «свои воззрѣнія на вещи» въ представленіяхъ верховной власти и въ печати.

Народное представительство Каразину было непонятно, и онъ высказывался противъ него самымъ положительнымъ образомъ.

„Я вседушевно не одобряю нынѣшнихъ конституцій. Къ чему эти громкія собранія, уничтожающія власть, подобно какъ и ораторство съ престола, заимствованное у англичанъ? Такъ называемая репрезентація народа есть вообще *мнимая*. Дѣло не въ томъ, чтобы у насъ въ Россіи заводить сраженія краснорѣчія мнимыхъ репрезентантовъ съ хитросплетеніями министровъ, постыдныя сраженія прихотей государя и его наемниковъ съ прихотями адвокатовъ, подкрѣпляемыхъ чернью, чтобъ выводить на позоръ цѣлаго свѣта покушенія и неудачи власти; чтобы открыть народному буйству, сосланному у насъ въ питейные дома, великолѣпный театръ, украшенный всѣми эмблемами могущества имперіи. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!“..

Въ такихъ выраженіяхъ Каразинъ отзывался о представительномъ образѣ правленія въ запискѣ, представленной Александру I какъ разъ послѣ того, когда тотъ устроилъ конституціонное правленіе въ Царствѣ Польскомъ.

Въ частности, по отношенію къ Россіи, онъ считалъ абсолютизмъ невозможнымъ. Обращаясь къ Императору Николаю I въ 1826 году съ просьбою объ освобожденіи отъ обязательнаго жительства въ своемъ имѣніи и полицейскихъ стѣсненій, которымъ онъ былъ подвергнутъ съ 1820 г., Каразинъ, не смотря на неудобство случая и на собственное сознаніе, что разговоръ о столь щекотливыхъ предметахъ едва-ли можетъ привесть къ облегченію его участи,—не могъ удержаться отъ того, чтобы не указать на невозможность возвращенія къ «формамъ правленія, которыя могли быть приличны прошедшимъ лишь вѣкамъ»:

„Ничто не можетъ, нѣтъ никакого средства, не достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо, или дать ему противное движеніе. Словами Екатерины II, коими начала она первую главу своего наказа, словами: „Россія есть европейская держава“—все рѣшено!.. Не должно было сближать насъ съ Европою, начиная отъ XVI вѣка еще, если самодержецъ пребыть хочетъ выше общественнаго мнѣнія и законовъ, если онъ караетъ за самыя вѣрноподданническія о томъ, подъ печатью тайны, представленія. Развратъ и довременное лицемѣріе высшихъ и низшихъ есть все, что можетъ быть выиграно при самомъ щедромъ изліяніи милостей, при самыхъ мудрѣйшихъ, благонамѣреннѣйшихъ предписаніяхъ. Преумножая и распространяя до Кам-

чатки и Американскихъ береговъ пороки рабовъ просвѣщенныхъ, пороки Рима и Франціи, мы не можемъ уже имѣть добродѣтелей, свойственныхъ рабамъ прежнихъ вѣковъ. Новое воспитаніе? О, государь!.. Медлительно дѣйствуютъ училища. И изъ чего составятъ ихъ курсы, и библіотеки? Почти всѣхъ древнихъ авторовъ должно будетъ удалить, лишиться изъ новыхъ не только Монтескье и Бентама, но и самаго Юстія, уже въ 1770 году у насъ въ Россіи напечатаннаго на природномъ языкѣ, какъ и первые. Оставить совсѣмъ преподаваніе о другихъ образахъ правленія, дабы избѣжать естественнѣйшихъ вопросовъ: почему же у насъ иначе и пр.? Гдѣ, кромѣ Карамзина, найдемъ и историковъ, которые бы одобряли самовластіе? Изъ поэтовъ надо будетъ перепечатать съ большими пропусками, не только знаменитѣйшихъ, каковъ напримѣръ Шиллеръ, иностранныхъ, но и своихъ, какъ-то: Державина, Княжнина. Всѣ человѣческія познанія составляютъ теперь непрерывную цѣпь, въ которой лишеніе одного звена будетъ нетерпимо"...

Исходя изъ такихъ положеній, Каразинъ въ 1801 году писалъ Александру I и черезъ 19 лѣтъ, въ 1820 году, снова новторялъ: «время укрѣпить разслабѣвающій составъ нашего государства! время замѣнить религіозное къ престолу почтеніе другимъ, *основаннымъ на законахъ*!» «Правители народовъ—писалъ онъ въ 1820 г. Александру I—должны добровольными, ими данными постановленіями предварять постановленія насильственныя», и приводилъ въ подтвержденіе разговоръ Бальи съ однимъ изъ министровъ Людовика XVI, въ которомъ министръ выражалъ удивленіе, почему національное собраніе недовольно тѣми уступками, которыя сдѣлалъ Людовикъ требованіямъ собранія, тогда какъ 10 лѣтъ ранѣе эти уступки были бы встрѣчены съ энтузіазмомъ. Бальи отвѣчалъ, что собраніе *само* теперь хочетъ сдѣлать то, что оно съ благодарностью приняло бы раньше отъ короля.

Къ сожалѣнію, мы въ настоящее время лишены возможности выяснить себѣ, что разумѣлъ Каразинъ подъ тѣми «законами», которыми, по его мнѣнію, должна была ограничить себя монархическая власть. Дѣло въ томъ, что документы, относящіеся сюда, доселѣ не напечатаны, исключая записки, представленной въ 1820 году Александру I, которая однако напечатана съ громадными, поглотившими все существенное, пропусками. Мы можемъ отмѣтить только нѣкоторыя черты этихъ «законовъ», имѣя въ виду какъ приведенные выше отрывки изъ записокъ Каразина, такъ и нѣкоторыя другія мѣста опубликованныхъ документовъ.

Несомнѣнно, что Каразинъ не желалъ перенесенія въ Россію тѣхъ формъ ограниченія монархіи, которыя выработались западноевропейскою жизнью. Это ясно видно уже изъ тѣхъ отзывовъ о

западно-европейскихъ конституціяхъ и парламентахъ, которые приведены выше. Но кромѣ того, онъ вообще былъ противъ пересадки на русскую почву западно-европейскихъ учрежденій, находя ихъ непригодными для русской жизни. Въ письмѣ къ д-ру Реману, изъ котораго уже былъ приведенъ выше отрывокъ, Каразинъ смѣется надъ «нашими законодателями», желавшими «копировать все съ иностранцевъ»: «мы часто походимъ въ нашихъ учрежденіяхъ и постановленіяхъ на извѣстнаго князя Гагарина, Петровскихъ временъ, который вздумалъ построить въ Москвѣ, на горѣ, домъ на манеръ венеціанскій... Вы найдете въ немъ и крытую галерею, какъ будто надъ каналомъ, и ступеньки для схода къ гондоламъ, и боковой парапетъ для защиты этихъ ступенекъ отъ высокой воды, и наконецъ даже кольца для привязыванія гондолъ—словомъ все на своемъ мѣстѣ, кромѣ самаго дома».

Въ пояснительной запискѣ къ «Предначертанію о Харьковскомъ университетѣ», составленной въ 1802 г., Каразинъ выясняетъ положительнѣе причину своего отрицательнаго отношенія къ заимствованію общественныхъ формъ и учрежденій:

„Главный, можетъ быть, недостатокъ этого проекта—писалъ онъ—состоитъ въ томъ, что я полагалъ насъ живущими въ такое время, когда *надобно скорѣе творить, чѣмъ подражать*, и находящимися въ такомъ положеніи, которое позволяетъ намъ быть свободными отъ всякихъ предразсудковъ. Мнѣ казалось, что въ Россіи все должно быть *ново* и *своеобразно*, какъ она сама и что все *должно быть соображаемо скорѣе съ собственными ея нуждами, чѣмъ съ обычаями народовъ, по всему ей чуждыхъ, и съ тѣми старыми, отжившими уже, ихъ порядками*, которыхъ сами они продолжаютъ придерживаться только по причинѣ неподвижности у нихъ общественнаго мнѣнія. *Гораздо легче по всѣмъ частямъ политическаго устройства вновь созидать, чѣмъ исправлять старое*, и если какая-либо страна находится въ такомъ счастливомъ состояніи, что можетъ безнаказанно слушаться здраваго разсудка, руководимаго только отчетами прошедшаго, то это Россія".

Отвергая заимствованіе съ Запада, Каразинъ повидимому предлагалъ воспользоваться указаніями, заимствованными изъ прошлаго русской государственной жизни. Намеки на это находятся въ тѣхъ отрывкахъ тетрадей 5 и 7-й записки, поданной въ 1820 г., которые опубликованы. Такъ въ тетради 5-й говорится:

„Государи наши, бывъ представителями Бога вселенной съ могуществомъ, которое по началамъ религіи отъ него заимствуютъ, не могутъ, яко человѣки, соединять въ себѣ самихъ его премудрости. Вотъ почему для достойнаго и благотворительнѣйшаго народамъ представ-

ленія въ своемъ лицѣ высочайшаго существа, для управленія народами на землѣ, подобнаго его управленія мірами, цари наши *всегда были внушаемы государственною душою*".

Къ сожалѣнію, дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей, при напечатаніи въ 1-мъ № «Русской Старины» за 1871 г., исключено «по обстоятельствамъ отъ редакціи не зависящимъ». Такіе-же пропуски пестрятъ и тетрадь 7-ю, изъ которой мы приведемъ слѣдующій отрывокъ:

„Странно, что благословенный, средній путь, указываемый намъ религіею и *обычаями любезнаго отечества издавна*, путь, по которому одному вѣкъ можно идти безопасно, остается до сихъ поръ пустымъ!.. Что государи, которые должны быть безпристрастны, почти какъ Богъ, которые, какъ Онъ, должны жить лишь въ жизни милліоновъ существъ разумныхъ, имъ подвластныхъ, управляются честолюбіемъ, желаніемъ поставить на своемъ, какъ обыкновенные люди. Неужели они сію жестокость и непреклонность (свойственную только Наполеонамъ) почитаютъ благородною твердостью, каковую должно имѣть въ добрыхъ намѣреніяхъ? Неужели они предпочитаютъ лучше сто разъ подвергаться ошибкамъ и даже опасностямъ, нежели *призвать въ помощь разумъ своего государства.* Богъ рѣдко просвѣщаетъ насъ сверхъестественно. Онъ разсѣялъ по лицу земного шара свои орудія. Должно употреблять ихъ".

Исходя изъ того-же положенія о необходимости и обязательности для монархіи руководствоваться «общественнымъ мнѣніемъ», прислушиватъся къ «совѣту разума государства», Каразинъ усиленно защищалъ право каждаго подданнаго обращаться къ власти съ представленіями; въ запискѣ 1820 г., неоднократно цитированной нами, онъ сильно вооружается противъ «льстецовъ», выставляющихъ государямъ право подданныхъ дѣлать представленія, какъ «оскорбленіе величества, порывъ мѣшаться не въ свое дѣло, тщеславное желаніе учить правительство».

„Возможно-ли? восклицалъ Каразинъ. Я оскорбляю, открывая мои мысли (справедливыя или ложныя—все равно) тому единому, которому принадлежитъ знать ихъ, и отъ котораго зависитъ дать имъ цѣну!.." „Я-де мѣшаюсь не въ свое дѣло. А давно-ли дѣло отечества, въ которомъ я живу, въ которомъ будутъ жить мои дѣти и внуки, котораго монархъ почитается отцомъ обширнѣйшаго семейства, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ? Изъ какой азіатской системы взята мысль эта? „Учить правительство"—выраженіе, изобрѣтенное нарочно для уязвленія самолюбія лицъ, правительство составляющихъ. Но авторы, публично издающіе книги о лучшемъ устройствѣ законодательства, финансовъ и проч., развѣ не болѣе еще должны казаться виновными? А правительство нерѣдко ихъ награждаетъ. Боже мой! и Ты позволяешь жаловаться на бѣдствія, которыя ты посылаешь, и просить у тебя лучшаго; а правительства состоятъ изъ человѣковъ. Мы

всѣ учимъ и учимся до самой смерти. Несчастливъ тотъ, кто вообразитъ, что ничего уже не остается ему узнать. Правительство есть сосредоточіе, въ которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ. Горе, если мы станемъ разсуждать на площадяхъ подобно другимъ народамъ!.. Да и много-ли насъ теперь въ Россіи, желающихъ, имѣющихъ и дерзающихъ говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: ему не наскучатъ".

Выше уже приводились слова Каразина о необходимости предоставленія «свободы всякому выражать свои воззрѣнія на вещи въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати». Въ такой свободѣ Каразинъ видѣлъ «помощь единовластію», необходимость которой обусловливается тѣмъ, что «никакой смертный (а стало быть, и монархъ) не можетъ въ одно и то же время самъ проникать всюду». Естественно, что Каразинъ возставалъ противъ стѣсненій помянутой свободы, равно какъ и противъ всякихъ стѣсненій свободы совѣсти, во имя чего бы они ни принимались.

Въ запискѣ 1820 года, т. е. въ самый разгаръ увлеченія Александра реакціонными стремленіями и мистицизмомъ, Каразинъ писалъ:

„Боятся дать поводъ разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа. Полиція съ жезломъ въ рукахъ, цензуры духовная и гражданская, съ затворами для словъ и мыслей, поставлены на стражѣ, чтобъ не прокралась въ народъ какая-либо черта сей благодѣтельной системы (т. е. свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ Россіи), успокоивающей всѣ возможныя волненія умовъ. Едва вѣроятно, что у насъ по сей части происходитъ! Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣвать самыя вздорныя, самыя вредныя начала; между тѣмъ какъ правительство, противорѣчіемъ самому себѣ, по временамъ показываетъ, какъ-будто не имѣетъ никакихъ. Вчера оно провозглашало вольность, издавало на своемъ иждивеніи Бентама и пр., и пр.; сегодня является деспотомъ, не признающимъ ниже правъ собственности, уважаемыхъ и въ Азіи. Прежде славилось терпимостью вѣръ, отдавая однако должное преимущество отечественной; оставляя расколы въ неуваженіи, нечувствительно возвращало ихъ въ нѣдра церкви; соединяя благочестіе съ просвѣщеніемъ, умѣло дѣлать вѣроисповѣданіе наше привлекательнымъ для цѣлой Европы и плѣнять имъ самыхъ деистовъ; потомъ вдругъ явилось суевѣромъ вѣковъ прошедшихъ даже до того, что въ манифестахъ стало проповѣдывать о святости давно забытыхъ вѣнчиковъ и о необходимости свѣчъ; на свѣчномъ доходѣ основало (какъ будто для игры словъ!) просвѣщеніе духовенства; наконецъ, забывъ все это, дѣлается гернгутеромъ, въ очахъ простато народа нарушаетъ святыню праздниковъ и алтарныхъ мѣстъ, гонитъ іезуитовъ за обращеніе жида, а менонитамъ позволяетъ обращеніе своихъ подданныхъ, издавая проповѣди ихъ на россійскомъ языкѣ мимо духовенства; рукою власти возводитъ католическихъ еретиковъ на каѳедры; гонитъ и смѣшиваетъ всѣ религіи, всѣ начала; учреждаетъ училища, но подчиняетъ ихъ невѣждамъ или фанатикамъ за-

прещаетъ говорить и печатать все то, что не соотвѣтствуетъ сему духу мистицизма и вавилонскаго смѣшенія"!..

Изъ взглядовъ Каразина относительно внутренняго строя общества отмѣтимъ воззрѣнія его, касающіяся дворянства и духовенства. Дворянство онъ считалъ необходимою принадлежностью каждаго общества. «Дворянство—писалъ онъ—видимъ мы отъ вѣка во всѣхъ странахъ. Начинавшійся Римъ имѣлъ своихъ патриціевъ, и отагейцы имѣютъ эрисовъ. Иначе быть нельзя, ибо въ народѣ всегда должны отличаться лучшіе люди; невозможно всѣмъ быть равнымъ». Считая такимъ образомъ дворянство необходимымъ общественнымъ учрежденіемъ, Каразинъ однако отнюдь не стоялъ за его кастовый характеръ; напротивъ, онъ считалъ необходимымъ условіемъ существованія дворянства, «чтобъ допущеніе въ благородное сословіе было наградою за благородные подвиги, а удаленіе отъ благородныхъ чувствованій неминуемо влекло за собою изъ него изверженіе».

Вообще, существованіе замкнутыхъ сословій было совершенно противно убѣжденіямъ Каразина, и это еще яснѣе выразилось въ его отзывахъ о духовенствѣ. Въ письмѣ къ д-ру Реману, посвященному вопросамъ образованія, Каразинъ выражалъ желаніе, чтобы дѣти духовенства, которымъ въ то время былъ доступъ только въ одни духовно-учебныя заведенія, получили право поступать въ училища всѣхъ родовъ, чтобы «государство освободилось отъ стремленія дѣлить людей на служебныя касты» и чтобы «всякій имѣлъ возможность избирать себѣ то поприще, къ какому онъ склоненъ по природѣ, различной всегда въ разныхъ индивидуумахъ рода человѣческаго».

Въ запискѣ 1820 г. Каразинъ еще рѣзче высказалъ свой взглядъ на данный предметъ:

„пора уже отстать отъ индѣйскихъ кастъ и дать всякому свободу избирать то служеніе, въ которое Богъ его призываетъ. Я никакой не вижу невозможности въ томъ, чтобъ недостаточные молодые люди изъ дворянъ и купцовъ поступали по желанію во священники, какъ это и бывало прежде въ Малороссіи; равно, чтобъ священническія дѣти рьянаго нрава и крѣпкаго сложенія поступали въ военную службу безъ всякаго особливаго ходатайства".

Какъ извѣстно, наше духовенство до реформъ Александра II оставалось въ положеніи касты, въ которую доступъ посторроннимъ элементамъ былъ закрытъ, и выходъ изъ которой былъ возможенъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, желанія Каразина относительно духовенства осуществилось только черезъ полвѣка.

Капитальнѣйшимъ вопросомъ внутренней жизни Россіи въ эпоху Каразина былъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Однако, въ виду важности этого вопроса и интереса, представляемаго взглядами и дѣятельностью Каразина въ этомъ отношеніи, мы посвятимъ имъ ниже особую главу.

Какъ ни неполны наши свѣдѣнія о политическихъ воззрѣніяхъ Каразина, нельзя не видѣть, что онъ далеко не во всемъ сходился съ Александромъ I. Послѣдній, напр., еще въ 1821 году, на конгрессѣ въ Лайбахѣ, заявлялъ: «Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить». Въ началѣ же своего царствованія, Александръ I былъ просто влюбленъ въ конституціонный образъ правленія, усиленно желалъ ввести его въ Россіи и былъ несказанно огорченъ, когда при первомъ же обсужденіи этого вопроса въ частномъ комитетѣ, составленномъ Александромъ I изъ своихъ друзей, выяснилось, что въ Россіи не было элементовъ, на которые могла бы опереться конституціонная форма правленія. Такими же конституціоналистами были и ближайшіе совѣтники Александра I, вышеупомянутые «неразлучные». Однако, какъ видно будетъ изъ нижеприводимаго эпизода столкновенія сената съ Александромъ I, Каразинъ былъ едва-ли не единственнымъ сторонникомъ ограниченія монархической власти, на столько искреннимъ, чтобы постоять за этотъ принципъ на дѣлѣ, не заботясь о послѣдствіяхъ лично для себя. Другіе довольствовались лишь выраженіемъ своихъ либеральныхъ убѣжденій, благо это не только не могло повредить, но было даже весьма пріятно императору; когда же дѣло доходило до практическаго отстаиванія принципа, они скромно отмалчивались. Эта-то послѣдовательность Каразина, его прямота и искренность, повидимому, всего болѣе и привлекли къ нему Александра I, не смотря на рѣзкое несогласіе ихъ въ воззрѣніяхъ по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ. Александръ I инстинктивно долженъ былъ чувствовать, что въ воззрѣніяхъ Каразина значительная доля правды и что во всякомъ случаѣ мнѣнія его имѣютъ высокую цѣну, какъ человѣка глубоко-правдиваго. Въ своихъ письмахъ Каразину, въ которыхъ выразилось самымъ несомнѣннымъ образомъ дружеское расположеніе Александра I къ Каразину и которыя Державинъ въ своихъ «Запискахъ» называетъ «дружескими рескриптами», императоръ не разъ выражалъ, какъ высоко онъ цѣнитъ правдивость Каразина. Между прочимъ, въ письмѣ отъ 12 декабря 1801 года, писанномъ въ день своего рожденія, Александръ писалъ: «про-

должайте всегда говорить такъ откровенно, еслибъ даже вы и замѣтили, что это мнѣ не нравится; вѣрьте, что рано или поздно я буду умѣть оцѣнить подвигъ, влекущій васъ».

Благоволеніе Александра I къ Каразину было настолько очевидно, выражалось въ столь рѣзкихъ формахъ, что не могло не броситься всѣмъ въ глаза и не послужить предметомъ зависти. Помимо чиновъ и орденовъ, которымъ Каразинъ не придавалъ особой цѣны, благоволеніе Александра I выражалось въ болѣе цѣнной для Каразина формѣ—перепискѣ съ нимъ, свободномъ допущеніи его къ своей Особѣ, порученіи ему разныхъ щекотливыхъ дѣлъ и наконецъ въ публичныхъ выраженіяхъ ему своихъ дружескихъ чувствъ. Одинъ изъ случаевъ послѣдняго рода имѣлъ мѣсто въ чопорной Москвѣ и поразилъ тамошнее спѣсивое барство. Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Салтыковъ, давалъ балъ для императора. На балѣ, на которомъ присутствовали только сливки тогдашняго барства, былъ замѣченъ неизвѣстный человѣкъ, котораго никто не приглашалъ. Хозяинъ бала послалъ къ нему одного изъ чиновниковъ спросить, кто онъ и зачѣмъ здѣсь; но въ это время вошелъ императоръ, который, увидѣвъ Каразина—такъ какъ неизвѣстный гость былъ онъ—подозвалъ его и рекомендовалъ хозяину, извиняясь, что онъ не предварилъ его объ этомъ гостѣ. Чопорная Москва была удивлена такимъ вниманіемъ императора къ неизвѣстному человѣку, который по справкамъ оказался просто незначительнымъ помѣщикомъ.

Благоволеніе императора къ Каразину выразилось также въ томъ вниманіи, которое Александръ I проявлялъ къ рекомендаціямъ со стороны Каразина лицъ для занятія разныхъ должностей и награжденія ихъ. Такъ извѣстно, что по указанію Каразина академикъ Фусъ былъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ, И. И. Бахтинъ—харьковскимъ губернаторомъ, многія другія лица получили награды и т. д.

Изъ числа щекотливыхъ порученій, которыя давалъ Александръ I Каразину, какъ человѣку глубоко-честному, болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія имѣются о порученіи по дѣлу калужскаго губернатора Лопухина. Свѣдѣнія эти сообщаетъ Державинъ въ своихъ «Запискахъ».

Лопухинъ былъ отчаянный взяточникъ и вымогатель. Между прочимъ онъ выпросилъ взаймы у фабриканта Гончарова 30,000 р., а затѣмъ возбудилъ противъ него преслѣдованіе за происходившую

будто бы въ его домѣ запрещенную карточную игру, причемъ обѣщалъ прекратить слѣдствіе, если Гончаровъ возвратитъ вексель на занятыя деньги, а въ противномъ случаѣ грозилъ сослать его въ Сибирь. Гончаровъ вынужденъ былъ возвратить вексель. Въ другой разъ Лопухинъ взялъ 75,000 р. за прекращеніе дѣла объ убійствѣ помѣщикомъ Хитровымъ своего родного брата. О злоупотребленіяхъ Лопухина императоромъ было получено безъимянное донесеніе. Онъ поручилъ Каразину съѣздить частнымъ образомъ на мѣсто и провѣрить донесеніе. Каразинъ отправился въ Калужскую губернію, раскрылъ массу злоупотребленій Лопухина, собралъ доказательства и представилъ ихъ императору. Тогда и было назначено формальное слѣдствіе, порученное Державину, какъ сенатору. Послѣдній отправился въ Калугу съ Каразинымъ и при его помощи и по его указаніямъ установилъ 34 важныхъ преступленія Лопухина, не считая неважныхъ. У Лопухина были могущественные покровители, но, благодаря особенному вниманію Александра I къ этому дѣлу,—вниманію вызванному, очевидно, участіемъ въ немъ Каразина, Лопухинъ былъ осужденъ и понесъ заслуженную кару.

Самъ Каразинъ считалъ своимъ долгомъ доводить до свѣдѣнія государя о злоупотребленіяхъ, о которыхъ ему приходилось узнавать, особенно если эти злоупотребленія касались крестьянъ. Приводимъ здѣсь одинъ подробный случай, служащій яркимъ свидѣтельствомъ отзывчивости Каразина къ страданіямъ угнетенныхъ. Въ 1803 г., проѣзжая чрезъ Москву, онъ услышалъ отъ знакомыхъ о бунтѣ крестьянъ подмосковнаго с. Павловскаго, недавно купленныхъ казною отъ графа Ягужинскаго для устройства въ названномъ селѣ казенной суконной фабрики. Бунтъ былъ вызванъ именно устройствомъ фабрики и обращеніемъ крестьянъ въ фабричныхъ работниковъ противъ ихъ желанія. Были посланы и войска для усмиренія этого «бунта», состоявшаго въ нежеланіи крестьянъ работать на фабрикѣ. Каразинъ счелъ своею обязанностью отправиться на мѣсто происшествія, изслѣдовать обстоятельства дѣла и затѣмъ въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ заступиться за крестьянъ и порекомендовать поручить разслѣдованіе дѣла «самому безпристрастному человѣку, который бы въ Москвѣ особливо извѣстенъ былъ кротостью къ крестьянамъ, значеніемъ и общею довѣренностью». Вслѣдствіе этого письма на дѣло было обращено особое вниманіе, разслѣдованіе его было поручено главнокомандующему въ Москвѣ, и крестьяне были успокоены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основаніе Харьковскаго университета. — Пожертвованія дворянъ и горожанъ Харьковской губерніи. — Препятствія со стороны тогдашнихъ министровъ. — Употребленіе Каразинымъ собственныхъ средствъ на университетъ. — Отставка Каразина.

Замѣчательнѣйшимъ дѣломъ, исполненнымъ Каразинымъ, является основаніе Харьковскаго университета. Какъ ни велика его заслуга въ дѣлѣ созданія министерства народнаго просвѣщенія, но здѣсь трудъ его облегчался общимъ ходомъ тогдашнихъ преобразованій и въ особенности поддержкою самаго государя. Въ дѣлѣ-же основанія Харьковскаго университета Каразину пришлось весь трудъ, всю тяжесть дѣла вынести одному, не только не встрѣчая содѣйствія со стороны центральной власти, но еще неожиданно получая съ этой стороны задержки и препятствія. Дѣло въ томъ, что осуществленіе идеи объ основаніи въ Харьковѣ университета было начато въ періодъ благоволенія Александра I къ Каразину, а продолженіе и окончаніе этого дѣла имѣли мѣсто, когда Александръ уже охладѣлъ къ своему недавнему любимцу, чѣмъ и воспользовались люди, бывшіе тогда во власти, чтобы причинить непріятности Каразину. Исторія основанія Харьковскаго университета, являясь блестящимъ эпизодомъ въ біографіи Каразина, въ то-же время служитъ прекрасною картиною тогдашнихъ нравовъ, царившихъ въ правящихъ сферахъ Россіи.

Родившись въ Украйнѣ, Каразинъ, не смотря на свое греческое происхожденіе, смотрѣлъ на нее, какъ на свою родину, на благо которой онъ долженъ употребить всѣ свои силы и средства.

„Мнѣ больно было видѣть ее,—писалъ онъ въ 1804 г. кн. Чарторижскому,—богатую дарами природы и талантами ея обитателей, въ

поруганіи и презрѣніи; и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобъ уничтожить преграды, поставляемыя къ ея успѣхамъ".

Главную преграду онъ видѣлъ въ недостаткѣ образованія. И вотъ у него является идея устроить въ Харьковѣ разсадникъ просвѣщенія—университетъ, отнюдь не похожій на обычный типъ университета, но представляющій собою учрежденіе, которое давало бы истинное образованіе, соотвѣтствующее истиннымъ нуждамъ человѣка и жизни. Осуществленію этой идеи Каразинъ придавалъ огромное значеніе...

Въ мечтахъ своихъ онъ видѣлъ Харьковскій университетъ переполненный тысячами учащихся, которыя собираются сюда не только со всей южной Россіи, но и изъ христіанскихъ странъ Балканскаго полуострова. И онъ рѣшился употребить всѣ усилія на осуществленіе своей мечты.

Для основанія университета нужны были средства, и средства не малыя. Каразинъ рѣшилъ найдти ихъ въ той самой Украйнѣ, для просвѣщенія которой устраивался университетъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Харьковъ и здѣсь сталъ пропагандировать свою идею среди слободско-украинскаго дворянства. Надо замѣтить, что уже и тогда мѣстное общество относилось къ нему съ большимъ уваженіемъ, которое впослѣдствіи приняло весьма крупные размѣры и выражалось въ многоговорящихъ фактахъ. Въ маѣ 1801 года дворянство Слободской Украйны выбрало его своимъ депутатомъ для исходатайствованія у Верховной власти сохраненія нѣкоторыхъ весьма важныхъ льготъ, которыми дотолѣ пользовалась Малороссія. Пользуясь такимъ довѣріемъ къ себѣ мѣстнаго дворянства, Каразинъ усиленно распространялъ какъ среди дворянъ, такъ и среди горожанъ свою мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ. И дворяне, и горожане отнеслись съ сочувствіемъ къ мысли Каразина и изъявили согласіе поддержать дѣло матеріально. Тогда Каразинъ явился къ Александру I и, заявивъ ему о желаніи Украйны имѣть свой университетъ, просилъ разрѣшить основаніе его въ Харьковѣ, причемъ указалъ и на желаніе слободско-украинскаго общества поддержать данное дѣло матеріальными пожертвованіями. Само собою разумѣется, что Александръ I отнесся сочувственно къ мысли Каразина и разрѣшилъ ему работать въ данномъ направленіи. Каразинъ принялся за составленіе «Предначертанія о Харьковскомъ университетѣ», а въ то же время письмами и посылкою довѣренныхъ людей старался

*

поддерживать въ украинцахъ сочувствіе къ новому дѣлу и готовность принести для него матеріальныя жертвы. Наконецъ въ августѣ 1802 года Каразинъ снова явился въ Харьковѣ. Здѣсь онъ убѣдился, что дворяне и горожане по прежнему готовы содѣйствовать осуществленію его мысли. Въ частномъ собраніи нѣкотораго числа дворянъ, бывшемъ 20 августа, состоялась подписка на 100 тыс. рублей серебромъ. На другомъ частномъ собраніи дворянъ, состоявшемся 29 августа, рѣшено было пожертвовать милліонъ рублей отъ всего слободско-украинскаго дворянства; 31 августа состоялось общее дворянское собраніе, въ которомъ Каразинъ произнесъ горячую рѣчь о необходимости устройства университета и пожертвованій на это дѣло со стороны дворянъ.

Рѣчь эта была принята съ восторгомъ большинствомъ собранія. Однако нашлась и оппозиція; впослѣдствіи эта оппозиція, въ лицѣ нѣсколькихъ дворянъ, обращалась даже съ жалобою къ министру внутреннихъ дѣлъ на «неправильный» созывъ Каразинымъ дворянства для «принудительной» подписки на университетъ. Теперь, на собраніи они возстали противъ участія дворянства въ данномъ дѣлѣ, затѣянномъ какимъ-то «школьникомъ», какъ они называли Каразина въ виду его моложаваго вида. Однако оппозиція эта была дурно принята большинствомъ собранія, и члены оппозиціи удалились изъ собранія. Тѣмъ не менѣе, этотъ эпизодъ охладилъ энтузіазмъ, вызванный рѣчью Каразина, и вмѣсто милліона, на который разсчитывалъ Каразинъ, собраніе постановило пожертвовать только 400 тыс. руб. серебромъ. Кромѣ того было постановлено обратить въ пользу университета 66,910 р., которые слѣдовало получить слободско-украинскому дворянству отъ казны за поставку въ армію воловьихъ шкуръ и лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено пригласить къ участію въ пожертвованіи на университетъ городскія сословія Слободско-Украинской губерніи и дворянства другихъ южныхъ губерній.

Харьковское городское общество собралось на слѣдующій-же день послѣ собранія дворянъ и постановило взносить въ пользу университета втеченіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати, платимой съ купеческихъ капиталовъ, и половину откупной суммы, поступавшей въ пользу города.

Уѣздные города Слободско-Украинской губерніи также отозвались, жертвуя половину и двѣ трети откупной суммы и пред-

ставляя добровольныя пожертвованія въ пользу университета. Въ общей сложности изъ Слободской Украйны поступило пожертвованій на 618 тыс. рублей.

Въ январѣ 1803 года дворяне Новороссійской губерніи постановили пожертвовать на харьковскій университетъ 108 тыс. рублей. Вскорѣ затѣмъ херсонское дворянство изъявило готовность пожертвовать на тотъ же предметъ 40 тыс. рублей.

Эти пожертвованія произвели большое впечатлѣніе на тогдашнее русское общество и вызвали соревнованіе со стороны богатыхъ магнатовъ. Въ мартѣ 1803 года Демидовъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія гр. Завадовскому съ предложеніемъ пожертвовать необходимыя средства для основанія въ Ярославлѣ высшаго учебнаго заведенія (Демидовскій лицей); при этомъ онъ указалъ, что желаніе сдѣлать это пожертвованіе было вызвано въ немъ чтеніемъ только-что вышедшаго тогда плана общаго образованія въ Россіи («Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», составленныя Каразинымъ). За Демидовымъ и подъ вліяніемъ его примѣра на тотъ-же путь выступилъ Безбородко, на пожертвованіе котораго возникъ Нѣжинскій лицей. Далѣе слѣдуетъ пожертвованіе Румянцевымъ музея съ домомъ «на благое просвѣщеніе» (теперешній Румянцевскій музей въ Москвѣ), пожертвованія Голицына, Дашковой и другихъ.

Къ сожалѣнію, пожертвованія на Харьковскій университетъ, вызвавшія это движеніе, вскорѣ пріостановились и даже уже опредѣленныя поступали крайне туго, вслѣдствіе того, что открытіе университета стало встрѣчать неожиданныя препятствія и грозило затянуться на неопредѣленно-долгое время. Но прежде чѣмъ перейдти къ изложенію этихъ неожиданныхъ затрудненій, встрѣченныхъ Каразинымъ къ осуществленію любимой своей мысли, ознакомимся съ тою организаціею, которую желалъ придать Каразинъ харьковскому университету и которая была одобрена слободско-украинскимъ дворянствомъ въ постановленіи о пожертвованіи.

Какъ видно изъ «Предначертанія о харьковскомъ университетѣ» и объяснительной записки къ нему, университетъ, по идеи Каразина, отнюдь не долженъ былъ напоминать тотъ типъ университета, который выработанъ по преимуществу въ Германіи и затѣмъ пересаженъ къ намъ. Харьковскій университетъ долженъ былъ представлять собою соединеніе нѣсколькихъ высшихъ спеціальныхъ школъ. Объединеніе этихъ школъ въ одномъ учрежденіи, кото-

рое было названо Каразинымъ университетомъ «чтобъ не придумывать другого наименованія», было вызвано нѣсколькими побужденіями. Каразину

„казалось необходимымъ имѣть одинъ общій для всѣхъ сопредѣльныхъ губерній центръ ученія, гдѣ бы люди всякаго званія и всякаго состоянія могли находить средства для спеціальнаго своего образованія, чрезъ что достигалось бы и *взаимное соединеніе сословій, столько, къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ разрозненныхъ между собою*; къ тому же это послужило бы и къ *значительному сокращенію издержекъ*, потребныхъ на заведеніе каждаго отдѣльнаго училища: однѣ и тѣ же принадлежности послужатъ для нѣсколькихъ спеціальностей и одни и тѣ же преподаватели могутъ быть полезны для разнородныхъ училищъ, какъ скоро они въ одномъ мѣстѣ; а наконецъ, соединеніе въ одномъ цѣломъ нѣсколькихъ спеціальныхъ училищъ имѣло бы послѣдствіемъ ту *общность чувствъ*, тотъ *духъ товарищества*, который такъ упрочиваетъ привязанность къ общему мѣсту воспитанія и содѣйствуетъ любви къ отечеству".

Спеціальныхъ школъ, соединенныхъ въ харьковскомъ университетѣ подъ видомъ отдѣленій, Каразинъ проектировалъ *девять*, которыя предполагалось открывать постепенно. Первыя два *отдѣленія* должны были открыться немедленно по утвержденіи устава университета. Чрезъ эти отдѣленія должны были проходить всѣ студенты, и они являлись подготовительными для спеціальныхъ отдѣленій. Въ программу его должны были входить иностранные языки, исторія, географія, математика, физика, естественныя науки. Курсъ этихъ отдѣленій назначался трехлѣтній. По прошествіи трехъ лѣтъ по открытіи университета, открываются новыя пять отдѣленій — уже спеціальныя: *богословское*, (четырехъ-лѣтній курсъ), *гражданскихъ познаній* (трехлѣтній), *военныхъ познаній* (трехлѣтній), *врачебныхъ наукъ*, и *гражданскихъ искусствъ* (архитектура, гидравлика, механика и землемѣріе, курсъ трехлѣтній). Еще черезъ два года могутъ открыться два послѣднихъ отдѣленія—*высшихъ наукъ* или *учености* (высшіе курсы математики, физики, химіи, прочихъ естественныхъ наукъ и астрономіи, а также исторія наукъ и педагогія, курсъ четырехлѣтній) и *изящныхъ художествъ* (живопись, скульптура, музыка и т. п.).

Такимъ образомъ, по проэкту Каразина, харьковскій университетъ долженъ былъ представлять собою соединеніе подготовительной школы и спеціальныхъ школъ, соотвѣтствующихъ теперешнимъ духовной академіи, военнымъ академіямъ, юридическимъ факультетамъ университетовъ, строительному училищу, институ-

тамъ технологическому и путей сообщенія, медицинскимъ и естественнонаучнымъ факультетамъ, учительскому институту, академіи художествъ и консерваторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что такая универсальная школа есть идеалъ высшаго учебнаго заведенія и придетъ время, когда высшія школы по своей организаціи будутъ ближе къ тому, что проэктировалъ Каразинъ, нежели къ существующимъ типамъ высшихъ школъ.

Въ тѣсной связи съ университетомъ, какъ дополненіе предположенной системы образовательныхъ учрежденій, Каразинъ проэктировалъ устройство *училища сельскаго домоводства* и *школу ремеслъ и рукодѣлій*, которыя должны были зависѣть отъ харьковскаго университета и содержаться на его средства.

Такое-то всестороннее образовательное учрежденіе проэктировалъ Каразинъ основать въ Харьковѣ и не сомнѣвался въ успѣхѣ своего начинанія. Снабженный формальными довѣренностями дворянъ Слободско-Украинской губерніи и харьковскаго городскаго общества хлопотать объ открытіи университета и постановленіями о пожертвованіяхъ, Каразинъ отправился въ Петербургъ и здѣсь немедленно явился во дворецъ, чтобы лично доложить Александру I о положеніи дѣла, начатого имъ съ полнаго одобренія государя. Александръ I однако на этотъ разъ не принялъ Каразина, а велѣлъ ему сказать, чтобы онъ представилъ все, что имѣетъ, по начальству. Страшно былъ пораженъ Каразинъ такимъ отношеніемъ къ нему и начатому имъ дѣлу; но дѣлать было нечего: онъ представилъ всѣ документы по дѣлу харьковскаго университета Муравьеву, предсѣдателю коммисіи объ училищахъ, въ которую онъ самъ незадолго передъ тѣмъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ,—и отсюда начинается продолжительная волокита, которую устраивали сильные люди того времени, ненавидѣвшіе недавняго царскаго любимца, потерявшаго теперь благоволеніе государя. Ниже мы выяснимъ причины перемѣны отношенія Александра I къ Каразину, а теперь продолжимъ разсмотрѣніе судьбы вопроса о харьковскомъ университетѣ, рѣшеніе котораго вдругъ затормозилось обстоятельствомъ, казалось бы, не имѣющимъ никакого отношенія къ данному дѣлу.

Дѣло о харьковскомъ университетѣ пошло «по начальству». Муравьевъ представилъ переданныя ему Каразинымъ бумаги министру народнаго просвѣщенія, Завадовскому, а этотъ послѣдній министру внутреннихъ дѣлъ, Кочубею. Начались всевозможные за-

просы и справки. Канцеляріи вступили въ дѣло и показали себя обычными мастерами по части затягиванія рѣшенія вопроса. Каразинъ хлопоталъ, бѣгалъ ко всѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло подвинуть дѣло, настаивалъ,—но дѣло не двигалось. А между тѣмъ онъ былъ такъ увѣренъ, что рѣшеніе вопроса не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, и ожидалъ, что университетъ будетъ открытъ уже съ 1803 года, и эту увѣренность передалъ и харьковскому дворянству. Можно представить себѣ, какъ должна была возмущаться пылкая натура Каразина тѣмъ черепашьимъ ходомъ дорогого ему дѣла, какой придали ему петербургскія канцеляріи. Наконецъ въ декабрѣ 1802 года онъ пишетъ горячее письмо министру внутреннихъ дѣлъ, Кочубею, который долженъ былъ сдѣлать докладъ императору о пожертвованіяхъ и прошеніи харьковскихъ дворянъ и горожанъ, но не дѣлалъ. Въ письмѣ Каразинъ горько жалуется на затяжку дѣла и выясняетъ неосновательность ея.

Указавъ на необходимость университета для южной Россіи, на легкость созданія его, благодаря пожертвованіямъ, на то, что само правительство рѣшило устроить нѣсколько новыхъ университетовъ и одинъ изъ нихъ предположено открыть именно въ Харьковѣ, что дѣло, которое онъ затѣялъ, два раза было одобрено императоромъ, что скорое разрѣшеніе вопроса вызоветъ новыя пожертвованія, а затяжка пріостановитъ ихъ, Каразинъ заканчиваетъ свое обращеніе къ гр. Кочубею словами:

„Я пишу, какъ отчаянный человѣкъ. Посрамленіе навѣки предъ обществомъ здѣшнимъ, месть сильныхъ, возненавидѣвшихъ меня еще болѣе прежняго, укоризны и клятвы оскорбленной чести многихъ сотенъ дворянъ, которые увидятъ, что пожертвовали только для того, чтобъ быть предметомъ всеобщаго посмѣянія,—все это ожидаетъ меня. Унылое мое состояніе умножается еще мыслью, что надолго будетъ упущенъ случай оживить дѣятельность въ странѣ плодородной и способной къ заведеніямъ всякаго рода, но нынѣ, со всѣмъ изобиліемъ своимъ, мало полезной для Россіи. Скажу болѣе: навѣки, можетъ быть, будетъ потерянъ случай, самый рѣдкій, произвести въ россійскихъ дворянахъ энтузіазмъ къ общему добру и къ успѣхамъ воспитанія; и—увы! самымъ убѣдительнымъ образомъ будетъ доказано, что покушенія частныхъ лицъ, къ сему клонящіяся, суть не что иное, какъ безразсудство, ведущее къ тому, чтобы быть осмѣяннымъ и угнетеннымъ“!..

Послѣдствіемъ письма къ гр. Кочубею была резолюція послѣдняго: «немедленно составить докладъ». Однако это «немедленно» протянулось еще два мѣсяца, и понадобилось новое письменное настояніе Каразина, чтобы наконецъ докладъ былъ представленъ импера-

тору. Послѣдній приказалъ благодарить харьковскихъ дворянъ и горожанъ за пожертвованія и наградилъ губернскаго предводителя орденомъ, городскаго голову чиномъ и соборнаго протоіерея наперстнымъ крестомъ. Самаго Каразина спрашивали отъ имени императора о наградѣ, которую онъ желаетъ получить за свои хлопоты по данному дѣлу, но Каразинъ отклонилъ отъ себя всякое вознагражденіе. Зато его огорчило то, что былъ награжденъ губернскій предводитель, всего менѣе содѣйствовавшій дѣлу, и обойдены лица, стараніями которыхъ были вызваны пожертвованія, и сдѣлалъ объ этомъ представленіе гр. Кочубею. Послѣдній согласился съ Каразинымъ, но не рѣшался обращаться по этому поводу къ Императору. Тогда Каразинъ обратился къ послѣднему лично отъ себя и указалъ лицъ, которыхъ по его мнѣнію слѣдовало наградить. Императоръ уважилъ ходатайство Каразина и всѣ указанныя имъ лица получили награды.

Дѣло университета подвинулось впередъ, но шло по прежнему медленно. Въ концѣ января 1803 г. былъ назначенъ попечитель «учреждаемаго» въ Харьковѣ университета. Это былъ гр. Потоцкій, личность въ высшей степени почтенная. Въ это время Каразинъ уже пріискалъ нѣсколько профессоровъ. Пора было приступать къ фактическому устройству университета. Самъ Потоцкій по семейнымъ дѣламъ долженъ былъ ѣхать заграницу, и онъ отправилъ въ Харьковъ Каразина, поручая ему «принять всевозможныя мѣры касательно первоначальнаго устроенія университета, дабы пріуготовить все къ открытію его».

Пріѣхавъ въ Харьковъ, Каразинъ съ величайшимъ огорченіемъ узналъ, что къ собиранію пожертвованныхъ денегъ еще не было приступлено и что коммиссія, которую должны были выбрать жертвователи и которая должна была озаботиться устройствомъ помѣщенія для университета, еще не существовала, а тѣмъ болѣе не существовало помѣщенія. Каразинъ рѣшился сдѣлать все самъ. Основываясь на предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ, онъ потребовалъ сдачи генералъ-губернаторскаго дома, предназначеннаго для университета. Но тутъ встрѣтились препятствія: во 1-хъ, не знали куда дѣть нѣкоторыя присутственныя мѣста, помѣщавшіяся въ означенномъ домѣ, а во 2-хъ, изъ дома не могъ выѣхать губернаторъ *по причинѣ грязи,* покрывавшей харьковскія улицы, какъ онъ доносилъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, черезъ два мѣся-

ца домъ былъ сданъ и Каразинъ могъ приступить къ необходимымъ передѣлкамъ и приспособленіямъ его. Но гдѣ взять для того денегъ? Сборъ пожертвованій былъ отложенъ до особаго съѣзда дворянъ. Оставалась надежда на тѣ 69,910 рублей, которые была должна казна харьковскому дворянству и которые послѣднее пожертвовало въ пользу университета. Деньги эти лежали въ Петербургѣ готовыя, но ихъ не высылали. Тогда Каразинъ рѣшился дѣлать все—перестройку домовъ для университета, устройство лабораторіи, библіотеки, разныхъ кабинетовъ, университетской типографіи, наемъ мастеровыхъ,—на свой личный счетъ, для чего заложилъ свое имѣніе въ харьковскій приказъ общественнаго призрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Каразинъ озаботился пріисканіемъ мѣста, гдѣ можно было бы впослѣдствіи устроить постоянное помѣщеніе для университета. Мѣсто это онъ нашелъ за Сумской заставой въ размѣрѣ 318 тыс. квадратныхъ саженъ, которыя тогда были пріобрѣтены за 6 тыс. р., а нынѣ стоютъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Наконецъ средства Каразина истощились и онъ рѣшился отправиться въ Петербургъ, надѣясь получить тамъ средства для продолженія дѣла. Онъ могъ расчитывать, кромѣ вышеупомянутыхъ 69,910 рублей, должныхъ казною харьковскому дворянству, еще на 125 т. р., которыя приходились на долю харьковскаго университета изъ суммы, ассигнованной вообще на потребности учебныхъ округовъ. Однако, ни тѣ, ни другія деньги не выдавались. Каразинъ настоялъ предъ гр. Кочубеемъ о докладѣ государю о вышеупомянутыхъ дворянскихъ деньгахъ. Состоялось высочайшее повелѣніе о выдачѣ ихъ; но когда обратились за ними къ министру финансовъ, тотъ заявилъ, что имѣется высочайшее повелѣніе о выдачѣ помянутыхъ денегъ лишь въ слѣдующемъ году. Къ довершенію огорченія Каразина, онъ получилъ въ это время письмо отъ Потоцкаго, въ которомъ тотъ сообщалъ ему о своихъ непріятностяхъ. Пребываніе заграницей дѣлало для Потоцкаго удобнымъ приглашеніе для харьковскаго университета профессоровъ, которыхъ, за недостаткомъ свѣдущихъ людей въ Россіи, приходилось тогда приглашать изъ-за границы. Потоцкій вступилъ въ переговоры съ нѣсколькими учеными, но эти переговоры не могли привести ни къ чему, такъ какъ ему не высылали изъ Петербурга денегъ для уплаты ...чашаемымъ расходовъ по переѣзду въ Россію и третнаго жа...ья впередъ,—условіе, которое поставилъ самъ Потоцкій при-

глашаемымъ и которое онъ не могъ выполнить. Не желая больше компрометировать себя, онъ прервалъ начатые переговоры и не заводилъ новыхъ. Просьбы Потоцкаго о высылкѣ денегъ оставались безъ результата, и онъ совершенно отчаялся въ успѣхѣ дѣла.

Раздраженный всѣми этими обстоятельствами, оскорбляемый постоянно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ были крайне недовольны его пребываніемъ въ важной должности правителя дѣлъ главнаго правленія и всячески старались причинить ему непріятности, стараясь рѣшать дѣла помимо его, возмущенный полнымъ безпорядкомъ, царившимъ въ дѣлахъ министерства, Каразинъ обратился 16 авг. 1803 года къ Александру I съ рѣзкимъ письмомъ, представлявшимъ настоящій обвинительный актъ противъ министра народнаго просвѣщенія и вообще всѣхъ, отъ кого зависѣло направленіе дѣлъ по народному образованію. Указавъ на приведенныя выше обстоятельства, тормозившія ходъ дѣла харьковскаго университета, Каразинъ обращалъ вниманіе государя еще на факты слѣдующаго рода. Министръ народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскій, въ отвѣтъ на настоянія Каразина, о выдачѣ по крайней мѣрѣ 40,000 на расходы по устройству университета, заявилъ, что открытіе университетовъ—совершенный вздоръ. Когда же наконецъ Каразинъ настоялъ на отпускѣ 18,000 р. и они были отпущены, то было точно указано, на что именно эти деньги должны быть истрачены, причемъ указанія эти отнимали всякую возможность тратить деньги. Такъ напр., на пріобрѣтеніе физическаго кабинета было назначено всего 500 р., т. е. сумма, на которую тогда невозможно было купить и одного порядочнаго инструмента. Въ такомъ же порядкѣ шли и остальныя дѣла по министерству народнаго просвѣщенія. За годъ со времени учрежденія министерства успѣли только издать «предварительныя правила», составленныя Каразинымъ, да уставъ одного университета. Уставъ дерптскаго университета, совершенно готовый, разсматривается цѣлыхъ три мѣсяца. За годъ министерство еще не узнало, какія учебныя заведенія находятся въ его вѣдѣніи, и наоборотъ многія заведенія не узнали еще о существованіи министерства, адресуя свои бумаги по прежнему въ старую коммиссію народныхъ училищъ. Члены главнаго правленія училищъ никакъ не могутъ узнать, какія средства имѣются въ распоряженіи министерства. Въ казанскій округъ былъ назначенъ попечителемъ 75-лѣтній старикъ, ровно ни къ чему неспособный

и ранѣе совершенно разстроившій гимназію, которою онъ завѣдывалъ; протестъ Каразина противъ этого назначенія оставленъ безъ вниманія. Въ производствѣ дѣлъ полный хаосъ:

„Правленіе иногда не знаетъ, что дѣлается у попечителей; иногда же попечители относятся къ министру; сей посылаетъ въ правленіе, а правленіе отсылаетъ къ попечителямъ, которые нерѣдко опять представляютъ министру одно и то же дѣло, утолстившееся только на круговомъ пути своемъ отъ безполезныхъ таковыхъ отношеній, предложеній и представленій. Дѣла ведутся по домашнему: собираются у министра въ гостиной комнатѣ за ломбернымъ его столомъ, и въ его присутствіи читаютъ его же предложенія, на нихъ отвѣтствуютъ и собственныя разсужденія дѣлаютъ, поминутно прерываемыя его сбивчивыми · и темными фразами. Такъ что онъ въ одно время бываетъ и предлагатель, и исполнитель, и членъ, и предсѣдатель, и министръ. Сего недовольно: часто онъ, забывшись, собственные свои приговоры принимаетъ за мнѣнія членовъ, оспариваетъ ихъ или беретъ къ себѣ въ кабинетъ исправлять; а послѣ нѣсколькихъ дней читаютъ въ собраніи ту-же бумагу и опять исправляютъ какъ бы новость, которая прежде никогда не была предметомъ разсужденій; и сей порядокъ—увы! нерѣдко возобновлялся два и три раза сряду надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ».

О тогдашнемъ министрѣ народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскомъ, сохранились слѣдующіе авторитетные отзывы: Гр. Строгановъ писалъ въ 1804 г. Новосильцеву: «Наше народное просвѣщеніе идетъ немного тихо. Господь Богъ, создавши міръ въ шесть дней, почилъ въ седьмой, а нашъ министръ дѣлаетъ лучше: онъ ничего не дѣлаетъ шесть дней и не смотря на то отдыхаетъ въ седьмой. Еще рѣшительнѣе отзывъ императора Александра I, который писалъ Лагарпу въ 1803 г.: «Сожалѣнія ваши о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія весьма бы уменьшились, еслибы вамъ была извѣстна организація его министерства. Онъ не имѣетъ никакого значенія. Всѣмъ управляетъ совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго, Новосильцева и др.; нѣтъ бумаги, которая не была бы обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими. Частыя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру ставить преграды тому добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его уступчивымъ донельзя,—настоящая овца; словомъ, онъ ничтоженъ и посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ, что онъ отстраненъ». Однако, какъ видно, изъ свидѣтельства Каразина, Завадовскій, именно въ силу своей ничтожности, ставилъ преграды всякому добру, которое могло дѣ-

лать министерство народнаго просвѣщенія. И такой человѣкъ оставался во главѣ этого новаго министерства цѣлыхъ 8 лѣтъ— именно то время, когда оно должно было проявлять широкую реформаторскую дѣятельность—и все потому, что Александръ желалъ, чтобы этотъ совершенно ничтожный, по его мнѣнію, человѣкъ, «настоящая овца», «не кричалъ, что онъ отстраненъ». Этотъ любопытный фактъ бросаетъ яркій свѣтъ на характеръ эпохи и самого Александра I. Вмѣсто одной канцеляріи, заведено три, причемъ одна вѣчная—министра, ничего не дѣлая, стоитъ 22,000 р., а еще одна, стоящая 5,000 р., занята исключительно записываніемъ доходовъ съ «щукинскаго» дома (всего 13,000 р.), на которые содержалась третья канцелярія—работающая.

Приведенное нами письмо служитъ образчикомъ той безцеремонной прямоты, съ которою Каразинъ отзывался о людяхъ и дѣлахъ какъ въ частныхъ разговорахъ, такъ и въ оффиціальныхъ бумагахъ, не исключая и представленій императору. Неудивительно, что Каразинъ съумѣлъ вооружить противъ себя всѣхъ тогдашнихъ сильныхъ людей, а они въ свою очередь съумѣли избавиться отъ этого безпокойнаго человѣка. Ниже мы еще будемъ имѣть случаи привести примѣры подобной же прямоты Каразина, всегда называвшаго вещи по ихъ именамъ.

Мы не знаемъ, какой результатъ послѣдовалъ отъ этого письма Каразина Александру I. Во всякомъ случаѣ дѣло харьковскаго университета попрежнему было заторможено. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій другой на мѣстѣ Каразина, встрѣчая отовсюду одни препятствія и ни откуда поддержки, давно бы счелъ себя вынужденнымъ оставить данное дѣло. Но Каразинъ, какъ мы видѣли, считалъ дѣло харьковскаго университета дѣломъ своей чести; къ тому-же онъ слишкомъ любилъ свою Украйну, для которой университетъ, по его мнѣнію, составлялъ насущную потребность. И онъ рѣшилъ довести дѣло до конца, какихъ бы личныхъ лишеній и непріятностей оно ему ни стоило. Положеніе его еще ухудшалось, благодаря личнымъ непріязненнымъ отношеніямъ къ нему многихъ изъ тогдашнихъ людей власти. О Завадовскомъ и говорить нечего: онъ не терпѣлъ Каразина, какъ человѣка, не дающаго ему покоя и могущаго безъ церемоніи доводить обо всемъ до свѣдѣнія императора. Но вотъ обращикъ отношенія къ нему другихъ сановниковъ. Когда въ Харьковѣ состоялись постановленія дворянъ и горожанъ о пожертвованіяхъ, Каразинъ послалъ

первое извѣстіе о томъ Трощинскому, при которомъ онъ тогда еще числился на службѣ, будучи увѣренъ, что тотъ немедленно доведетъ объ этомъ выдающемся фактѣ до свѣдѣнія императора. Но Трощинскій даже не подумалъ объ этомъ.

Кочубей, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, къ которому Каразинъ обратился съ письмомъ за два дня до вышеприведеннаго письма къ Александру I, прося его распоряженій о сдачѣ домовъ, предназначенныхъ для харьковскаго университета, и выдачѣ денегъ, слѣдовавшихъ харьковскому дворянству за подводы,—позволилъ себѣ сказать, обращаясь къ Сперанскому, игравшему тогда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ первую скрипку: «развяжите меня какъ нибудь съ этимъ человѣкомъ». При такихъ-то отношеніяхъ къ тогдашнимъ министрамъ Каразинъ долженъ былъ постоянно напоминать имъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ, хлопотать за него, просить, требовать. И Каразинъ дѣлалъ все это, не оставляя ни минуты въ покоѣ всѣхъ, отъ кого зависѣло подвинуть дѣло къ окончанію, и дѣлая многое, если не все, за свой страхъ и на свой счетъ. И только благодаря такой настойчивости, пренебреженію къ своимъ личнымъ обидамъ и оскорбленіямъ, щедро сыпавшимся на него, и пожертвованію своими средствами, Каразинъ довелъ дѣло до конца.

Въ виду того, что Потоцкій, не получая нужныхъ средствъ, прекратилъ всякіе переговоры съ заграничными учеными, которыхъ предполагалось пригласить въ профессора Харьковскаго университета—Каразинъ рѣшился дѣйствовать въ этомъ направленіи на свой страхъ. Въ бумагахъ его имѣются письма Фихте, Гильденбрандта, Пуассона, Лаланда, Рейха и другихъ, съ которыми онъ вошелъ въ переписку по данному поводу. Въ то же время Каразинъ озабочивался и пріисканіемъ слушателей для будущаго университета. Въ Харьковѣ онъ нашелъ до 50 молодыхъ людей, «годныхъ къ непосредственному поступленію студентами». Но этого числа ему казалось мало и онъ уговорилъ Новосильцева,—опасаясь выступать лично, чтобы не повредить дѣлу,—представить министру народнаго просвѣщенія о необходимости просить, чтобы изъ семинарій, находящихся въ харьковскомъ учебномъ округѣ, не требовались ученики въ петербургскую учительскую семинарію, а помѣщались въ Харьковскій университетъ. Представленіе объ этомъ было сдѣлано въ іюнѣ, а подписано министромъ только въ ноябрѣ. Между тѣмъ нужно было заботиться

и о приготовленіи помѣщенія для университета. Дома для этого были кое-какъ получены; но ихъ нужно было перестраивать, передѣлывать, вообще приспособлять къ новому назначенію. Харьковъ былъ тогда еще на столько первобытнымъ городомъ, что въ немъ не было представителей многихъ ремеслъ, необходимыхъ для постройки и отдѣлки порядочнаго зданія. Лица, которымъ Каразинъ поручилъ продолжать начатыя имъ въ Харьковѣ работы, писали ему, чтобы онъ прислалъ имъ необходимыхъ мастеровъ. Каразинъ сталъ просить объ отпускѣ необходимыхъ для выписки мастеровъ средствъ. Ему было отказано въ этомъ. Тогда онъ занялъ 9,525 р. у разныхъ лицъ и на нихъ выписалъ изъ-за границы 32 семейства мастеровыхъ, которыхъ и отправилъ въ Харьковъ (только эти деньги и были ему возвращены).

Благодаря всѣмъ такимъ экстраординарнымъ мѣрамъ Каразина, дѣло открытія Харьковскаго университета, не смотря на всѣ препятствія, близилось къ окончанію. Невыносимое положеніе Каразина на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, на которой онъ оставался исключительно ради содѣйствія дѣлу университета, теперь, въ виду близкаго благополучнаго окончанія его, заставило Каразина выйдти въ отставку, которая состоялась 27 авг. 1804 г. Матеріальное положеніе его въ это время было ужасное. Въ письмѣ къ Сперанскому отъ 1810 года онъ такъ описывалъ это положеніе:

„Меня бросили на площади безъ всякаго милосердія! Я издерживалъ *на все, про все* собственныя деньги, нахватывая ихъ, гдѣ только могъ. Но послѣ моей отставки, насилу, *изъ милости*, выпросилъ мнѣ добрый князь Чарторижскій столько, чтобы я могъ выѣхать изъ Петербурга, и къ тому въ дополненіе, принужденъ я былъ еще заложить послѣдній перстень“.

Тѣмъ не менѣе, Каразинъ въ это время торжествовалъ, такъ какъ его усилія увѣнчались успѣхомъ: 17 янв. 1805 г. Харьковскій университетъ былъ открытъ, и первымъ почетнымъ членомъ его былъ избранъ Василій Назаровичъ Каразинъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Охлажденіе Александра I къ Каразину и его причины.—Исторія съ сенатомъ.—Отношеніе къ Каразину окружающихъ императора лицъ.— Дѣятельность Каразина внѣ службы.—Попытка служить сербскому дѣлу.

Какъ мы видѣли, въ самый разгаръ работы Каразина на пользу просвѣщенія Россіи, работа эта была парализована прекращеніемъ того благоволенія, которое имѣлъ къ нему Александръ. Это неожиданное охлажденіе, стѣснивъ, а затѣмъ совсѣмъ прервавъ дѣятельность Каразина въ данномъ направленіи, прекратило и реформаціонную дѣятельность въ области народнаго образованія. Начатая на широкихъ основаніяхъ, преобразовательная дѣятельность въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи, съ устраненіемъ Каразина приняла обычный канцелярскій характеръ и, вмѣсто осуществленія широкихъ плановъ, которое составило бы настоящую эпоху въ нашей исторіи и дало бы Россіи небывалую силу, привело къ самымъ скуднымъ и жалкимъ результатамъ.

Чѣмъ же было вызвано охлажденіе къ Каразину Александра, отнесшагося къ нему сперва съ такой чрезвычайною благосклонностью и нѣкоторое время оказывавшаго ему чрезвычайное вниманіе?

Причины тому крылись какъ въ характерѣ Александра I, такъ и въ характерѣ самого Каразина, и наконецъ въ его положеніи среди лицъ, окружавшихъ Александра I въ эту эпоху.

Непостоянство Александра I, его измѣнчивость какъ во взглядахъ и настроеніи, такъ и въ личныхъ привязанностяхъ слиш-

комъ извѣстна, чтобы распространяться объ этомъ предметѣ. Первые годы своего царствованія, Александръ былъ окруженъ тѣснымъ кружкомъ, состоявшимъ изъ Строганова, Новосильцева, Чарторижскаго и Кочубея. Отношенія его къ этимъ лицамъ—отношенія близкой, тѣсной дружбы. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ—и послѣ Тильзитскаго мира названныя лица сходятъ со сцены. Наступаетъ очередь Сперанскаго: онъ не только министръ, но и другъ Александра I. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ Сперанскій не только падаетъ, но и попадаетъ въ ссылку. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ лицъ, пока дѣло не доходитъ до мистиковъ и наконецъ до Аракчеева, Фотія и Магницкаго. Привязанность Александра I къ Каразину такимъ образомъ не могла быть прочною уже по характеру Александра I; а быстрому окончанію ея содѣйствовали и личныя качества Каразина, и старанія окружавшихъ императора.

Въ характерѣ Каразина были черты, которыя, при всей ихъ почтенности, дѣлаются нерѣдко въ тягость ближнимъ. Мы видѣли, что Каразинъ отличался необычайною прямотою. Исполняя буквально просьбу Александра I говорить ему всегда правду—просьбу, которая такъ согласовалась съ его собственнымъ характеромъ—Каразинъ съ одной стороны неизбѣжно наживалъ себѣ враговъ среди сильныхъ тогда людей, близкихъ къ Александру, а съ другой далеко не всегда былъ пріятенъ и послѣднему. Выше уже приводились примѣры той рѣзкости, съ которою Каразинъ раскрывалъ Александру глаза на то, что дѣлалось кругомъ него. Уже значительно позже, въ 1820 г., когда онъ не представлялъ для Александра рѣшительно никакого интереса, Каразинъ говорилъ ему все ту-же безцеремонную правду, рѣшительно не заботясь о послѣдствіяхъ, какъ это уже отчасти видно было изъ приводившихся выше цитатъ изъ записки 1820 г., и будетъ еще виднѣе ниже. Выше мы приводили также образчикъ того, какъ говорилъ Каразинъ въ прошеніи, поданномъ императору Николаю, котораго онъ пытался убѣждать въ невозможности повернуть назадъ колесо исторіи. Понятно, что «правда», высказываемая Каразинымъ Александру I въ періодъ благоволенія къ нему государя, была еще рѣзче, еще безцеремоннѣе. Въ числѣ напечатанныхъ писемъ Каразина къ Александру I, имѣются два письма, относящіяся къ одному эпизоду, въ которомъ ярко выразились отношенія Александра и окружающихъ его къ вопросу объ ограниченіи верховной власти, о чемъ въ то время было много разговоровъ.

Въ опредѣленіи правъ и обязанностей сената, изданномъ 8 сент. 1802 года, сенату было предоставлено право дѣлать представленія императору о тѣхъ высочайшихъ повелѣніяхъ, исполненіе которыхъ связано съ значительными неудобствами или которыя несогласны съ прежними законами. Вскорѣ представился случай примѣнить это право сената къ дѣлу. Въ декабрѣ 1802 года поступилъ въ сенатъ высочайше конфирмованный докладъ государственной военной коллегіи о правахъ дворянъ относительно военной службы. Этотъ новый законъ во многомъ противорѣчилъ прежнимъ законамъ по тому-же предмету. Надо замѣтить, что въ то время сенаторы, не исключая даже такихъ, какъ Державинъ, были весьма склонны къ тому, чтобы придать сенату роль учрежденія, ограничивающаго верховную власть. Въ этомъ смыслѣ сенатомъ былъ даже составленъ особый проэктъ своего преобразованія, и даже Державинъ представилъ Александру I особый проэктъ, въ которомъ хотѣлъ придать сенату роль конституціоннаго учрежденія. И однако, лишь только представился случай проявить нѣкоторую самостоятельность, которая была притомъ вмѣнена сенату въ обязанность,—сенаторы не рѣшились сдѣлать нужнаго представленія. Нашелся только одинъ сенаторъ, устыдившійся подобной трусости; это былъ Потоцкій, о которомъ, какъ о первомъ попечителѣ харьковскаго учебнаго округа, упоминалось выше. Онъ рѣшился внести въ сенатъ свое особое мнѣніе, но, плохо владѣя русскимъ языкомъ, поручилъ Каразину, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, составить нужную записку. Сенатъ четыре раза назначалъ время для слушанія этой записки и четыре раза откладывалъ его. Тогда, возмущенный такимъ поведеніемъ сената, Каразинъ обратился къ Александру I съ письмомъ, которое приводимъ полностью, такъ какъ оно даетъ полное понятіе о благородствѣ характера Каразина, особенно при сопоставленіи его поведенія съ поведеніемъ сената, а также о томъ, какъ мало умѣлъ онъ соблюдать политику въ своихъ отношеніяхъ къ Александру I. Вотъ это письмо:

„Государь! Кто чтитъ, кто любитъ васъ искреннѣе, тотъ долженъ быть и дерзновеннѣе другихъ: ничто меня не остановитъ, когда дѣло идетъ о славѣ вашей. Въ сенатѣ не смѣли читать извѣстнаго вамъ уже мнѣнія гр. Потоцкаго, не доложась. *Пріобыкли, бѣдные, и шагу для общаго добра не сдѣлать безъ имяннаго повелѣнія.* Сегодня, думаю, министръ юстиціи, *къ стыду россіянъ*, представитъ вамъ на разрѣшеніе, позволите-ли сенаторамъ выслушать только сію бумагу, не

взирая, что всякъ изъ нихъ ясно видитъ, что она писана на основаніи вашего точнаго дозволенія. Я не говорю о самомъ мнѣніи, *предугадывая, какъ Александръ поступитъ*, если сенатъ, уваживъ оное, войдетъ съ формальнымъ докладомъ. Но осмѣливаюсь и спѣшу донести, что люди, преданные вамъ и общему добру, *ожидаютъ отъ васъ на нынѣшнее представленіе отвѣта гласнаго, назначеннаго сдѣлаться извѣстнымъ публикѣ*, отъ которой конечно не укроется, что васъ о семъ спрашивали. *Первый еще случай вы имѣете*, государь, обожающему васъ народу и Европѣ вмѣстѣ съ нимъ *доказать рѣшительно образъ вашихъ мыслей* и возродить сѣмена любви къ отечеству и общественнаго духа. Важный случай сей есть, можетъ быть, *и единственный, ибо эгоизмъ и низость ждутъ только малѣйшаго движенія вашего въ ихъ пользу, чтобъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ впередъ обезпечить свое владычество*".

Письмо это не привело ни къ какимъ послѣдствіямъ. Тогда Каразинъ, бывшій въ это время на пути въ Харьковъ, чтобы принять на себя тамъ устройство помѣщеній для университета, послалъ изъ Москвы другое письмо Александру. Въ этомъ письмѣ онъ выражается еще рѣшительнѣе, высказывая свою увѣренность въ томъ, что императоръ

„въ семъ рѣшительномъ случаѣ не упуститъ *доказать свѣту, что его слова, въ манифестахъ сказанныя, суть и въ вѣкъ пребудутъ словами самой истины*; не станетъ, слѣдовательно, ни подъ какимъ видомъ ограничивать того, что́ единожды нарекъ, *кореннымъ, непрелагаемымъ закономъ*; поддержитъ духъ, развитой во всѣхъ дѣяніяхъ его царствованія, *духъ совершенной политической свободы*; не захочетъ однимъ ударомъ уничтожить на полвѣка, по крайней мѣрѣ, всякую смѣлую дѣятельность въ томъ сословіи, которое онъ самъ желалъ ободрить и возвысить".

Письмо это заканчивалось слѣдующимъ патетическимъ воззваніемъ:

„Я не прошу прощенія въ моемъ дерзновеніи; если ты—тотъ Александръ, надежда и любимецъ Россіи, которымъ заняты были всѣ мечтанія моей юности, къ которому усердія жаръ и нынѣ еще, въ возрастѣ зрѣлаго ума, увлекаетъ меня въ легкомысленные, по стремительности своей, поступки; если ты тотъ подлинно—на что мнѣ извиняться? Если же ты только самодержецъ, то такія оправданія не могутъ уменьшить вины моей, и я готовъ понести за нее наказанія, готовъ теперь, въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ моей жизни".

Насколько могла быть пріятна Александру эта «правда» Каразина и насколько вообще Александръ I былъ склоненъ къ практическому осуществленію своего желанія «обуздать деспотизмъ нашего правленія», ясно видно изъ того, что вопросъ о правѣ сената дѣлать представленія по поводу новыхъ законовъ, получилъ вскорѣ разъясненіе въ томъ смыслѣ, что это право от-

носится только къ тѣмъ законамъ или указамъ, которые вышли *до* предоставленія означеннаго права сенату. Такимъ разъясненіемъ совершенно уничтожалось только-что предоставленное право, и громкій указъ 8 сент. 1802 г. превращался просто въ какую-то шутку. Понятно, что люди, вродѣ Каразина, принимавшіе въ серьезъ громкія фразы манифестовъ, вышедшихъ въ первые два года царствованія Александра I, и требованіе оправданія этихъ фразъ дѣломъ, не могли быть особенно довольны.

Противъ Каразина дѣйствовала и интрига. Приближеніе Каразина къ Александру I было непріятно и для молодыхъ друзей послѣдняго, вышеупомянутыхъ «неразлучныхъ»—Чарторижскаго, Новосильцева, Строганова и Кочубея, и екатерининскихъ служакъ—Завадовскаго, Трощинскаго, Державина и др.,—для обоихъ группъ приближенныхъ Александра въ первые годы его царствованія. Онъ былъ чужой и тѣмъ, и другимъ, чужой и непонятный. Первые, составляя тѣсный кружокъ друзей юности императора, относились съ неудовольствіемъ къ новому конкуренту на интимную дружбу съ Александромъ; вторымъ онъ былъ страшенъ своею прямотою, правдивостью и безцеремонностью, съ которыми онъ, какъ мы видѣли, возставалъ противъ всякихъ злоупотребленій. Для тѣхъ и другихъ онъ былъ «tête chaude», которую во всѣхъ отношеніяхъ лучше спровадить подальше. Четверо вышеупомянутыхъ друзей Александра I были люди щепетильныхъ понятій и едва-ли лично дѣлали что-нибудь, чтобы повредить Каразину; но вмѣстѣ съ тѣмъ они оставались спокойными свидѣтелями интригъ противъ него со стороны второй группы приближенныхъ и не поддерживали его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда должны были это сдѣлать въ силу своихъ политическихъ убѣжденій, какъ напр., въ вышеизложенной исторіи съ сенатомъ. Интрига не церемонилась въ своихъ средствахъ. Еще въ началѣ благоволенія Александра I къ Каразину, однажды во время представленія драмы Шиллера «Донъ Карлосъ» на придворномъ театрѣ, одинъ изъ сановниковъ нроизнесъ громко, чтобы слышалъ императоръ: «и у насъ появился маркизъ Поза», причемъ всѣ присутствующіе оглянулись на Каразина. Такія выходки не могли не дѣйствовать на самолюбиваго Александра. Практиковались вещи и похуже. Императоръ пишетъ письмо Каразину въ Калугу, гдѣ тотъ былъ по вышеупоминавшемуся дѣлу Лопухина; письмо это прочитывается на почтѣ и

содержанiе его дѣлается извѣстнымъ многимъ, что̀ доходитъ до свѣдѣнiя Александра I. Послѣднiй приписываетъ это нескромности Каразина. Была еще одна исторiя, которая давала возможность выставить Каразина въ невыгодномъ свѣтѣ предъ Александромъ. Умеръ одинъ изъ крупныхъ помѣщиковъ Слободской Украйны—Надаржинскiй. Имѣнiе его переходило къ его дочери. Племянникъ покойнаго, Кондратьевъ, возбудилъ искъ, утверждая, что дочь эта родилась до брака Надаржинскаго и его жены, стало быть, какъ незаконная, не можетъ наслѣдовать, и потому имѣнiе должно перейти къ нему. Дѣло рѣшилось уже въ пользу Кондратьева, когда въ него вмѣшался Каразинъ, считавшiй своею обязанностью вступиться за молодую Надаржинскую. Онъ изложилъ Александру дѣло и просилъ его поручить разсмотрѣнiе тяжбы воспитателю государя Лагарпу и Державину, бывшему тогда министромъ юстицiи. Такъ какъ Лагарпъ въ это время уѣхалъ во Францiю, то дѣло разсматривалъ одинъ Державинъ. Послѣднiй, всего менѣе благоволившiй къ Каразину, тѣмъ не менѣе далъ заключенiе въ пользу Надаржинской, которая и унаслѣдовала имѣнiе отца. По окончанiи дѣла Каразинъ посватался къ Надаржинской, но получилъ отказъ, такъ какъ она дала уже слово другому. Враги Каразина не замедлили представить это дѣло императору въ томъ смыслѣ, что̀ Каразинъ руководился въ этой исторiи корыстными цѣлями, такъ какъ имѣлъ въ виду воспользоваться спорнымъ наслѣдствомъ, какъ приданымъ. Вообще, интрига не упускала ни одного случая повредить Каразину и въ связи съ собственною рѣзкостью Каразина достигла успѣха. Благоволенiе Александра къ Каразину исчезло, и монархъ потерялъ вѣрнаго друга и слугу, а отечество—полезнаго работника, который такъ много сдѣлалъ добра за короткiй промежутокъ своей близости къ власти и обѣщалъ сдѣлать неизмѣримо больше. Каразину пришлось удалиться изъ правительственныхъ сферъ въ деревенскую глушь, гдѣ онъ однако не впалъ въ бездѣйствiе, а продолжалъ работать для блага своего отечества, но на иныхъ уже поприщахъ.

Прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнiю послѣдующей жизни Каразина и новой его дѣятельности, сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчанiй о его внѣслужебныхъ занятiяхъ въ перiодъ 1801—1804 гг. Выше уже говорилось о разныхъ щекотливыхъ порученiяхъ, которыя давалъ ему Александръ I и образчикомъ которыхъ

является вышеприведенное дѣло Лопухина. Но Александръ давалъ Каразину порученія и иного рода, какъ напр. норученія пересмотрѣть статутъ ордена св. Владиміра, составлять записки по разнымъ вопросамъ законодательства и т. п. Къ его знаніямъ и талантамъ прибѣгали и тогдашніе сановники, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Потоцкаго. Пользовался его услугами и такой человѣкъ, какъ Сперанскій. Въ числѣ опубликованныхъ матеріаловъ для біографіи Каразина есть слѣдующая записка къ нему Сперанскаго: *Весьма, весьма вамъ благодаренъ.* Я сижу точно какъ въ туманѣ, окруженъ мыслями о законахъ, о установленіяхъ, о порядкѣ, коего тщетно въ мірѣ и въ головѣ моей ищу и *который нахожу въ вашихъ бумагахъ.* Теперь начинаю писать наказъ. Завтра ожидаю васъ поутру; естьли не застанете меня дома, прошу немного подождать: я въ 7½ возвращусь». На особомъ листкѣ, приложенномъ къ нему значится:

«1) о крестьянахъ
1) Обѣщаніе.
2) Источники коммерціи.
3) Мѣстное управленіе.

«2) О государственныхъ дѣлахъ, какія есть государственныя дѣла, или какіе должны быть предметы управленія совѣта».

Это повидимому конспектъ предметовъ, мнѣніе о которыхъ Каразина было желательно знать Сперанскому. Какъ видимъ, вліяніе Каразина имѣло мѣсто и тамъ, гдѣ его мы всего менѣе могли ожидать.

Позднѣе, въ 1810 г., когда Сперанскій былъ въ апогеѣ своего величія, Каразинъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ просилъ его содѣйствія въ полученіи ссуды изъ казны подъ залогъ своего имѣнія для устройства селитрянаго завода, въ которомъ онъ имѣлъ въ виду примѣнить новый, открытый имъ, способъ добычи селитры. Для выдачи подобныхъ ссудъ существовала особая сумма; но Каразину ссуды не давали, требуя, чтобъ онъ предварительно открылъ свой секретъ, на что тотъ не соглашался. Онъ просилъ у Сперанскаго «одного его слова». Письмо заканчивается словами: «Если я писалъ только къ тайному совѣтнику, etc., etc., etc., а не къ человѣку... Богъ съ вами». Оказалось, что письмо дѣйствительно попало къ тайному совѣтнику, а не къ человѣку, такъ какъ Сперанскій даже не отвѣтилъ. Каразинъ, по своей наивности, очень не во время напомнилъ Сперанскому о томъ, что они «были нѣкогда друзья» и

Сперанскій величалъ его въ письмахъ своихъ «единственнымъ душевнымъ другомъ».

Мы видѣли, что Каразинъ постоянно вмѣшивался всюду, гдѣ замѣчалъ попранную правду, и этимъ путемъ наживалъ себѣ массу работы. Но всѣмъ перечисленнымъ выше не исчерпывалась обширная и разносторонняя дѣятельность Каразина въ теченіи 1801—1804 гг. Нужно упомянуть еще о журналѣ «Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія», который онъ велъ во время пребыванія въ должности правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ. Есть упоминаніе еще о *рукописномъ* педагогическомъ журналѣ, который составлялъ Каразинъ для императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Прежде чѣмъ основаться послѣ отставки въ деревнѣ, Каразинъ пытался послужить совсѣмъ особымъ образомъ дѣлу освобожденія балканскихъ славянъ. Свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ любопытныхъ письмѣ и объяснительной запискѣ, посланныхъ въ ноябрѣ 1804 г. Каразинымъ къ Чарторижскому.

Каразинъ думалъ, что Россіи «предназначена завидная доля быть защитницей рода человѣческаго: богатая внутренними силами, независимая во всѣхъ отношеніяхъ, она должна быть покровительницей угнетенныхъ, какъ будетъ современемъ судьею другихъ царствъ». Однако до тѣхъ поръ эта роль «защитницы рода человѣческаго» плохо выполнялась Россіею, и первая попытка сыграть эту роль по отношенію къ населенію Балканскаго полуострова при Екатеринѣ II окончилась

„послѣ столькихъ потраченныхъ милліоновъ и пролитія столькой крови—и русской, и молдавской, и греческой, и вообще славянской, не считая уже непріятельской,—покореніемъ только Крыма, который превратили въ пустыню изъ прекрасной и многолюдной страны, какою онъ былъ у турокъ. Намъ, по истинѣ, какъ будто ужъ судьбой назначено опустошать все, распространяя наши предѣлы, пользоваться на манеръ вандаловъ и гунновъ, и побѣдами нашими, и неисчерпаемыми внутренними силами, дающими средства побѣждать“.

Но такъ какъ въ это время на русскомъ престолѣ возсѣдалъ «геній мира и благотворнаго созиданія», то Каразинъ былъ увѣренъ, что теперь Россія не будетъ стремиться къ завоеваніямъ и будетъ готова помочь возникновенію «славянскаго царства, на престолъ котораго возсядетъ одинъ изъ братьевъ Александра». Создать это славянское царство онъ брался въ 5, много 10 лѣтъ, если ему позволятъ взяться за это дѣло и окажутъ то содѣйствіе, о которомъ онъ проситъ.

Въ это время сербы возстали противъ турокъ. Каразинъ получилъ письма, извѣщавшія его о томъ, что въ Сербіи готовится посольство къ императору Александру съ просьбою о заступничествѣ. Каразинъ умоляетъ не оставить этого ходатайства безъ удовлетворенія, причемъ находитъ, что для оказанія помощи возставшимъ нѣтъ никакой надобности вступать въ активныя враждебныя отношенія къ Турціи, а достаточно, чтобы русское правительство послало къ возставшимъ своего тайнаго эмиссара, что́ покажетъ балканскимъ народностямъ готовность со стороны Россіи поддержать ихъ, и этого одного будетъ достаточно для того, чтобы вызвать общее возстаніе на Балканскомъ полуостровѣ и оставить отъ турецкой имперіи одну тѣнь. Эмиссаромъ онъ предлагалъ себя. Ѣхать въ возставшую Сербію онъ брался на свой страхъ; онъ просилъ только, чтобы его тайно рекомендовали сербскимъ депутатамъ, именно какъ эмиссара русскаго правительства, и чтобы было дозволено отправиться съ нимъ четыремъ добровольцамъ, изъ которыхъ одинъ былъ механикъ, другой—химикъ, третій—минералогъ, а четвертый, сербъ, долженъ былъ играть роль секретаря при эмиссарѣ. Въ случаѣ неудачи миссіи, правительство могло отказаться отъ нея, какъ предпринятой по собственной инициативѣ участниковъ.

Предложеніе Каразина не было принято — и онъ отправился въ свою Украйну.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу.—Устройство принадлежавшихъ ему населенныхъ имѣній. — Заступничество крестьянъ.— Каразинъ-крѣпостникъ.

Въ первые годы царствованія Александра I вопросъ объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ крестьянъ былъ выдвинутъ впередъ. Самъ императоръ былъ склоненъ къ дарованію крестьянамъ полнаго освобожденія. Однако эта склонность въ немъ, какъ и многія другія прекрасныя склонности, были парализуемы странными опасеніями то недовольства помѣщиковъ, то волненій среди крестьянъ, то трудностей дѣла. Практически сочувствіе Александра угнетенному положенію крѣпостныхъ привело только къ указу о непринятіи объявленій для напечатанія въ вѣдомостяхъ относительно продажи людей безъ земли (мысль о *запрещеніи* продажи людей безъ земли не была осуществлена въ виду ея «опасности», къ прекращенію раздачи *въ собственность* населенныхъ имѣній (что не мѣшало раздавать ихъ въ видѣ *наслѣдственныхъ арендъ*), учрежденію «свободныхъ хлѣбопашцевъ», въ которые помѣщики могли переводить своихъ крестьянъ, буде пожелаютъ (пожелали 160 помѣщиковъ, взыскавшіе при этомъ съ освобожденныхъ крестьянъ—45,153 душъ—въ среднемъ по 396 р. съ души), да къ нѣкоторымъ другимъ малозначительнымъ мѣрамъ. Ничтожность мѣропріятій на пользу крѣпостныхъ особенно поразительна при сравненіи съ нерѣдкими заявленіями Александра I о своемъ отвращеніи къ крѣпостному праву и желаніи освободить крестьянъ.

Также малопослѣдовательны были и тѣ изъ окружающихъ

Александра I въ началѣ его царствованія, которые много говорили о бѣдственномъ положеніи крѣпостныхъ и необходимости улучшенія этого положенія, а между тѣмъ ровно ничего не дѣлали для того, чтобы облегчить собственныхъ крѣпостныхъ, и спокойно оставались крѣпостными владѣльцами равныхъ себѣ, что такъ возмущало ихъ въ теоріи. Рядомъ съ этими лицемѣрами едва-ли не болѣе симпатичными являются такіе откровенные крѣпостники, какъ Державинъ и Карамзинъ, которые прямо высказывали свои симпатіи крѣпостному праву, хотя эта откровенность и не могла нравиться Александру I.

Каразинъ не принадлежалъ ни къ крѣпостникамъ, ни къ либеральнымъ противникамъ крѣпостного права, остававшимся на дѣлѣ крѣпостниками. Его воззрѣнія на вопросъ, равно какъ и практическое отношеніе къ нему, стоятъ совсѣмъ особнякомъ.

Крестьяне, по взгляду Каразина, отнюдь не были собственностью помѣщиковъ. Противъ такого взгляда на крѣпостныхъ Каразинъ вооружается всѣми своими силами. Они—такіе же «подданные государства», какъ и помѣщики. Самое слово «крестьяне», съ которымъ вѣками связалось понятіе о крѣпостничествѣ, было ненавистно Каразину и онъ предлагалъ не употреблять его.

Отношенія помѣщика къ крестьянамъ слагались изъ двухъ элементовъ: во 1-хъ, онъ былъ наслѣдственный управитель ихъ, начальникъ и во 2-хъ, собственникъ земли, на которой жили крестьяне.

„Помѣщика разумѣю я—писалъ Каразинъ въ 1810 г. харьковскому губернатору Бахтину—наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому правительство, давъ землю для населенія, ввѣрило чрезъ то попеченіе о людяхъ (поселянахъ), на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами: однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ“.

Такъ какъ помѣщикъ есть чиновникъ, управляющій крестьянами по порученію государства, то это управленіе есть государственная служба, которая

„должна на себя обращать, какъ и всѣ прочія, вниманіе правительства, его награды, его одобренія, его руководство, его наказанія. Незаботливость у насъ державной власти объ управленіи помѣщиками людей, причтеніе сихъ послѣднихъ къ дѣлу *домашнему*, не госу-

дарственному, вкрались къ намъ изъ чуждой для насъ системы. Это смѣшеніе началъ породило множество золъ: своеволіе помѣщиковъ, ихъ жестокость, ихъ привычку почитать людей, имъ ввѣренныхъ, собственностью, ихъ удаленіе изъ помѣстьевъ въ столицы, слѣдовательно развращеніе ихъ, мотовство, разореніе именитыхъ домовъ и проч., и проч." (Записка 1820 г.).

Итакъ, крестьяне отнюдь не собственность помѣщиковъ. Крѣпостное право — отнюдь не «право», а злоупотребленіе, дурная «привычка», обусловленная «незаботливостью державной власти». Власть помѣщика надъ крестьянами есть власть поставленнаго надъ ними чиновника и потому пользованіе этою властью подлежитъ контролю со стороны государства, награжденію и наказанію. Мало того, «законъ и правительство должны блюсти», чтобы «удаленіе отъ благородныхъ чувствованій неминуемо влекло за собою изверженіе изъ благороднаго сословія», т. е. изъ помѣщиковъ. Тутъ ужь Каразинъ высказывалъ, хотя и не вполнѣ опредѣленно, мысль объ отобраніи у помѣщиковъ «ввѣренныхъ» имъ крестьянъ въ случаѣ злоупотребленія властью, данной помѣщикамъ лишь для попеченія о крестьянахъ, — мысль, которая и въ голову не приходила тогдашнимъ либеральнымъ противникамъ крѣпостного права.

Если у помѣщика нѣтъ никакого права на крестьянъ, а есть только власть надъ ними, то онъ не имѣетъ никакого права на какія-либо повинности съ ихъ стороны въ свою пользу въ качествѣ ихъ владѣльца, каковымъ онъ вовсе не состоитъ. Право его на повинности возникаетъ изъ того факта, что земля, которою пользуются крестьяне, предоставлена государствомъ въ его собственность, почему размѣръ этихъ повинностей долженъ соотвѣтствовать выгодамъ, получаемымъ крестьянами отъ пользованія этою землею.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ занималъ Каразина съ ранней молодости. Еще въ 1792 г., когда онъ вступилъ въ управленіе имѣніями, пожалованными его отцу Екатериною II, и когда слѣдовательно ему было всего 19 лѣтъ, онъ задумывался надъ вопросомъ объ этихъ отношеніяхъ. Въ 1795 г. онъ уже устроилъ въ имѣніи Кручикъ сельскую думу, о которой мы будемъ говорить ниже, а въ 1805 г., тотчасъ по оставленіи службы и поселеніи въ деревнѣ, онъ регламентировалъ повинности своихъ крестьянъ, которыя они должны были нести по отношенію къ нему, какъ помѣщику. Регламентація эта была установлена слѣдующимъ образомъ.

Каждому крестьянину или, по выраженію Каразина, «поселянину», достигшему совершеннолѣтія, давалось семь съ половиною десятинъ пахатной земли, одна десятина сѣнокоса и полдесятины подъ усадьбу. Земля эта отводилась въ вѣчное наслѣдственное владѣніе. Если у новаго домохозяина не было дома, полученнаго въ наслѣдство отъ отца, ему давался нужный для постройки лѣсъ. Если было нужно, выдавалась ссуда изъ учрежденнаго Каразинымъ общественнаго капитала. Для отопленія каждому хозяину отпускалось изъ помѣщичьяго лѣса четыре кубическихъ сажени дровъ и весь нужный подѣлочный лѣсъ — для ремонта сельско-хозяйственныхъ орудій и огорожи.

Повинности, которыя долженъ былъ нести каждый домохозяинъ по отношенію къ помѣщику за пользованіе всѣми вышеупомянутыми угодьями, опредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Средняя цѣна пашни въ данной мѣстности (Богодуховскій уѣздъ, Харьковской губ.) въ то время составляла 45 рублей; цѣна покосной земли— 40 руб. Такимъ образомъ 8 десятинъ пашни и усадьбы и одна десятина покоса, составлявшіе надѣлъ двора, стоили по тогдашнимъ цѣнамъ 400 р. Опредѣляя доходъ съ этой суммы въ 6% — тогдашній узаконенный процентъ,—Каразинъ установилъ, что плата за землю должна была составлять 24 р. Затѣмъ, за лѣсъ, отпускаемый на постройки и ремонтъ ихъ—6 р. въ годъ, за 4 куб. сажени дровъ, по 3 р. сажень,—12 р. и за подѣлочный лѣсъ— 3 руб. Всего, такимъ образомъ, повинности съ двора составляли 45 руб. въ годъ. Уплачивая эту сумму, поселянинъ затѣмъ оставался совершенно свободенъ отъ всѣхъ поборовъ, которые были такъ многочисленны и разнообразны у помѣщиковъ того времени. 45-рублевый оброкъ крестьянинъ могъ уплатить деньгами, а могъ и отработать, причемъ для переложенія этой повинности въ натуральную бралась въ разсчетъ средняя тогдашняя стоимость рабочаго дня въ 30 коп., такъ что для погашенія всего оброка нужно было затратить 150 рабочихъ дней. Послѣдняя цифра двороваго оброка принималась за неизмѣнную, тогда какъ денежное опредѣленіе оброка должно было измѣняться каждый годъ соотвѣтственно измѣненію цѣнности рабочаго дня.

Земля поступала въ наслѣдственное пользованіе крестьянина. Черезъ 10 лѣтъ со времени полученія участка, крестьянинъ получалъ право закладывать и даже продавать его, съ тѣмъ только, чтобы продавецъ принималъ на себя лежащія на землѣ повинно-

сти. Допущеніе отчужденія земли нельзя не признать слабою стороною плана Каразина; но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что оно являлось реальнымъ признаніемъ права собственности крестьянъ на землю.

Но ранѣе поземельнаго устройства своихъ крестьянъ, Каразинъ позаботился дать имъ правильное административное и судебное устройство. Еще въ 1793 г. онъ устроилъ въ с. Кручикъ сельскую думу, которая состояла изъ двухъ выбранныхъ крестьянами стариковъ и самого Каразина. Въ 1804 г., поселившись въ деревнѣ, Каразинъ преобразовалъ сельскую думу, которая въ новомъ составѣ имѣла предсѣдателемъ Каразина и членами старшаго и младшаго выборнаго, изъ которыхъ первый былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и церковнымъ старостой, а младшій завѣдывалъ сельскою полиціей и назывался благочиннымъ; къ числу членовъ думы принадлежали также священникъ и особый «надзиратель», старый отставной офицеръ, жившій у Каразина на покоѣ. Изъ членовъ думы трое получали жалованье: старшій выборный 42 р. въ годъ, младшій—60 р. и надзиратель—120 р. Постановленія думы записывались писаремъ, который получалъ 24 р. въ годъ и имѣлъ право получать кромѣ того съ крестьянъ за внесеніе въ особую книгу заключаемыхъ ими другъ съ другомъ договоровъ $^{1}/_{50}$ часть ихъ цѣнности. Дума засѣдала разъ въ недѣлю. Она вѣдала какъ административныя, такъ и судебныя дѣла и руководствовалась общими государственными законами, а въ тѣхъ случаяхъ, относительно которыхъ не было узаконеній, особыми постановленіями самой думы.

Изъ другихъ установленій Каразина относительно внутреннихъ распорядковъ с. Кручикъ слѣдуетъ остановиться на способахъ отбыванія рекрутской повинности, организаціи опекъ, устройствѣ училища и созданіи общественной суммы.

Рекрутская повинность, до изданія устава объ общей воинской повинности, ложилась страшнымъ бременемъ на народъ. Тягость ея еще усиливалась при крѣпостномъ правѣ тѣми злоупотребленіями, которыми сопровождалась сдача въ рекруты. Достаточно напомнить торговлю людьми для сдачи въ рекруты и сдачу крѣпостныхъ въ рекруты въ видѣ наказанія. Каразинъ, чтобы облегчить отбываніе этой тяжелой повинности для своихъ крестьянъ, установилъ слѣдующій порядокъ. По полученіи требованія извѣстнаго числа рекрутовъ, сельская дума составляла списокъ

всѣхъ крестьянъ въ возрастѣ отъ 19 до 29 лѣтъ. На этихъ крестьянъ разлагалась цѣна рекрута, которая вмѣстѣ съ расходами по сдачѣ рекрута, опредѣлена была разъ на всегда въ стоимость 2 тыс. рабочихъ дней, что въ 1805—1810 гг. составляло 600 р. Раскладка дѣлалась неравномѣрно, смотря по росту, лѣтамъ, составу семьи и зажиточности. Въ 1810 г. этотъ сборъ колебался отъ 2 до 20 р. съ внесеннаго въ списокъ. Тѣ, кто подходилъ по росту къ установленнымъ требованіямъ, могъ или внести причитающуюся на него долю платежа, или явиться къ вынутію жребія. Если охотниковъ вынимать жребій не являлось, дума назначала, по своимъ соображеніямъ, кто долженъ былъ брать жребій. Взявшіе жребій являлись къ освидѣтельствованію въ рекрутскомъ присутствіи, начиная съ взявшихъ наименьшіе номера, пока не было пополнено требуемое количество рекрутовъ. Изъ денегъ, собранныхъ вышеуказаннымъ путемъ, уплачивались расходы по доставкѣ рекрутъ, снабженію ихъ бѣльемъ и одеждою, уплачивались «рекрутскія деньги» и долги взятыхъ въ рекруты; оставшаяся сумма хранилась въ общественной кассѣ, откуда взятый въ рекруты ежегодно получалъ 6% съ этой суммы. Когда-же взятый въ рекруты, окончивъ службу, возвращался домой или водворялся въ гарнизонъ, хранившаяся сумма полностью выдавалась ему на руки. Если онъ возвращался въ с. Кручикъ, то ему отводилось дворовое мѣсто и отрѣзались, какъ и тягловому крестьянину, 8½ десятинъ земли, но уже *даромъ*, безъ отбыванія какой-либо повинности или платежа. Такимъ образомъ, благодаря заведенному Каразинымъ порядку, исчезалъ произволъ въ сдачѣ людей въ рекруты; взятые на службу имѣли постоянное денежное пособіе при нахожденіи на службѣ, а при выслугѣ избавлялись отъ того ужаснаго безпомощнаго положенія, въ которомъ оказывались обыкновенно отставные солдаты до введенія новаго устава о воинской повинности.

Крестьянскія опеки представляютъ доселѣ жгучій вопросъ деревенской жизни. И въ настоящее время опека надъ крестьянскими дѣтьми поставлена до того неудовлетворительно, что сплошь и рядомъ служитъ къ полному разоренію сиротъ. Въ прежнее же время не было и вовсе никакого опредѣленнаго попеченія объ имуществѣ сиротъ. Въ виду этого, а также и ради попеченія о самыхъ сиротахъ, Каразинъ установилъ слѣдующій порядокъ. По смерти крестьянина одинъ изъ его сыновей садится на его хозяй-

ство, а остальные получаютъ новые участки земли и лѣсъ, необходимый для постройки дома. Малолѣтніе получаютъ участки *безъ взноса повинности*, и такою льготою они пользуются до совершеннолѣтія. Отведенная малолѣтнему земля, а также движимое имущество, поступившее въ пользу его по наслѣдству, отдаются въ опеку назначенному думою домохозяину. Опекунъ или ведетъ хозяйство на землѣ малолѣтняго за счетъ и въ пользу послѣдняго, причемъ за свои труды получаетъ 10% изъ дохода съ земли, или беретъ участокъ малолѣтняго какъ бы въ аренду себѣ, уплачивая за него ту повинность, которую съ подобнаго участка получаетъ помѣщикъ, съ уменьшеніемъ ея, однако, 10%, остающимися въ пользу опекуна. Полученный тѣмъ или другимъ способомъ доходъ съ земли малолѣтняго, за вычетомъ расходовъ по содержанію послѣдняго, которые, по справедливому замѣчанію Каразина, въ деревнѣ совершенно ничтожны, такъ какъ здѣсь малолѣтніе рано начинаютъ заработывать свое пропитаніе, — вносится въ общественную кассу, и полностью, съ наросшими процентами, вручается достигшему совершеннолѣтія сиротѣ. Если послѣ крестьянина остаются дочери, онѣ получаютъ землю на тѣхъ же основаніяхъ; для нихъ время платежа за землю начинается съ момента выхода замужъ, причемъ однако онѣ платятъ только *половину* установленной повинности. Бездѣтная вдова наслѣдуетъ участокъ мужа, но платитъ только *половину* повинности. Если никто изъ крестьянъ не пожелаетъ быть опекуномъ сиротъ, опека переходитъ *къ помѣщику, который*, обработывая землю въ свою пользу наемнымъ трудомъ, *вноситъ за участокъ положенныя деньги въ общественную кассу въ пользу опекаемаго малолѣтняго*. При такомъ разумномъ порядкѣ вещей сироты не только не разорялись, но, при совершеннолѣтіи, въ ихъ руки поступалъ порядочный капиталъ, съ которымъ они могли начинать полное хозяйство.

Забота объ образованіи крестьянъ, въ особенности крѣпостныхъ, въ данное время представляла крайне рѣдкое явленіе. Каразинъ, придававшій, какъ мы видѣли, столь важное значеніе народному образованію и такъ много сдѣлавшій для дѣла просвѣщенія въ Россіи, конечно не могъ не позаботиться о предоставленіи своимъ крестьянамъ возможности получить образованіе. Онъ выстроилъ для школы особое зданіе, ремонтъ котораго былъ возложенъ на крестьянъ. На содержаніе школы сельская дума

отпускала цѣну 130 рабочихъ дней (въ 1810 г. это составляло 39 р.). Изъ нихъ цѣна 30 дней назначалась на подарки лучшимъ ученикамъ, а цѣна остальныхъ ста дней составляла жалованье учителя. Сверхъ того, учитель получалъ съ родителей учащихся цѣну отъ 3 до 30 рабочихъ дней, смотря по степени зажиточности ихъ. Желающіе изъ крестьянъ могли отдавать своихъ дѣтей, кончившихъ курсъ кручикской школы, въ уѣздное училище, гдѣ должны были содержать ихъ на свой счетъ. Если кто-либо изъ поступившихъ въ уѣздное училище обнаруживалъ особенно блестящіе успѣхи, тому Каразинъ давалъ вольную, съ тѣмъ, чтобы освобожденный изъ крѣпостного состоянія впослѣдствіи, когда будетъ занимать какое-либо мѣсто на государственной службѣ или получать доходъ отъ частныхъ занятій, уплатилъ *въ пользу общественной кассы* родного села стоимость 2000 рабочихъ дней.

Наконецъ, общественный капиталъ, заведенный Каразинымъ, игралъ обширную и разностороннюю роль въ жизни его крестьянъ. Капиталъ этотъ образовался изъ сбора съ крестьянъ, имѣвшихъ на платномъ оброкѣ землю; сборъ этотъ равнялся цѣнѣ полутора рабочихъ дней съ десятины пашни и составлялъ всего по селу цѣну 1,500 рабочихъ дней; къ полученной этимъ путемъ суммѣ Каразинъ *присоединялъ свой взносъ, равный половинѣ суммы, собранной съ крестьянъ.* Къ этой суммѣ присоединялись пожертвованія, штрафы, взыскиваемые по постановленіямъ думы съ виноватыхъ въ разныхъ проступкахъ, сборъ, установленный за отлучку изъ села, сборъ съ пчеляковъ (20-й улей каждою осенью) и т. д. Изъ этой суммы покрывались общественные расходы: жалованье священнику, дьячку и пономарю, ремонтъ церкви и школы, содержаніе *школы*, *аптеки* и *фельдшера* и разные мелкіе расходы.

За покрытіемъ всѣхъ общественныхъ расходовъ получался остатокъ, служившій для образованія общественнаго капитала. Капиталъ этотъ служилъ для выдачи ссудъ крестьянамъ изъ 6% годовыхъ. Для той же цѣли служили, какъ объяснено выше, суммы, принадлежавшія сиротамъ и крестьянамъ, отданнымъ въ солдаты.

Мы далеко не исчерпали всего, что намъ извѣстно объ учрежденіяхъ, введенныхъ Каразинымъ въ принадлежащихъ ему имѣніяхъ с. Кручикѣ и въ сельцѣ Анашкинѣ. Полагаемъ, однако,

что сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть, какъ серьезно и совершенно необычно смотрѣлъ Каразинъ на обязанности помѣщика по отношенію къ крестьянамъ и въ какой мѣрѣ онъ выполнялъ эти обязанности. Онъ былъ сторонникомъ подчиненности крестьянъ помѣщикамъ; но эта подчиненность, которую онъ защищалъ, не имѣла ничего общаго съ тѣмъ, что существовало въ дѣйствительности. Онъ требовалъ—и лично собою подавалъ первый примѣръ тому,—чтобы помѣщики были достойны дарованныхъ имъ правъ и врученную имъ власть употребляли на благо «ввѣренныхъ» имъ крестьянъ; если этого не было, если помѣщики злоупотребляли ввѣренною имъ властью, Каразинъ требовалъ вмѣшательства государства и оказанія защиты крестьянамъ. Онъ возставалъ противъ злоупотребленій помѣщичьею властью и являлся на защиту крестьянъ всякій разъ, какъ только сталкивался съ проявленіями подобныхъ злоупотребленій, считая себя не въ правѣ быть безучастнымъ зрителемъ страданій крестьянъ. Приведемъ здѣсь одинъ характерный въ этомъ отношеніи примѣръ.

Въ 1820 г. Каразинъ подалъ Александру I записку по поводу различныхъ неурядицъ, царившихъ въ тогдашнемъ государственномъ управленіи. Записку эту, о которой мы будемъ говорить ниже и цитаты изъ которой приводились нами многократно, Каразинъ писалъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ однимъ изъ возмутительныхъ злоупотребленій крѣпостного права — отдачею крестьянъ въ наемныя работы. Цѣлый рядъ помѣщиковъ выгоняли изъ отдаленныхъ губерній своихъ крестьянъ въ Петербургъ и Петербургскую губернію, гдѣ они поступали въ распоряженіе подрядчиковъ, платившихъ за то помѣщикамъ приличное вознагражденіе. Эти несчастные, оторванные отъ своихъ семей, вынужденные бросить на все лѣто свое хозяйство, запродавались, какъ рабочій скотъ, и содержались подрядчиками тоже, какъ рабочая скотина. Каразинъ, ознакомившись съ этимъ ужаснымъ явленіемъ, немедленно разузналъ фамиліи помѣщиковъ, сдававшихъ въ наймы своихъ крестьянъ — это оказались преимущественно громкія графскія и княжескія фамиліи — и включилъ свѣдѣнія объ этомъ возмутительномъ дѣлѣ въ свою записку, не преминувши разразиться по адресу тогдашнихъ совѣтниковъ императора слѣдующими горькими словами, которыя конечно всего менѣе могли быть прощены сильными тогда людьми:

„Вѣроятно ли? въ самыхъ глазахъ друзей сихъ (т. е. тогдашнихъ совѣтниковъ Александра I) многія тысячи народа, запроданныя какъ рабочій скотъ подрячикамъ, вопіютъ къ небу, и вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семьсотъ и болѣе верстъ на скудныхъ нивахъ, въ одиночествѣ, со слезами безславятъ государя (тогда какъ онъ ни о чемъ столько не заботится, какъ о доставленіи имъ благосостоянія и свободы!)—и они сего не донесутъ ему! не обратятъ ниже единымъ словомъ вниманія его человѣколюбиваго сердца на *такой* предметъ!... не избавятъ его отъ неправедныхъ укоризнъ народа, его обожать рожденнаго"...

Факты, вродѣ только-что изложеннаго, съ каждымъ годомъ убѣждали Каразина въ томъ, что вопросъ объ упорядоченіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, объ обузданіи ихъ произвола закономъ, объ уничтоженіи дурной «привычки» считать собственностью крестьянъ, находящихся въ личной зависимости отъ помѣщиковъ—является важнѣйшимъ вопросомъ русской жизни. Въ запискѣ 1820 г., описывая самыми мрачными красками тогдашнее положеніе Россіи, Каразинъ оканчиваетъ одну изъ тетрадей этой записки словами: «Я не вижу ничего требующаго *немедленнаго* вниманія правительства, кромѣ отношенія поселянъ къ ихъ помѣщикамъ. Сего одного отнюдь не должно откладывать».

Ратуя такимъ образомъ за крѣпостныхъ крестьянъ, Каразинъ считалъ своею обязанностью вступаться также и за казенныхъ крестьянъ. Выше уже мы приводили примѣръ его заступничества за казенныхъ крестьянъ, которыхъ противъ ихъ воли обращали въ фабричныхъ. Но кромѣ частныхъ случаевъ, вызывавшихъ заступничество Каразина, онъ считалъ своею обязанностью обращать вниманіе правительства и на общее неудовлетворительное положеніе крестьянъ казенныхъ селеній. Между прочимъ, въ запискѣ 1820 года онъ обращалъ вниманіе тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубея, на чудовищную смертность среди казенныхъ крестьянъ Слободско-Украинской (Харьковской) губерніи.

„Не ужаснетесь-ли, напримѣръ—писалъ онъ, представляя составленныя имъ статистическія таблицы названной губерніи—увидѣвши, что въ казенномъ селеніи № 38, по десятилѣтней сложности, ежегодно изъ шестнадцати до семнадцати умираетъ одинъ? Таковой смертности нигдѣ не слыхано въ Европѣ! Это настоящій моръ: и кому, какъ не правительству, надлежитъ какъ можно скорѣе позаботиться открыть подлинныя его причины и удалить ихъ?"

Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ всего сказаннаго въ настоящей главѣ, читатель будетъ весьма удивленъ, узнавъ, что Каразинъ былъ *убѣжденнымъ крѣпостникомъ*. Онъ самымъ категориче-

скимъ образомъ заявлялъ, что считаетъ крѣпостное право «очень важнымъ, ибо оно служитъ для отечества обезпеченіемъ, что поля не будутъ безплодными степями, что промыслы останутся въ своихъ предѣлахъ и что полиція городовъ не будетъ отягощена надзоромъ надъ людьми безъ собственности, которые, не имѣя ничего терять, тѣмъ легче могутъ себѣ позволить беззаконныя средства къ пріобрѣтенію».

Такъ важно казалось Каразину крѣпостное право. Въ другомъ мѣстѣ онъ развиваетъ указанныя мысли болѣе подробно и при этомъ утверждаетъ, что крестьяне казенныхъ селеній живутъ бѣднѣе крестьянъ помѣщичьихъ, что̀ объясняетъ отсутствіемъ надзора за первыми. Мало того, Каразинъ находилъ, что помѣщики, переводившіе своихъ крестьянъ на положеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ, имѣли въ виду только одну цѣль — освободить себя отъ обязанностей по отношенію къ своимъ крестьянамъ и жить въ праздности на полученный за отпускъ на-волю крестьянъ капиталъ.

Такое двойственное отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу можетъ показаться, безъ сомнѣнія, совершенно непонятнымъ. Оно было непонятно и многимъ современникамъ Каразина, какъ не было понятно и многое другое въ этой своеобразной натурѣ. Памятникомъ этого непониманія Каразина современниками является между прочимъ тотъ куплетъ въ извѣстномъ стихотвореніи Воейкова «Домъ сумасшедшихъ», который посвященъ Каразину. Вотъ этотъ куплетъ:

„Вотъ въ передней рабъ-писатель,
Каразинъ-хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель!
Взглянемъ, что мараетъ онъ?
Пѣснь свободѣ, деспотизму,
Возгласъ всѣмъ божкамъ земнымъ,
Гимнъ похвальный атеизму
И акаѳистъ всѣмъ святымъ“.

Но въ дѣйствительности между дѣйствіями Каразина по отношенію къ крестьянскому дѣлу и его крѣпостническими убѣжденіями далеко не было такого рѣзкаго противорѣчія, какъ это кажется на первый взглядъ. Во 1-хъ, онъ считалъ крѣпостное право въ той формѣ, въ какой оно проявлялось у насъ на дѣлѣ—въ формѣ признанія крестьянъ помѣщичьею собственностью — совершенно

незаконнымъ, злоупотребленіемъ, явившимся результатомъ попущенія со стороны государственной власти, и находилъ, что для уничтоженія этого злоупотребленія достаточно, чтобы только власть проявила по отношенію къ крестьянамъ ту заботливость, къ которой она обязана, чтобы власть не поступалась своими правами въ пользу помѣщиковъ, а, напротивъ, преслѣдовала всякую узурпацію этихъ правъ послѣдними и избавляла крестьянъ отъ послѣдствій неисполненія помѣщиками своихъ обязанностей. Для Каразина крѣпостное право, какъ онъ это прямо выясняетъ при исповѣданіи своихъ крѣпостническихъ убѣжденій, было только «право подчиненности поселянъ своимъ помѣщикамъ» въ томъ смыслѣ, какъ выяснено выше, т. е. въ смыслѣ лишь административной опеки и отношеній землевладѣльца къ вѣчно-наслѣдственнымъ арендаторамъ. Въ виду этого такія проявленія крѣпостничества, какъ право ссылки крестьянъ, продажа ихъ и даже сдача въ наемъ и взиманіе «вывода» при выходѣ замужъ крѣпостной крестьянки за казеннаго крестьянина или принадлежащаго другому помѣщику,—были признаваемы Каразинымъ чудовищнымъ противозаконіемъ, противъ котораго государственная власть должна была возстать всѣми силами. Онъ не понималъ, зачѣмъ нужны законодательныя мѣры, которыя освободили бы крестьянина, разъ онъ юридически, законно не былъ никогда порабощенъ, а фактическое порабощеніе было только злоупотребленіемъ, которое власть должна была просто прекратить. Во 2-хъ, будучи идеалистомъ, Каразинъ воображалъ, что власти не трудно превратить помѣщиковъ въ идеальныхъ управителей крестьянами. Для этого онъ считалъ необходимымъ только съ одной стороны строгое преслѣдованіе всѣхъ злоупотребленій помѣщичьею властью, въ числѣ которыхъ онъ, какъ мы видѣли, помѣщалъ существеннѣйшія прерогативы крѣпостничества, а съ другой—поощреніе разумнаго и добропорядочнаго управленія крестьянами со стороны помѣщиковъ, какъ особаго вида государственной службы. Для насъ такой идеализмъ страненъ. Но не будемъ судить за него строго: человѣкъ судилъ о другихъ по себѣ. А самъ Каразинъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ былъ именно тѣмъ попечителемъ и заступникомъ за нихъ, идеалъ котораго рисовался въ его воображеніи...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Каразинъ, какъ ученый и хозяинъ.—Филотехническое общество.

Рядомъ съ заботами объ улучшеніи положенія «ввѣренныхъ» Каразину крестьянъ, деревенскую жизнь его наполняли ученыя работы и хозяйственныя занятія. И во всѣхъ этихъ областяхъ дѣятельность Каразина являлась выдающеюся, совершенно необычайною для того времени.

Какъ ученый, Каразинъ остается совершенно неизвѣстнымъ. А между тѣмъ въ этомъ отношеніи онъ являлся настолько передовымъ человѣкомъ, что многія идеи его могли бы дать на Западѣ человѣку крупное научное имя. Нѣкоторыя научныя идеи Каразина, оставленныя безъ вниманія въ то время, когда онъ ихъ высказывалъ, и основательно забытыя, только въ самое послѣднее время сдѣлались достояніемъ науки и считаются справедливо крупнымъ научнымъ завоеваніемъ.

Научная дѣятельность Каразина была крайне разнообразна. Исторія, современная литература, экономическіе вопросы и обширная область естествознанія—таковы предметы научныхъ занятій Каразина втеченіе почти сорокалѣтняго пребыванія въ деревнѣ. Сообразно такой разносторонности, Каразинъ является членомъ разнообразныхъ ученыхъ обществъ. Въ Харьковѣ, при его участіи и въ значительной мѣрѣ благодаря его инициативѣ, возникаетъ «Общество наукъ, состоящее при Имп. Харьковскомъ университетѣ». Другое харьковское общество—«Филотехническое», обязано своимъ возникновеніемъ исключительно Каразину. Какъ почетный членъ харьковскаго университета, Каразинъ принимаетъ близкое участіе въ его жизни, и мы встрѣчаемъ его рѣчи, произнесенныя по разнымъ поводамъ въ университетскихъ собраніяхъ. Въ то же

время Каразинъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ московскаго «Общества испытателей природы» и петербургскаго «Общества любителей словесности». Сохранились рѣчи и доклады, читанные Каразинымъ въ этихъ обществахъ. Въ «Обществѣ любителей словесности» онъ одно время былъ помощникомъ предсѣдателя.

Нѣкоторыя историческія работы Каразина напечатаны въ «Молодикѣ на 1884 г.», украинскомъ литературномъ сборникѣ, изданномъ въ Харьковѣ въ 1843 году. Онѣ касаются прошлаго мѣстной жизни и содержатъ рядъ историческихъ матеріаловъ. Къ историческимъ изысканіямъ Каразинъ обратился уже въ концѣ своей жизни. Въ болѣе молодомъ возрастѣ онъ работалъ надъ изслѣдованіемъ современнаго ему положенія родного края. Плодомъ работъ въ этомъ направленіи явилась «Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія въ Слободско-Украинской губерніи, на основаніи 10-лѣтней сложности (съ 1808 по 1817г.), съ обозначеніемъ уѣздовъ, селъ, числа рожденій, смертности и браковъ». Объ этомъ трудѣ мы упоминали уже выше по поводу представленія его въ 1820 г. тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею, вниманіе котораго онъ обращалъ на явствовавшую изъ таблицъ страшную смертность среди государственныхъ крестьянъ и необходимость принятія мѣръ для устраненія причинъ ея. При этомъ Каразинъ высказалъ, какое серьезное значеніе должны имѣть статистическія изслѣдованія, которыя вызываютъ государственныя мѣропріятія на благо населенія и служатъ имъ опорою при ихъ осуществленіи.

Въ качествѣ члена петербургскаго общества любителей словесности, Каразинъ произнесъ въ 1820 г., въ собраніи этого общества «Разсужденіе объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи». Рѣчь эта показываетъ, что Каразинъ внимательно слѣдилъ за современной литературой и былъ au courant всего въ ней. Въ рѣчи высказываются взгляды на задачи ученыхъ обществъ и литературы, которыя должны были казаться для того времени революціонными, да и для нашего времени не безъинтересны. Рѣшаемся привести длинную выписку изъ «Разсужденія», такъ какъ подлинныя слова Каразина всего лучше характеризуютъ эту замѣчательную личность съ разсматриваемой стороны.

„Теперь, когда публика требуетъ занятій, болѣе мужественныхъ нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзіею, которая только—поэзія, прозою,

которая не представляетъ уму никакихъ полезныхъ истинъ?... Нѣтъ, мм. гг., сіи почтенныя сословія должны имѣть возвышеннѣйшую цѣль. Они должны *дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ...* Не обязаны-ли они *развивать полезныя знанія, образовывать вкусъ, дѣйствовать на нравы?* Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ, другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ, не намъ только однимъ, но и чужестранцамъ; у насъ, въ цѣлой Россіи, нѣтъ ни одного періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько занимательныхъ! А мы будемъ преподавать слушателямъ *шарады на горохъ, соблазнительныя элегіи и стишки въ альбомы!..* и, не стыдясь, называться *соревнователями просвѣщенія!..*

„Весьма справедливо, мм. гг., сравниваютъ жизнь царствъ, жизнь человѣчества вообще съ жизнью человѣка въ отдѣльности. Младенецъ требуетъ игръ, юноша забавъ, а мужъ радостей другого рода. Въ XV и XVI вѣкахъ предѣлы *словесности*, въ собственномъ смыслѣ, весьма рѣзко отдѣлялись отъ *учености*. За то ученость эта отзывалась съ каѳедръ и въ книгахъ самымъ суровымъ образомъ. Надменная ея, нахмуренная физіономія ужасала, между тѣмъ какъ смѣющіяся музы бесѣдовали приторнымъ языкомъ о бездѣлицахъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ научились о самыхъ важныхъ, отвлеченнѣйшихъ вещахъ говорить пріятно, когда блескъ краснорѣчія и безцѣнные перлы поэзіи начали одѣвать философію, собственно такъ называемая *словесность*, словесность безъ цѣли, мало привлекаетъ. *Это орудіе, а не предметъ искусства; краски, а не картина!* Такъ и быть должно въ настоящее время, въ вѣкъ возмужалости.

„Вмѣсто того, чтобы описывать въ *десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ*, употребимъ то же дарованіе, то же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ, опишемъ лучше *путешествія дѣйствительно совершенныя въ нѣдрахъ отечества нашего. Исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ нравы ея разновидныхъ обитателей*, отъ кочующаго на льдахъ полярныхъ чукчи, до индѣйца, благоговѣйно поклоняющагося бакинскому огню. Или съ Тацитомъ и Карамзинымъ испытаемъ углубиться въ *исторію народовъ...*

„Для поэзіи же какое поле передъ нами!.. Пора перестать быть *подражателями* только. Ломоносовъ, Державинъ, малое число извѣстныхъ новѣйшихъ драмматиковъ и баснописцевъ указали намъ богатство отечественныхъ рудъ, у самаго лишь входа къ нимъ, такъ сказать. Сдѣлаемъ изъ *языка боговъ* достойное употребленіе. Вмѣсто того, чтобы нѣжить, *баловать* воображеніе людей праздныхъ, не лучше-ль испытать рукою грацій разбудить въ сердцахъ *любовь къ наукамъ, къ должностямъ* (т. е. нравственнымъ обязанностямъ), *къ изящной простотѣ во вкусѣ и нравахъ, къ жизни въ городахъ и селахъ, свойственной просвѣщенному человѣку, къ истинной благотворительности во всякомъ кругу дѣйствія?*“

Это воззваніе къ тогдашнимъ «соревнователямъ просвѣщенія» является образчикомъ того наивнаго идеализма, который остался присущъ Каразину до конца дней. Рекомендовать людямъ, весь кругозоръ которыхъ не выходилъ за предѣлы дѣтскихъ шарадъ и воспѣванія «журчанья ручейковъ»—оставить всѣ эти глупости и заняться «дѣльными предметами»: описаніемъ родины, естественными науками, технологіей, исторіей и воспитаніемъ въ обществѣ гражданскихъ доблестей—было въ высшей степени наивно. Единственнымъ результатомъ, котораго достигъ Каразинъ, явилось крайнее возбужденіе противъ него гг. «соревнователей просвѣщенія». Послѣ его рѣчи въ засѣданіи общества произошла такая бурная и грубо-неприличная сцена, что Каразину оставалось только выдти изъ членовъ общества, что онъ и сдѣлалъ. «Естественныя науки, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ»—то, что онъ рекомендовалъ «соревнователямъ просвѣщенія»—и были главнымъ предметомъ занятій Каразина послѣ выхода въ отставку. Любовь къ естественнымъ наукамъ у него явилась еще въ юности и не покидала его до самой смерти. Въ деревнѣ онъ выписывалъ множество научныхъ журналовъ, пріобрѣталъ всѣ выходящія выдающіяся научныя сочиненія и такимъ образомъ слѣдилъ за состояніемъ научныхъ знаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ работалъ самъ въ различныхъ отрасляхъ естествознанія, преимущественно имѣя въ виду практическія приложенія его. Наибольшею любовью его пользовались метеорологія и химія. Немедленно же по пріѣздѣ въ деревню въ 1804 году онъ началъ метеорологическія наблюденія. Наблюденія эти производились почти втеченіе 40 лѣтъ, до самой смерти Каразина. Съ 1817 г. выписки изъ метеорологическихъ записей Каразина печатались въ «Харьковскихъ Извѣстіяхъ». Но личными наблюденіями Каразинъ не могъ довольствоваться. Онъ еще въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія пришелъ къ мысли — которая значительно позднѣе легла въ основу современныхъ метеорологическихъ изслѣдованій—о необходимости организаціи повсемѣстныхъ наблюденій надъ метеорологическими явленіями для того, чтобы получить возможность предсказывать погоду. Мысль эту Каразинъ высказалъ въ 1810 г. въ докладѣ московскому обществу естествоиспытателей; затѣмъ она была повторена въ 1817 году въ «Сынѣ Отечества» и въ 1839 г. въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Будь эта мысль высказана въ Европѣ, она на полстолѣтіе ускорила-бы созданіе существующей нынѣ въ мірѣ сѣти метеоро-

логическихъ станцій. У насъ-же эта мысль прошла незамѣченною, была забыта и совершенно погибла для науки. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ Каразинъ впервые высказалъ публично указанную мысль, она была повторена астрономомъ Леверье и съ восторгомъ принята ученымъ міромъ, послуживъ могучимъ толчкомъ къ развитію метеорологіи и сообщенію ей характера точной науки, равно какъ и основою организаціи предостереженій для моряковъ и предсказаній погоды для сельскихъ хозяевъ.

Чтобы показать, до какой степени новѣйшая организація метеорологическихъ наблюденій тожественна съ тѣмъ планомъ, который Каразинъ развивалъ еще въ 1810 году, и какъ предъугадывалъ онъ великое практическое значеніе метеорологіи, которое еще и доселѣ почти все въ будущемъ и на которое только слабые намеки имѣемъ мы въ настоящемъ, мы приведемъ здѣсь выписки изъ вышеупомянутаго доклада Каразина московскому обществу естествоиспытателей. Для Каразина метеорологія была—

„наука, которая бы, руководя земледѣльца въ его работахъ, предотвращала неурожаи; наука, которая видимо содѣйствовала бы развитію торговли, мореплаванія и военнаго искусства; наука, наконецъ, которая могла бы указывать правительству время, когда должно ожидать скудныхъ сборовъ земныхъ произрастеній и принимать мѣры, если не къ воспрепятствованію ихъ недостатка, то по крайней мѣрѣ къ отклоненію голода“.

Но чтобы метеорологія пріобрѣла такое важное значеніе, чтобы она стала точною наукою, необходима обширная организація наблюденій, которая дала бы возможность выяснить причины метеорологическихъ явленій и законы, управляющіе ими.

„Не дойдемъ мы, вѣроятно, никогда до познанія первоначальныхъ причинъ атмосферическихъ перемѣнъ, познанія, которое бы дало намъ возможность производить ихъ по нашему произволу. Но должны-ли мы отчаяваться дойдти до второстепенныхъ причинъ этихъ перемѣнъ, узнать способы направлять ихъ на свою пользу и отвращать возможный ихъ вредъ? Не руководствуется-ли уже и теперь земледѣлецъ—по одному только преданію и навыку, что такой-то вѣтеръ приноситъ дождь, а такой-то полетъ ласточекъ предвѣщаетъ ведро—этими признаками въ своихъ работахъ?

„Собраніе такихъ признаковъ, соединенное съ научными изслѣдованіями, при помощи физическихъ инструментовъ, не было до сихъ поръ производимо въ достаточной степени, чтобъ доставить сводъ правилъ. *Разрозненность, малочисленность, неодновременность и неточность наблюденій причиною тому*. Если справедливо, что наблюденіе, въ научномъ смыслѣ, должно быть непремѣнно всесторонее разсмотрѣніе предмета, что даже нѣсколько наблюденій тогда только могутъ

привести къ желаемымъ результатамъ, когда они *обняли все пространство созерцаемаго явленія*; *то какое множество наблюденій должно быть дѣлаемо для изслѣдованія явленій*, *происходящихъ на пространствѣ всего земного шара*! *Что тутъ значитъ одинъ человѣкъ*? *Какую частицу цѣлаго можетъ онъ обнять*?.. Всѣ частныя наблюденія, еслибъ даже ихъ производили ученѣйшіе и неутомимѣйшіе люди, не приведутъ ни къ какимъ результатамъ; они умножатъ только, можетъ быть, нѣсколькими свѣтлыми идеями массу нашихъ познаній, возбудятъ наше любопытство и заставятъ воображеніе наше строить разныя остроумныя ипотезы, но не дадутъ намъ данныхъ для вывода точныхъ правилъ.

„Въ астрономіи мы видимъ уже пользу отъ постоянныхъ и связныхъ наблюденій. Нельзя не желать, чтобы подобныя же наблюденія были удѣломъ и метеорологіи. И какая страна, мм. гг., представляетъ столько, какъ наше отечество, средствъ къ тому?

„Пространство Россіи, занимающей чуть не шестую часть всей обитаемой поверхности земного шара; уѣздныя училища, находящіяся въ разныхъ ея пунктахъ, отъ Колы до Тифлиса и отъ Либавы до Нижне-камчатска; подчиненіе сихъ училищъ одному начальству и обязанность ихъ имѣть у себя физическіе инструменты, все это обѣщаетъ наблюденіямъ, производимымъ постоянно и разумно, счастливые результаты.

„Для облегченія наблюдателей, можно не обязывать ихъ сноситься письменно самимъ съ ихъ собратьями; довольно, если все записываемое будутъ присылать они въ подлинникѣ въ какое-нибудь общество ученыхъ, которые займутся уже выводомъ правилъ... Нѣтъ сомнѣнія, что какъ скоро такія мѣры у насъ будутъ приняты и неустанно исполняемы хотя одинъ только годъ, то ученыя общества всего земного шара, узнавъ о нихъ, не преминутъ принять участіе. Командиры судовъ дальняго плаванія будутъ также содѣйствовать своими наблюденіями. Таблицы, повсюду единообразно составляемыя, приведутъ къ разрѣшенію задачъ, тѣмъ болѣе не трудному, что въ нихъ не будетъ данныхъ неизвѣстныхъ...

„Я увѣренъ, что если мы будемъ изслѣдовать ближайшія причины атмосферическихъ явленій, если мы будемъ дѣлать сравненія, въ разныя времена года и въ разныхъ точкахъ земного шара, *направленія вѣтровъ*, *измѣненій магнитной стрѣлки*, *тяжести воздуха и количества въ немъ электричества*; если будемъ сопоставлять *періодическія перемѣны погоды съ неперіодическими*, которыя однакожъ должны бы имѣть также нѣкоторую правильность безъ вліянія какихъ-нибудь постороннихъ причинъ; если будемъ принимать въ разсчетъ *возвышенность наблюдательныхъ пунктовъ надъ уровнемъ моря*, *состояніе ихъ почвы*, лѣсной-ли, степной-ли, болотистой-ли, каменистой-ли, песчаной-ли, солонцеватой-ли и т. д.; если будемъ обращать вниманіе на *дѣйствіе солнечныхъ лучей при различномъ ихъ отраженіи и рефракціи*, - то мы дойдемъ до теоріи, неподверженной сомнѣнію, которая и дастъ намъ возможность предсказывать погоду на данное время года и на данное мѣсто, но за цѣлый годъ впередъ“...

Человѣкъ, знакомый съ современнымъ состояніемъ метеорологіи, увидитъ въ приведенныхъ отрывкахъ полную программу того развитія метеорологіи, какое она получила къ нашему времени. Каразинъ указалъ *цѣль* метеорологіи и выяснилъ ея важное *значеніе;* онъ опредѣлилъ *содержаніе* этой науки, отмѣтивъ явленія, подлежащія ея вѣдѣнію, и наконецъ указалъ *методъ изслѣдованія* этихъ явленій, состоящій въ собраніи и обобщеніи возможно бо̀льшаго числа одновременныхъ, постоянныхъ и ведущихся по одинаковой программѣ наблюденій, производимыхъ во всѣхъ странахъ земного шара.

Плодотворныя идеи Каразина относительно метеорологіи оказались выше пониманія тогдашняго общества. Надъ Каразинымъ стали смѣяться; иные серьезно вообразили, что онъ предлагаетъ *создавать* погоду. Въ 1824 году Аракчеевъ, проѣзжая черезъ г. Богодуховъ (Харьковской губ.), сказалъ крестьянамъ, просившимъ о помощи по случаю неурожая: «странно, что вы голодаете: подъ бокомъ у васъ живетъ колдунъ (имѣніе Каразина находилось возлѣ Богодухова), который сводитъ съ небесъ дождь и громъ, когда захочетъ; обратитесь къ нему». Еще въ 50-хъ годахъ одинъ писатель того времени поднималъ на смѣхъ Каразина, приписывая ему идею «фабрикаціи» погоды. Каразинъ имѣлъ однако утѣшеніе встрѣтить при своей жизни хотя одного человѣка, который понялъ его идеи и оцѣнилъ ихъ. Это былъ знаменитый Гумбольдтъ, который, во время своего пребыванія въ Россіи, познакомился съ Каразинымъ и съ полнымъ сочувствіемъ выслушивалъ его широкіе научные планы. И какъ знать, не перешли-ли идеи Каразина относительно научной постановки метеорологіи чрезъ Гумбольдта въ западную науку и не явилось-ли знаменитое предложеніе Леверье объ организаціи телеграфическихъ передачъ наблюденій метеорологическихъ станцій, послужившее къ сообщенію метеорологіи характера практической науки, отголоскомъ идей Каразина?

Другая научная идея, которою Каразинъ еще болѣе опередилъ свое время, была изложена имъ въ 1818 г. въ запискѣ «О возможности приложить электрич. силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка». Записка эта была составлена по требованію Александра I, который заинтересовался вопросомъ, прочитавши статью объ электричествѣ, помѣщенную Каразинымъ въ годичномъ отчетѣ основаннаго имъ филотехническаго общества.

Нѣтъ сомнѣнія, что способъ, которымъ Каразинъ имѣлъ въ

виду обратить на службу человѣка атмосферное электричество, въ настоящее время не выдержитъ критики, но самая идея о пользованіи этимъ электричествомъ для практическихъ цѣлей, равно какъ и указаніе примѣненій, которыя бы могли бы быть сдѣланы изъ атмосфернаго электричества, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно широкомъ умственномъ кругозорѣ Каразина, крайней пытливости его ума и остроумной изобрѣтательности.

Каразинъ предлагалъ устраивать воздушные шары и пускать ихъ въ верхніе слои атмосферы на шнурахъ, чрезъ которые должна проходить серебряная проволока, соединяющаяся внизу съ мѣднымъ высеребреннымъ шаромъ. Воздушный шаръ долженъ былъ играть роль собирателя атмосфернаго электричества, серебряная проволока—роль проводника, а высеребренный шаръ—конденсатора электричества, своего рода лейденской банки. Такимъ образомъ получался бы громадный электрическій приборъ, съ силою котораго не могла бы сравниться ни одна электрическая машина (динамо-машины тогда еще не были изобрѣтены) и при помощи котораго собственно добываніе электричества не стоило бы никакого труда, ни расходовъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи подобный снарядъ, Каразинъ полагалъ возможнымъ изучить роль атмосфернаго электричества въ метеорологическихъ явленіяхъ, воздѣйствіе громадной электрической силы на химическія образованія и разложенія и отсюда примѣненія атмосфернаго электричества къ технологіи и земледѣлію.

И эти идеи Каразина были оставлены безъ вниманія и забыты. Записка Каразина была препровождена Александромъ I на заключеніе Академіи Наукъ. Здѣсь она была разсмотрѣна академикомъ Фусомъ, тѣмъ самымъ, которому когда-то Каразинъ доставилъ мѣсто въ главномъ правленіи училищъ. Этотъ ученый академикъ совсѣмъ не замѣтилъ идеи Каразина о примѣненіи атмосфернаго электричества къ нуждамъ человѣка и остановился только на предложенномъ имъ электрическомъ снарядѣ, найдя, что «устроеніе электро-атмосфернаго снаряда, по проекту Каразина, будетъ безполезно, поелику помощію простѣйшихъ орудій, какъ-то лейденскихъ банокъ, гальваническаго столба и проч., хотя нѣсколько медленнѣе, но несравненно легче, надежнѣе и при меньшихъ издержкахъ добывается такое количество электричества, какое только бываетъ нужно». Съ этимъ заключеніемъ ограниченнаго академика

согласился и ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія. Этимъ дѣло и кончилось.

Только теперь, черезъ 60 лѣтъ, снова приходятъ къ идеѣ Каразина о пользованіи атмосфернымъ электричествомъ. Мы разумѣемъ недавніе опыты надъ вліяніемъ на культуру полевыхъ растеній атмосфернаго электричества, сконцентрированнаго надъ полемъ при помощи шестовъ съ металлическими остріями на вершинахъ. Эти опыты, давшіе поразительные результаты въ смыслѣ усиленія роста и вѣса культивируемыхъ растеній, являются не болѣе, какъ только частнымъ примѣненіемъ общей идеи Каразина, которая еще ждетъ полной оцѣнки и осуществленія въ будущемъ. И если еще и наше время оказывается позади идей, занимавшихъ Каразина, то насколько достойно вниманія то обстоятельство, что идеи эти явились 60 лѣтъ тому назадъ, когда естествознаніе было такъ младенчески слабо сравнительно съ его теперешнимъ состояніемъ, и какимъ выдающимся долженъ былъ быть умъ, додумавшійся до этихъ идей уже въ то далекое время!..

Другихъ научныхъ идей и работъ Каразина мы коснемся лишь слегка.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ и до старости его занималъ вопросъ о химическихъ процессахъ и превращеніи въ питательныя вещества растительныхъ веществъ, не усваиваемыхъ организмомъ. Еще въ 1840 году, за два года до смерти, онъ писалъ на эту тему въ «Харьков. Губ. Вѣдомостяхъ» и предлагалъ основать общество на акціяхъ, которое дало бы средства для производства опытовъ надъ превращеніемъ древесныхъ веществъ въ питательныя.

Работая надъ сухою перегонкою веществъ для выработки пріемовъ добыванія дегтя и бальзамирующихъ веществъ, Каразинъ добылъ въ 1823 году вещество, которое было признано спеціалистомъ проф. Сухомлиновымъ кристаллическимъ углеродомъ, весьма близкимъ къ алмазу. Это было за нѣсколько лѣтъ до извѣстныхъ опытовъ Каньяръ-Латура и Ганналя надъ превращеніемъ угля въ кристаллообразное вещество.

Въ 1809 и слѣдующихъ годахъ Каразинъ занимался выработкою новыхъ способовъ добыванія селитры. Опыты его увѣнчались успѣхомъ и дали прекрасные результаты при пробномъ производствѣ. Онъ пытался устроить это дѣло въ большихъ размѣрахъ, но личныхъ средствъ на это у него не было, капиталы частныхъ

лицъ тогда были рѣдкостью, а попытка получить ссуду изъ казны окончилась, какъ было сказано выше, неудачею.

Еще ранѣе селитроваренія, а также и послѣ этихъ опытовъ, Каразинъ работалъ надъ усовершенствованіемъ винокуренія, надъ кожевеннымъ производствомъ, надъ сушеніемъ плодовъ по новому, придуманному имъ способу «теплотою водяныхъ паровъ», надъ сушеніемъ «червеца», т. е. кошенили, надъ красильными травами, надъ улучшеніемъ пріемовъ добыванія маслъ, вытопки сала, приготовленія свѣчей изъ воска, добыванія извести, приготовленія уксуса и разнообразныхъ животныхъ консервовъ. Каразинъ работалъ также надъ изобрѣтеніемъ способовъ отопленія, которые содѣйствовали бы сбереженію дровъ. Занимаясь этимъ вопросомъ, онъ остановился на мысли о «водяномъ отопленіи», т. е. доставленіи тепла комнатамъ при помощи водяныхъ паровъ, проводимыхъ по трубамъ. Каразинъ предлагалъ примѣнить эту идею для отопленія царскихъ дворцовъ, но его предложеніе было отклонено. Позднѣе эта идея была осуществлена въ Берлинѣ Кипферлингомъ, и затѣмъ водяное отопленіе было перенесено и къ намъ, причемъ о предложеніи Каразина никто и не вспомнилъ.

Въ области хозяйства Каразинъ являлся сторонникомъ сельскохозяйственныхъ-техническихъ производствъ и сбыта концентратовъ. Эта идея и доселѣ у насъ не оцѣнена по достоинству, а на практикѣ все наше сельское хозяйство основано на производствѣ и сбытѣ сырья. Если такъ стоитъ дѣло въ настоящее время, то еще печальнѣе оно обстояло во времена Каразина. Все хозяйство заключалось тогда въ культурѣ грубыхъ, дешевыхъ хлѣбовъ и грубомъ скотоводствѣ. И Каразинъ употреблялъ всѣ возможныя старанія для пропаганды обращенія сельскохозяйственнаго сырья въ цѣнные концентраты и введенія въ культуру болѣе цѣнныхъ растеній. Въ 1815 году, желая убѣдить харьковскихъ помѣщиковъ въ возможности заготовлять мясные консервы и сбывать въ этомъ видѣ мясо заграницу, Каразинъ заказалъ въ Англіи три ящика консервовъ, которые и отправилъ въ кругосвѣтное плаваніе на одномъ военномъ суднѣ. Плаваніе это продолжалось три года, послѣ чего ящики были доставлены Каразину. Послѣдній въ 1818 г. въ собраніи филотехническаго общества вскрылъ жестяные ящики, сварилъ на виду заключавшуюся въ нихъ говядину и угостилъ ею всѣхъ присутствующихъ, которые были крайне поражены, найдя, что трехгодовалая говядина нисколько не испортилась.

Какъ мало шла вся эта дѣятельность Каразина къ его времени, наглядно показываетъ то обстоятельство, что ни для одного изъ предположенныхъ имъ предпріятій онъ не могъ найдти нужныхъ капиталовъ. Личныя же средства его были разстроены еще во время и ради основанія Харьковскаго университета. Что касается государственной поддержки, то на сколько мало могъ на нее разсчитывать Каразинъ, ясно видно, кромѣ указанной выше исторіи со ссудой для основанія селитрянаго завода, еще изъ слѣдующаго эпизода. Въ 1813 г., когда русская армія, изгнавъ изъ Россіи армію Наполеона, вступила въ Германію и возникъ серьезный и затруднительный вопросъ о способахъ продовольствія русскихъ войскъ за границей, Каразинъ послалъ коммиссіонера въ дѣйствующую армію съ запискою о снабженіи арміи для продовольствія концентрированнымъ спиртомъ, сухимъ бульономъ и консервами изъ овощей для приготовленія щей (какъ извѣстно, вошедшими теперь въ употребленіе во время войнъ). Почти цѣлый годъ коммиссіонеръ этотъ ѣздилъ за арміей, но тѣ, отъ которыхъ зависѣло разсмотрѣніе записки Каразина и принятіе его предложенія, оказалось, никакъ не могли найдти для этого свободнаго времени, такъ что наконецъ коммиссіонеру надоѣло толочься безъ пользы при арміи и онъ возвратился къ Каразину съ нечитанной никѣмъ запиской.

Неудачи не уменьшали однако энергіи Каразина и онъ неутомимо работалъ для поднятія хозяйства южной Россіи. Онъ вводилъ въ культуру новыя растенія—разные иностранные виды ржи, китайскую пшеницу, испанскій ячмень, пропагандировалъ разведеніе новаго тогда картофеля, бралъ на себя выписку всякихъ сѣмянъ изъ-за границы, вводилъ неизвѣстное тогда на черноземѣ удобреніе, изыскивалъ мѣры борьбы съ вредными насѣкомыми, изобрѣлъ особый «украинскій овинъ», усовершенствовалъ китайскій катокъ, и т. д. Особенно горячо Каразинъ стоялъ за распространеніе садоводства и вообще древесныхъ насажденій. Въ своемъ имѣніи онъ развелъ обширный садъ, а на поляхъ посадилъ повсюду по межамъ множество лѣсныхъ деревьевъ. Лѣсоразведенію, равно какъ и охраненію существующихъ лѣсовъ онъ придавалъ огромное значеніе. На эту тему Каразинымъ было написано нѣсколько статей, гдѣ онъ говоритъ о необходимости тщательнаго охраненія существующихъ лѣсовъ, о легкости разведенія новыхъ и т. д.

Мы коснулись лишь слегка хозяйственной дѣятельности Каразина и далеко не указали всѣхъ предметовъ, которыми онъ занимался въ этой области. Человѣкъ неутомимый, съ широкой энергіей, свободный отъ узости «практическихъ» людей, Каразинъ хватался за все, въ чемъ видѣлъ общественную пользу, и во всемъ, за что онъ ни брался, онъ далеко опережалъ свой вѣкъ. Его пылъ и преданность вопросамъ, которыми онъ занимался, были такъ велики, что онъ увлекъ даже тогдашнее сонное провинціальное общество и соединилъ вокругъ своихъ проэктовъ группу лицъ, образовавшихъ что-то среднее между ученымъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ и коммерческимъ предпріятіемъ.

Это было такъ называемое «Фило-техническое общество», возникшее въ Харьковѣ въ 1811 году. Учреждая филотехническое общество, Каразинъ имѣлъ въ виду поднять хозяйство южной Россіи. Въ изданныхъ имъ «Мысляхъ объ учрежденіи филотехническаго общества» онъ такими чертами описываетъ тогдашнее состояніе хозяйства южныхъ губерній: «поля обработываются скудно; хижины напоминаютъ времена первобытныя; съ сѣвера выписываются прививки и садовники; грязныя винокурни, дымомъ ослѣпляющія глаза работниковъ и пожравшія немилостиво большую часть лѣсовъ нашихъ, и подобныя же имъ селитроварни суть единственныя наши фабрики».

Само собою разумѣется, что правителемъ дѣлъ общества былъ избранъ и состоялъ, все время существованія общества, Каразинъ. Въ сущности онъ одинъ и составлялъ все общество. Остальные члены, число которыхъ доходило до ста, относились крайне пассивно къ затѣянному дѣлу, довольствуясь участіемъ въ собраніяхъ, которыя совпадали съ ярмарками и на которыя смотрѣли просто какъ на развлеченія, да выраженіемъ неудовольствія на правителя дѣлъ. Каразинъ одинъ устраивалъ «заведенія», производилъ разные опыты, составлялъ отчеты о нихъ и разныя статьи, печаталъ «Акты» общества, произносилъ рѣчи въ собраніяхъ и показывалъ членамъ общества опыты, вродѣ указаннаго выше съ мясными консервами, и т. д.

Филотехническое общество, просуществовавъ около 10 лѣтъ, закрылось, послѣ того какъ съ «правителемъ дѣлъ» его приключилась неожиданная катастрофа, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Письма къ Александру I и Записка 1820 г.—Арестъ и высылка въ имѣніе.—Письмо къ императору Николаю.

Удалившись въ концѣ 1804 года въ деревню, Каразинъ посвятилъ себя всецѣло мѣстной общественной дѣятельности, хозяйственнымъ и научнымъ занятіямъ и заботамъ о своихъ крестьянахъ. Но, какъ человѣкъ, близко принимавшій къ сердцу судьбы своего отечества, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что дѣлалось въ сферахъ, управлявшихъ этими судьбами, равно какъ и къ общему внѣшнему и внутреннему положенію Россіи. Полагая, что право, данное ему Александромъ I,—писать послѣднему непосредственно, минуя всѣ правительственныя инстанціи, и говорить ему правду, не отнято у него, не смотря на то, что потеря расположенія къ нему императора выразилась въ весьма реальныхъ фактахъ,—Каразинъ считалъ себя обязаннымъ время отъ времени пользоваться этимъ правомъ и обращаться къ Александру I съ письмами, въ которыхъ выражалъ свое мнѣніе о происходившихъ тогда событіяхъ. Такъ въ 1807 г. онъ написалъ письмо Александру I по поводу вмѣшательства Россіи въ европейскія дѣла, которое Каразинъ основательно считалъ въ высшей степени пагубнымъ для Россіи. За это письмо, которое къ сожалѣнію доселѣ не напечатано, Каразину пришлось высидѣть недѣлю на гауптвахтѣ. Слѣдующія десять лѣтъ Каразинъ, повидимому, ни разу не обращался къ императору. Можно думать, что неисполненіе тѣхъ надеждъ, которыя Каразинъ вмѣстѣ со многими другими возлагалъ на Александра I при его восшествіи, разочаровало его въ императорѣ. Въ 1817 году Каразинъ однако

снова пишетъ письмо къ Александру I, возмущенный нѣсколькими фактами, которые позволило себѣ тогдашнее реакціонное правительство, вродѣ высылки за границу престарѣлаго профессора харьковскаго университета Шада за либеральныя идеи. Въ письмѣ этомъ Каразинъ объяснялъ подобные факты измѣнническимъ отношеніемъ къ Россіи сильныхъ тогда людей, которые желали подобными дѣяніями повредить достоинству и чести Россіи. Понятное дѣло, что такого рода письмо не могло понравиться ни Александру I, въ это время все болѣе и болѣе склонявшемуся къ реакціи, ни тѣмъ сильнымъ людямъ, которыхъ Каразинъ обвинялъ въ измѣнѣ. Но еще болѣе сильное неудовольствіе долженъ былъ навлечь на себя Каразинъ письмомъ, написаннымъ Александру I въ 1820 г., и объяснительною къ нему запискою, составленною по требованію императора. Въ письмѣ этомъ Каразинъ «говорилъ правду» Александру I съ такою безцеремонною и смѣлою прямотою, которая становится просто удивительною, если принять во вниманіе тогдашнее мрачное время—время господства Аракчеевыхъ и Магницкихъ.

Тяжелое время переживала тогда Россія. Всѣ либеральныя начинанія Александра I превратились въ «забытыя слова». Все, что въ началѣ царствованія этого императора было покровительствуемо имъ, теперь строго преслѣдовалось. Мѣсто религіозной свободы заняли религіозныя преслѣдованія. Крестьянскій вопросъ былъ сданъ въ архивъ. «Вольный духъ» преслѣдовался въ самыхъ невинныхъ его проявленіяхъ. Въ университетахъ царили Магнинцкіе и Руничи; въ арміи свирѣпствовалъ Аракчеевъ, создававшій чудовищныя «военныя поселенія»; въ центральномъ правительствѣ главную роль играли разные иностранные авантюристы, ренегаты прежняго либеральнаго направленія и мракобѣсы —мистики и формалисты. Печатное слово было сдавлено. Повсюду царило шпіонство. Ловкіе люди пользовались случаемъ и ловили рыбу въ мутной водѣ. Злоупотребленія всякаго рода сдѣлались открытыми. Воровство совершалось на виду у всѣхъ. Притѣсненія сильными слабыхъ не находили никакой узды. Всякая попытка противодѣйствовать такому порядку вещей оканчивалась самымъ печальнымъ образомъ для смѣльчака. Словомъ, это была обычная картина всякой реакціи, вызывающей на арену жизни всѣ темные элементы общества, при другихъ условіяхъ скрывающіеся во тьмѣ и теперь преслѣдующіе все свѣтлое.

Интеллигентная часть общества, которою тогда было почти исключительно высшее дворянство, разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ, съ которыми дыйствительность была въ полномъ противорѣчіи, частію впала въ мистицизмъ, перешедшій затѣмъ въ ханжество, частью, напротивъ, перешла къ заговорамъ и тайнымъ обществамъ. Тайныя общества,возникшія еще при Екатеринѣ (масоны и мартинисты) и имѣвшія не малое распространеніе, не смотря на преслѣдованіе, послужили корнями, дававшими отпрыски, далеко ушедшіе отъ своихъ родоначальниковъ. Въ первую половину царствованія Александра—вступленіе въ тайное общество имѣло значеніе моды и свидѣтельствовало до извѣстной степени о хорошемъ тонѣ. Занятіями этихъ обществъ являлись безобидныя масонскія церемоніи, давно отжившія свой вѣкъ, и только отчасти имѣвшія нѣкоторое нравственное воздѣйствіе на членовъ. Но по мѣрѣ того, какъ реакція усиливалась, среди тайныхъ обществъ началось движеніе иного рода. Тайныя общества дѣлаются центромъ оппозиціи и средоточіемъ сторонниковъ тѣхъ самыхъ идей, за которыя стоялъ Александръ I при вступленіи на престолъ, и ихъ дальнѣйшаго развитія. О такомъ направленіи въ тайныхъ обществахъ знало все тогдашнее общество, до извѣстной степени было освѣдомлено и правительство. Но въ новомъ движеніи принимало участіе слишкомъ много членовъ вліятельнѣйшихъ фамилій: это были часто лица, занимавшія видное оффиціальное положеніе,—и потому новыя тайныя общества оставались пока внѣ преслѣдованій, возбуждавшихся тогда противъ всякаго малѣйшаго проявленія либерализма. Всѣ тѣ, кому черезъ шесть-семь лѣтъ пришлось такъ жестоко пострадать, теперь оставались въ полной безопасности. Каразинъ, стоявшій въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ дѣйствительною жизнью, слишкомъ близко чувствовалъ весь гнетъ тогдашняго положенія вещей. Вмѣстѣ съ тѣмъ общее недовольство, царившее тогда во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ крѣпостныхъ крестьянъ и кончая высшею аристократіей, наводило его на мрачныя размышленія. Ему начинало казаться, что Россія наканунѣ тѣхъ потрясеній, которыя постигли въ концѣ 80-хъ годовъ предшествующаго столѣтія Францію. И вотъ онъ въ началѣ 1820 года отправляется въ Петербургъ, выражаетъ свои опасенія сперва министру внутреннихъ дѣлъ, которымъ въ то время былъ снова гр. Кочубей, а затѣмъ и самому Александру I.

Письмо свое императору Каразинъ начинаетъ заявленіемъ, что

*

оно будетъ «послѣднимъ отзывомъ вѣрнаго подданнаго», что онъ пишетъ императору послѣдній разъ. Онъ умоляетъ императора обратить вниманіе на его предостереженія, причемъ ссылается на тожество своихъ опасеній съ мыслями какого-то совершенно неизвѣстнаго ему купца Рогова, письмо котораго не задолго передъ тѣмъ читалъ ему кн. Масальскій. «Нельзя не привести на память, — писалъ Каразинъ,—что *точно такъ* изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ предъ наступленіемъ гибельнаго переворота и *точно такъ* были пренебрегаемы».

Прочитавъ это письмо, Александръ приказалъ гр. Кочубею потребовать отъ Каразина, чтобы онъ «указалъ обстоятельства, о которыхъ говорилъ, подкрѣпилъ бы ихъ доводами и назвалъ самыя лица, отъ коихъ имѣетъ тѣ или иныя свѣдѣнія».

Каразинъ воспользовался этимъ требованіемъ императора для того, чтобы изложить цѣлый рядъ мыслей о необходимыхъ реформахъ въ тогдашнихъ порядкахъ (мысли эти, насколько онѣ уцѣлѣли въ опубликованныхъ отрывкахъ составленной тогда Каразинымъ записки, мы привели выше, въ главѣ II), изобразить цѣлый рядъ царившихъ тогда злоупотребленій и возстать противъ господствовавшей реакціи. Что касается указанія лицъ, котораго требовалъ императоръ, то Каразинъ категорически заявилъ, что «совѣсть его возмущается отъ одной мысли о таковомъ предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій» и недоумѣвалъ: «Неужели нашему благодѣтельнѣйшему Александру пожелать убить политически вѣрнаго и уваженнаго имъ, нѣкогда любезнаго ему человѣка («довольно, что онъ... былъ окруженъ шпіонами въ пріѣздъ свой въ здѣшнюю столицу») и опозорить допросами лицъ, достойныхъ его уваженія.»

Записка, составленная Каразинымъ въ отвѣтъ на указанное требованіе Александра I, состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, которыя онъ немедленно представлялъ гр. Кочубею по мѣрѣ написанія ихъ. Это спѣшный, на скорую руку составленный, лишенный всякаго плана и довольно безсвязный трудъ, оставшійся къ тому же неоконченнымъ.

Выше мы уже пользовались запискою 1820 г. для характеристики политическихъ воззрѣній Каразина, хотя, къ сожалѣнію, относящіяся сюда мѣста большею частью, выпущены при напечатаніи записки въ «Русской Старинѣ», такъ что воззрѣнія Каразина доселѣ должны оставаться далеко не вполнѣ выясненными.

Посчастью, тѣ мѣста, которыя относятся къ изображенію тогдашняго положенія Россіи, опубликованы вполнѣ, и мы воспользуемся ими здѣсь. Эти мѣста записки въ высшей степени любопытны и какъ матеріалъ для знакомства съ тогдашнимъ положеніемъ вещей, и какъ свидѣтельства прямоты и гражданскаго мужества Каразина.

Прежде всего записка вооружается противъ религіозныхъ гоненій, поднятыхъ тогда. «Не только всѣ состоянія народа—пишетъ Каразинъ—но всѣ вѣроисповѣданія какъ будто нарочно оскорбляются и раздражаются въ такомъ государствѣ, которое съ незапамятныхъ временъ было образцомъ терпимости, и отъ имени такого государя, которому по сердцу его, мудрости и политикѣ свойственно быть примѣромъ общаго человѣколюбія». Въ подтвержденіе сказаннаго Каразинъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, вродѣ высылки Буссе за напечатаніе лютеранскаго гимна, назначенія католическаго епископа противъ правилъ и желанія католиковъ, оставленія католическихъ епархій безъ епископовъ, конфискаціи духовныхъ имуществъ, запрещенія евреямъ держать христіанскую прислугу, могущаго служить только для «привязокъ низшихъ чиновниковъ полиціи, которыхъ алчности подобный законъ можетъ каждый день давать пищу», и т. д.

Осудивъ религіозныя гоненія, записка возстаетъ и противъ покровительствовавшагося тогда мистицизма. Каразинъ категорически осуждаетъ «направленіе умовъ къ таинственности религіи вмѣсто простоты» и указываетъ на вредныя послѣдствія этого направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружается противъ дѣятельности «Библейскаго общества», игравшаго тогда такую видную роль въ нашей общественной жизни. Онъ говоритъ: «легко доказать, что о сю пору уже могло быть напечатано болѣе книгъ св. писанія, нежели сколько есть грамотныхъ людей въ Россіи, которыхъ число далеко не доходитъ до сотой доли народонаселенія. Съ остальными же экземплярами что дѣлать? Куда разойдутся, напр., 6000 экземпляровъ евангелія на нѣмецкомъ языкѣ и проч?»..Онъ возстаетъ противъ того чрезвычайнаго значенія, которое придавалось тогда распространенію библіи — въ чемъ видѣли спасеніе отъ всѣхъ бѣдъ.

„Сіе чтеніе (библіи)—говоритъ Каразинъ—одно не умножаетъ добрыхъ нравовъ. Доказательствомъ тому наше духовенство, которое по необходимости обращаясь съ библіей каждый день, есть одинъ изъ развращеннѣйшихъ классовъ народа... Ежели государь удостоитъ меня употребить къ составленію правдивой статистики имперіи, то между

прочимъ, сличивъ свѣдѣнія о числѣ преступниковъ до введенія сего подражанія англичанамъ, съ числомъ оныхъ *послѣ* (въ то же число лѣтъ), надѣюсь доказать рѣшительно, что нравственность нисколько не поправилась сею мѣрою. Къ тому же въ это дѣло замѣшались корыстныя цѣли и злоупотребленія. Общество или его комитетъ, имѣя о сю пору въ обращеніи капиталъ, который можетъ приносить вѣрныхъ процентовъ сто тысячъ рублей, если не болѣе, постоянно жалуется на недостатокъ средствъ... Однимъ изъ значительныхъ неудобствъ отъ учрежденія какъ сего библейскаго, такъ и человѣколюбиваго обществъ есть похищеніе капиталовъ изъ внутренности имперіи, которая и безъ того слишкомъ оными скудна въ сравненіи съ всепоглощающею столицею".

Далѣе Каразинъ указываетъ на «вредную систему, которую ввели иностранцы въ министерство финансовъ» и которая «ведетъ къ государственному банкротству, обогащая только спекулянтовъ»; на «вредное направленіе, которое взяло просвѣщеніе» (система Магницкаго и присныхъ ему); на «подрывъ привязанности къ начальству войска и народа, совершаемый разными путями» (объясненіе этому ниже—въ словахъ по поводу исторіи въ Семеновскомъ полку); на отношенія поселянъ къ ихъ помѣщикамъ» (соотвѣтствующія мѣста записки приведены выше, въ главѣ V). Затѣмъ онъ подробно останавливается на злоупотребленіяхъ, царившихъ тогда въ морскомъ министерствѣ, рисуя яркую картину хищничества и запустѣнія. «Милліоны расхищаются безъ малѣйшей пользы для государства!»—восклицаетъ Каразинъ. Въ главномъ портѣ и докѣ—въ Кронштадтѣ—развалившіяся зданія и гніющіе корабли. Эскадра, чтобы собраться, вынуждена заимствовать части оснащенія одного корабля для другаго. Зато матросовъ учатъ маршировать и тому подобнымъ штукамъ».

Во время составленія Каразинымъ записки произошло событіе, надѣлавшее въ то время много шума и крайне раздражившее Александра I—неповиновеніе лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Каразинъ не побоялся стать на защиту солдатъ, которымъ готовилась страшная судьба. Онъ немедленно-же пишетъ въ своей запискѣ, что данное событіе

„само по себѣ не такъ страшно, какъ нѣкоторые здѣсь воображали, говорили и какъ, можетъ быть, донесли государю. Напротивъ, изъ него-то я вижу во всемъ блескѣ благороднѣйшій характеръ безподобнаго русскаго народа, и что взявъ надлежащія мѣры, можно еще спасти его отъ всеобщей заразы. Что ни сдѣлано для его развращенія, оно не совершилось еще въ той степени, какъ желаютъ наши враги!.. Сопротивленіе власти было только отрицательное, то-есть одно то, которое христіанскій законъ дозволяетъ въ край-

нихъ случаяхъ. Русскій еще не способенъ къ прямымъ бунтамъ. Это адское изреченіе ему еще неизвѣстно! Съ прекраснымъ, вѣрнымъ, нѣкогда любимымъ полкомъ поступлено безъ снисхожденія. Онъ отданъ тирану, перекресту изъ евреевъ *). Его жестокости были не только тяжки, но и отвратительны: показывали явное презрѣніе къ достоинству человѣка, которое въ послѣднемъ солдатѣ должно быть свято сохранено. (Напр. сказываютъ, что онъ приказывалъ плевать въ ротъ солдатамъ, ходилъ къ женатымъ въ спальни ночью и пр.) Ибо куда будетъ годиться воинъ, если истребить въ немъ чувство чести, не взирая на то, что онъ до нѣкоторой степени долженъ быть орудіемъ (машиною?) Жалобы были приносимы неоднократно. Наконецъ они рѣшились по-ротно просить объ удаленіи начальника. Единодушіе всего полка въ сей упорной просьбѣ, въ настояніи о ней, составляетъ, можно сказать, всю его вину. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ ни слова, которое могло бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ. залучили и взяли въ крѣпость. Прочіе, даже и симъ не оскорбясь, добровольно пошли за нею—въ однихъ шинеляхъ—желая раздѣлять наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!.. О, народъ единственный! Я становлюсь предъ тобою на колѣни; слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу!..

Чтобы оцѣнить по достоинству эту тираду Каразина, надо имѣть въ виду какъ общее тогдашнее положеніе дѣлъ, такъ и въ частности отношеніе самаго Александра I къ данной исторіи. Въ письмѣ къ Аракчееву по поводу этой исторіи императоръ говоритъ: «никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымыслено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честью полкомъ. Отчего вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное, ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ... Я его (внушеніе) приписываю тайнымъ обществамъ; которыя всѣ въ сообщеніяхъ между собою и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и наша работа въ Тропау». (Императоръ находился въ то время въ Тропау на конгрессѣ, который имѣлъ въ виду главнымъ образомъ борьбу съ революціонными движеніями). Семеновскій полкъ былъ отправленъ въ Финляндскія крѣ-

*) Рѣчь идетъ о полковникѣ Шварцѣ—человѣкѣ, который доводилъ фронтовую науку до мучительства, а въ наказаніяхъ являлся виртуозомъ жестокости и отвратительной гнусности.

пости и распредѣленъ затѣмъ по частямъ въ разныя части арміи.

Въ исторіи съ Семеновскимъ полкомъ Каразинъ увидѣлъ одно только поученіе: «время замѣнить религіозное къ престолу почтеніе другимъ, основаннымъ на законахъ».

„Государь!—добавляетъ онъ—не всѣмъ вѣрьте поклонамъ и рѣчамъ, которыми васъ встрѣчаютъ губернаторы, которые можетъ быть говорятъ: „все еще благополучно, все еще по прежнему!“ Великая перемѣна произошла и происходитъ въ умахъ. Множество причинъ на сіе дѣйствуетъ, и день онъ яко тать прійдетъ! Правительство само способствуетъ тому всеусильно... Я назову только одно: рекрутскій нынѣшній наборъ. Невѣроятно, сколько подвинулъ впередъ общественное мнѣніе наборъ сей, производимый безъ очевидной для народа нужды по его необыкновенному количеству, и въ такое время, когда треть Россіи, можно сказать, уже приведена въ уныніе недородомъ нынѣшняго лѣта“...

Далѣе Каразинъ указываетъ на необходимость реформъ, дабы предупредить казавшіяся ему неизбѣжными потрясенія.

„Теперь же“, говорилъ Каразинъ, „народъ, пробуждаясь отъ своего невѣжества, начинаетъ сопрягать вмѣстѣ понятіе о правительствѣ съ понятіемъ о насиліи, грабежѣ и т. п. Чего ожидать? Хотятъ успокоить его библіями, но онъ ихъ не читаетъ, не умѣетъ читать, долго не научится и рѣдко имѣетъ къ тому досугъ. Притомъ люди злонамѣренные именно изъ нихъ самихъ извлекутъ тексты противу монархической власти, если будетъ въ томъ состоять нужда. Ничего нѣтъ сильнѣе и къ сему способнѣе нѣкоторыхъ мѣстъ...“ „Словомъ, благородное наше юношество и народъ, который также выходитъ уже изъ дѣтскаго возраста, стоятъ въ настоящее время на самомъ опасномъ распутіи. Одно мгновеніе—и они пойдутъ на тотъ или другой путь невозвратно!.. *Не самовластныя мѣры, не подслащенныя слова, не тонкости французской полиціи* тутъ потребны—все это дастъ совсѣмъ противный оборотъ дѣлу!—но *честность, строгая честность* (loyauté), систематическій планъ, основанный отъ первой буквы до послѣдней на началахъ христіанскаго монархическаго правленія!..“

Послѣдствія всѣхъ этихъ указаній по адресу Александра I были именно тѣ, которыхъ ожидалъ Каразинъ. Именно въ одной изъ послѣднихъ тетрадей своихъ записокъ онъ говоритъ объ ожидаемой имъ «ссылкѣ за Байкалъ», «пока еще ссылать можно». Непосредственно по написаніи Каразинымъ 7-ой тетради его записки, онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Здѣсь онъ пробылъ въ заключеніи шесть мѣсяцевъ, послѣ чего отправленъ съ фельдъегеремъ въ свое имѣніе Кручикъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить безвыѣздно, не переписываясь ни съ кѣмъ иначе, какъ чрезъ губернатора...

Шесть лѣтъ слишкомъ прожилъ Каразинъ въ своемъ имѣніи на указанномъ положеніи. Перемѣна царствованія возбудила въ Каразинѣ надежду на возможность выйдти изъ того невыносимо-тяжкаго положенія, въ которомъ онъ находился. А положеніе это было особенно невыносимо для Каразина при его энергіи, жаждѣ дѣятельности и привычкѣ къ ней, при его обширныхъ всегда сношеніяхъ, при перепискѣ со множествомъ лицъ, что теперь поневолѣ должно было прекратиться. Однако событія, имѣвшія мѣсто въ началѣ царствованія Николая I, мало подавали надежды на то, чтобы его обращеніе съ просьбой къ новому императору имѣло успѣхъ. Сначала жена Каразина обратилась къ государынѣ, прося ея ходатайства. Однако на это письмо-просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ императора смягчить участь Каразина. Вскорѣ послѣ этого отъ всѣхъ требовалась подписка о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, и при этомъ Каразину было разрѣшено объяснить въ письмѣ на имя государя его несчастную исторію. Каразинъ изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и хотѣлъ отправить письмо по адресу государя. Намѣреніе это привело въ ужасъ семейство Каразина, ожидавшаго отъ такого шага лишь ухудшенія своего положенія. Два письма Каразина къ Николаю I были перехвачены и немедленно уничтожены его семействомъ. Тѣмъ не менѣе Каразину удалось послать третье письмо. Въ немъ онъ старается выяснить, что пострадалъ въ 1820 г. совершенно безвинно, что ни въ его письмѣ 1820 г. къ Александру I, ни въ вызванной этимъ письмомъ запискѣ не было ничего преступнаго, въ подтвержденіе чего прилагаетъ копіи съ означенныхъ документовъ.

„Я хотѣлъ всеусильно“, пишетъ Каразинъ, „и сколько отъ ничтожнаго, частнаго человѣка зависитъ, предупредить—не только казавшуюся мнѣ близкою тогда, но и всѣ возможныя впослѣдствіи революціи, обративъ вниманіе государя—не-деспота на противорѣчія между разливающимся чрезъ всѣ сословія въ народѣ просвѣщеніемъ и формами правленія, которыя могли быть приличны прошедшимъ лишь вѣкамъ,—противорѣчія, которыя необходимо производятъ и всегда будутъ производить одно дѣйствіе“.

Послѣ этого мѣста слѣдуетъ горячая тирада о невозможности «остановить колесо или дать ему противное движеніе»—тирада, уже приведенная нами выше, при характеристикѣ политическихъ воззрѣній Каразина.

Само собою разумѣется, что такая просьба, представлявшая

собою апологію тѣхъ самыхъ воззрѣній, за которыя Каразинъ попалъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, мало могла разсчитывать на успѣхъ, особенно если принять во вниманіе тогдашнія обстоятельства. Это понималъ и самъ Каразинъ, который говоритъ въ своемъ письмѣ: «для того можетъ-быть пишу чтобы увеличить еще вину мою, представить ее во всей наготѣ». Однако, вопреки этому опасенію, императоръ Николай, прочитавъ письмо Каразина и приложенные къ нему документы (копіи съ письма къ Александру I и записку, писанныя въ 1820 г., и нѣкоторые другіе), приказалъ разрѣшить Каразину выѣзжать изъ его имѣнія, съ тѣмъ однако, чтобы онъ не имѣлъ права пріѣзжать въ Петербургъ. Послѣднее ограниченіе тяготѣло надъ нимъ до самой его смерти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Послѣдній періодъ жизни и смерть Каразина. -Вопросъ о памятникѣ.

По освобожденіи отъ стѣснительнаго положенія, въ которомъ Каразинъ находился съ 1821 по 1826 годъ, онъ опять повелъ ту-же жизнь, какую велъ со времени выхода въ отставку въ 1804 г. Попеченіе о своихъ крестьянахъ, научныя занятія, хозяйственные опыты, пропаганда научныхъ знаній и гуманныхъ понятій въ печати и въ личномъ общеніи, обширная переписка—вотъ что наполняло его жизнь. Отношенія его къ мѣстному обществу всегда были наилучшими и общество не разъ выражало ему свое уваженіе весьма внушительными фактами. Еще тогда, когда онъ былъ молодымъ человѣкомъ—въ 1801 году, мѣстное дворянство избирало его своимъ депутатомъ для ходатайства о подтвержденіи привилегій Слободско-Украинской губерніи. Въ 1819 г. онъ снова былъ избранъ депутатомъ для той-же цѣли. Даже въ 1824 году, когда Каразинъ не имѣлъ права выѣзда изъ своего селенія, онъ былъ избранъ дворянствомъ въ совѣстные судьи, но не былъ утвержденъ въ этомъ званіи. Вскорѣ по полученіи права выѣзда изъ имѣнія, въ 1828 году, Каразинъ былъ выбранъ дворянствомъ въ предсѣдатели палаты уголовнаго суда, но снова не былъ утвержденъ. Были и другіе, болѣе существенные факты, выражавшіе то уваженіе, какимъ пользовался Каразинъ въ мѣстномъ обществѣ. Укажемъ на слѣдующій любопытный фактъ. Долги, сдѣланные Каразинымъ въ 1802—4 гг., при основаніи Харьковскаго университета, и затѣмъ увеличенные, благодаря многочисленымъ опытамъ и начинаніямъ Каразина, на которыя тре-

бовалось не мало средствъ, служили постояннымъ бѣдствіемъ, преслѣдовавшимъ Каразина до самой могилы. Въ 1833 году дѣла Каразина дошли до такого печальнаго положенія, что его готовились объявить несостоятельнымъ. Тогда къ нему пришли на помощь мѣстные университетъ и городское общество. Профессора и преподаватели университета, какъ сказано въ оффиціальномъ письмѣ къ предсѣдателю гражданской палаты суда, «не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ, столь близкомъ для нихъ обстоятельствѣ (невозможности для Каразина внести въ срокъ 2,384 рубля въ пользу одного изъ кредиторовъ, обратившагося съ своимъ требованіемъ въ судъ); но движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому и единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получила образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ, просятъ взнесть въ помощь г. Каразину собранную ими сумму»—1,280 р.» Это едва ли не единственный въ своемъ родѣ фактъ въ жизни нашихъ университетовъ. Городское общество въ свою очередь внесло въ гражданскую палату 1,200 р. за Каразина, «чувствуя труды и предстательства В. Н. Каразина предъ престоломъ объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли, чрезъ что Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе».

Всякое общественное дѣло, начинавшееся на родинѣ Каразина, немедленно находило въ немъ горячаго участника. Съ 1838 г. въ Харьковѣ стали выходить «Губернскія Вѣдомости». и Каразинъ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ, успѣвъ помѣстить въ нихъ за короткое время до своей смерти (въ 1842 г.) двадцать статей, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ предметамъ. Тутъ были и популярно-научныя статьи—по химіи и метеорологіи, и статьи техническаго содержанія—«О жженіи угля съ разсчетомъ», «Способъ выгоднѣйшаго и безопаснѣйшаго отопленія зданій», «О заготовленіи дровъ», «О приготовленіи дерева на столярную работу», и хозяйственныя—«О посадкѣ картофеля въ поляхъ», «О лѣсоводствѣ или лѣсоразведеніи», «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами», и общественно-публицистическія—«Объ открытіи палаты государственныхъ имуществъ», «Нѣчто о

кадастрѣ», «О содержаніи рѣкъ въ городахъ», и педагогическія —«О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ», и посвященныя разнымъ мѣстнымъ событіямъ и т. д.

Но отзываясь горячо на всѣ нужды и вопросы жизни своей родины, понимая подъ таковою Харьковскую губернію или даже Малороссію вообще, Каразинъ въ то-же время постоянно интересовался судьбами всего юга Россіи и по мѣрѣ силъ и возможности работалъ для его процвѣтанія. Его хозяйственные опыты имѣли въ виду вообще условія хозяйства Южной Россіи, а его печатныя работы въ большинствѣ случаевъ также относились ко всему Югу. Особенно занималъ его Крымъ съ своею богатою природою. Еще въ 1804 г., въ запискѣ о сербахъ, о которой было сказано въ своемъ мѣстѣ, онъ выражалъ свою скорбь о Крымѣ, «который мы превратили въ пустыню изъ прекрасной и многолюдной страны, какою онъ былъ у турокъ». Передъ концомъ своей жизни онъ снова обратилъ вниманіе на Крымъ, и въ виду того, что самое важное производство Крыма, дававшее ему наибольшую цѣну—винодѣліе—находилось тогда въ самомъ жалкомъ положеніи, Каразинъ занялся вопросомъ о лучшихъ способахъ приготовленія вина. Ему удалось, послѣ ряда опытовъ, установить условія, при которыхъ броженіе совершается наиболѣе благопріятнымъ образомъ, т. е. съ наименьшею потерею спиртовыхъ и ароматическихъ веществъ, и онъ обратился къ правительству съ сообщеніемъ своего открытія. Тогда ему было предложено отправиться въ Крымъ для производства опытовъ въ бо́льшихъ размѣрахъ. Плодомъ этой поѣздки явилась записка «Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія», оконченная Каразинымъ за нѣсколько дней до смерти. Въ запискѣ этой онъ, между прочимъ, подвергъ критикѣ практиковавшіяся тогда мѣры для насажденія и поднятія крымскаго винодѣлія, которыя дѣйствительно были по меньшей мѣрѣ странны. «Издерживаются 15 т. рублей на Никитскій садъ и его винодѣльное училище—писалъ Каразинъ—и за это отправляется ко двору ежегодно 50 боченковъ винограда — съ 50 тысячъ кустовъ». О магарачской школѣ винодѣлія онъ сообщаетъ самыя печальныя свѣдѣнія, не стѣсняясь, вѣрный своему обыкновенію, говорить правду, какъ она ни рѣзка и ни непріятна. Школа существовала уже 14 лѣтъ, а изъ нея не вышло еще ни одного дѣльнаго садовника. Ученики были исключительно трактуемы какъ рабочая сила. Не

только о научномъ образованіи, но даже объ обученіи грамотѣ учениковъ никто не думалъ, хотя на обученіе учениковъ были ассигнованы нужныя суммы. Словомъ, это была школа, совершенно подобная тѣмъ современнымъ сельско-хозяйственнымъ школамъ, которыя учреждаются частными землевладѣльцами и служатъ только для снабженія имѣнія даровою рабочею силою и предлогомъ для полученія субсидіи отъ казны. Каразинъ представилъ въ своей запискѣ рядъ соображеній о мѣрахъ къ дѣйствительному улучшенію положенія крымскаго винодѣлія; но мы не будемъ останавливаться на нихъ, такъ какъ это предметъ спеціальнаго характера, а наша работа и безъ того разрослась.

Въ 1839 году Каразинъ отозвался по поводу одного общерусскаго вопроса, составлявшаго тогда злобу дня, да и доселѣ являющагося крупнымъ вопросомъ русской жизни. Мы разумѣемъ польскій вопросъ. Онъ составилъ особую статью, которую думалъ помѣстить въ «Journal de S.-Petersbourg» или въ «Journal des Debats». Однако по какимъ-то причинамъ статья не была напечатана.

Этотъ эпизодъ съ польскимъ вопросомъ показываетъ, что Каразинъ до послѣднихъ дней своей жизни, уже въ глубокой старости (въ 1839 году ему было 66 лѣтъ, а во время поѣздки въ Крымъ 70 лѣтъ) сохранялъ чуткій интересъ къ общимъ вопросамъ русской жизни, равно какъ и къ жизни Европы вообще. По прежнему онъ получалъ множество журналовъ и книгъ и по нимъ слѣдилъ за состояніемъ наукъ и ходомъ жизни. «Его библіотека — по свидѣтельству современника — обнимала, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли человѣческихъ знаній». Въ 1836 г. эта библіотека пострадала отъ пожара, причемъ сгорѣло до 5,000 томовъ книгъ и множество рукописей. Гр. Данилевскій вспоминаетъ, какъ онъ, будучи шестилѣтнимъ мальчикомъ, видѣлъ Каразина, худого сѣдого старика, заѣхавшаго въ зимній бурный вечеръ на хуторъ его отца и плакавшаго при разсказѣ о гибели своей библіотеки. Во время этого пожара погибли также мемуары Каразина за время до 1821 года, которые безъ сомнѣнія явились бы цѣннымъ матеріаломъ какъ для біографіи самого Каразина, такъ и для характеристики его времени. Остались только семь томовъ, относящихся ко времени, начиная съ 1821 года. Обширность мемуаровъ станетъ понятною въ виду необычайной обширности сношеній, которыя Каразинъ велъ съ самыми разнообразными лицами, и разно-

образія и многочисленности затѣвавшихся имъ предпріятій. Переписка его была чудовищно-громадна, и доходила до 1,200 писемъ въ годъ. Въ семействѣ его доселѣ сохраняется множество писемъ, писанныхъ къ нему почти всѣми выдающимися людьми его времени. Письма эти должны представлять, понятно, громадный интересъ. Съ собственныхъ писемъ Каразинъ постоянно сохранялъ копіи, которыя снимались немедленно же по написаніи — его грамотными слугами...

Такъ жилъ этотъ замѣчательный человѣкъ, проживши до 70 лѣтъ. Смерть его настигла въ самомъ разгарѣ дѣятельности, которая никогда не прекращалась. Именно, объѣзжая осенью 1842 г. Крымъ по тогдашнимъ первобытнымъ дорогамъ, чтобы выполнить вышеупомянутое порученіе объ опытахъ надъ улучшеніемъ способовъ приготовленія вина, онъ простудился при ѣздѣ на перекладныхъ въ дождливую погоду, возвращался оттуда уже больной и, добравшись до Николаева, умеръ здѣсь 4-го ноября.

Мы не вдаемся здѣсь въ оцѣнку личности Каразина, его характера, убѣжденій и значенія его дѣятельности, полагая, что такая оцѣнка вполнѣ правильною можетъ быть лишь тогда, когда опубликованіе всѣхъ относящихся къ біографіи Каразина матеріаловъ заполнитъ существующіе въ ней пробѣлы. Думаемъ однако, что и приведеннаго въ нашей работѣ достаточно для того, чтобы признать Василія Назаровича Каразина одною изъ замѣчательнѣйшихъ личностей первой половины настоящаго столѣтія. Онъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и глубокаго уваженія въ весьма разносторонних отношеніяхъ: какъ человѣкъ, такъ много сдѣлавшій для просвѣщенія Россіи, какъ дѣятель по крестьянскому вопросу, какъ мѣстный дѣятель, работавшій для процвѣтанія юга Россіи и наконецъ, какъ ученый. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о Каразинѣ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ слишкомъ не полны. Что касается личной жизни Каразина, то имѣющіяся относительно этого предмета свѣдѣнія настолько ничтожны, что мы предпочли совсѣмъ не затрогивать этой стороны его жизни, предоставляя ее будущему біографу, который будетъ располагать болѣе полными свѣдѣніями.

Совершенное забвеніе, которое выпало на долю Каразина со стороны русскаго общества вообще, было раздѣлено и мѣстнымъ харьковскимъ обществомъ. Только черезъ 20 лѣтъ, въ 60-е годы,

о Каразинѣ вспомнили наконецъ въ мѣстномъ обществѣ, но только какъ объ основателѣ Харьковскаго университета. Именно 17 января 1865 года, когда исполнилось 60-ти-лѣтіе со времени фактическаго открытія Харьковскаго университета, на устроенномъ по этому случаю обѣдѣ вспомнили о Каразинѣ, причемъ застольные ораторы завели рѣчь о необходимости поставить ему памятникъ въ Харьковѣ на площадкѣ университетской горки и объявить премію за составленіе его біографіи. Разговоры эти остались однако разговорами, и только въ 1873 г., когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Каразина, а вмѣстѣ съ тѣмъ 70 лѣтъ со времени указа объ основаніи Харьковскаго университета, послѣдній порѣшилъ почтить память своего основателя и открыть для полученія нужныхъ средствъ подписку. Подписка эта въ скоромъ времени и была открыта. Мѣстное губернское земство ассигновало на памятникъ 5,000 р. и кромѣ того 6,000 р. на учрежденіе въ Харьковскомъ университетѣ стипендіи имени Каразина. Однако и теперь, черезъ 18 лѣтъ, памятника все еще нѣтъ. Очевидно, до сихъ поръ подписка не дала нужной суммы.

Намъ думается, что, принимая во вниманіе характеръ Каразина, пренебрегавшаго всегда внѣшними почестями, равно какъ и характеръ его дѣятельности, всегда направленной къ дѣйствительной, существенной пользѣ для ближнихъ, чествованію памяти этого замѣчательнаго человѣка всего менѣе приличествуетъ выразиться постановкою мертваго памятника. Такой памятникъ долженъ быть живымъ, и имъ всего естественнѣе было бы созданіе какого-либо образовательнаго учрежденія, связаннаго съ его именемъ,—въ виду того значенія, которое онъ придавалъ народному образованію, и того содѣйствія, которое онъ оказалъ насажденію просвѣщенія въ Россіи.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

БАРОНЪ Н. А. КОРФЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго

Съ портретомъ Н. А. Корфа, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ОБЕРТКА ПЕЧ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Бол. Подъяческая 39
1893

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. **60 к.**
Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) **1 р. 50 к.**
Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко.* Ц. **1р.50к.**
Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго.* Ц.**50к.**
Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos.* Перев. *В. Ранцова.* Съ 16 портрет. Ц. **1 р.**
Литература и жизнь. *Н К Михайловскаго.* Ц **1р.**
Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами* 2-е изданіе. Ц. **1 р.**
Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц. **1 р**
Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. **60 к.** Въ папкѣ **75 к.** Въ зерепл. **1 р.**
Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.— **1 р. 50 к** Съ **44** картин.—**2 р. 50 к** На лучшей бумагѣ—на **50 к.** дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—**40 к.** и **1 р.** Для 10-томн. (5 переплетовъ) **1 р.** и **2 р.**
Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина", 44 иллюстраціи. Ц. въ папкѣ **1 р. 50 к.**
Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина", Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкор. переплетѣ—**1 р. 25 к.**
Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ въ 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та-же **1** рубль. Переплеты: для 1-томнаго **40 к.** и **1 р.**, для 4-хъ т. (2 пер.) **50 к.** и **1** рубль.
120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Малышева.* Цѣна въ папкѣ **50 к.**
Исторія книги на Руси. *Бахтіарова.* Ц. **1 р. 50 к.**
Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. **1 р.**
Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц.**35к**
Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1891 г.) *Н. Григоровича.* Съ 58 порт. 6-е изд. Ц. **2 р**
Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. *Цветкова* Съ 72 портр. Ц.**3 р**
Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и статьей *Н. Михайловскаго.* Ц. за оба тома **3 р.**, въ пер. **4 р**
Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Четыре тома. Цѣна каждаго—**1** руб. Перепл. для 2 томовъ вмѣстѣ по **50 к.**
Исторія новѣйшей русской литературы. (1848—1890 гг.) *А М Скабичевскаго.* Цѣна **2** руб.
Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго* Цѣна за два тома—**5 р.**
Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. **1р. 50к.**
Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ портр. Цѣна за все собраніе въ **2** том **3 р.**
Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 большихъ томахъ, съ портрет. автора. Ц **2 р 50 к.**
Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. **15 к.**
Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зауэрь.* 3-е изд. Ц. **1 р**
Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* Ц. **75 к.**
Больная любовь. Гигіеничечкій романъ. *П Мантегацца* Изд. 2-е Ц. **50 к.**
Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа.* Цѣна **75к**
Очерки самоуправленія—земскаго, городского и сельскаго. *С. Приклонскаго.* Ц. **2 р.**
Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова.* Ц. **1 р. 50к.**
Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Цѣна **1 р.**
Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горянской*, подъ ред. *Я. Абрамова.* Цѣна **15 к.**
Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій.* Ц. **1 р. 25 к.**
Въ небесахъ. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. **75 к**

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к —**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт, ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ц 2 к —**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4 к —**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц 2 к **Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц 3 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ** Съ 2 карт., ц 2 к —**Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт, ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц 2 к —**Доминъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт, ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт, ц. 3 к —**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт, ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.**—Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к. — **Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

дозв. ценз. спв. 20 августа 1898 г. тип. тов. „общ польза" б. подъяч., 39

Н. А. Корфъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

БАРОНЪ Н. А. КОРФЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго.

Съ портретомъ Н. Корфа, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ:

1) «Записки педагога барона Никол. Александр. Корфа», кн. 3, 4 и 5 «Русской Старины», 1884 г.

2) *1,000 писемъ*. Переписка барона Корфа съ 250 лицами.

3) «Поѣздка къ барону Н. А. Корфу», Кашина. №№ 1 и 2 «Современной Лѣтописи», 1871 г.

4) «Педагогическіе очерки школъ Александровскаго уѣзда», Д. Д. Семенова. «Народная Школа» (1871—72 годы).

5) «Мои воспоминанія», Д. Т. Гнѣдина. «Русское Богатство», кн. 5, 6 и 7, 1893 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Народъ въ государствѣ—это *все*». Политическая формула эта, давно уже получившая повсемѣстное право гражданства, имѣетъ особенное значеніе для насъ, русскихъ, такъ какъ въ Россіи трудовой сельскій классъ составляетъ болѣе 85 процентовъ общаго государственнаго населенія. Думать-же о народѣ, заботиться о его коренныхъ, самыхъ насущныхъ пользахъ и нуждахъ—это значитъ думать и заботиться прежде всего и главнымъ образомъ объ образованіи народа, такъ какъ именно образованіе служитъ главнымъ импульсомъ всяческаго прогресса въ жизни и основнымъ источникомъ экономическаго роста и благосостоянія.

Для всякаго государства и народа невѣжество массы населенія—самый опаснѣйшій его внутренній врагъ, — опаснѣе всѣхъ внѣшнихъ враговъ, взятыхъ вмѣстѣ. Отъ внѣшнихъ враговъ можно защищаться, укрываться. Невѣжество-же, предоставленное естественному своему теченію, остающееся безъ противодѣйствія ему образованіемъ, настойчивымъ просвѣщеніемъ массы населенія,—является силой, разлагающей народъ, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ и могучъ физически. Именно подъ вліяніемъ невѣжества, обширнѣйшія многочисленныя древнія государства, вродѣ напримѣръ старинной Туркестанской имперіи, безслѣдно сошли съ исторической арены, не оставивъ послѣ себя въ исторіи культуры человѣчества ровно ничего, кромѣ голаго факта своего существованія. Наоборотъ-же, маленькая Великобританія, съ населеніемъ около 36 милліоновъ человѣкъ (по европейской ея территоріи), въ силу высокаго культурнаго развитія, распространила свои владѣнія буквальпо на всѣ части свѣта и материки, держитъ въ своемъ подчиненіи не менѣе 400 милліоновъ населенія, и въ ея владѣніяхъ въ полномъ смыслѣ слова никогда не заходитъ солнце, не прекращаются весна и лѣто,—такъ они обширны, распространены по разнымъ географическимъ широтамъ и долготамъ въ полушаріяхъ: западномъ и восточномъ, сѣверномъ и южномъ.

Съ той поры, какъ зародилась у насъ, въ Россіи, культура въ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. со временъ Петра Великаго, впервые появилась болѣе или менѣе опредѣленная забота и дума о народномъ образованіи. Начало, положенное этому великому дѣлу при Петрѣ I, получило нѣкоторое развитіе при Екатеринѣ II, но исключительно однако въ законодательномъ отношеніи. Насажденное у насъ Екатериною II крѣпостное право отняло у всей системы государственнаго образованія живое, естественное, благотворное воздѣйствіе его на жизнь и окончательно парализовало всякое проявленіе сколько-нибудь правильнаго развитія народнаго образованія. Это послѣднее получило фактическое и юридическое право бытія лишь въ царствованіе Александра II. послѣ освобожденія крестьянъ.

Такимъ образомъ народное образованіе у насъ—дѣло совсѣмъ юное. Въ смыслѣ государственнаго установленія, болѣе или менѣе организованнаго, приведеннаго въ систему и послѣдовательно распространяемаго, оно имѣетъ у насъ, въ Россіи, немного болѣе четверти вѣка. Мало-мальски благоустроенныя народныя школы, хоть отчасти удовлетворяющія педагогическимъ требованіямъ, начали возникать въ провинціальныхъ городахъ и деревняхъ одновременно съ открытіемъ земскихъ учрежденій. и преимущественно, если не единственно, благодаря послѣднимъ.

Успѣхи народнаго образованія у насъ выражаются, въ общемъ. въ слѣдующихъ цифрахъ. Изъ десяти дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ) начальное образованіе въ предѣлахъ Европейской Россіи едва доступно лишь одному изъ нихъ, значитъ изъ 100 дѣтей—едва 10 человѣкамъ. Такой ограниченный кругъ дѣтей, которыхъ могутъ обнять собою существующія народныя школы, въ сильной степени парализуетъ благотворное воздѣйствіе образованія на складъ, ходъ и строй сельскаго быта. Ничтожная частица грамотнаго населенія какъ бы тонетъ, растворяется въ общей тьмѣ народнаго невѣжества; мракъ массы населенія нерѣдко заглушаетъ даже и простую грамотность, такъ что бываютъ случаи *рецедива безграмотности* (возвращенія грамотнаго къ первоначальной безграмотности) въ сельскомъ населеніи.

Таковъ, къ сожалѣнію, законъ «вліянія массы», имѣющій силу не въ одной физической области, но и въ сферѣ нравственной жизни. Именно въ виду непреложности этого закона, люди, искренно преданные дѣлу народнаго образованія, понимающіе главенствующую роль его въ государственной жизни и дѣятельности, при первомъ зарожденіи у насъ регулярныхъ народныхъ школъ, усиленно на-

стаивали и доказывали, что въ этомъ дѣлѣ нельзя останавливаться на полпути, — нельзя затягивать на безконечно долгое время дѣла, требующаго немедленнаго практическаго осуществленія. И усилія эти не пропадали даромъ. Худо-ли, хорошо-ли, но дѣло народнаго образованія неуклонно подвигалось и подвигалось впередъ, при дружномъ сочувствіи общества, хотя, правда, очень медленно. Былъ моментъ, когда не только въ обществѣ, въ педагогической и общей печати и въ средѣ педагоговъ, но даже и въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о введеніи въ Россіи обязательнаго обученія получилъ было замѣтное движеніе. Въ исходѣ напримѣръ 70-ыхъ годовъ министерство народнаго просвѣщенія дѣятельно и серьезно занималось этимъ вопросомъ. Но затѣмъ—все затихло, и въ послѣднія десять лѣтъ замѣчается даже застой въ дѣлѣ народнаго образованія.

Къ величайшему удивленію, въ этой области дѣятельности, гдѣ въ сущности все такъ просто и ясно по силѣ основного закона (уставъ 1874 года), почему-то смѣшались и перепутались воззрѣнія на задачи и потребности народнаго образованія—самымъ противуестественнымъ образомъ. Если разобраться въ этой сутолокѣ и водоворотѣ крайне разнорѣчивыхъ и совершенно произвольныхъ мнѣній и взглядовъ,—опредѣляются слѣдующія господствующія направленія. По мнѣнію однихъ, для всего сельскаго населенія необходима лишь простая грамотность, но ни въ какомъ случаѣ не начальное образованіе. Другіе, дико придерживаясь взгляда: «просвѣщенье—вотъ чума», считаютъ совсѣмъ ненужною даже и простую грамотность, и подъ именемъ народнаго образованія не прочь видѣть простое, голое обученіе трудового класса прикладнымъ знаніемъ, наивно полагая въ простотѣ невѣдѣнія, будто-бы осмысленная передача какихъ-бы то ни было прикладныхъ знаній можетъ быть по силамъ совершенно безграмотному населенію. Третьи до сихъ поръ еще не могутъ примириться съ мыслью, что земскія и городскія общественныя учрежденія, а также частныя лица и общества могутъ заботиться о нуждахъ народнаго образованія. На ихъ, слишкомъ ужъ упрощенный, взглядъ, — «на то есть начальство, которое и заботится о насъ». Обязанность-же общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ по ихъ мнѣнію—только давать деньги на народное образованіе, безъ всякаго активнаго участія въ расходованіи ихъ. Наконецъ есть и такіе, которые позволяютъ себѣ открыто проповѣдывать неправоспособность будто-бы даже и министерства просвѣщенія въ завѣдываніи и руководствѣ народнымъ образованіемъ; будто-бы для Россіи, въ противность всему осталь-

ному образованному міру, никакихъ особенныхъ учительскихъ семинарій, никакихъ спеціально подготовленныхъ народныхъ учителей—вовсе даже не требуется...

Всѣ эти измышленія были-бы только смѣшны и жалки по ихъ нелѣпости, если-бы они не вели къ печальнымъ послѣдствіямъ на дѣлѣ. Смѣшными-же и жалкими они оказываются потому, что какъ основной законъ о народныхъ училищахъ, такъ и всѣ послѣдующія правительственныя распоряженія по этому предмету, до изданія правилъ о церковно-приходскихъ училищахъ (въ 1884 году) включительно, не даютъ никакого повода къ извращенному толкованію узаконеннаго порядка вещей.

Но, повторяемъ, въ сферѣ практической дѣятельности по народному образованію произошла большая путаница понятій, несмотря даже на простоту и ясность основного органическаго закона по этому предмету. Въ результатѣ же такой путаницы проявился значительный застой въ этой отрасли общественной дѣятельности, который особенно остро ощущается именно въ настоящее время. Русскій человѣкъ вообще не твердъ въ пониманіи закона и не устойчивъ на законной почвѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что, въ виду тѣхъ долго уже продолжающихся кривотолковъ о задачахъ и цѣляхъ народнаго образованія, — хотя и вопреки положительному закону о немъ,—даже многія изъ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, очень сочувственно и энергично относившіяся прежде къ образованію народа, остановились въ нерѣшительности, или даже стали систематически урѣзывать свои расходы на эту первѣйшую, насущнѣйшую жизненную потребность.

Такой прискорбный фактъ заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что у насъ успѣла уже народиться даже особаго рода педагогическая литература, такъ сказать, *анти-педагогическаго* свойства, имѣющая дерзость воздвигать даже гоненіе на все, что́ есть разумнаго въ нашемъ начальномъ обученіи. Это вызываетъ естественное опасеніе, какъ-бы намъ не вступить въ полосу *одичанія* въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ-бы ни началось *огульнаго отрицанія* въ этой области всего раціональнаго, что добыто усиліями человѣчества и насаждено на родной нашей нивѣ дружными усиліями самоотверженныхъ русскихъ дѣятелей. Истолкователемъ этихъ «отрицательныхъ» вѣяній явился между прочимъ нѣкто Н. Горбовъ въ своихъ «Задачахъ русской народной школы». По его мнѣнію, высказываемому тономъ не пререкаемаго авторитета, но безъ всякихъ доказательствъ, главный недостатокъ существующаго ме-

тода обученія и воспитанія въ народной школѣ заключается въ усвоеніи нашими педагогами «протестантскихъ взглядовъ», въ силу которыхъ протестантъ «хочетъ слѣдовать только тому, въ чемъ онъ убѣдился доводами разсудка». Принципъ же воспитанія въ духѣ католицизма и православія,—какъ полагаетъ г. Горбовъ,—долженъ заключаться «въ подчиненіи своего существа подъ власть авторитетовъ».

«Это различіе—говоритъ г. Горбовъ—должно рѣшающимъ образомъ вліять какъ на методъ обученія, такъ и на дисциплину, и на всѣ порядки школы... Смотрѣть на ребенка, какъ на существо, которое надо развить и съ которымъ надо обходиться согласно требованіямъ природы; отыскивать въ немъ законъ развитія, которому должно слѣдовать; развивать его способности и силы, преслѣдовать формальныя цѣли обученія; ничего не позволять зубрить, т. е. учить безъ полной сознательности и пониманія; убѣждать ребенка въ истинѣ внутренними доводами... все это—протестантскіе принципы; все это—протестантскій способъ обученія».

Слѣдуя такимъ образомъ возвѣщаемому г. Горбовымъ «православному» методу воспитанія и обученія, оказывается, что при изученіи напримѣръ четырехъ правилъ ариѳметики только протестантъ имѣетъ право слѣдовать «доводамъ разсудка»; православный-же и католикъ должны принять все на-вѣру, взять памятью, отупляющей зубристикой...

То, что г. Горбовъ такъ самодовольно, съ такимъ самомнѣніемъ возвѣщаетъ, какъ нѣчто, будто-бы, новое, есть въ дѣйствительности общеизвѣстная, давно отвергнутая за непригодностью *старина*. Методъ, провозглашаемый г. Горбовымъ, это—*іезуитскій методъ* воспитанія и обученія, вовѣки проклятый и отвергнутый во всемъ образованномъ мірѣ!... И г. Горбовъ поступилъ по меньшей мѣрѣ слишкомъ опрометчиво, припутавъ тутъ «православіе».

Вотъ что значитъ пытаться «доходить своимъ умомъ» до того, до чего другіе давнымъ давно уже додумались. Усиливаясь «открыть Америку», г. Горбовъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Никакого спеціальнаго «протестантскаго способа обученія» конечно нѣтъ и быть не можетъ. Для народовъ всевозможныхъ національностей и вѣроисповѣданій обязателенъ одинъ *индуктивный* методъ обученія, какъ единственно разумный, единственно пригодный для цѣлей обученія и воспитанія, естественно вытекающій изъ психологическихъ особенностей дѣтской натуры, и потому—воспринятый во всемъ мало-мальски образованномъ мірѣ, безъ всякаго различія по вѣроисповѣданіямъ.

Велико-же однако должно быть общественное помраченіе, если оказывается возможнымъ съ такимъ апломбомъ печатно возвѣщать

сумасбродное отрицаніе всего, что есть разумнаго въ дѣлѣ обученія и воспитанія, и совѣтывать возвратъ къ тому недоброму и, слава Богу, далекому уже прошлому, когда ученіе было мученіемъ, когда учили, не воспитывая. Въ виду этого, естественно является потребность оглянуться на все прошлое нашей народной школы—на то, какъ она зарождалась, организовалась и распространялась, такъ какъ во всемъ этомъ есть разумная законность, причинность и цѣль.

Говорить-же объ этомъ—значитъ говорить о баронѣ Николаѣ Александровичѣ Корфѣ, какъ первомъ насадителѣ и распространителѣ у насъ нормальной народной школы, въ томъ именно видѣ ея, который впослѣдствіи и узаконенъ правительствомъ, — какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ области именно народнаго образованія. Сынъ обрусѣвшаго остзейца, аристократъ по происхожденію и воспитанію, баринъ по привычкамъ и состоянію, располагая знатнымъ родствомъ и огромными связями, онъ однако не пошелъ открытою передъ нимъ дорогою почестей, знатности, крупныхъ отличій и чиновъ, громкихъ и видныхъ должностей, а скромно и самоотверженно отдался совсѣмъ новой въ его время и вовсе не замѣтной роли организатора народной школы, или иначе—разумнаго первоначальнаго обученія. На этомъ скромномъ, но очень важномъ въ государственномъ отношеніи поприщѣ дѣятельности баронъ Н. А. Корфъ еще при жизни стяжалъ громкую и почетную извѣстность отъ края-до-края Россіи и блестяще вписалъ свое имя на страницахъ исторіи нашего отечественнаго народнаго образованія, составляющаго основу всего просвѣтительнаго дѣла въ государствѣ.

I.

Раннее дѣтство.

Скитальческая жизнь. — Смерть матери. — Жизнь въ домѣ мачихи.—Двухлѣтнее пребываніе въ Воронежской губерніи и благотворное вліяніе его.—Годичное пребыванніе въ Новгородѣ, въ домѣ отца. — Нравственный образъ Корфа-отца. — Круглое сиротство и общій итогъ ранней дѣтской поры.

Очень неблагопріятно сложилось раннее дѣтство барона Николая Александровича Корфа и протекло въ высшей степени своеобразно. Въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, отъ двухъ до 10-ти лѣтъ, онъ вынужденъ былъ вести поистинѣ скитальческую жизнь, побывавъ въ этотъ промежутокъ времени въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Москвѣ, Воронежской губерніи, Новгородѣ, Лифляндской губерніи и Петербургѣ. Такимъ образомъ онъ былъ лишенъ того, что называется *родиною* въ строгомъ смыслѣ слова. Это однако не отразилось вредно на его воспитаніи, на которое вліяютъ не только семья и школа, но и вся вообще житейская обстановка. Эта-же послѣдняя была милостива къ маленькому барону, пощадивъ въ немъ душевную и тѣлесную чистоту, внушивъ ему высокое патріотическое чувство и горячую любовь къ русскому народу.

«Житейская обстановка», въ виду исключительныхъ условій ранней дѣтской поры барона Корфа, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Разобраться въ ней помогаетъ самъ баронъ Корфъ, оставившій «Посмертныя записки», напечатанныя въ III, IV и V книжкахъ «Русской Старины» за 1884 годъ (подъ заглавіемъ: «Изъ пережитаго»), но доведенныя къ сожалѣнію авторомъ ихъ лишь до окончанія имъ курса въ Александровскомъ лицеѣ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ родился въ Харьковѣ 2 гоіюля 1834 года. Отецъ его, Александръ Федоровичъ Корфъ, былъ изъ остзейскихъ дворянъ, но совершенно обрусѣвшій; онъ получилъ образованіе въ «Лицейскомъ пансіонѣ», бывшемъ въ ту пору самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, и женился на малороссіянкѣ,

получивъ за нею въ приданое помѣстье Нескучное, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Маленькому Колѣ едва исполнилось около года, какъ мать его умерла, такъ что у него не сохранилось никакихъ воспоминаній о материнскихъ попеченіяхъ, о ласкахъ матери. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, отецъ его вступилъ во второй бракъ, мотивируя такой шагъ передъ своими родными желаніемъ, чтобы осиротѣвшій Коля не былъ лишенъ материнскаго ухода. Случилось-же однако совсѣмъ наоборотъ.

Въ своихъ «Запискахъ» баронъ Н. А. Корфъ ничего не говоритъ непосредственно о мачихѣ; но все то, что разсказываетъ онъ о своемъ раннемъ дѣтствѣ, доказываетъ, что второй бракъ отца внесъ въ домъ большой разладъ, и маленькій Коля былъ не любимъ мачихою. Помимо отца, очень любившаго его и оставившаго въ немъ свѣтлую и признательную память, мальчикъ имѣлъ еще вѣрнаго и преданнаго друга въ лицѣ няни своей, Елены Ивановны Альберти, принявшей его груднымъ младенцемъ отъ матери и воспитывавшей до шестилѣтняго возраста. Эта уроженка города Риги была не дюжинною личностью. Она научила своего питомца читать по-русски и по-нѣмецки, познакомила его съ начатками христіанской вѣры въ формѣ бесѣдъ о Христѣ и съ увлеченіемъ обучала русскимъ пѣснямъ. Вся дворовая прислуга въ домѣ отца, которой также приходилось терпѣть отъ второй его жены, особенно бережно и любовно относилась къ маленькому Колѣ, какъ сироткѣ, прославляя предъ нимъ память его покойной матери. Тѣмъ не менѣе положеніе ребенка на глазахъ мачихи было настолько не нормально, что не исполнилось еще Колѣ шести полныхъ лѣтъ, какъ отецъ, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ удалить его изъ дому для его-же пользы.

Маленькаго Колю, успѣвшаго уже пожить до этого времени въ Екатеринославѣ и находившагося тогда въ Москвѣ, гдѣ жилъ его отецъ по вступленіи во второй бракъ,—увезла съ собою въ Воронежскую губернію родная его тетка, сестра матери, Татьяна Тимоѳеевна (также Корфъ по мужу). Эта умная женщина, вдовая уже, имѣвшая двоихъ дѣтей (сына и дочь), такъ серьезно относилась къ ихъ воспитанію, что ради этой цѣли переѣхала на житье изъ своего родового помѣстья Погромца въ сосѣднее съ нимъ помѣстье Волчье, принадлежавшее Д. Д. Градовскому, отцу покойнаго профессора и публициста, гдѣ домашнее обученіе было поставлено на широкую ногу и организовано замѣчательно умно. Въ домѣ Градовскаго, подъ личнымъ его наблюденіемъ и руководствомъ, была организована регулярная «семейная школа», съ должнымъ штатомъ преподавателей и строго установленной про-

граммой обученія. Въ этой школѣ, кромѣ двухъ дѣтей Градовскаго, обучалось еще пятеро дѣтей его сосѣдей. Главою и душою школы былъ самъ Градовскій, относившійся къ чужимъ дѣтямъ совершенно такъ-же, какъ къ своимъ роднымъ. Для той отдаленной эпохи (т. е. начала 40-ыхъ годовъ) серьезное, сознательное отношеніе къ домашнему обученію было большою рѣдкостью.

Съ восторгомъ вспоминаетъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ» о времени, проведенномъ имъ въ Воронежской губерніи, у тетушки Татьяны Тимоѳеевны Корфъ, и въ Волчьемъ, т. е. въ школѣ Д. Д. Градовскаго. Это—самая счастливая, яркая и радужная пора во всемъ его дѣтствѣ. За время пребыванія въ этомъ уголкѣ Малороссіи, въ которой находилось также и родовое его помѣстье Нескучное, онъ не только сжился, сроднился съ Малороссіею, но, можно даже сказать,—*приросъ* къ селу. Во всю послѣдующую пору школьнаго его ученія, село вообще и Малороссія въ частности были цѣлью его стремленій, его мечтою. Куда ни забрасывала его капризная судьба въ дѣтскомъ, отроческомъ и юношескомъ возрастѣ,— село неотступно было передъ нимъ, и онъ постоянно лелѣялъ мечту сдѣлать что-нибудь полезное и разумное въ родномъ своемъ имѣніи.

Такую привязанность къ сельской жизни породили тѣ замѣчательно благопріятныя условія, въ которыхъ онъ находился, живя и учась въ помѣстьѣ Градовскаго. Тамъ не морили надъ книгою, не угнетали физической и духовной природы дѣтей ученіемъ. Въ лѣтнюю напримѣръ пору, продолжающуюся на югѣ мѣсяцевъ семь, дѣти проводили надъ книгою не болѣе четырехъ часовъ, занимаясь остальное время на дворѣ, въ саду, лѣсу, полѣ, на лугу. Такая постановка занятій, какъ нельзя болѣе благопріятная въ физическомъ отношеніи, воспитывала характеръ, развивала наблюдательность, самодѣятельность и самостоятельность. Въ распоряженіе дѣтей были предоставлены всевозможныя удовольствія, какъ-то: уженье рыбы, купанье, верховая ѣзда, обработка собственныхъ грядъ и проч. Кромѣ того почти каждый изъ дѣтей имѣлъ своихъ ручныхъ кроликовъ, перепеловъ, жеребятъ и пр.

Къ этому нужно прибавить еще роскошныя условія окружающей природы, со степнымъ привольемъ, садомъ, лѣсомъ, лугами и рѣкою. Не послѣднюю роль конечно играло и кормленіе на славу, какъ и подобало прежней «житницѣ Россіи», до сихъ поръ еще славящейся своею кукурузою, тыквенною кашею, варениками.варенцомъ и арбузами, такими сочными, что ихъ можно ѣсть не иначе, какъ ложками. Маленькій Коля именно у своей тетушки

Т. Т. Корфъ и въ семьѣ Д. Д. Градовскаго получилъ главнымъ образомъ закваску коренного русскаго домашняго воспитанія, причемъ конечно не послѣднюю роль играли и богатая кутья наканунѣ Рождества, и торжественная встрѣча Пасхи.

Отзываясь съ большою похвалою о семейной школѣ Градовскаго, ея порядкахъ и учителяхъ, Н. А. Корфъ съ особенной любовью и признательностью останавливается на личности швейцарца Бешра, какъ талантливаго педагога. Этотъ добрый, умный, живой и разносторонне свѣдущій руководитель былъ не только хорошимъ преподавателемъ французскаго языка, но и воодушевленнымъ товарищемъ дѣтскихъ игръ, разнаго рода занятій на свѣжемъ воздухѣ и затѣй. Нисколько не въ ущербъ престижу учителя и воспитателя, Бешра умѣлъ быть ребенкомъ съ дѣтьми, не чуждался даже строить вмѣстѣ съ ними мельницы на ручьяхъ, не упуская однако случая сообщать имъ при этомъ и разныя полезныя свѣдѣнія, но умѣя не надоѣдать своими поученіями. Понятно, что у такого преподавателя знаніе французскаго языка само собою переливалось въ дѣтей, и Коля, въ придачу къ русскому и нѣмецкому языкамъ, овладѣлъ еще и французскимъ.

Благопріятныя условія воспитанія въ семьѣ Градовскаго, особенно-же грандіозныя картины южно-русской природы, съ ея величавостью и ширью, съ ея табунами въ 500 лошадей,—оставили въ душѣ ребенка неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Эта пора жизни была особенно благопріятна для маленькаго Коли еще и въ томъ отношеніи, что тетка, на попеченіи которой онъ находился, какъ сестра покойной его матери, невольно воплощала въ себѣ образъ послѣдней,—и ребенокъ не чувствовалъ своего сиротства.

Къ сожалѣнію, только два года продолжался этотъ розовый періодъ въ жизни Коли, съ 6-ти до 8-ми лѣтъ. Совершенно неожиданно пріѣхалъ его отецъ и увезъ съ собою въ Новгородъ, гдѣ онъ состоялъ тогда управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ. Мальчикъ очень любилъ отца, сильно обрадовался его пріѣзду, но тѣмъ не менѣе со слезами оставилъ школу Градовскихъ. Жить ему въ отцовскомъ домѣ было тяжело. Въ его отсутствіе умеръ вѣрный и преданный другъ его, няня Альберти, такъ что, кромѣ самого отца, въ семьѣ не было для него близкаго человѣка. Своихъ сестеръ, т. е. дочерей отца отъ второго брака, онъ почти совершенно не зналъ. Его поселили въ отдѣльномъ флигелѣ съ нѣмцемъ гувернеромъ. Этотъ послѣдній сильно подвинулъ его впередъ въ нѣмецкомъ языкѣ, такъ что 9-ти лѣтъ отъ роду Коля съ восторгомъ прочиталъ Робинзона Крузе въ нѣмецкомъ изложеніи.

Манкируя занятіями, вводя въ обманъ Корфа-отца, гувернеръ-нѣмецъ однако принесъ пользу своему питомцу. Во время прогулокъ по Новгороду, онъ сумѣлъ заинтересовать мальчика историческими памятниками этого города, познакомивъ его со своеобразнымъ и поучительнымъ прошлымъ Новгорода и новгородцевъ, и внушилъ ему глубокое уваженіе къ его древностямъ.

Вспоминая о своемъ годичномъ пребываніи въ Новгородѣ, баронъ Н. А. Корфъ очень симпатично очерчиваетъ нравственный образъ своего отца, наиболѣе памятный ему въ это время. Это былъ человѣкъ образованный и независимый для своего времени. Не интересуясь высокими чинами, онъ избралъ скромный родъ службы, чтобы приносить пользу на мѣстѣ. И онъ дѣйствительно приносилъ ее. Спустя лѣтъ 15 послѣ его смерти, государственные крестьяне Новгородской губерніи съ благословеніемъ и благодарностью вспоминали о времени управленія его. Просителей-крестьянъ онъ принималъ не иначе, какъ въ кабинетѣ. Со своими крѣпостными обращался вполнѣ гуманно. Даже въ ту дикую пору крѣпостного разгула онъ не позволялъ себѣ обращаться со своей прислугой, бывшей изъ его-же крѣпостныхъ, въ формѣ приказаній и сурово запрещалъ дѣлать это своему маленькому сыну. Подъ вліяніемъ примѣра отца, баронъ Н. А. Корфъ очень рано началъ думать о томъ, какъ онъ будетъ относиться къ крестьянамъ, когда настанетъ его время, и что̀ онъ обязанъ сдѣлать для нихъ.

Пребываніе въ Новгородѣ было послѣднимъ свиданіемъ маленькаго Коли со своимъ отцомъ, съ которымъ онъ десяти лѣтъ вновь разстался—и уже навсегда. Послѣ этого онъ всего одинъ разъ видѣлъ отца, въ Петербургѣ, но настолько разбитаго параличемъ, что тотъ едва узналъ своего сына.

Годъ жизни Коли въ Новгородѣ, въ домѣ отца, окончательно убѣдилъ послѣдняго въ невозможности дальнѣйшаго оставленія мальчика подъ своимъ кровомъ, и онъ отправилъ его въ Лифляндскую губернію, въ городъ Верро, гдѣ очень славилось въ то время учебное заведеніе Крюммера. Корфъ-отецъ умеръ въ 1847 году. Такимъ образомъ Н. А. Корфъ остался круглымъ сиротою 13-ти лѣтъ, проведши притомъ все свое дѣтство, начиная съ 6-ти-лѣтняго возраста, въ скитальчествѣ по разнымъ городамъ и весямъ Россіи, но вынесши однако изъ этого цѣлостное и сильное впечатлѣніе русскаго воспитанія.

II.

Школьные годы.

Учебное заведеніе Крюммера; его особенности и вліяніе.—Неожиданный переѣздъ въ Петербургъ.—Рѣзкій переходъ въ образовательно-воспитательномъ отношеніи.—Пансіонъ А. Я. Филиппова и личность директора.—Вліяніе послѣдняго на барона Н. А. Корфа.

Школьная пора барона Н. А. Корфа протекла при такихъ-же рѣзкихъ переходахъ, какъ и раннее его дѣтство. На десятомъ году жизни онъ очутился въ истинно-нѣмецкомъ учебномъ заведеніи Крюммера, гдѣ все преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ разговорнымъ языкомъ былъ только нѣмецкій, гдѣ весь складъ жизни не только учебнаго заведенія, но и города не имѣлъ въ себѣ ничего русскаго, — служилъ точною копіею германскаго быта.

Какъ ни крутъ былъ такой переломъ въ жизни десятилѣтняго мальчика, но, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ впечатлѣній, оставленныхъ въ немъ временемъ, проведеннымъ въ Москвѣ и Новгородѣ, его не тянуло въ отцовскій домъ, въ которомъ, противъ воли отца, онъ чувствовалъ надъ собою излишнія стѣсненія и гнетъ. Германизированный уголокъ, съ его привольемъ, ширью и отсутствіемъ гнета, болѣе всего напоминалъ ему семейную школу Градовскихъ (въ Волчьемъ),—и мальчикъ быстро сжился съ нимъ и полюбилъ его. Самъ по себѣ Верро, какъ незначительный городокъ, но очень благоустроенный, болѣе походилъ на обширное село, чѣмъ на городъ, вполнѣ благопріятствуя учащимся широко пользоваться всѣми условіями сельскаго быта и лѣтомъ, и зимой.

Въ ту пору въ учебномъ заведеніи Крюммера находилось около ста воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ — отъ самаго младшаго, находившагося подъ женскимъ присмотромъ, до такъ-называемыхъ «студентовъ» старшаго класса, непосредственно переходившихъ въ дерптскій университетъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ отдѣльную комнату и жилъ совершенно самостоятельно. Такая многочисленность и разношерстность состава заведенія не помѣшала однако послѣднему удержать семейное начало. Баронъ Н. А. Корфъ удостовѣряетъ въ своихъ «Запискахъ», что въ учебномъ заведеніи Крюммера онъ «чувствовалъ себя въ семьѣ... Я чувствовалъ себя дома, подъ вліяніемъ близкихъ мнѣ людей, и въ классной комнатѣ главнаго корпуса, и въ обширнѣйшей залѣ его за обѣдомъ, и тамъ-же во время воскресной молитвы, совершав-

шейся самимъ директоромъ, при полномъ сборѣ воспитанниковъ, подъ звуки органа». Такой-же «теплый, семейный характеръ» имѣли и акты, происходившіе въ этомъ учебномъ заведеніи, и гимнастическіе праздники въ огромномъ манежѣ при немъ, и катанье на конькахъ черезъ все озеро, примыкавшее къ саду заведенія, при участіи учителей и дирекціи. На всѣхъ этихъ празднествахъ и развлеченіяхъ присутствовали жена и дочери директора, знавшія по именамъ каждаго изъ воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ.

Такая замѣчательная постановка учебнаго заведенія объясняется «прекраснымъ подборомъ преподавателей» и замѣчательною личностью директора Крюммера, котораго баронъ Корфъ называетъ «едва-ли не лучшимъ педагогомъ изъ всѣхъ, съ которыми судьба сводила» его въ дѣтствѣ. Хорошо подготовленный дома по нѣмецкому языку, Коля не только не отставалъ отъ другихъ въ прохожденіи учебнаго курса, но и настолько подвинулся впередъ въ знаніи и обладаніи нѣмецкимъ языкомъ, что этотъ послѣдній на всю жизнь остался какъ-бы вторымъ роднымъ его языкомъ. Но, помимо успѣха въ наукахъ, баронъ Корфъ обязанъ заведенію Крюммера и коечѣмъ другимъ, что́ стоитъ даже выше знанія. По личному признанію барона Корфа, въ этомъ заведеніи «были заложены первые основы политическаго или гражданскаго» его развитія.

Чувствуя себя въ доброй, согласной, дружной семьѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ по самому ходу и складу всей жизни заведенія, во всѣхъ ея проявленіяхъ, познавалъ и сознавалъ на каждомъ шагу, что существуетъ общество, существуютъ права и обязанности, всѣми уважаемые обычаи; что общество и отдѣльная личность вправѣ предъявлять другъ другу взаимныя требованія.

«Все это,—говоритъ баронъ Корфъ,—я познालъ въ микроскопическомъ мірѣ товарищей, который имѣлъ однако свою организацію, сходную съ буршеншафтами германскихъ университетовъ. Не только фискальство, но и неуваженіе къ женщинѣ, угнетеніе слабаго, обманъ, измѣна данному слову—безпощадно карались судомъ товарищей. Директоръ и инспекторъ, равно какъ и всѣ учителя воспитывали въ насъ чувство отвѣтственности довѣріемъ къ намъ и предоставленіемъ намъ возможно полной свободы, а не попеченіями сыскной полиціи.»

Эта разумная организація школьнаго общежитія распространялась на весь режимъ учебнаго заведенія, не исключая даже забавъ и игръ, которыя происходили при строгомъ соблюденіи правилъ, установленныхъ традиціями заведенія и свято охраняемыхъ судомъ товарищей,имѣвшимъ право подвергать провинившагося даже исключенію, признаваемому и начальствомъ. Благодаря такому установленію, все формальное, показное было чуждо этому заведенію, и

жизнь его шла плавно, гармонично, безъ всякихъ отклоненій. Какая-бы то ни было формалистика до такой степени была чужда духу этого заведенія, что воспитанники его не имѣли даже понятія о томъ, что значитъ «ходить въ парахъ». Появляясь на городскихъ улицахъ не иначе, какъ гурьбою, они тѣмъ не менѣе не производили впечатлѣнія чего-нибудь неприличнаго, а имѣли видъ веселой приличной, молодой компаніи, привыкшей свободно держать себя не въ ущербъ достоинству.

Къ особенностямъ заведенія Крюммера на германскій пошибъ необходимо добавить еще, что новая мѣстность, люди и нравы опять-таки германскаго-же характера сильно занимали маленькаго Корфа. При отсутствіи хоть чего-либо похожаго на гнетъ или насмѣшки съ какой-бы то ни было стороны въ отношеніи исповѣдуемой имъ православной вѣры, пользуясь даже уроками русскаго языка, мальчикъ однако жадно всасывалъ въ себя нѣмецкій элементъ и неизбѣжно онѣмечился-бы до полнаго забвенія всего русскаго, не исключая и природнаго своего языка, при условіи продолжительнаго пребыванія въ Верро. Но ему суждено было провести тамъ лишь два года (1844 и 1845 гг.), примѣрно до одиннадцатилѣтняго возраста. Не извѣстно, по чьему почину (отецъ его былъ уже въ это время безнадежно боленъ) онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ ему суждено было получить коренное русское и православное воспитаніе.

Въ это время въ Петербургѣ большою извѣстностью пользовался пансіонъ Александра Яковлевича Филиппова, существовавшій болѣе 30-ти лѣтъ и послѣ него, подъ управленіемъ членовъ той-же семьи. Въ ту пору процвѣталъ уже столь распространенный въ настоящее время промыселъ «обязательнаго приготовленія» разными пансіонами къ опредѣленному сроку, въ извѣстное учебное заведеніе,— съ ручательствомъ въ этомъ передъ наивными родителями и со взиманіемъ произвольно высокой платы, до 300 рублей въ мѣсяцъ и болѣе. Но пансіонъ А. Я. Филиппова рѣзко отличался отъ этого типа «промысловыхъ» учебныхъ заведеній, живущихъ, строго говоря, обманомъ и родителей, и учащихся, и тѣхъ учебныхъ заведеній, куда они готовятъ богатое и родовитое юношество. Это было въ полномъ смыслѣ образовательное и воспитательное учебное заведеніе, очень серьезно поставленное, гордое своимъ достоинствомъ и успѣхами, неподкупное. Воспитанники Филиппова традиціонно поступали во всевозможныя заведенія одними изъ первыхъ; тѣмъ не менѣе онъ гнушался спеціализаціи «готовить» обязательно въ тѣ или иныя учебныя заведенія. Пансіонъ его имѣлъ опредѣлен-

ную программу, хорошо примѣненную къ общеобразовательнымъ потребностямъ, а потому питомцы его и оказывались хорошо подготовленными въ разныя учебныя заведенія. На просьбы даже высокопоставленныхъ особъ относительно «приготовленія» въ то или другое заведеніе А. Я. Филипповъ гордо отвѣчалъ, что «приготовляютъ только котлеты, а людей воспитываютъ и обучаютъ». Никакія просьбы и убѣжденія не могли заставить его допустить въ свое заведеніе болѣе 30-ти воспитанниковъ, такъ какъ съ большимъ количествомъ онъ считалъ невозможнымъ вполнѣ добросовѣстно вести дѣло съ той замѣчательной серьезностью, съ какою онъ относился къ этому дѣлу. Ни за кого изъ воспитанниковъ онъ не бралъ болѣе 300 рублей въ годъ, т. е. только ту сумму, которую другіе взимали лишь за одинъ мѣсяцъ ученія.

Пансіонъ Филиппова былъ также строго семейною школою, гдѣ самъ директоръ, довольно многочисленная его семья и питомцы жили одною общею жизнью, дружно, согласно. Даже гостей своихъ Филипповъ принималъ не иначе, какъ за общимъ столомъ съ питомцами, не дозволяя при этомъ ни себѣ, ни другимъ чего либо лишняго противъ того, что онъ могъ предложить и своимъ питомцамъ. Но характеръ этой семейной школы рѣзко отличался отъ тѣхъ двухъ, въ которыхъ ему пришлось побывать—въ Волчьемъ и въ Верро. Въ первой было истинно домашнее сельское приволье. Во второй—царилъ духъ германскаго студенчества, по преимуществу демократическій, направленный къ развитію личнаго достоинства и воспитанію чувства долга. Въ третьей—семейственность сводилась къ положенію сына, обязаннаго безпрекословно исполнять волю отца, «безъ разсужденій». Положеніе это опредѣляется «ежовыми рукавицами», право которыхъ баронъ Корфъ старается объяснить тѣмъ, что тогда «вѣровали не только въ возможность задержать работу мысли и безповоротно направить ее отечески-драконовскою властію, но и въ барабанный бой и шагистику».

По счастью однако, А. Я. Филипповъ былъ человѣкомъ не дюжиннымъ въ педагогическомъ отношеніи и умѣло вліялъ на своихъ питомцевъ. Преподаваніе было поставлено такъ серьезно и основательно, что даже дѣти сознавали и чувствовали, насколько знаніе само въ себѣ носитъ награду за трудъ. Путемъ настойчивыхъ повтореній, знанія вгонялись въ плоть и кровь учащихся, такъ что даже дѣти придавали цѣну только отчетливому, сознательному, увѣренному знанію, какъ запасу на всю жизнь.

Филипповъ былъ всецѣло преданъ своей школѣ. День и ночь проводилъ онъ со своими питомцами, давая себѣ отдыхъ по вече-

рамъ лишь часа на два. Онъ принималъ участіе въ дѣтскихъ играхъ и считался лучшимъ игрокомъ въ мячъ, барры и пятнашку. Онъ начиналъ день чтеніемъ Евангелія воспитанникамъ; онъ-же обыкновенно и заканчивалъ его чтеніемъ вслухъ чего-нибудь живого, интереснаго,—и былъ лучшимъ чтецомъ. Самымъ-же тяжелымъ наказаніемъ въ школѣ считалось, если директоръ, прощаясь съ воспитанниками при отходѣ ихъ ко сну, молча кланялся кому-нибудь изъ нихъ, не подавая при этомъ руки.

Баронъ Корфъ называетъ Филиппова «педагогомъ, любителемъ и артистомъ своего дѣла, неусыпно работавшимъ по призванію». Исключительно личному вліянію этого высоко-нравственнаго и беззавѣтно преданнаго своему дѣлу человѣка баронъ Корфъ обязанъ педагогической карьерой.

«Въ пансіонѣ Филиппова,—говоритъ онъ,—подъ вліяніемъ уваженія и привязанности къ директору и того увлеченія и умѣнья, съ которыми онъ преподавалъ и воспитывалъ, я впервые полюбилъ школьное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую профессію самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ. Еще въ бытность въ этомъ пансіонѣ, одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ отъ роду, я искалъ случая удовлетворить зародившемуся во мнѣ, благодаря таланту и увлеченію Филиппова, вкусу къ преподаванію. Бывало и хлѣбомъ меня не корми, а дозволь только товарищъ объяснить ему что нибудь изъ преподаннаго за урокомъ; тутъ сейчасъ разыграется бывало самодѣятельность, и станешь своими способами выяснять товарищу то, что толковалъ учитель, а затѣмъ предлагать ему вопросы о пройденномъ и мечтаешь: «Эхъ, вотъ, когда-бы мнѣ цѣлый классъ достался, такъ такъ бы!...» Мои первые опыты преподаванія вѣроятно удались, такъ какъ вскорѣ стала собираться вокругъ меня цѣлая кучка учениковъ для того, чтобы подъ моимъ руководствомъ, доставлявшимъ мнѣ же огромное наслажденіе, готовить уроки; дожилъ я даже до такого блаженства, что директоръ, который и самъ, быть можетъ, не подозрѣвалъ того, кто заронилъ въ меня своею талантливою и самоотверженною дѣятельностью первую педагогическую искру, съ этихъ поръ уже никогда не угасавшую и разгорѣвшуюся въ пламя при первой благопріятной обстановкѣ,—самъ поручалъ мнѣ слабѣйшихъ.»

Но есть и еще кое-что другое, чѣмъ обязанъ баронъ Корфъ этому скромному пансіону и его прекрасному директору-педагогу. Въ этомъ учебномъ заведеніи «господствовали заповѣди Христа не на словахъ, а на дѣлѣ»,—какъ выражается баронъ Корфъ. А. Я. Филипповъ, по убѣжденію, былъ гернгутеромъ, т. е. принадлежалъ къ высоконравственной общинѣ, стремящейся осуществить культъ и образъ жизни первоначальныхъ христіанскихъ общинъ. Гернгутеры, какъ извѣстно, стремятся къ возможно большему осуществленію равенства на землѣ, но не разрушеніемъ и цѣ-

ною крови, а проповѣдью любви. Не трудно понять поэтому, какъ училъ директоръ своихъ питомцевъ относиться къ прислугѣ, бывшей у него членомъ его семьи, а также и вообще къ меньшей братіи.

Это воспитательное вліяніе встрѣтило особенно благопріятную почву въ юномъ баронѣ Корфѣ, который былъ уже достаточно подготовленъ къ глубокому, сознательному воспріятію его и примѣромъ отца, и человѣчнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ въ Погромцѣ и Волчьемъ, наконецъ и демократической закваской заведенія Крюммера. Въ эту раннюю пору, примѣрно около 14-ти-лѣтняго возраста, у барона Н. А. Корфа созрѣли уже сознательное стремленіе и потребность «служенія массѣ».

А. Я. Филипповъ умеръ отъ холеры въ 1848 году, во время свирѣпствовавшей въ Петербургѣ страшной эпидеміи. Въ концѣ того же года непосредственно изъ пансіона, перешедшаго къ брату покойнаго, баронъ Корфъ поступилъ въ лицей. Конкуренція была большая. Отъ поступающихъ требовались знанія въ объемѣ первыхъ четырехъ классовъ гимназіи, съ добавленіемъ притомъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Но у Филиппова учили такъ прочно, что юный баронъ Корфъ «не только не тревожился перспективою наступленія экзаменовъ, но втеченіи нѣсколькихъ недѣль, ему предшествовавшихъ, и книги не раскрывалъ».

III.

Лицей.

Разница между лицеемъ и университетомъ.—Отрицательныя и положительныя стороны лицейскаго обученія.—Работа барона Н. А. Корфа надъ собственнымъ образованіемъ.—Первые литературные его опыты.—Педагогическая практика въ лицеѣ.—Успѣхи и поведеніе.

Въ противоположность весьма многимъ изъ бывшихъ лицеистовъ, относящихся въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ очень неодобрительно къ лицею, баронъ Корфъ прямо заявляетъ, что онъ «чувствуетъ себя обязаннымъ лицею своего времени» (1848—1854 годовъ) и признаетъ его «весьма существеннымъ факторомъ въ числѣ силъ, воспитавшихъ» его. Онъ находитъ, что «законъ вполнѣ незаслуженно предоставляетъ лицеистамъ привилегированное служебное положеніе», но это не мѣшаетъ ему относиться къ лицею «безъ предубѣжденія». Дѣлая сближеніе между лицеемъ

и университетомъ въ научномъ отношеніи, онъ безусловно отдаетъ въ своихъ «Запискахъ» пальму первенства послѣднему; но онъ протестуетъ противъ огульнаго обвиненія лицея въ «пустотѣ».

Лицей временъ барона Корфа имѣлъ шестилѣтній срокъ ученія, при четырехъ курсахъ, съ полуторагодичнымъ промежуткомъ въ каждомъ курсѣ. Въ двухъ младшихъ курсахъ (т. е. втеченіи трехъ первыхъ лѣтъ обученія) была чисто школьная система преподаванія, т. е. съ задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ. Втеченіи-же трехъ послѣднихъ учебныхъ лѣтъ (въ двухъ старшихъ курсахъ) читались лекціи, но съ обязательной провѣркой (репетиціями) по всѣмъ предметамъ прочитаннаго втеченіи предыдущаго мѣсяца.

Учебный курсъ лицея представлялъ удивительно пеструю смѣсь осколковъ программъ историко-филологическаго, юридическаго и физико-математическаго факультетовъ. Лицеистамъ преподавалось даже сельское хозяйство, причемъ въ лицейскомъ саду было отдѣлено нѣсколько квадратныхъ саженей подъ «опытное поле», представлявшее понятно только карикатуру на «поле» и по размѣру, и по результатамъ «опытовъ».

Эта необъятная многопредметность программы сама собою уже исключала возможность строго-научнаго преподаванія въ университетскомъ смыслѣ слова. Къ этому нужно прибавить еще, что въ составѣ преподавателей было не мало людей, рѣшительно не удовлетворявшихъ своему назначенію. Такъ напримѣръ, профессоръ Оболенскій, вмѣсто государственнаго права, читалъ русскіе государственные законы, ни однимъ словомъ не касаясь теоріи права, сравнительнаго законодательства и исторіи права. Читалъ онъ этотъ имъ самимъ состряпанный курсъ, не представлявшій собою ровно ничего научнаго, по устарѣвшимъ литографированнымъ запискамъ, которыя онъ зналъ наизусть и потому произносилъ, засыпая на каѳедрѣ. Профессоръ Георгіевскій читалъ, вмѣсто словесности и исторіи литературы, какую-то невозможную піитику, по имъ-же самимъ составленной книгѣ. По счастью этого піиту вскорѣ замѣнилъ профессоръ Я. К. Гротъ, читавшій очень содержательный курсъ исторіи русской словесности, вообще имѣвшій наилучшее вліяніе на слушателей и гуманностью воззрѣній, и горячею любовью къ своему предмету.

Ботаника преподавалась лицеистамъ на англійскомъ языкѣ, а зоологія—на французскомъ. Преподаваніе нѣмецкой словесности сильно хромало. Не безъ грѣха было также и преподаваніе исторіи. Читалъ этотъ предметъ И. П. Шульгинъ, человѣкъ, довольно извѣстный въ свое время, обладавшій значительнымъ запасомъ зна-

ній, но сильно устарѣвшій. Онъ начиналъ свой курсъ съ весьма полнаго изложенія данныхъ изъ прекрасной книги Гизо «Исторія цивилизаціи въ Европѣ», вовсе не упоминая однако о послѣдней. Но, разманивъ у слушателей любовь и вкусъ къ исторіи, онъ преподносилъ имъ потомъ совершенно нестройный историческій ворохъ событій и фактовъ, съ такимъ произвольнымъ распредѣленіемъ на періоды, которое совершенно извращало внутреннюю зависимость и связь между историческими событіями. Неудивительно поэтому, что «курсъ русской и всеобщей исторіи,—какъ удостовѣряетъ баронъ Корфъ,—оставался безъ всякаго вліянія на политическое воспитаніе» слушателей.

«Шульгину и лицею я обязанъ самымъ возбужденіемъ аппетита (къ исторіи), за удовлетвореніе котораго усердно принялся послѣ выпуска изъ лицея, проклиная И. П. Шульгина за то, что за три года онъ не сдѣлалъ намъ ни одного указанія на литературу исторіи и источники, и за то, что на время съ 1789 года по 1815 г. онъ только намекнулъ, и о всѣхъ событіяхъ, послѣдовавшихъ за 1815 годомъ, не произнесъ ни одного слова.»

Къ особенностямъ лицейскаго преподаванія той поры нужно прибавить еще крайнюю щепетильность, съ которою обходили все, что мало-мальски могло казаться щекотливымъ въ политическомъ отношеніи. Этою именно предвзятою цѣлью и объясняется, почему въ изложеніи новой исторіи былъ совершенно затушеванъ періодъ реформаціи, равно какъ и всѣ другія характернѣйшія историческія событія, совершенно преобразовавшія складъ, строй и культурное состояніе всей Европы. Характеризуя эту «щепетильность», баронъ Корфъ отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующій фактъ. Отдавая справедливость профессору П. Д. Калмыкову, читавшему исторію русскаго права, за «воспитывающее значеніе» его курса, онъ тѣмъ не менѣе оговаривается, что даже этотъ «почтенный ученый» и «развитой человѣкъ», читавшій втеченіи трехъ лѣтъ, старался растянуть свой курсъ, чтобы именно не добраться до болѣе или менѣе «щекотливыхъ» эпохъ ближайшаго къ намъ времени. Баронъ Корфъ жалуется въ своихъ «Запискахъ» на этотъ пробѣлъ въ образованіи юношества, указывая на возможность «увлеченій и ошибокъ», вслѣдствіе предоставленія молодежи самой знакомиться, «случайно и безъ критики», съ историческими событіями.

Указавъ на недостатки лицейскаго преподаванія, необходимо отмѣтить и хорошія его стороны. Считая невозможнымъ сравнивать лицейское преподаваніе съ дѣйствительно научною постановкою университетскаго преподаванія по факультетамъ, тѣмъ не ме-

нѣе нельзя не признать серьезнаго для того времени образовательнаго значенія курса лицея въ общемъ его составѣ и исполненіи.

Характеренъ слѣдующій разсказъ Корфа о своей лицейской порѣ:

«Поступивъ въ лицей, я въ первое время сталъ лѣниться не только читать, но и готовить уроки, и упросилъ нашего доктора принять меня на нѣсколько дней въ больницу; докторъ Н. Л. Тавастъ никогда не былъ знаменитымъ врачемъ, но славился своею добротою и, какъ оказывается теперь, былъ педагогомъ въ душѣ: принимая меня въ больницу, онъ не видѣлъ во мнѣ лѣнтяя, котораго онъ портитъ, поощряя его лѣнь, но юношу пятнадцати лѣтъ, который себѣ немного оскомину набилъ ученьемъ и которому хотѣлось отдохнуть; допустивъ меня въ больницу, онъ далъ мнѣ поскучать нѣсколько дней отъ одиночества и праздности, а затѣмъ сказалъ мнѣ: «не дать-ли вамъ какую нибудь книгу почитать?» Это предложеніе было принято мною съ восторгомъ, и я не прочелъ, а проглотилъ съ наслажденіемъ комедіи Мольера, присланныя мнѣ докторомъ. «Не-пора ли въ лицей?» сказалъ мнѣ послѣ этого Тавастъ; «нѣтъ, дайте еще книгу», отвѣчалъ я ему. «Ну, извольте, но это ужъ будетъ послѣдняя, не правда ли?» «Даю слово», сказалъ я съ достоинствомъ истаго питомца Крюммера. Пробдаженствовавъ еще три дня надъ интересною книгою, я возвратился въ классъ навсегда выздоровѣвшимъ отъ нежеланія читать, и съ этихъ поръ книги уже не выпускалъ изъ рукъ, а учиться сталъ лучше и настолько, что за послѣдніе три года пребыванія моего въ лицеѣ непрерывно состоялъ первымъ по успѣхамъ и никогда ни изъ одного предмета не получалъ менѣе полнаго балла (12). Очень усердно занимаясь, я всегда находилъ время читать и усвоилъ себѣ при этомъ методъ, который вѣроятно не мало содѣйствовалъ къ тому, что-бы я могъ надлежащимъ образомъ переваривать прочитанное: изучая въ послѣдніе три года исторію словесности русской, французской, нѣмецкой и англійской, я старался въ чтеніи по возможности поспѣвать за курсами профессоровъ и читать авторовъ именно тогда, когда разбирали ихъ на лекціяхъ профессора.»

Система репетицій заставляла серьезно и отчетливо работать. Это само собою наталкивало учащихся на чтеніе—и пробѣлы лекцій успѣшно пополнялись путемъ серьезной самодѣятельности.

«Читали въ нашемъ курсѣ—говоритъ баронъ Корфъ — на русскомъ и трехъ иностранныхъ языкахъ, но на англійскомъ лишь немногіе, хотя всякій изъ насъ и долженъ былъ въ послѣднемъ курсѣ писать сочиненія по-англійски. Я рѣшительно не помню, чтобы у насъ читались романы; если и читались, то весьма рѣдко, и я не прочелъ въ лицеѣ ни одного; но читалась масса классическихъ произведеній и научныхъ книгъ.» «Не только по литературамъ, но и изъ многихъ другихъ наукъ старались мы отвѣчать такъ, чтобы видѣли, что человѣкъ *читаетъ*.»

За указанными выше недостатками, составъ преподавателей былъ въ общемъ хорошъ. Наиболѣе связно и стройно былъ поставленъ юридическій отдѣлъ курса, преимущественно съ университет-

скимъ составомъ преподавателей. Насколько лекторы французскаго и англійскаго языковъ были смѣшны въ роли натуралистовъ (какъ преподаватели зоологіи и ботаники—по заказу и наряду), настолько наоборотъ они оказывались почтенными въ роли преподавателей спеціальныхъ своихъ предметовъ. Не ограничиваясь разборомъ изящныхъ произведеній лишь съ эстетической точки зрѣнія, они старались всякое литературное произведеніе связать съ его временемъ и не чуждались исторіи научнаго и философскаго развитія своего народа. Поистинѣ можно сказать: «гони природу въ дверь,—она влетитъ въ окно». Тѣ пробѣлы, которые были въ преподаваніи нѣкоторыхъ гуманитарныхъ предметовъ, восполнялись до извѣстной степени широкой и удачной постановкой преподаванія французской и англійской литературъ.

Въ общемъ баронъ Н. А. Корфъ правъ, вспоминая свою лицейскую пору добрымъ словомъ, хотя ему пришлось учиться тамъ въ періодъ замѣны традиціоннаго «колокольчика» барабаннымъ боемъ и обязательной получасовой маршировки ежедневно, подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ и наблюденіемъ инспектора лицея.

Съ малыхъ лѣтъ пріученный самостоятельно и отчетливо работать, юноша-Корфъ серьезно и съ большою пользою трудился въ лицеѣ надъ своимъ самообразованіемъ. На лицейской скамьѣ онъ не только прочиталъ, но даже изучилъ въ подлинникѣ «Духъ законовъ», Монтескьё, испещривъ собственный экземпляръ этой книги своими замѣтками. Съ восторгомъ была прочитана имъ также и «Исторія цивилизаціи въ Европѣ», Гизо. Увлекался и запрещенными въ то время «Записками по всеобщей исторіи» профессора педагогическаго института Лоренца. Въ бытность въ послѣднемъ курсѣ лицея, у него были отобраны инспекторомъ сочиненія Фейербаха, но его отстоялъ профессоръ П. Д. Калмыковъ, доказавшій, что книга эта «имѣетъ ближайшее отношеніе къ теоріи права и потому должна быть разрѣшена». Вообще баронъ Корфъ много и серьезно читалъ по всѣмъ главнѣйшимъ предметамъ лицейскаго курса. У него рано образовалась страсть покупать книги на свои средства. Во все время пребыванія въ лицеѣ, онъ получалъ по пяти рублей въ мѣсяцъ на извозчиковъ и перчатки. Предпочитая ходить пѣшкомъ и никогда не надѣвая перчатокъ, онъ всѣ свои карманныя деньги цѣликомъ обращалъ на книги, покупая послѣднія, ради дешевизны, у букинистовъ. Подъ вліяніемъ благотворной внутренней работы, юноша скоро понялъ, что «наука одна, что задача ея состоитъ въ изученіи человѣка и природы и что различныя науки, по которымъ читаются лекціи подъ разными названіями, не что иное, какъ раз-

личныя точки зрѣнія все на того же человѣка и его дѣятельность и на природу». Цѣлый переворотъ въ душѣ юноши произвело это открытіе, разомъ осмысливъ ученіе, сдѣлавъ его задачею и цѣлью всей послѣдующей его жизни.

Рано зародилась у барона Н. А. Корфа страсть къ писательству. Еще бывши въ лицеѣ, онъ задумалъ переводить трагедію Корнеля съ подлинника на нѣмецкій языкъ, который, подъ вліяніемъ только-что прочитанныхъ имъ гекзаметровъ «Мессіады» Клопштока, казался ему какъ-бы спеціально предназначеннымъ для «высокаго стиля». Въ эту-же пору онъ написалъ три повѣсти, такъ и оставшіяся къ сожалѣнію въ рукописяхъ, «въ качествѣ пожизненно-заключенныхъ, — иронизируетъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ»,—просто по той причинѣ, что отъ этой неволи никто ничего не потерялъ и не потеряетъ». Очень жаль однако, что это «пожизненное заключеніе» продолжается даже и послѣ смерти автора.

Вкусъ къ литературнымъ занятіямъ развился у Н. А. Корфа подъ вліяніемъ даровитаго дяди его, барона Федора Федоровича Корфа, умершаго въ молодыхъ годахъ, извѣстнаго въ литературѣ по его «Воспоминаніямъ о Персіи», по остроумнымъ фельетонамъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» и по комедіямъ, которыя и до сихъ поръ еще держатся на театральной сценѣ. Ф. Ф. Корфъ также подмѣтилъ страсть къ литературнымъ занятіямъ у своего племянника. Однажды, считая племянника ушедшимъ, онъ сказалъ своей женѣ: «вотъ единственный человѣкъ въ нашей семьѣ, который будетъ писать». Въ виду уваженія къ литературному дарованію дяди, эта аттестація привела юношу въ неописанный восторгъ, тѣмъ болѣе, что, но высокому идеализму той поры и личнаго его направленія, онъ смотрѣлъ на литературное дѣло, какъ на священнодѣйствіе. Не представляя себѣ даже возможности существованія литераторовъ, торгующихъ совѣстью и перомъ, литераторовъ-хамелеоновъ, литераторовъ-пресмыкающихся, литераторовъ-доносчиковъ, онъ смотрѣлъ черезъ розовую юношескую призму на писательство, какъ на самую высшую ступень педагогической дѣятельности, въ смыслѣ просвѣщенія и руководства всею грамотною частью населенія. Педагоговъ-же, какъ мы знаемъ уже, онъ высоко цѣнилъ. Онъ сознавалъ уже, что за время своего ранняго безпріютнаго дѣтства рѣшительно всѣмъ обязанъ имъ. Кромѣ того, извѣдавъ гнетъ лично на самомъ себѣ, онъ возмущался несправедливымъ отношеніемъ общества къ лицамъ педагогической профессіи, особенно-же къ гувернерамъ и гувернанткамъ, какъ людямъ угнетеннымъ. Такимъ образомъ свои юношескія симпатіи къ педагогической дѣятельности

баронъ Корфъ перенесъ и распространилъ на литературную дѣятельность, сблизивъ въ своемъ представленіи два эти поприща дѣятельности, несомнѣнно имѣющія между собою очень много общаго.

Въ бытность еще въ младшемъ отдѣленіи лицея, т. е. на 16-мъ году жизни, барону Корфу пришлось серьезно извѣдать свои преподавательскія силы. Въ лицей поступилъ среди учебнаго года сынъ бывшаго въ то время нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Тріестѣ графа Кассини. Отлично подготовленный по всѣмъ предметамъ, онъ ни слова однако не зналъ по-русски. На вызовъ директоромъ желающихъ преподавать ему русскій языкъ, отозвался только баронъ Корфъ, въ годичный срокъ настолько подвинувшій Кассини въ русскомъ языкѣ, что тотъ владѣлъ имъ такъ-же свободно и правильно, какъ и природнымъ своимъ итальянскимъ. Этотъ успѣхъ Корфъ приписываетъ «богатымъ дарованіямъ ученика»; но нужно-же конечно отдать должное и «дарованію» юнаго учителя.

Въ старшемъ отдѣленіи лицея особенно труднымъ предметомъ считалась «теорія уголовнаго права». Передъ «репетиціями» изъ среды товарищей находились желающіе послушать разъясненія барона Корфа по этому предмету, что доставляло ему невыразимое удовольствіе. Не ускользнула отъ его вниманія и ничтожная школка грамотности, существовавшая въ лицеѣ для дѣтей находившихся въ немъ служителей, помѣщавшаяся въ лицейскомъ предбанникѣ, въ которой училъ діаконъ, посвященный изъ дьячковъ. Это была школа безпрерывнаго сѣченія, побоевъ, вопля и слезъ дѣтей, — какъ характеризуетъ ее баронъ Корфъ. Онъ посѣщалъ эту школу, но не извѣстно однако, какое именно участіе принималъ въ ней. Вообще-же во все время пребыванія его въ лицеѣ въ немъ былъ обостренъ интересъ къ педагогической дѣятельности. Какъ онъ самъ говоритъ въ «Запискахъ», «начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, не проводилъ ни однихъ каникулъ, не обучая какого-нибудь крестьянскаго мальчика».

Подводя общій итогъ вліянію лицея на барона Корфа, нельзя пройти молчаніемъ слѣдующей характерной подробности. «Единственнымъ профессоромъ,—говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ»,— косвенно, но сильно поддержавшимъ выработанную во мнѣ раньше мечту о работѣ на благо крестьянъ, былъ профессоръ и извѣстный того времени ученый Сахаровъ. Онъ читалъ намъ быть можетъ никому изъ насъ ненужную палеографію, обучая насъ разбирать и воспроизводить древнія рукописи, написанныя уставомъ, полууставомъ и скорописью; но важно то, что онъ былъ изъ первыхъ собирателей народныхъ сказокъ и преданій и, записавъ ихъ, напеча-

талъ подъ именемъ: «Сказанія русскаго народа». Нѣкоторые изъ насъ не только прочитали эту книгу, но и искали общества этого представителя народнаго начала въ нашей средѣ».

Серьезно работая, Корфъ прошелъ лицей однимъ изъ первыхъ, получивъ однако серебряную медаль, вмѣсто золотой, за «поведеніе». Вообще и въ пансіонѣ Филиппова, и въ лицеѣ баронъ Корфъ никогда не былъ въ категоріи такъ-называемыхъ «благонравныхъ». Будучи отъ природы человѣкомъ кроткимъ, онъ тѣмъ не менѣе часто подвергался обвиненіямъ въ «дерзости»—только за прямоту, за неумѣнье смолчать. Года-же за два до выпуска изъ лицея онъ еще и курилъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, да притомъ такъ неловко, что попадался и раза три сидѣлъ за куреніе въ карцерѣ.

Эта школьная дрессировка совершенно не соотвѣтствовала нравственному облику барона Корфа, бывшаго въ это время уже зрѣлымъ юношей, обращавшимъ на себя вниманіе преподавателей серьезнымъ отношеніемъ къ занятіямъ. Объ этомъ можно судить между прочимъ по письму къ нему академика Я. К. Грота, бывшаго профессоромъ его по лицею. Въ 1867 году, т. е. примѣрно черезъ 13 лѣтъ уже послѣ окончанія лицея, академикъ Гротъ въ дѣловомъ письмѣ своемъ къ барону Корфу между прочимъ говоритъ:

«За вашею дѣятельностью я всегда слѣдилъ, сколько могъ, по газетамъ и разнымъ статьямъ вашимъ, въ которыхъ, кромѣ благороднаго образа мыслей и основательности познаній, обращаетъ на себя вниманіе и прекрасное перо. Задатки этого видѣлъ я еще въ лицейскихъ вашихъ упражненіяхъ и не забылъ вашего сочиненія объ исторіи Карамзина.»

IV.

Въ деревнѣ и на земской службѣ.

Девизъ барона Н. А. Корфа и обстоятельства, при которыхъ сложился его девизъ.—Полтора года коронной службы.—Возвращеніе въ деревню и женитьба.—Отношеніе къ крестьянамъ.—Самообразовательная работа барона Н. А. Корфа и спеціализація въ педагогическомъ отношеніи.—Баронъ Корфъ, нашъ земскій дѣятель.—Школьное дѣло до и послѣ введенія земскихъ учрежденій.—Баронъ Корфъ, какъ творецъ русской народной школы.—Роль народной школы въ дѣлѣ сближенія разныхъ сословій.—Учебно-воспитательное дѣло, какъ соціальное по преимуществу.—Привлеченіе къ участію въ школьномъ дѣлѣ всѣхъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ.

«Не быть ничѣмъ *ex officio* и чѣмъ-нибудь—*de facto*»—вотъ тотъ девизъ, который установился у барона Николая Александро-

вича Корфа еще на лицейской скамьѣ, и которому онъ остался вѣренъ во всю послѣдующую свою жизнь. Замѣчательно, что этотъ строгій и высокій нравственный принципъ сложился у юнаго барона при такихъ обстоятельствахъ, которыя обыкновенно приводятъ къ прямо обратному результату.

Въ числѣ петербургскихъ родственниковъ Корфа, принявшихъ участіе въ его воспитаніи во время круглаго сиротства, былъ и знаменитый въ свое время баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, впослѣдствіи графъ. Въ домѣ его, какъ своего дяди, юноша Корфъ часто бывалъ. Это былъ человѣкъ высоко даровитый, разносторонне развитый, гуманный и неподкупно честный. Дѣятельность его, какъ директора публичной библіотеки, которой онъ былъ преданъ съ увлеченіемъ, со страстью, въ высшей степени обаятельно дѣйствовала на юношу Корфа, разжигая и усиливая въ немъ любовь къ книгамъ, уваженіе къ знанію, жажду къ разносторонности образованія. Не менѣе сильное и обаятельное впечатлѣніе производилъ на него дядя и своимъ дневникомъ, который онъ съ истинно нѣмецкою аккуратностью велъ за десятки лѣтъ, хранилъ въ величайшемъ порядкѣ и читалъ иногда въ своей семьѣ. «Независимо отъ интереса, возбуждавшагося самымъ содержаніемъ,—говоритъ баронъ Н. А. Корфъ, — во мнѣ это чтеніе поселяло какое-то неопредѣленное, но и непреодолимое желаніе послужить обществу и сдѣлать что-нибудь для отечества». Наконецъ юноша Корфъ симпатизировалъ своему сановитому и высокопоставленному дядѣ, какъ бывшему лицеисту, окончившему курсъ въ одно время съ Пушкинымъ. Но блестящая служебная карьера дяди, его сановитость и высокопоставленность производили на юношу-племянника менѣе даже чѣмъ не обаятельное вліяніе.

Отсылая интересующихся мотивами этого характернаго явленія къ «Запискамъ» барона Корфа, замѣтимъ лишь, что именно тѣ обстоятельства, которыя побуждаютъ другихъ «дѣлать карьеру» во что бы то ни стало, повернуло барона Н. А. Корфа прямо въ обратную сторону. Это свидѣтельствуетъ о цѣльности и стойкости нравственной его личности въ раннюю юношескую пору, объ отсутствіи разлада между словомъ и дѣломъ. Все это и вылилось въ оригинальную формулу самаго высокаго и благороднаго честолюбія: «не быть ничѣмъ *ex officio* и чѣмъ-нибудь—*de facto*».

Выпущенный изъ лицея въ 1854 году, двадцати лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, въ которомъ очень немногіе счастливцы въ наше время едва-едва добиваются аттестата зрѣлости, баронъ Н. А. Корфъ, какъ не имѣвшій еще должнаго гражданскаго совершенно-

лѣтія, чтобы наслѣдовать родовое свое помѣстье по матери, вынужденъ былъ, по настоянію родныхъ, поступить на государственную службу, въ департаментъ министерства юстиціи. Но эта коронная служба продолжалась всего лишь полтора года, т. е. до наступленія полнаго совершеннолѣтія. Баронъ Н. А. Корфъ ясно сознавалъ, что родство и связи, успѣшное окончаніе лицея и первые-же шаги по службѣ открываютъ ему блестящую карьеру до наивысшихъ ступеней въ служебной іерархіи. Но душа жаждала иной дѣятельности, и живая, отзывчивая натура его рѣшительно не мирилась съ канцелярскимъ дѣломъ. Поэтому, какъ только наступило время полновластнаго унаслѣдованія родового своего помѣстья Нескучнаго, въ Екатеринославской губерніи, баронъ Н. А. Корфъ, вопреки настойчивымъ уговорамъ и совѣтамъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ петербургскихъ родственниковъ, бросилъ службу и Петербургъ, уѣхалъ въ свою деревню. Этотъ фактъ, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ лицъ, близкихъ къ барону Н. А. Корфу, послужилъ поводомъ почти къ полному разрыву его съ богатыми и вліятельными петербургскими родственниками, подъ покровительствомъ которыхъ онъ находился во время одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ и которые готовили ему совершенно иной жизненный путь.

Поселившись въ своемъ Нескучномъ, баронъ Н. А. Корфъ женился 22 лѣтъ отъ роду на дочери одного изъ сосѣднихъ по имѣнію помѣщиковъ, Маріи Михайловнѣ Клевцовой. Какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», женитьба «разлучила» его съ самымъ близкимъ ему человѣкомъ за все время пребыванія въ Петербургѣ, родной теткой его по отцу, Е. Ф. Кёлеръ, «служившей матерью въ лучшемъ смыслѣ слова». Но, какъ видно изъ его «Записокъ», онъ былъ вполнѣ счастливъ въ супружествѣ.

Короче говоря, очутившись въ положеніи самостоятельнаго, женатаго екатеринославскаго помѣщика, онъ какъ бы «сжегъ корабли» своего привилегированнаго происхожденія и воспитанія, своего знатнаго родства и связей. Но это какъ бы даже облегчило барону Корфу возможность зажить въ своемъ Нескучномъ очень дѣятельною и разумною жизнью, не замедлившею принести громадную и во вѣки незабвенную общегосударственную пользу.

Поселившись въ своемъ помѣстьѣ, баронъ Корфъ очутился въ средѣ крестьянъ, обожавшихъ память его матери, няньчившихъ и всячески баловавшихъ его, когда онъ лишился матери. Даже въ то время, когда онъ жилъ у тетки, въ Воронежской губерніи, нескученскій приказчикъ, пѣшкомъ пришедшій изъ Екатеринославской

губерніи для свиданія со своими родными, не полѣнился разыскать маленькаго Корфа, пришелъ провѣдать его и принесъ ему гостинца. Это свиданіе такъ тронуло мальчика, что онъ тогда-же, семи лѣтъ отъ роду, сказалъ себѣ: «Эхъ, вотъ, какъ выросту я, тогда-то заживутъ крестьяне деревни Нескучной!» Ради этого-то главнымъ образомъ баронъ Н. А. Корфъ и предпочелъ деревню столицѣ, казавшейся ему узкою и тѣсною. Между нимъ и крестьянами установились самыя добрыя, сердечныя отношенія, которыя были настолько прочны, что не только до освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но и до самой смерти Корфа нескученцы всемъ обществомъ подносили ему хлѣбъ-соль, въ видѣ поздравленія, ежегодно въ день его именинъ, на Пасху и на Рождество.

Наслаждаясь радостями удачной семейной жизни, полной любви и взаимнаго уваженія, дѣятельно занимаясь улучшеніемъ своего и крестьянскаго хозяйства, баронъ Корфъ не забросилъ и удовлетворенія потребностей высшаго духовнаго порядка—самообразованія. Въ совершенствѣ владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, онъ выписывалъ лучшія изъ журналовъ и газетъ, какъ на русскомъ, такъ и на трехъ названныхъ иностранныхъ языкахъ, и пріобрѣталъ наиболѣе выдающіяся сочиненія, главнымъ образомъ философскаго, политическаго и педагогическаго содержанія. Такимъ образомъ у него постепенно формировалась очень солидная и разносторонняя библіотека, достигшая современемъ весьма значительныхъ размѣровъ. Пріученный къ усидчивости, аккуратности и методичности въ занятіяхъ, онъ много, серьезно и успѣшно работалъ надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ.

Появленіе дѣтей обратило его вниманіе въ сторону воспитанія. Обѣ его дочери преимущественно ему обязаны своимъ образованіемъ. Это конечно потребовало большой подготовительной работы съ его стороны. Знакомясь съ дѣломъ воспитанія и обученія теоретически, онъ тѣмъ не менѣе выѣзжалъ и за границу для непосредственнаго изученія школьнаго дѣла на родинѣ Песталоцци.

Въ такой серьезной научной и разносторонней подготовительной дѣятельности прошло 10 лѣтъ. Благодаря этому, крестьянская, а потомъ и земская реформы нашли въ баронѣ Корфѣ не только горячаго и энергическаго общественнаго дѣятеля, но и человѣка, замѣчательно зрѣло и всесторонне подготовленнаго къ служенію на пользу общую.

* * *

Какъ землевладѣлецъ и членъ дворянской корпораціи, баронъ Н. А. Корфъ принималъ дѣятельное участіе въ дворянскихъ со-

бpaнiяxъ, работая, понятно, въ культурномъ и прогрессивномъ направлении. Весьма цѣнное значенiе имѣло также участiе барона Корфа, какъ человѣка, широко образованнаго и разносторонне развитого, въ подготовленiи, проведенiи и практическомъ осуществленiи на мѣстѣ крестьянской реформы. Вотъ что напримѣръ говорится объ этой сторонѣ дѣятельности Корфа въ «Воспоминанiяхъ» Гпѣдина, напечатанныхъ въ 5, 6 и 7 книжкахъ «Русскаго Богатства» за 1893 годъ:

«Незадолго до нашего очередного дворянскаго собранiя въ первое трехлѣтiе освобожденiя я познакомился съ молодымъ человѣкомъ, возвратившимся изъ заграничнаго путешествiя, барономъ Н. А. Корфомъ. Эта замѣчательно свѣтлая личность высказывала полную симпатiю всѣмъ моимъ посредническимъ дѣйствiямъ и изъявила готовность дать на собранiи отпоръ всѣмъ могущимъ быть на меня нападкамъ. Дворянское собранiе было замѣчательно бурное, вслѣдствiе озлобленiя противъ положенiя и желанiя во что бы то ни стало вернуть старые порядки. Приверженцы старины замышляли жестоко пробрать нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и даже, если возможно, исключить ихъ изъ сословiя дворянъ. Въ числѣ лицъ. предполагаемыхъ къ исключенiю, былъ и я. Разумѣется, дѣйствiя этихъ посредниковъ должны были разбираться по уѣздамъ, начиная съ перваго. Обвиненiе началось противъ одного изъ посредниковъ Екатеринославскаго уѣзда, очень дѣятельнаго и энергичнаго. Посредникъ бойко защищался. Въ качествѣ обвинителя выступилъ также и мой прiятель, отставной артиллерiйскiй полковникъ, арендовавшiй въ моемъ участкѣ имѣнiе. Онъ былъ яростный крѣпостникъ и требовалъ между прочимъ, чтобы въ адресѣ Государю, по случаю манифеста объ освобожденiи крестьянъ, непремѣнно была выражена просьба, чтобы судъ надъ крестьяниномъ принадлежалъ помѣщику, съ правомъ наказывать за всѣ провинности. Противъ полковника выступилъ баронъ Корфъ. Въ блестящей рѣчи онъ защищалъ посредниковъ и между прочимъ указалъ на то, что дворянское собранiе не имѣетъ права судить ихъ, такъ какъ ихъ служебная дѣятельность соотвѣтствуетъ духу положенiя, а порицать послѣднiй законъ значило-бы идти противъ Высочайшей воли, ясно выраженной въ манифестѣ объ освобожденiи крестьянъ. Рѣчь Корфа сильно повлiяла на собранiе, о посредникахъ бросили говорить, и адресъ былъ составленъ по редакцiи Корфа и кажется Савельева. Это дворянское собранiе было предсмертной агонiей существовавшаго порядка: волей-неволей надо было сознать, что старые порядки рухнутъ, и что слѣдуетъ ждать новыхъ реформъ и присматриваться къ нимъ.»

Но общественная дѣятельность барона Корфа характерно опредѣлилась лишь со введенiемъ земскихъ учрежденiй. Самое осуществленiе земскихъ собранiй и управъ, введенiе судебной реформы и вся послѣдующая организацiя земства происходили при непосредственномъ и очень дѣятельномъ его участiи, какъ гласнаго але-

ксандровскаго уѣзднаго земства и екатеринославскаго губернскаго. На первыхъ-же порахъ земской дѣятельности мы видимъ барона Корфа въ роли секретаря земскихъ собраній, члена ревизіонной коммисіи, почетнаго мирового судьи, а затѣмъ и предсѣдателя мирового съѣзда. Достаточно заглянуть въ земскіе журналы той поры, чтобы убѣдиться, что на каждомъ изъ этихъ постовъ общественнаго служенія баронъ Корфъ былъ на высотѣ оказываемаго ему довѣрія. Въ новомъ и обширномъ земскомъ хозяйствѣ и мировомъ институтѣ онъ проявилъ ясное пониманіе дѣла и глубокое знаніе, какъ бытовой жизни, такъ и легальной стороны. Какъ это видно напримѣръ изъ «Воспоминаній» покойнаго Гнѣдина, также бывшаго земскимъ гласнымъ, съ момента перваго приступа къ выбору земскихъ гласныхъ и во всю послѣдующую земскую дѣятельность, баронъ Корфъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей и заправителей во всемъ мѣстномъ земскомъ хозяйствѣ. На каждомъ изъ постовъ почетнаго общественнаго служенія онъ проявлялъ замѣчательную энергію и просвѣщенное руководство — съ широкимъ и возвышеннымъ общественнымъ взглядомъ.

Такая роль барона Корфа, какъ выдающагося земскаго работника, чувствовалась и признавалась не только въ рамкахъ уѣзднаго, но и губернскаго земскаго хозяйства, какъ объ этомъ можно судить между прочимъ по слѣдующему факту. Осенью 1867 года баронъ Корфъ, заваленный дѣломъ по своимъ прямымъ обязанностямъ въ александровскомъ уѣздномъ земствѣ, не предполагалъ быть на очередномъ земскомъ екатеринославскомъ губернскомъ собраніи. Узнавъ объ этомъ, собравшіеся губернскіе гласные съ предсѣдателемъ собранія во главѣ, послали ему «по эстафетѣ» слѣдующее знаменательное коллективное приглашеніе:

«Съ особеннымъ прискорбіемъ узнали мы, что вы не предполагаете быть въ настоящемъ земскомъ собраніи. Уважая васъ, какъ одного изъ первыхъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашего губернскаго земства, мы высоко цѣнимъ оказанныя уже вами услуги земскому дѣлу, дорожимъ вашимъ образованнымъ направленіемъ, любимъ васъ, какъ благороднѣйшаго человѣка, и, при такой душевной расположенности, рѣшаемся послать вамъ это письмо по эстафетѣ и усерднѣйше просить васъ не лишать насъ удовольствія имѣть васъ нашимъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ и въ настоящую сессію. Позволяемъ себѣ надѣяться, что вы, настолько любя земское дѣло, примете къ сердцу нашу просьбу и не откажете исполнитъ ее къ общему нашему удовольствію.»

Такъ высоко цѣнило губернское земство барона Корфа и его заслуги уже на второмъ году открытія дѣятельности земскихъ учрежденій, когда только что начиналась и не успѣла еще вполнѣ

опредѣлиться педагогическая его дѣятельность, въ которой онъ былъ поистинѣ великъ и не замѣнимъ. Даже и теперь, когда русская народная школа имѣетъ болѣе чѣмъ четвертивѣковую исторію, какъ нормированное, регулярное учебное заведеніе, дѣло народнаго образованія все еще продолжаетъ быть предметомъ безконечныхъ споровъ, сомнѣній, колебаній и ошибокъ, нерѣдко крайне грубыхъ и прискорбныхъ. Представьте-же себѣ ту пору, когда баронъ Корфъ, какъ земскій гласный и членъ александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, имъ-же, строго говоря, организованнаго и руководимаго, впервые выступилъ въ роли организатора народныхъ школъ въ своемъ родномъ уѣздѣ. Ни идеи и типа народной школы, ни руководствъ и учителей, ни порядка административнаго управленія и завѣдыванія школами—словомъ, ровно ничего не было. Все это приходилось создавать барону Корфу сначала, прокладывать путь въ-цѣлину,—и онъ проявилъ въ этомъ отношеніи высокое творчество, обнаружилъ огромный организаторскій талантъ, заставивъ притомъ обратить всеобщее вниманіе на свою выдающуюся созидательную дѣятельность въ провинціальномъ захолустьѣ.

Съ отроческихъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ педагогической дѣятельности, основательно—какъ мы знаемъ уже—подготовленный теоретически и практически въ этомъ отношеніи десятилѣтнею самостоятельною работою, баронъ Н. А. Корфъ избралъ для себя не обще-педагогическую дѣятельность, а спеціально народное образованіе, какъ область совсѣмъ новую, непочатую, остававшуюся въ полномъ забвеніи, если не пренебреженіи. Горячо и искренно сочувствуя дѣлу освобожденія крестьянъ, онъ, какъ человѣкъ глубоко просвѣщенный, ясно понималъ, что великій актъ юридическаго освобожденія крестьянъ можетъ возымѣть должную силу въ жизни въ томъ лишь случаѣ, если онъ будетъ дополненъ освобожденіемъ народа отъ вѣковѣчной тьмы безграмотства, т. е. его образованіемъ. Этой великой гражданской работѣ всецѣло посвятилъ баронъ Корфъ всю свою послѣдующую жизнь.

Теперь такъ любятъ нѣкоторые ссылаться на то, что̀ было до введенія земскихъ учрежденій; есть даже охотники возводить чуть не въ «перлъ созданія» первобытную русскую школу, какъ какую-то, будто-бы, «самобытную нашу школу», противупоставляя ее «нѣмецкой», подъ которой подразумѣвается всякая вообще разумно поставленная школа, удовлетворяющая раціональнымъ требованіямъ образованія и воспитанія. Сошлемся-же и мы на это «былое»—во избѣжаніе недомолвокъ.

«Когда въ апрѣлѣ 1867 года александровскій уѣздный училищ-

ный совѣтъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, то школъ приходскихъ, государственныхъ крестьянъ, нѣмецкихъ, греческихъ колонистовъ и казацкихъ на бумагѣ оказалось 40, на дѣлѣ-же, хоть немного сносныхъ,—*только двѣ!* При объѣздѣ этихъ школъ членами совѣта всплыли наружу невѣроятныя вещи. Такъ, въ одной изъ школъ нашелся ученикъ, посѣщавшій ее шестой годъ, но невыучившійся совсѣмъ читать по-русски и плохо читающій по церковнославянски; въ другой школѣ ученикъ второй годъ училъ азбуку; въ третьей изъ 43-хъ учениковъ ни одинъ не умѣлъ писать, и только двое кое-какъ писали. На одну школу, втеченіи 13-ти лѣтъ, истрачено 4,000 руб., а грамотныхъ за все это время вышло только 5 человѣкъ, т. ч. каждый грамотный обошелся въ 800 рублей. Случалось и такъ, что школа на бумагѣ существуетъ и вѣдомости даже присылаются, а на дѣлѣ ея и съ фонаремъ не отыщешь.»

Такое описаніе до-реформенныхъ школъ явилось еще въ 1871 году въ «Современной Лѣтописи» Каткова, въ статьѣ Кашина подъ заглавіемъ: «Поѣздка къ барону Н. А. Корфу». Кашинъже былъ командированъ предсѣдателемъ московскаго комитета грамотности для осмотра земскихъ школъ Александровскаго уѣзда и описалъ несчастное положеніе до-реформенныхъ школъ на основаніи дѣлъ и документовъ училищнаго совѣта. Мы съ своей стороны можемъ только удостовѣрить, что приведенное описаніе г. Кашина совершенно вѣрно; что всѣ вообще начальныя школы до-реформенной эпохи въ селахъ и деревняхъ находились въ такомъ-же плачевномъ положеніи, какъ и въ Александровскомъ уѣздѣ; что та именно школа, которая прославляется теперь, какъ «самобытная», была одною изъ самыхъ худшихъ школъ въ мірѣ, въ которой царило звѣрское битье дѣтей, доходившее иногда даже до физическаго искалѣченія, не говоря ужъ о нравственномъ уродованіи; что вообще въ школахъ не было ничего воспитывающаго, образующаго, и самыя школы въ громадномъ большинствѣ случаевъ существовали только фиктивно, номинально.

Барону Корфу всецѣло принадлежитъ какъ самая идея, такъ и практическое насажденіе у насъ, въ Россіи, *дешевой* и *краткосрочной* народной школы, съ учебнымъ курсомъ въ три зимы, съ тремя отдѣленіями, которыя одновременно ведетъ одинъ учитель, въ одной классной комнатѣ. Этотъ остроумный типъ школы, съ позаимствованіями изъ заграницы только психолого-физіологическихъ основъ элементарнаго образованія, есть въ полномъ смыслѣ ***народная русская школа***, какъ нельзя болѣе приспособленная къ потребностямъ первоначальнаго обученія и условіямъ сельскаго быта. Весною, лѣтомъ и осенью дѣти необходимы въ каждой крестьянской семьѣ, какъ рабочая сила,—и школа предъяв-

ляетъ на нихъ свои права лишь въ зимнее время, когда дѣти менѣе необходимы для сельскихъ работъ.

Принимаясь, въ качествѣ члена училищнаго совѣта, за насажденіе новыхъ народныхъ школъ въ Александровскомъ уѣздѣ, баронъ Корфъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи не только руководствъ и учебниковъ, мало-мальски подготовленнаго педагогическаго персонала, но даже буквально никакихъ денежныхъ средствъ. Первое ассигнованіе александровскаго уѣзднаго земства на народное образованіе составляло всего 800 рублей, да и то надо было обладать краснорѣчіемъ Корфа, чтобы вырвать согласіе на ассигновку. Повидимому, все это такія препятствія, которыя невозможно преодолѣть одному человѣку. Но онъ былъ чрезвычайно богатъ любовью къ новому начинаемому имъ дѣлу, вѣрою въ его правоту, величайшую государственную пользу и необходимость, былъ полонъ энергіи и самоотверженія,—и побѣдилъ всѣ препятствія. Свое увлеченіе дѣломъ, свой необыкновенный гражданскій подъемъ духа онъ сумѣлъ передать и другимъ. Заботясь а разумной постановкѣ школы, какъ учебно-воспитательнаго заведенія для подростающихъ поколѣній, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ ее, какъ связующее звено между крестьяниномъ и помѣщикомъ,—какъ разумное и дѣйствительное средство для искренняго и солидарнаго сближенія бывшихъ обладателей крѣпостными съ освобожденными крестьянами. Эта трезвая гражданская идея, полная глубокаго политическаго смысла, нашла большое сочувствіе. Увлеченные примѣромъ барона Корфа, мѣстные помѣщики охотно становились попечителями школъ, охотно жертвовали на это дѣло и свое время, и свои денежныя средства. Сельскія общества, извѣрившіяся въ пользѣ школъ, въ виду прежней возмутительной ихъ практики, и съ недовѣріемъ относившіяся на первыхъ порахъ къ новому почину,—вскорѣ однако начали добровольно облагать себя школьнымъ налогомъ отъ 15 до 46 коп. съ ревизской души.

«Съ міру по ниткѣ—голому рубашка». Въ распоряженіи училищнаго совѣта вскорѣ-же составилась довольно круглая сумма, отъ двухъ до трехъ десятковъ тысячъ рублей въ годъ на уѣздъ. Къ этому нужно прибавить еще даровой отводъ помѣщеній подъ школы то попечителями-помѣщиками, то сельскими обществами, съ предоставленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отопленія. Наконецъ былъ и приливъ пожертвованій со стороны. Въ общемъ, исходя изъ нуля, училищный совѣтъ быстро составилъ настолько солидныя матеріальныя средства, что получилъ возможность въ два-три года довести число благоустроенныхъ школъ въ уѣздѣ до 70-ти.

Какъ ни важны матеріальныя средства, но это—лишь внѣшняя сторона. Вызвавъ приливъ этихъ средствъ, баронъ Корфъ долженъ былъ уже добывать внутреннее содержимое насаждаемыхъ имъ школъ изъ себя самого. Онъ скликалъ способныхъ молодыхъ людей, и они являлись къ нему не рѣдко изъ довольно отдаленныхъ губерній: сѣверныхъ, восточныхъ и поволжскихъ. Радушно давалъ имъ пріемъ въ своемъ домѣ, производилъ провѣрку ихъ знаній, разъяснялъ имъ теоретическія основанія пріемовъ обученія, самъ давалъ для нихъ образцовые уроки въ школахъ, составлялъ подробныя программы по каждому предмету, устраивалъ учительскіе съѣзды—словомъ, создавалъ и самую школу, и разумный, сознательный педагогическій персоналъ ея, преданный дѣлу, любящій его, т. е. дѣлалъ даже больше того, чтò дѣлаетъ въ учительской семинаріи цѣлый штатъ педагоговъ.

Правильно смотря на учебно-воспитательное дѣло вообще, и тѣмъ болѣе на народную школу, какъ на дѣло соціальное по преимуществу, баронъ Н. А. Корфъ, выступивъ иниціаторомъ въ дѣлѣ народнаго образованія, ставъ центромъ и душою этого дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовалъ имъ все, чтò было мыслящаго въ уѣздѣ, вызвалъ необычайное движеніе на мѣстѣ въ пользу народной школы. Попечители школъ стояли на высотѣ своего призванія и назначенія. Благодаря усиліямъ барона Корфа, каждый изъ нихъ прежде всего твердо зналъ свои обязанности и права, до мелочей входилъ въ положеніе и нужды своей школы, слѣдилъ за ходомъ работы въ ней и живо интересовался всѣмъ, касающимся школы. Бывали случаи избранія попечителями неграмотныхъ крестьянъ, и эти послѣдніе оказывались обыкновенно едва-ли не самыми ревностными дѣятелями на пользу школы. Они начинали съ того, что являлись въ школу въ одиночку, или со своими дѣтьми, садились за школьную скамью, выучивались грамотѣ и затѣмъ съ необычайною любовью служили школѣ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и путемъ активнаго участія въ преподаваніи въ роли помощниковъ учителей. Члены училищнаго совѣта, хорошо освѣдомленные барономъ Корфомъ въ школьномъ дѣлѣ и разумно направляемые имъ, не менѣе двухъ разъ въ годъ объѣзжали школы своего участка, ревизуя ихъ, производя экзамены и представляя объ этомъ отчеты. На экзаменахъ присутствовали и родители учащихся, и мѣстные земскіе гласные, и мировые судьи, равно какъ и другія должностныя лица. Всѣ мѣстныя интеллигентныя силы такъ или иначе привлекались къ школьной работѣ, и каждый старался оказать ей посильное содѣйствіе: одни—своимъ вліяніемъ, другіе—добрымъ совѣтомъ и

нравственною поддержкою, третьи—своимъ общественнымъ положеніемъ и матеріальною помощью.

Во всей исторіи русскаго общественнаго управленія нѣтъ болѣе свѣтлой страницы, какъ эта дружная, увлеченная, сознательная работа всѣхъ сословій и классовъ цѣлаго уѣзда на пользу образованія, возвышавшая и облагораживавшая тѣхъ, которые отдавались ей. При условіи дружнаго общаго содѣйствія, дѣло ширилось и расло. Помимо быстраго количественнаго возрастанія школъ, качественная постановка ихъ не оставляла желать ничего лучшаго. Всѣ школы уѣзда, какъ увидимъ ниже, были благоустроены въ полномъ смыслѣ слова и притомъ поставлены такъ дѣльно и предусмотрительно, что въ корнѣ уничтожалась возможность рецидива безграмотности, столь обычнаго, почти даже неизбѣжнаго, въ постановкѣ школъ до-реформеннаго періода.

V.

На пользу всего государства.

Баронъ Н. А. Корфъ, какъ типичный общественникъ.—Публицистическая его дѣятельность.—«Отчеты» о школьной дѣятельности, ихъ распространеніе и вліяніе на всю Россію.—Корреспонденты барона Н. А. Корфа.—Оцѣнка его дѣятельности К. Д. Ушинскимъ; прозорливый взглядъ его на барона Корфа.

Баронъ Н. А. Корфъ былъ, можно сказать, врожденнымъ общественникомъ. Придавая значеніе только живой и производительной дѣятельности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ непреодолимую потребность дѣлиться съ обществомъ каждою вновь зародившеюся мыслью, каждымъ новымъ шагомъ въ общественной дѣятельности. Все это онъ торопился сдѣлать общественнымъ достояніемъ,—отдать на судъ общества.

Съ самаго начала реформъ царствованія Александра II, особенно же съ момента земской реформы, баронъ Корфъ заявилъ себя талантливымъ, отзывчивымъ и необычайно плодовитымъ публицистомъ. Начало литературной дѣятельности барона Корфа относится къ 1859 году, когда онъ печатался въ «Экономическомъ Указателѣ» Вернадскаго, работая исключительно надъ вопросами, касавшимися улучшенія экономическаго положенія сельскаго населенія и имѣвшими непосредственное отношеніе къ ожидавшемуся тогда освобожденію крестьянъ. Вскорѣ литературнымъ прибѣжищемъ его

стали «С.-Петербургскія Вѣдомости», издававшіяся и редактируемыя тогда В. Ѳ. Коршемъ и пользовавшіяся въ ту пору большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. Баронъ Корфъ сразу занялъ въ періодической печати авторитетное и боевое положеніе по вопросамъ дворянскаго управленія, судебной реформы, общественнаго самоуправленія и земскаго хозяйства, школьнаго дѣла вообще и народнаго образованія въ особенности. Уже въ 1866 году В. Ѳ. Коршъ, въ письмѣ отъ 6-го іюня, «повторяетъ» барону Корфу «искреннее спасибо редакціи» за его статьи и между прочимъ говоритъ:

«Всѣ онѣ интересны и дѣльны, хотя и возбуждаютъ противорѣчія съ разныхъ сторонъ. Конечно вы имѣете полное право защищаться, въ случаѣ печатныхъ нападеній на ваши статьи. Я съ своей стороны могу только пожалѣть о томъ, что онѣ появились въ видѣ корреспонденцій, а не въ видѣ передовыхъ статей, занимающихъ болѣе видное мѣсто въ газетѣ. Вы очень обязали бы редакцію на будущее время, еслибы не отказались давать вашимъ статьямъ именно такой характеръ и видъ.»

Съ этой поры баронъ Н. А. Корфъ сталъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ. Но онъ всегда писалъ не иначе, какъ за своею подписью, и нигдѣ, никогда не выступалъ со статьями редакціоннаго характера.

Не довольствуясь широкимъ доступомъ въ періодическую печать, баронъ Корфъ избралъ очень остроумный способъ для пропаганды собственно народнаго образованія, какъ области, никому въ то время невѣдомой и не имѣвшей никакихъ опредѣленныхъ законоположеній. Онъ началъ выпускать «Отчеты александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта», въ которыхъ подробнѣйшимъ образомъ излагались: организація училищнаго совѣта, обязанность членовъ его и попечителей школъ, порядокъ открытія народныхъ училищъ, ихъ программы, распредѣленіе занятій, производство экзаменовъ, выдача аттестатовъ, наконецъ даже самые планы школъ и все ихъ обзаведеніе въ учебномъ отношеніи. Прекрасная литературная форма «Отчетовъ», простое, ясное, увлекательное изложеніе ихъ, особено-же тотъ внутренній огонь, которымъ они были проникнуты,—сразу снискали имъ всеобщее вниманіе и сочувствіе во всей Имперіи, до Сибири и Кавказа включительно.

Департаментъ министерства народнаго просвѣщенія и «Журналъ» этого-же министерства, попечители разныхъ учебныхъ округовъ, редакціи общихъ періодическихъ и педагогическихъ изданій, города и земства, частныя лица и педагоги разныхъ ранговъ и общественныхъ положеній, до народныхъ учителей включительно,—все это съ жадностью набросилось на скромные «Отчеты» уѣзднаго

училищнаго совѣта. Всѣхъ изумлялъ, радовалъ и привлекалъ фактъ какъ-бы самостоятельнаго возникновенія разумной, крайне симпатичной народной школы, дѣльно принаровленной къ потребностямъ сельской жизни и соотвѣтствующей скуднымъ матеріальнымъ средствамъ крестьянства (около 340 р. въ годъ содержаніе школы и около 8 р. 66 коп. обученіе одного учащагося). Школы этого, совершенно новаго, невѣдомаго раньше, типа возникали массами, по нѣсколько десятковъ въ годъ, пользуясь большою любовью сельскаго населенія и энергическою поддержкою всего мѣстнаго интеллигентнаго и правящаго общества. Все это было изложено въ «Отчетахъ» убѣдительно, доказательно, фактически, почти съ протокольною документальностью, но не въ ущербъ литературности формы,—и потому производило неотразимое вліяніе.

«Отчеты» расходились въ тысячахъ экземпляровъ, вызывая новыя и новыя требованія и давая довольно значительныя средства александровскому училищному совѣту, въ пользу котораго поступала выручка отъ продажи. Всего вышло пять такихъ отчетовъ, полныхъ педагогическаго интереса, составляющихъ въ общей сложности болѣе 50-ти печатныхъ листовъ. Распродажа ихъ дала училищному совѣту свыше 2,000 рублей. Благодаря «Отчетамъ», а также и горячей публицистической своей дѣятельности, баронъ Н. А. Корфъ не только широко ознакомилъ всю читающую русскую публику съ созданнымъ имъ типомъ русской народной школы и распорядками народнаго образованія на мѣстѣ, но водворилъ и внѣдрилъ этотъ типъ и распорядки въ сознаніи всей періодической печати и всего образованнаго русскаго общества, земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій и правящихъ сферъ. То, что дѣлалъ баронъ Корфъ въ провинціальной глуши, оставаясь почти безвыѣздно въ Александровскомъ уѣздѣ, распространялось на всю Имперію, получало общерусскій интересъ и значеніе. По указаніямъ и руководству «Отчетовъ», земства и города разныхъ губерній, мѣстная учебная администрація (напримѣръ кавказскій учебный округъ), разныя ученыя общества (напримѣръ московскій комитетъ грамотности)—торопились насадить у себя новыя народныя школы или даже всю организацію народнаго образованія до учительскихъ съѣздовъ включительно. Такимъ образомъ, какъ самая народная школа, такъ и вся вообще организація народнаго образованія, такъ удачно возникшія въ глуши Александровскаго уѣзда, сами собою, въ силу естественнаго порядка вещей, получили право гражданства повсемѣстно въ Россіи. Въ этомъ отношеніи практика дѣла шла впереди законодательства, обогнавъ его на цѣлыхъ восемь лѣтъ, считая со

времени начала земской дѣятельности по народному образованію до появленія «Устава» (1874 года) о нормальныхъ народныхъ училищахъ. Это дѣло создавалъ баронъ Н. А. Корфъ личнымъ своимъ починомъ; онъ-же руководилъ имъ и направлялъ его съ необычайной энергіей и блестящимъ успѣхомъ—исключительно путемъ печати.

Въ исходѣ 60-хъ годовъ баронъ Корфъ началъ принимать дѣятельное участіе, помимо «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», еще въ «Вѣстникѣ Европы» и «Народной школѣ». Очень характерно заглянуть въ переписку его съ редакторами этихъ періодическихъ изданій. Дѣятельно работая въ трехъ крупнѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ, заваливая ихъ статьями, такъ что редакторы то и дѣло «извинялись» передъ нимъ за «невозможность своевременно напечатать», баронъ Корфъ въ свою очередь горько жаловался на «недостатокъ мѣста». Помимо обширныхъ «Отчетовъ» и обильныхъ статей, безпрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, его колоссальная энергія требовала еще иного выхода въ дѣлѣ созиданія народной школы, направленія всего дѣла народнаго образованія и руководства имъ. И вотъ онъ въ незначительный промежутокъ времени, примѣрно около 5 лѣтъ, выпустилъ одно за другимъ *пять* учебниковъ и руководствъ для народной школы, о которыхъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Но и это еще не насыщало его удивительной энергіи. Скромная, но славная общественная дѣятельность не замедлила снискать барону Н. А. Корфу общерусскую извѣстность, внушительно выразившуюся между прочимъ въ обширнѣйшей перепискѣ его съ разными лицами по вопросамъ вообще школьнаго и собственно народнаго образованія. Территоріальный районъ, по которому разбросаны были корреспонденты барона Н. А. Корфа, онъ очень удачно опредѣлилъ въ своихъ «Запискахъ» словами: «отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска». Около 1,000 этихъ писемъ, принадлежащихъ 250 корреспондентамъ, находились въ нашемъ распоряженіи и послужили основнымъ матеріаломъ при составленіи этой біографіи. Конечно эта обширная коллекція писемъ не обнимаетъ еще всей корреспонденціи барона Корфа, тѣмъ не менѣе она въ высшей степени характерна и назидательна. Тутъ есть письма крупныхъ административныхъ дѣятелей, до министерскаго поста включительно, и скромныхъ народныхъ учителей; но значительно преобладаютъ письма земскихъ общественныхъ дѣятелей,—лицъ, такъ или иначе причастныхъ дѣлу образованія, и литераторовъ. Какъ видно изъ этой переписки, подавляющей своею обширностью и разнообразіемъ, баронъ Корфъ былъ идеально исправнымъ кор-

респондентомъ. Необычайно дѣятельный и отзывчивый вообще, онъ тѣмъ болѣе не оставлялъ безъ обстоятельнаго отвѣта и разъясненія сдѣланнаго къ нему обращенія, отъ кого бы оно ни исходило, разъ только дѣло касалось воспитанія и обученія, а тѣмъ болѣе—народнаго образованія. Въ этомъ случаѣ баронъ Корфъ не считалъ обременительнымъ для себя писать обширныя отвѣтныя письма, поддерживая и направляя однихъ, споря съ другими, разъясняя третьимъ.

Какое важное значеніе имѣла пропаганда барономъ Н. А. Корфомъ дѣла народнаго образованія, лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить письма къ нему К. Д. Ушинскаго. Въ письмѣ напримѣръ отъ 15-го января 1869 года Ушинскій писалъ между прочимъ барону Корфу: «Я давно и съ истиннымъ наслажденіемъ слѣжу за вашею дѣятельностью и, не будучи въ силахъ самъ, по совершенному разстройству моего здоровья, принять участіе въ практикѣ этого дѣла, находилъ много успокоенія въ томъ, что оно еще имѣетъ такого дѣятеля, какъ вы». Письмо это вызвано было именно «Отчетами» барона Корфа, которые Ушинскій обѣщалъ разобрать, «какъ только будетъ свободное время и силы хоть немного возстановятся», «со всею любовью къ самому дѣлу и со всѣмъ уваженіемъ» къ барону Корфу.

«Вы, должно быть, еще молодой человѣкъ,—говорится въ заключеніи того-же письма:—дай-же Богъ вамъ долго и успѣшно бороться на томъ поприщѣ, съ котораго я уже готовлюсь сойти, измятый и искомканный. Дай Богъ вамъ принести гораздо болѣе пользы, не только болѣе того, чѣмъ я принесъ, но даже болѣе того, что я могъ бы принести подъ другимъ небомъ, при другихъ людяхъ и при другой обстановкѣ.»

Ушинскій сразу угадалъ въ баронѣ Н. А. Корфѣ не только большую педагогическую силу, но и прозорливо предугадывалъ въ немъ умѣлаго и сильнаго борца за дѣло народнаго образованія, вожака и руководителя этимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Въ томъ-же 1869 году Ушинскій, отправляясь въ Крымъ, съ цѣлью леченія, писалъ барону Корфу между прочимъ слѣдующее:

«Я полагаю, что земская школа должна наконецъ положить прочное основаніе народному образованію въ Россіи, и что теперь именно настало время организовать разрозненныя попытки въ этомъ отношеніи всѣхъ честныхъ людей. Лучшимъ средствомъ для этого, какъ мнѣ кажется, было бы имѣть общій журналъ, въ которомъ бы сходились свѣдѣнія о результатахъ тѣхъ или другихъ попытокъ, сдѣланныхъ земствами различныхъ губерній, и въ которомъ могли бы обсуждаться эти попытки. Самъ я, при моей болѣзненности и безпрестанныхъ отлучкахъ изъ Петербурга, конечно не могу издавать такого журнала, но могъ бы и желалъ бы отъ всей души принять въ немъ дѣятельное участіе, чтобы посвятить свои остальныя силы

земскимъ школамъ, такъ какъ я жду отъ нихъ хотя не многаго, но по крайней мѣрѣ чего-нибудь дѣйствительнаго, а не только бумажнаго и форменнаго, чѣмъ до сихъ поръ угощали насъ... Если-бы объявить этотъ журналъ журналомъ земскихъ школъ, и вы приняли-бы въ немъ дѣятельное участіе, то можетъ быть и вышло-бы что-нибудь. Вотъ о чемъ мнѣ хотѣлось-бы очень переговорить съ вами, хоть письменно, если ужъ нельзя лично.»

Въ поясненіе послѣднихъ строкъ этой цитаты, надо замѣтить, что баронъ Корфъ,—какъ было уже сказано выше,—безвыѣздно работалъ въ родномъ своемъ уѣздѣ, и Ушинскій усиленно желалъ повидаться съ нимъ на обратномъ пути изъ Крыма, чему однако не суждено было случиться. Вообще Ушинскій высоко цѣнилъ барона Н. А. Корфа, какъ единственнаго въ своемъ родѣ общественнаго дѣятеля, и его уваженіе къ созидательской, творческой дѣятельности барона Корфа въ области народнаго образованія, какъ это видно изъ самаго хода переписки,—расло и расло. Такъ, въ письмѣ отъ 23-го февраля 1870 года К. Д. Ушинскій, сообщая барону Корфу, что онъ наконецъ разобрался въ его «Отчетахъ», между прочимъ говоритъ:

«Статью для «Народной Школы» (т. е. о народномъ образованіи въ Александровскомъ уѣздѣ) я написалъ, но плохую. Проклятая болѣзнь держитъ меня до того далеко отъ всякой общественной жизни и дѣятельности, что я рѣшительно не могу написать теперь ничего живого изъ области практики. Дѣло другое вы: читая каждую вашу статью, чувствуешь, что вы говорите о дѣлѣ, въ которомъ сами вращаетесь и которому отдались безкорыстно и прямодушно. О, еслибы васъ можно было помножить на число нашихъ губерній,—не говорю ужъ уѣздовъ,—черезъ 10 лѣтъ Россія была-бы уже другая! Но вы и такъ дѣлаете много однимъ своимъ примѣромъ, и имя ваше будитъ не одно сонное земство.»

Словомъ, Ушинскій безошибочно предрѣшилъ выдающуюся общественную роль барона Корфа.

VI.

Учебно-литературная дѣятельность.

Замѣчательная литературная плодовитость барона Н. А. Корфа.—Высокое безкорыстіе его.—Первые учебники и руководства барона Корфа, ихъ распространеніе и значеніе.—«Нашъ Другъ»; обстоятельства, предшествовавшія составленію этой книги, ея оцѣнка и распространеніе.—Послѣдующіе труды барона Корфа.

Къ началу 70-ыхъ годовъ имя барона Н. А. Корфа пользовалось повсемѣстною извѣстностью въ Россіи. Его именемъ двигалось

и руководилось все дѣло народнаго образованія; его имя—какъ удачно выразился Ушинскій — «будило» всѣхъ, предрасположенныхъ спать на поприщѣ общественной дѣятельности. Этому въ значительной мѣрѣ способствовалъ слѣдующій рядъ выпущенныхъ имъ учебниковъ и руководствъ: «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу» или «Какъ обучать грамотѣ ребятъ и взрослыхъ», «Русская начальная школа», «Нашъ Другъ», «Малютка» (первая книга послѣ азбуки для народной школы и семьи) и «Наше школьное дѣло».

Такая масса изданій вышла въ свѣтъ изъ подъ пера барона Н. А. Корфа въ промежутокъ времени между 1867 и 1873 годами, который въ это-же время, какъ мы знаемъ уже, выпустилъ въ свѣтъ болѣе 50-ти печатныхъ листовъ своего знаменитаго «Отчета» и напечаталъ не менѣе такого-же количества въ формѣ газетныхъ и журнальныхъ статей. Если прибавить къ этому еще и обширнѣйшую корреспонденцію барона Н. А. Корфа,—будетъ сама собою очевидна безпримѣрная литературная плодовитость его, которая сама собою уже служитъ доказательствомъ и большого запаса знаній, и высокой талантливости, и гигантской энергіи, и пламенной любви къ дѣлу народнаго образованія.

«Руководство къ обученію грамотѣ» было составлено имъ первоначально для обученія старшей своей дочери. Этотъ первый, такъ сказать, домашній педагогическій опытъ барона Н. А. Корфа былъ изданъ имъ въ 1867 году. К. Д. Ушинскій коротко, но сильно. опредѣлилъ значеніе этой маленькой книжечки, цѣною въ 10 коп. «Ваше руководство къ обученію грамотѣ—писалъ онъ барону Корфу отъ 23-го февраля 1870 года—имѣетъ чисто практическую цѣль, и потому вы изъ самой практики могли убѣдиться, что оно составлено очень хорошо... Цѣль звуковой методы—чисто практическая, и если эта цѣль достигается, то все сказано». Ушинскій не ошибся. «Руководство» это въ первыя же двѣнадцать лѣтъ выдержало семь изданій, разошедшись въ 70,000 экземпляровъ.

Здѣсь умѣстно сказать о величайшемъ безкорыстіи барона Н. А. Корфа. Онъ долгое время, приблизительно до начала 70-хъ годовъ, почти совсѣмъ не получалъ гонорара за свои газетныя и журнальныя статьи. Вся выручка отъ продажи «Руководства» также была обращена въ пользу народныхъ школъ Александровскаго уѣзда, которая и дала имъ до 1879 года свыше 4,000 рублей. Сумма эта, вмѣстѣ съ выручкою за «Отчеты», составляетъ болѣе 6,000 рублей, не считая притомъ привлеченія еще и другихъ средствъ со стороны. Такимъ образомъ баронъ Н. А. Корфъ не

только безвозмездно несъ все бремя организаціи, завѣдыванія и руководства школьнымъ дѣломъ въ Александровскомъ уѣздѣ, но еще и производилъ довольно значительный денежный вкладъ на это дѣло. Фактъ этотъ нужно имѣть въ виду для правильной оцѣнки того, какъ отплатили впослѣдствіи барону Корфу за его высокое безкорыстіе и самоотверженіе земскіе его сочлены.

«Съ большимъ нетерпѣніемъ» ожидалъ К. Д. Ушинскій второго печатнаго труда Корфа, книги его «Русская начальная школа». Ушинскій «ждалъ отъ нея наставленія самому себѣ». Задумавъ «написать общій учебникъ для земскихъ школъ», онъ чувствовалъ потребность «побесѣдовать съ человѣкомъ, такимъ практическимъ», какъ Корфъ. Къ сожалѣнію, Ушинскому не пришлось уже воспользоваться дѣйствительно цѣнными указаніями этой книги.

Уставши отвѣчать на безконечные вопросы, какъ приступать къ открытію народныхъ школъ, завѣдывать и руководить ими, баронъ Корфъ выпустилъ въ свѣтъ объемистую книгу—«Русская начальная школа», которую совершенно правильно назвалъ «руководствомъ для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ». Составляя эту книгу, онъ преслѣдовалъ цѣль «*возбудить* сочувствіе къ народной школѣ и *создать дѣятелей для нея*». Цѣль эта умѣло достигнута авторомъ. Въ одно и то-же время онъ является въ своей книгѣ и опытнымъ педагогомъ, и умѣлымъ администраторомъ, детально разъясняя всѣ распорядки народной школы въ педагогическомъ, административномъ и финансовомъ отношеніи. И тѣ, которые не имѣютъ никакого понятія о народныхъ школахъ, но желали-бы, или даже обязаны устраивать ихъ, находясь въ положеніи общественныхъ дѣятелей, и тѣ, которые выступаютъ въ роли народныхъ учителей, попечителей народныхъ училищъ, членовъ училищныхъ совѣтовъ, народныхъ инспекторовъ и вообще лицъ учебно-административныхъ,—найдутъ въ «Русской начальной школѣ» необходимые для нихъ совѣты, указанія и разъясненія въ живой, полной, доказательной формѣ. Немудрено поэтому, что названное «руководство» сразу сдѣлалось настольною книгою всѣхъ дѣятелей по народному образованію, какъ первый по времени появленія и самый дѣльный трудъ по *училищевѣдѣнію*. Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ этой книги она выдержала шесть изданій и разошлась въ 32,000 экземплярахъ.

Нисколько не рискуя впасть въ преувеличеніе, барона Н. А. Корфа можно назвать *первымъ народнымъ русскимъ учителемъ* разумной начальной школы. Ему-же безспорно принадлежитъ честь *перваго подготовителя народныхъ русскихъ учителей*, въ

смыслѣ сознательныхъ педагоговъ. Естественно, что ему-же, по праву, должно было принадлежать и составленіе *первой классной книги* для народной школы. И онъ дaлъ такую книгу—«Нашъ Другъ». Она до сихъ поръ остается лучшею книгою въ обширной коллекціи учебниковъ и руководствъ для народной школы. Но для правильной оцѣнки исключительнаго значенія «Нашего Друга», въ ряду однородныхъ съ нимъ изданій, необходимо коснуться нѣкоторыхъ деталей тѣхъ совершенно своеобразныхъ условій, въ которыхъ находился баронъ Корфъ, какъ народный педагогъ.

Прежде, чѣмъ составлять эту книгу, ему пришлось пропустить черезъ свои руки болѣе сотни народныхъ педагоговъ. «Пропускъ» этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Изъ разныхъ мѣстностей Россіи, нерѣдко очень отдаленныхъ, къ нему являлись молодые люди, занимавшіеся уже дѣломъ образованія или желавшіе заняться имъ. Онъ производилъ имъ повѣрку и съ недостаточно подготовленными продолжалъ заниматься самъ, оставляя ихъ жить у себя въ домѣ. Не одному десятку лицъ случалось проводить у него по двѣ, по три недѣли, даже по мѣсяцу, пока онъ, наконецъ убѣдившись въ ихъ подготовленности, выдавалъ удостовѣреніе, что они могутъ быть народными учителями. Это удостовѣреніе въ глазахъ всѣхъ цѣнилось обыкновенно несравненно выше дипломовъ, такъ какъ баронъ Корфъ чрезвычайно удачно умѣлъ опредѣлять, помимо собственно подготовленности, еще и склонность къ педагогической дѣятельности въ этомъ отношеніи. Лица, прошедшія черезъ руки барона Корфа, считались лучшими народными педагогами, такъ какъ онъ передавалъ имъ частичку своего педагогическаго огня, своей энергіи, любви и преданности дѣлу.

Но даже и этотъ громадный опытъ не имѣлъ еще рѣшающаго значенія въ дѣлѣ составленія «Нашего Друга». Главную роль въ этомъ отношеніи играло непосредственное веденіе барономъ Корфомъ школъ въ своемъ уѣздѣ. Два раза въ годъ, именно въ пору самой несносной осенней и весенней распутицы, онъ объѣзжалъ всѣ школы уѣзда, дѣлая по 800 верстъ: осенью—чтобы установить школьное дѣло на мѣстѣ, при началѣ учебнаго года; весною—чтобы провѣрить результаты въ концѣ учебнаго года. Такимъ образомъ весь ходъ школьнаго дѣла въ цѣломъ уѣздѣ былъ у него всегда на виду; онъ на перечетъ зналъ всю работу въ каждой школѣ, съ ея хорошими и неудовлетворительными сторонами, лично исправляя ошибки и промахи лицъ, преподающихъ, и неуклонно подвигая ихъ въ педагогическомъ самоусовершенствованіи.

Такимъ чисто опытнымъ путемъ, освѣщеннымъ предваритель-

нымъ изученіемъ педагогической теоріи, у барона Корфа сложился вполнѣ отчетливый взглядъ, какимъ именно требованіямъ должна удовлетворять книга для русской народной школы, при современномъ состояніи крестьянства, при экономическихъ и учебныхъ нашихъ средствахъ. Баронъ Корфъ задался цѣлью составить книгу, которая-бы *«посредствомъ ознакомленія учащагося съ окружающимъ міромъ повліяла на улучшеніе его матеріальнаго и нравственнаго быта»*. Такою именно книгою и является «Нашъ Другъ». Въ немъ, какъ книгѣ, завершающей курсъ народной школы, удачно объединенъ весь учебный матеріалъ. Воздѣйствуя на общее развитіе и воспитаніе, способствуя обогащенію познаніями, развитію мышленія и дара слова учащихся, книга эта вмѣстѣ съ тѣмъ очень удачно преслѣдуетъ цѣль снабженія питомцевъ народной школы такими свѣдѣніями, которыя непосредственно приложимы въ жизни, обогащая притомъ питомцевъ и общими элементарными научными свѣдѣніями настолько, чтобы впослѣдствіи было возможно для нихъ самообразованіе, путемъ чтенія книгъ общедоступнаго содержанія. Всякое первоначальное обученіе можетъ быть конечно только *реальнымъ*, при полнѣйшемъ отсутствіи всего схоластическаго; народное-же образованіе кромѣ того должно быть еще и дѣловымъ. Баронъ Н. А. Корфъ удачно разрѣшилъ эту труднѣйшую изъ проблемъ во всемъ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, какъ самою организаціею и постановкою народной школы, такъ наконецъ и составленіемъ для нея «Нашего Друга»,—книги для ученія въ школѣ и дома. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ авторовъ подобнаго рода изданій, онъ, такъ сказать, въ натурѣ видитъ передъ собою учащихся въ народной школѣ, какъ въ пору ихъ ученія, такъ и по выходѣ изъ школы, и дѣйствительно является ихъ *другомъ*, помощникомъ, совѣтникомъ и руководителемъ во всемъ, что нужно знать сельчанину въ его домашнемъ и общественномъ, хозяйственномъ и моральномъ обиходѣ. Точно также и въ своей «Книгѣ для учащихъ» (т. е. «Руководствѣ къ «Нашему Другу») онъ видитъ передъ собою народныхъ педагоговъ со всѣми возможными съ ихъ стороны промахами, ошибками, увлеченіями и отклоненіями,—и, какъ опытный руководитель, предупреждаетъ все это.

«Нашъ Другъ» барона Корфа восполнилъ собою тотъ пробѣлъ въ нашей школьной литературѣ, который такъ остро чувствовалъ К. Д. Ушинскій, понимавшій недостаточную примѣненность своего «Дѣтскаго Міра» и «Родного Слова» къ особенностямъ и потребностямъ народной школы и стремившійся написать особую учебную книгу спеціально для народной школы. Не такъ однако взглянула

на это дѣло кабинетная петербургская педагогическая критика. Какъ это ни конфузно и ни прискорбно, но находились и такіе патентованные педагоги, люди, претендующіе на имя въ дѣлѣ народнаго образованія, которые пытались поставить въ вину «Нашему Другу» все то, что составляетъ специфическую отличительную его черту отъ названныхъ выше руководствъ Ушинскаго, въ чемъ заключается специіальная приспособленность этой книги къ потребностямъ народной школы. Для этой послѣдней (въ смыслѣ учащихъ и учащихся) она дѣйствительно является «*Другомъ*» въ полномъ смыслѣ слова: все содержаніе и построеніе этой книги продиктовано не одною только глубокою изученностью дѣла, но и горячею любовью и къ тѣмъ, которые учатся, и къ тѣмъ, которые учатъ. Тутъ буквально нѣтъ статейки, въ обработкѣ которой вы не чувствовали-бы заботы барона Корфа о томъ, чтобы она была понятна, интересна и полезна учащимся, и о томъ, чтобы она не затруднила учащихъ. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только учащій могъ-бы споткнуться и заблудиться, — на выручку является ему «Другъ» и указываетъ, какъ съ успѣхомъ пройти опасное мѣсто.

Къ сожалѣнію, все это проглядѣла патентованная кабинетная педагогическая критика. Она не проявила ничего самостоятельнаго, непосредственнаго. Впрочемъ она и не могла проявить этого, такъ какъ въ ту пору, когда появился «Нашъ Другъ», не было еще установлено учебной программы народной школы, не успѣла еще окончательно установиться практика только налаживавшихся учительскихъ семинарій. И то, и другое баронъ Корфъ опережалъ своею книгою, предрѣшая, такъ сказать, ихъ постановку.

Въ отношеніи къ «Нашему Другу» со стороны нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ петербургскихъ педагоговъ дѣло не обошлось и безъ значительной доли *двоедушія*: въ глаза они говорили барону Корфу о его дѣятельности и печатныхъ трудахъ одно, а за глаза старались показывать и проводить совсѣмъ другое. Вотъ особенно характерный фактъ въ этомъ отношеніи.

Одинъ изъ видныхъ петербургскихъ педагоговъ, съ вліятельнымъ служебнымъ положеніемъ, писалъ изъ Петербурга, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1870 года, барону Корфу между прочимъ слѣдующее:

«На всемъ протяженіи обширной Россіи нѣтъ другого человѣка, который-бы съ той-же энергіей и успѣхомъ, подобно вамъ, трудился-бы въ воздѣлываніи большого и долго заброшеннаго, а потому заросшаго сорными травами поля нашей народной культуры. Много еще потребно труда и усилій, чтобы совершить этотъ трудъ, и нельзя не выразить при этомъ сожалѣнія, что мало существуетъ общенія и содружества между служителями этой миссіи. Будемъ

надѣяться на лучшее будущее... Какъ жаль, что вы не здѣсь (хотя, собственно говоря, вы *вездѣ* нужны и прежде всего въ васъ сила и жизнь руководимаго и созданнаго вами дѣла въ вашемъ краѣ): засѣданія с.-петербургскаго педагогическаго общества въ настоящее время весьма интересны, и оно нынѣ особенно нуждается въ дѣятелѣ съ вашею опытностью и компетентностью, такъ какъ пренія послѣднихъ засѣданій затронули самыя живыя и, надо сказать, далеко не вполнѣ рѣшенныя проблемы относительно нашей народной школы, которая вамъ такъ хорошо и спеціально извѣстна. Мнѣ приходитъ на мысль, нельзя-ли устроить дѣло хотя посредствомъ *письменныхъ* сношеній—по поводу рефератовъ, — это конечно обществомъ примется съ благодарностью. Мнѣ кажется, что можно-бы даже было, — разумѣется, если ваши, столь многосложныя, занятія позволятъ,—прислать письменные тезисы, поручить ихъ защиту и развитіе въ засѣданіяхъ кому-либо изъ членовъ общества (на что напримѣръ всегда согласенъ съ удовольствіемъ). Я говорю это, имѣя въ виду, что общество наше безспорно много теряетъ, не имѣя возможности *непосредственно* пользоваться трудами одного изъ компетентнѣйшихъ своихъ членовъ—по самому важному изъ спеціальныхъ вопросовъ педагогіи.»

Авторъ этого сердечнаго письма, вполнѣ отвѣчавшаго притомъ дѣйствительному положенію вещей, въ скоромъ времени внесъ въ педагогическое общество докладъ по поводу книги барона Корфа «Нашъ Другъ». Въ этомъ докладѣ—увы!—авторъ письма не сообщалъ уже обществу педагоговъ, что «на всемъ пространствѣ Россіи нѣтъ другого человѣка», съ такою-же «энергіею и успѣхомъ», «опытностью и компетентностью». Напротивъ, онъ трактуетъ о «Нашемъ Другѣ» съ высоты величія и ничѣмъ неоправдываемаго самомнѣнія. Въ общемъ однако отзывъ былъ вполнѣ благопріятенъ для труда барона Н. А. Корфа, хотя въ немъ невольно бросается въ глаза такая странная постановка критики, что выдвигается на первый планъ самъ докладчикъ, его «энергія» и «компетентность», а вовсе не баронъ Корфъ и его прекрасный трудъ. Но это еще куда бы ни шло: главное-же въ томъ, что докладчикъ вслѣдъ за тѣмъ помѣстилъ въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ статью, въ которой разногласитъ съ сущностью своего-же доклада.

Озадаченный такою *тройственностью* отношенія къ себѣ со стороны одного и того-же лица, баронъ Н. А. Корфъ обратился въ Петербургъ за разъясненіями. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ педагогическаго общества, въ отвѣтномъ своемъ письмѣ барону Корфу между прочимъ говоритъ:

«Ваше недоумѣніе относительно разногласія между тезисами, поставленными въ педагогическомъ обществѣ, и содержаніемъ статьи, помѣщенной въ журналѣ (мы пропускаемъ названіе журнала, фамилію докладчика, равно какъ и автора цитируемаго отвѣтнаго

письма барону Корфу),—раздѣляютъ многія лица въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не понятно преднамѣренное искаженіе однихъ фактовъ и умолчаніе о другихъ. Гдѣ-же нужно искать причины подобнаго разногласія,—положительно сказать трудно; вѣроятно она лежитъ съ одной стороны въ вашихъ личныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми господами, а съ другой—въ отсутствіи литературной добросовѣстности этихъ нѣкоторыхъ лицъ, пишущихъ и печатающихъ свои писанія. Протоколъ педагогическаго общества выражаетъ то, что было въ засѣданіи общества. Слѣдовательно, педагогическое общество сдѣлало свое дѣло. Если-же въ настоящее время появляются *уколы тупыхъ булавокъ*,—вы должны переносить ихъ, потому что не присылаете статей въ «Семью и Школу» и «Народную Школу». Значитъ, вы—врагъ изданіямъ, живущимъ жизнью, бѣдною содержаніемъ.»

Эти «уколы тупыхъ булавокъ» послужили однако большимъ соблазномъ для нѣкоторыхъ органовъ общей періодической печати. Зато люди, непосредственно стоявшіе у дѣла народнаго образованія, съ высокою похвалою отзывались объ этой книгѣ. Изъ многочисленныхъ отзывовъ этого рода остановимся на двухъ слѣдующихъ, какъ наиболѣе характерныхъ и выразительныхъ. Вотъ что писалъ напримѣръ директоръ московской учительской школы, Цейдлеръ.

«При первой, появившейся въ «Голосѣ», хулѣ на «Нашего Друга», мнѣ хотѣлось, многоуважаемый Николай Александровичъ, заявить и мое мнѣніе о томъ, что въ нашей педагогической литературѣ нѣтъ ни одной книги, которую-бы можно было не только приравнять, а хоть близко поставить къ «Нашему Другу» въ библіотекѣ или въ классномъ столѣ народной школы. Если мы говоримъ о необходимости образованія для народа, если заботимся объ устройствѣ народныхъ школъ, то конечно потому только, что образованіе, школа—самое сильное, самое лучшее средство для достиженія важнѣйшей государственной цѣли—поднять уровень нравственнаго развитія и улучшить матеріальный бытъ народа. Но гдѣ-же та книга, которая-бы прямо вела къ этой цѣли? Только одна и есть—«Нашъ Другъ». Указываютъ на книгу Водовозова,—но въ ней, какъ и во многихъ такъ-называемыхъ «народныхъ» книжкахъ, есть нѣсколько статей, которыми сумѣетъ воспользоваться хорошій учитель, т. е.—учитель, какихъ почти нѣтъ въ нашихъ школахъ. Между тѣмъ «Нашъ Другъ» удовлетворяетъ цѣли отъ первой страницы до послѣдней и сподручѣнъ для каждаго мало-мальски грамотнаго крестьянина... Ваши критики, не замѣчая существеннаго капитала въ «Нашемъ Другѣ», тыкаютъ пальцами на мелочные недосмотры, чуть не на опечатки.» (27 января 1872 года).

Въ заключеніе-же письма авторъ его говоритъ, что такія книги, какъ «Русская начальная школа» и «Нашъ Другъ», «внушаютъ каждому признательность, уваженіе и преданность». Заслуживаетъ вниманія слѣдующій краткій, но выразительный отзывъ извѣстнаго русскаго педагога И. Ѳ. Рашевскаго, стоявшаго въ ту пору во главѣ с.-петербургской земской учительской семинаріи.

«Считаю необходимымъ передать вамъ,—писалъ онъ, между прочимъ барону Корфу, — что мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ очень хорошихъ успѣховъ учениковъ, занимавшихся по книгѣ «Нашъ Другъ». Значеніе «Нашего Друга», я убѣдился въ этомъ, въ настоящее время велико у насъ именно потому, что въ этой книгѣ не только находится извѣстный матеріалъ, пригодный для народной школы, но и разъясненъ учителю способъ передачи учебнаго матеріала: взявъ вашу книгу за руководство, учитель народной школы знаетъ, что̀ дѣлать и какъ, и не теряется въ пустыхъ опытахъ, часто кончающихся ничѣмъ.» (14 мая 1872 года).

Пока нѣкоторые изъ вліятельныхъ педагоговъ, мучимые завистью къ авторитету, всероссійскому вліянію и успѣху барона Корфа, изощрялись то въ общей, то въ педагогической печати относительно «уколовъ тупыхъ булавокъ», школьная практика дѣлала свое дѣло. Новыя и новыя изданія «Нашего Друга» на-расхватъ расходились одно за другимъ: Всего по 1893 годъ «Нашего Друга» разошлось 16 изданій. Но и этого значительнаго распространенія нельзя еще назвать максимальнымъ, т. е. какимъ оно могло-бы быть, еслибы съ нимъ не случалось странностей совершенно курьезнаго свойства. Конечно-же «Нашъ Другъ», вскорѣ послѣ выхода его, былъ одобренъ «учеными» и «учебными» комитетами всевозможныхъ вѣдомствъ и министерствъ. Тѣмъ не менѣе съ нимъ случались слѣдующіе, совершенно необъяснимые, курьезы. Корфъ усиленнѣйшимъ образомъ работалъ надъ улучшеніемъ своей книги, соотвѣтственно росту народной школы и ея потребностей, и не выпустилъ въ свѣтъ двухъ одинаковыхъ изданій ея. Между тѣмъ случалось такъ, что предыдущія изданія попадали въ каталогъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ школъ, а послѣдующія—не попадали. Такъ это между прочимъ случилось и съ десятымъ изданіемъ «Нашего Друга», значительно переработаннымъ, которое не попало въ каталогъ министерства и потому могло быть допущено только въ библіотеки народныхъ школъ. Было-ли это продолженіемъ и послѣдствіемъ того «двоедушія», которое такъ характерно проявилось при критической оцѣнкѣ «Нашего Друга», или дѣло объяснялось слѣпою случайностью,— трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что указанное недоразумѣніе значительно затормозило распространеніе книги.

Тѣмъ не менѣе все, что̀ вышло изъ-подъ пера барона Корфа и продолжало выходить, находило большой сбытъ. Такъ, въ 1872 году онъ выпустилъ небольшую книгу «Малютка». Въ послѣдующихъ изданіяхъ «Нашего Друга» весь учебный матеріалъ, заключавшійся въ «Малюткѣ», вошелъ въ него. Это однако не помѣшало

единственному изданію «Малютки» въ 25,000 экземпляровъ разойтись начисто.

Въ числѣ первой серіи книгъ, выпущенныхъ въ свѣтъ барономъ Н. А. Корфомъ, есть и еще очень важная книга—«Наше школьное дѣло». Но о ней мы скажемъ нѣсколько ниже, такъ какъ необходимо предварительно ознакомиться съ нѣкоторыми обстоятельствами изъ жизни и дѣятельности барона Корфа.

VII.

Заслуги и черная неблагодарность.

Баронъ Н. А. Корфъ, какъ центръ дѣятельности по народному образованію. — Письма попечителя Кавказскаго учебнаго округа, г. Я. Невѣрова.—Отзывъ Д. Д. Семенова о школахъ барона Н. А. Корфа и его дѣятельности.—Признательность интеллигентной части русскаго общества къ барону Н. А. Корфу и пребываніе его въ Петербургѣ.—Жестокій ударъ и всеобщее сочувствіе.

Благодаря барону Корфу, въ исходѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ Александровскій уѣздъ, Екатеринославской губерніи, сталъ своего рода педагогическою Меккою въ отношеніи собственно народнаго образованія. Туда не только обращались за совѣтами и указаніями земскіе дѣятели по школьной части, тамъ не только искали прибѣжища и помощи молодые люди, желавшіе потрудиться на пользу народнаго образованія,—туда обращались также и крупные администраторы по учебной части, и лица, пользовавшіяся большою педагогическою извѣстностью,—чтобы умудриться примѣромъ и опытомъ барона Н. А. Корфа въ дѣлѣ народнаго образованія и достигаемыми имъ прекрасными результатами. Онъ сталъ центромъ всей дѣятельности по народному образованію въ Россіи.

Какъ извѣстно, за кавказскимъ учебнымъ округомъ прочно сохраняется репутація одного изъ самыхъ гуманныхъ, дѣятельныхъ и производительныхъ районовъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Въ этомъ до-реформенномъ краѣ съ давнихъ поръ уже довольно значительные успѣхи дѣлаетъ и народное образованіе. Всѣмъ этимъ кавказскій округъ очень много обязанъ той дѣльной закваскѣ, которая была положена въ бытность тамъ попечителемъ учебнаго округа Невѣрова. Этотъ просвѣщенный и энергическій администраторъ съ искреннимъ увлеченіемъ отнесся къ начи-

наніямъ барона Н. А. Корфа и задался цѣлью воспринять отъ него и цѣликомъ насадить у себя на Кавказѣ все, что есть хорошаго въ созданной барономъ Корфомъ организаціи народнаго образованія. И онъ блестяще осуществилъ эту цѣль за свой страхъ и рискъ, не стѣсняясь никакимъ формализмомъ.

Между барономъ Корфомъ и Невѣровымъ завязалась большая переписка, растянувшаяся года на четыре, чрезвычайно характерная для Невѣрова, какъ талантливаго администратора, и для дѣла барона Корфа. Вотъ нѣкоторыя черты изъ этой переписки. Въ оффиціальномъ напримѣръ письмѣ отъ 18-го марта 1869 г. попечитель кавказ. учебн. округа говоритъ барону Корфу:

«Изъ моей долгой педагогической дѣятельности я вынесъ убѣжденіе, что, безъ правильной подготовки учителей для начальныхъ и вообще низшихъ учебныхъ заведеній, развиваемое въ высшихъ слояхъ общества просвѣщеніе никогда не можетъ проникнуть въ низшіе его слои, а всегда будетъ поверхностно и односторонне, потому что лишится самыхъ питательныхъ соковъ, которые оно можетъ черпать только въ непосредственно народной средѣ. При такомъ убѣжденіи естественно, что я съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за вашею благотворною и просвѣщенною дѣятельностью на поприщѣ народнаго образованія. Не смотря на открытіе въ окрестностяхъ Тифлиса правильной учительской семинаріи, носящей названіе Александровской учительской школы, я счелъ необходимымъ, для удовлетворенія насущной потребности обученія, прибѣгать къ тѣмъ-же мѣрамъ, какія были съ успѣхомъ принимаемы и вами, какъ-то: съѣзды начальныхъ учителей и проч.»

Въ другомъ, тоже оффиціальномъ, письмѣ Невѣровъ говоритъ:

«Приношу вамъ мою искреннѣйшую благодарность за письмо ваше отъ 15 мая и присланный мнѣ вмѣстѣ съ нимъ «отчетъ» вашъ, который я прочелъ съ особеннымъ вниманіемъ и самымъ теплымъ сочувствіемъ къ благимъ результатамъ столь блистательно начатаго вами важнаго дѣла. Честь и слава вамъ: вы доказали, что правильная школа возможна на русской почвѣ и что народъ не только не чуждается ея, но вполнѣ ей сочувствуетъ. Вмѣстѣ съ симъ я дѣлаю распоряженіе, чтобы всѣ начальныя училища ввѣреннаго мнѣ округа были снабжены изданнымъ вами руководствомъ къ обученію грамотѣ, а также экземпляромъ вашего отчета, который служитъ наилучшимъ комментаріемъ къ этому руководству... Я получилъ извѣстіе, что проэктъ мой объ открытіи второй учительской семинаріи въ моемъ округѣ поступаетъ въ государственный совѣтъ и будетъ утвержденъ въ началѣ слѣдующаго года. Тотчасъ по полученіи утвержденія я непремѣнно командирую будущаго директора въ вашъ уѣздъ для ознакомленія съ вашими школами. Руководитель будущихъ народныхъ учителей долженъ на мѣстѣ ознакомиться съ правильною русскою школою и изучить всѣ особенности и условія ея быта. Я надѣюсь, что вы и училищный совѣтъ не откажете въ содѣйствіи этому лицу. Прилагая при семъ для

васъ, баронъ, экземпляръ моего отчета за минувшій годъ, я покорнѣйше прошу у васъ извиненія въ томъ, что, не спросивъ вашего позволенія, я напечаталъ въ моихъ циркулярахъ извлеченіе изъ вашего письма ко мнѣ. Я придаю очень большую цѣну столь любезно предлагаемому вами обмѣну мыслей въ такомъ общемъ дѣлѣ,— и радъ былъ случаю, предоставленному мнѣ письмомъ вашимъ, чтобъ показать моимъ сослуживцамъ, что въ реформахъ, мною вводимыхъ, я нахожу сочувствіе и готовность содѣйствія въ васъ,— въ лицѣ, на дѣлѣ доказавшемъ возможность существованія у насъ правильной школы.» (14 августа 1869 г.)

Новая учительская семинарія, о которой писалъ барону Корфу попечитель кавказскаго учебнаго округа,—*Кубанская*. Директоръ ея—извѣстный русскій педагогъ, Д. Д. Семеновъ, который и посѣтилъ школы Александровскаго уѣзда весною 1871 года. Вотъ что писалъ по этому поводу барону Корфу попечитель кавказскаго учебнаго округа, Невѣровъ, отъ 11-го декабря 1871 года:

«Я только что прочелъ оффиціальный отчетъ Д. Д. Семенова о командировкѣ его въ Александровскій уѣздъ и, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на меня подробнымъ описаніемъ того, что видѣлъ Семеновъ у васъ, берусь за перо, чтобы выразить вамъ, баронъ, глубокое сочувствіе къ вашей общественной дѣятельности, поистинѣ заслуживающей уваженія не отдѣльныхъ только симпатизирующихъ вамъ лицъ, но и всего народа русскаго, которому вы показали возможность существованія въ средѣ его правильной школы. Благодаря вашему благому примѣру, теперь смѣло можно, съ полною надеждою на успѣхъ, приниматься за великое дѣло народнаго образованія.»

Далѣе въ письмѣ говорится о намѣреніи попечителя командировать въ Александровскій уѣздъ весною 1872 года инспектора народныхъ училищъ Ставропольской губерніи.

Отчетъ Д. Д. Семенова о командировкѣ былъ напечатанъ въ январьской книжкѣ циркуляровъ по кавказскому учебному округу за 1872 годъ. Кромѣ того г. Семеновъ подѣлился съ публикою своими впечатлѣніями отъ этой командировки и въ періодической печати. Описаніе г. Семеновымъ этой поѣздки, появившееся въ «Народной Школѣ» за 1871 и 1872 года («Педагогич. очерки школъ Александровскаго уѣзда»), почти совпало съ извѣстною уже читателямъ статьею г. Кашина, командированнаго московскими комитетами грамотности. Такъ какъ отъ появленія «Педагогическихъ очерковъ» г. Семенова отдѣляетъ насъ періодъ времени болѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ, то мы предпочитаемъ ограничиться небольшою выдержкою изъ другой статьи Д. Д. Семенова—«Баронъ Николай Александровичъ Корфъ», помѣщенной въ брошюрѣ «Русскіе педагогическіе дѣятели», вышедшей въ свѣтъ въ 1887 году.

«Хотя прошло тому около 15-ти лѣтъ,—вспоминаетъ Д. Д. Семеновъ въ позднѣйшей своей статьѣ о поѣздкѣ для осмотра школъ барона Н. А. Корфа,—но я живо припоминаю первую встрѣчу мою съ Н. А. Отыскивая школы въ уѣздѣ въ апрѣлѣ 1871 года по грязнымъ до-нельзя дорогамъ, я случайно попалъ въ село Маіорское, гдѣ ждали пріѣзда барона для ревизіи школы.

Тутъ я встрѣтилъ уже попечителя школы, изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, мирового посредника, члена училищнаго совѣта, заѣзжаго учителя изъ Харькова, священника и учителя школы; возлѣ школы толпились крестьяне. Наружность школы немногимъ отличалась отъ малороссійской хаты зажиточнаго крестьянина: та-же бѣлая мазанка, та-же соломенная крыша; но школа особнякомъ на холмѣ; возлѣ школы небольшой садикъ, обработанный учителемъ и учениками. Внутренность школы поражала поистинѣ праздничнымъ видомъ. Стѣны и потолокъ были выбѣлены; глиняный полъ чистъ и политъ водою во избѣжаніе пыли; по стѣнамъ развѣшаны картины, преимущественно изъ Священной исторіи; въ углу—образъ; на передней стѣнѣ—портретъ Государя и часы; на столѣ разложены тетради и рисунки дѣтей; дѣти сидѣли чинно, въ ожиданіи Н. А.; всѣ они были умыты и гладко причесаны, въ чистыхъ рубашкахъ или свиткахъ, и всѣ въ сапогахъ; передъ каждымъ ученикомъ лежало новое перо и поллиста бѣлой бумаги. Подобную обстановку школы я видѣлъ потомъ и въ другихъ школахъ, гдѣ и не ожидали ревизора. Но вотъ пробило два часа,—время, назначенное Корфомъ для пріѣзда. Вдали послышался колокольчикъ; всѣ встрепенулись; пріѣхалъ Н. А., усталый, изнуренный, обрызганный грязью, въ простой телѣгѣ, на обывательской тройкѣ, объѣздившій безъ отдыха почти всѣ школы своего участка и уже утромъ успѣвшій обревизовать одну школу. Въ какія - нибудь 5—10 минутъ Н. А. успѣлъ наскоро перекусить, привести себя въ порядокъ и вошелъ въ школу бодрымъ и свѣжимъ. Вошли въ школу и отцы. На привѣтствіе Корфа: «здравствуйте, хлопцы!», дѣти радостно закричали: «здравствуйте и вы, Николай Александровичъ!» Видно было, что дѣти хорошо знаютъ своего гостя. Послѣ привѣтствія, дѣти согласно пропѣли молитву: «Достойно есть». Въ этомъ пѣніи участвовали: священникъ, учитель и самъ Н. А. Затѣмъ начался экзаменъ, который продолжался три часа. Самъ Н. А. изложилъ дѣтямъ разсказъ для письменной работы, самъ спрашивалъ по всѣмъ предметамъ, не исключая Закона Божія и славянскаго чтенія, самъ пересмотрѣлъ всѣ письменныя работы дѣтей, ихъ тетради и рисунки и, найдя все въ порядкѣ, присудилъ учителю высшую награду отъ земства, въ 100 рублей. Что̀ чувствовали отцы, видя и слыша все это,—рѣшить трудно. А видѣли и слышали они, что дѣти ихъ въ какія нибудь три зимы научились молиться Богу, толково передавали разсказы изъ Священной исторіи, бойко читали по-русски и славянски, умѣли грамотно написать слышанное, рѣшали задачи, надъ которыми задумывались отцы, да еще умѣли начертить планъ хаты, мельницы, разбить поле на десятины; знали о полезныхъ и вредныхъ животныхъ, насѣкомыхъ и растеніяхъ. И таковы были всѣ 70 школъ уѣзда.»

Сославшись затѣмъ на извѣстную уже читателямъ статью г. Кашина о несчастномъ положеніи школъ Александровскаго уѣзда въ до-реформенное время, Д. Д. Семеновъ продолжаетъ:

«Не то мы видимъ черезъ пять лѣтъ по вступленіи барона Корфа въ члены училищнаго совѣта. Вмѣсто двухъ сносныхъ школъ, въ уѣздѣ открывается до 70 прочно организованныхъ, обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, съ приспособленными къ ученію школьными зданіями, съ дѣльными учителями, съ хорошими учебниками, наглядными пособіями, библіотеками и книжными складами.»

Кромѣ указанныхъ командировокъ отъ кавказскаго учебнаго округа, къ барону Корфу были и еще двѣ: командировка учителя образцовой школы кубанской учительской семинаріи, выписаннаго изъ Петербурга, человѣка опытнаго уже въ преподаваніи, и инспектора народныхъ училищъ Кубанской области. Сообщая объ этихъ новыхъ командировкахъ барону Н. А. Корфу отъ 12-го февраля 1872 года, Д. Д. Семеновъ между прочимъ писалъ ему:

«Вѣроятно оба они съѣдутся у васъ въ одно и то-же время (около начала марта) притомъ въ самое благопріятное время, когда вы обыкновенно дѣлаете весенніе объѣзды и ревизіи школъ. Было-бы особеннымъ счастьемъ для нихъ обоихъ и для кубанской семинаріи въ особенности, еслибы вы, Николай Александровичъ, придали своимъ объѣздамъ тотъ-же характеръ, который имѣли эти объѣзды, когда я посѣщалъ ваши школы, т. е. не только-бы производили общія испытанія, но и взяли-бы на себя трудъ дать образцовые уроки по всѣмъ предметамъ обученія, заставили-бы, какъ моего образцоваго учителя, такъ и своихъ учителей дать по нѣскольку пробныхъ уроковъ, и въ заключеніе показали-бы, какъ совмѣстно, съ тремя отдѣленіями, долженъ заниматься учитель втеченіи цѣлаго дня. Въ заключеніе я былъ-бы весьма признателенъ вамъ, еслибы вы откровенно написали мнѣ о томъ, чего еще не достаетъ для будущаго моего образцоваго учителя.»

По поводу приведенныхъ цитатъ изъ статьи и письма Д. Д. Семенова, необходимо замѣтить, что онѣ принадлежатъ педагогу большой школы и высокой пробы, т. е. бывшему сподвижнику К. Д. Ушинскаго въ его преобразовательной дѣятельности по Смольному институту,—человѣку, не мало потрудившемуся надъ подготовленіемъ учителей для среднеучебныхъ заведеній въ бывшихъ «Педагогическихъ курсахъ» при второй с.-петербургской военной гимназіи, справедливо пользовавшихся большимъ уваженіемъ и давшихъ Россіи не мало весьма дѣльныхъ педагоговъ, и впослѣдствіи ставшему однимъ изъ руководителей по начальному образованію въ Петербургѣ. Одно уже это избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ перечень описаній другихъ лицъ, посѣтившихъ школы

барона Н. А. Корфа, видѣвшихъ на мѣстѣ и работу школы, и дѣятельность самого барона Корфа. Слѣдуетъ однако сказать, что всѣ они въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о блистательномъ порядкѣ и благоустройствѣ школъ, стройномъ и отчетливомъ ходѣ занятій въ нихъ, законченности и прочности организаціи. Словомъ, это—въ полномъ смыслѣ образцовыя школы, полно обставленныя. Слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, эти школы, помимо разумныхъ учителей и всѣхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, имѣли еще и «садики», и «библіотеки», и «книжные склады», тогда какъ большинство не только тогдашнихъ, но и нынѣшнихъ народныхъ школъ все еще не можетъ добиться этихъ необходимыхъ при нихъ учрежденій, а то такъ испытываетъ даже горькую нужду и въ хорошихъ пособіяхъ, и въ дѣльныхъ учителяхъ.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія, что даже лица, обладавшія обширными обще-педагогическими познаніями и большою опытностью въ веденіи школьнаго дѣла вообще, тѣмъ не менѣе находили для себя чему учиться у барона Корфа въ отношеніи собственно народнаго образованія, его организаціи, постановки и веденія, и совѣтовали отправляться къ нему учиться другимъ лицамъ, тоже свѣдущимъ и опытнымъ въ школьномъ дѣлѣ. Это само собою свидѣтельствуетъ о большой трудности дѣла народнаго образованія и оттѣняетъ значеніе той заслуги барона Корфа передъ всей Россіей, которую онъ оказалъ отечеству, какъ новаторъ, организаторъ и пламенный пропагандистъ великаго дѣла просвѣщенія народа.

Но какъ бы не довѣряя себѣ, какъ бы желая еще болѣе укрѣпиться во всѣхъ своихъ начинаніяхъ въ области народнаго образованія, баронъ Н. А. Корфъ, не смотря на многосложность прямыхъ своихъ обязанностей, предпринялъ еще объѣздъ и осмотръ длиннаго ряда учебныхъ заведеній, представлявшихъ какую-нибудь характерную особенность по своей организаціи и постановкѣ. Со многими изъ дѣятелей этихъ учебныхъ заведеній баронъ Корфъ велъ дѣятельную переписку,—и они усиленно звали его, желая услышать отъ него авторитетную оцѣнку. Въ 1871—72 годахъ баронъ Корфъ посѣтилъ: элементарную школу Ильиныхъ въ Николаевѣ, начальныя и воскресныя народныя училища города Харькова, а также и находящуюся тамъ частную воскресную женскую школу, основанную дамскимъ кружкомъ и находящуюся подъ главнымъ руководствомъ извѣстной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской; фабричную школу братьевъ Милютиныхъ подъ Москвою; воскресныя школы московскаго общества распространенія техническихъ знаній; школу оборвышей Е. И. Чертковой въ

Петербургѣ; женскіе педагогическіе курсы П. И. Чепелевской въ Москвѣ; новгородскую и московскую земскія учительскія семинаріи; наконецъ комиссаровскую техническую школу въ Москвѣ. Эта масса осмотрѣнныхъ разнородныхъ заведеній была тщательно изучена имъ и описана въ рядѣ статей, органически связанныхъ между собою, хотя и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы», «Семьѣ и Школѣ» и «Народной Школѣ». Помимо собственно педагогическаго значенія этихъ статей, въ смыслѣ указанія на хорошія и неудовлетворительныя стороны осмотрѣнныхъ учебныхъ заведеній, онѣ представляютъ большой интересъ для оцѣнки той эпохи, такъ какъ заключаютъ въ себѣ прекрасный анализъ замѣчательнаго частнаго и общественнаго почина въ дѣлѣ учрежденія самыхъ разнообразныхъ школъ: начальныхъ, воскресныхъ, фабричныхъ, техническихъ, спеціально-рисовальныхъ, школъ для оборвышей и наконецъ семинарій для подготовленія народныхъ учителей и учительницъ. Ничего этого не было раньше: все это какъ бы само собою явилось по почину городовъ и земствъ, частныхъ лицъ и обществъ. Русское общество поняло свою отсталость въ дѣлѣ образованія массы и видимо торопилось наверстать потерянное время. Это напряженное состояніе общества прекрасно очерчено барономъ Корфомъ, попутно указывающимъ, какъ поставлена заграницей та или другая отрасль содѣйствія массѣ населенія въ дѣлѣ образованія и чего не достаетъ намъ въ томъ или иномъ отношеніи.

Статьи эти были собраны въ одно и дополнены еще слѣдующими статьями, въ разное время появившимися въ печати: «Бытъ крестьянъ, какимъ онъ отражается въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ сельскихъ школъ», «Объ инспекціи народныхъ училищъ», «Учительскіе съѣзды», «Программа народной школы», «Земскія учительскія семинаріи», «Учительскія семинаріи» и «Объ обязательности обученія въ Россіи». Въ общемъ составилось такимъ образомъ объемистая книга—«Наше школьное дѣло». Авторъ скромно назвалъ ее «Сборникомъ статей по училищевѣдѣнію», но это вовсе не случайныя, отрывочныя статьи, а органически связанныя между собою, въ смыслѣ детальнаго разъясненія и яркаго освѣщенія, что все будущее нашего народнаго образованія всецѣло зависитъ отъ способовъ и средствъ проявленія общественнаго почина и самодѣятельности, отъ условій развитія и самоусовершенствованія народной школы, учительскихъ семинарій и другихъ воспособляющихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ образованія массы населенія. «Наше школьное дѣло» существенно дополняетъ извѣстный уже читателямъ

трудъ барона Корфа по училищевѣдѣнію «Русскую начальную школу» въ бытовомъ, законодательномъ, дидактическомъ и общественномъ отношеніи. Оба названныхъ труда, въ общей ихъ совокупности, весьма полно обнимаютъ собою теоретическую и практическую стороны училищевѣдѣнія у насъ, въ Россіи, давая вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое освѣщеніе этого дѣла за границей.

Такая энергическая, разносторонняя и плодотворная дѣятельность барона Н. А. Корфа была оцѣнена интеллигентною частью русскаго общества съ большою признательностью. Въ 1870 году напримѣръ петербургское педагогическое общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1871 году московскій университетъ и московскій комитетъ грамотности также избрали его въ почетные свои члены. Во время пріѣзда барона Корфа въ Петербургъ, въ исходѣ 1871 года, у него установились тѣсныя и дружественныя отношенія со всѣми лучшими представителями педагогической дѣятельности въ столицѣ. Не говоря уже о торжественномъ чествованіи его педагогическимъ обществомъ, какъ своего почетнаго члена, онъ былъ оффиціально приглашенъ въ засѣданіе педагогическихъ курсовъ при II-й с.-петербургской военной гимназіи. Въ присутствіи великой княгини Евгеніи Максимиліановны онъ давалъ уроки въ острожной женской школѣ, въ образцовой школѣ учительской семинаріи петербургскаго воспитательнаго дома, въ частной воскресной школѣ и многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того онъ имѣлъ свиданіе съ Головнинымъ, предшественникомъ графа Толстого по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. Г. Строгоновымъ и многими другими лицами, проявлявшими живой интересъ къ дѣлу народнаго образованія и желавшими ближе познакомиться съ педагогическими его воззрѣніями.

Заслуживаетъ также вниманія и слѣдующій эпизодъ изъ этой поѣздки барона Корфа въ Петербругъ. Еще въ 1870 году онъ получилъ отъ графа Д. А. Толстого, бывшаго въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, письмо съ выраженіемъ «искренней благодарности» за присылку ему, «при письмѣ», книги «Русская начальная школа». Собственноручнымъ-же письмомъ 27 ноября 1871 года графъ Д. А. Толстой пригласилъ барона Н. А. Корфа «пожаловать къ нему откушать 28-го ноября въ 6 часовъ». Въ этотъ день онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ министромъ о положеніи и нуждахъ народнаго образованія, о задачахъ и условіяхъ его организаціи. Въ то время, какъ извѣстно, графъ Д. А. Толстой самъ сильно склонялся въ пользу введенія обязательнаго обученія въ Россіи. Немудрено поэтому, если изъ собесѣдованія съ Толстымъ ба-

ронъ Корфъ вынесъ увѣренность, что невѣжеству русскаго народа насталъ конецъ, что правительство рѣшилось, не щадя никакихъ средствъ, идти по пути народнаго образованія.

Вообще послѣ поѣздки въ Петербургъ, котораго баронъ Корфъ прямо-таки не любилъ, онъ возвратился въ свой родной уѣздъ съ самыми лучшими надеждами и ожиданіями, но здѣсь его ожидало жестокое разочарованіе. Темная мѣстная землевладѣльческая сила не пожелала имѣть барона Н. А. Корфа своимъ гласнымъ и забаллотировала его на земскихъ выборахъ. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ отъ 1-го іюня 1872 года по этому поводу Х. Д. Алчевской, съ которою находился въ дѣятельной и дружеской перепискѣ:

«20-го мая я торжественно забаллотированъ въ уѣздные гласные двумя третями голосовъ на избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда. Нечего удивляться тому, что могла собраться шайка негодяевъ и пожелать посредствомъ баллотировки избавиться отъ честнаго человѣка. Огорчаетъ меня не эта шайка, а то *безучастное* отношеніе къ вопіющей наглости, отношеніе къ ней со стороны 5—6 лицъ, считавшихся порядочными и теперь не только позволившихъ баллотировать себя послѣ того, что въ лицѣ моемъ дана пощечина всѣмъ слугамъ дѣла, но и не промолвившихъ ни одного слова протеста. Нужно вамъ знать, что я былъ 6 лѣтъ гласнымъ, секретаремъ собранія въ 6 сессіяхъ, три года членомъ ревизіонной коммиссіи, три года предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, 5 лѣтъ членомъ училищнаго совѣта, всѣ эти должности я отправлялъ безвозмездно и пожертвовалъ за все время въ пользу кассы школъ уѣзда болѣе 5,000 р. сер. Не стану судить о томъ, принесъ-ли я какую нибудь пользу, но всѣ признаютъ, что я трудился на пользу земства съ самоотверженіемъ. Теперь меньшинство, считающее себя прогрессивнымъ (человѣкъ 5), не только не мѣшало шайкѣ выбросить за бортъ слугу дѣла, но изъ зависти и тщеславія, желая попасть въ гласные, старались дружественно относиться къ шайкѣ, владѣвшей выборами, и по возможности не только не обнаруживать солидарности со мною, но и не подходить ко мнѣ въ залѣ, для того, чтобы не повредить себѣ въ глазахъ шайки. Но откуда-же эта шайка? Она сформирована старинными завистниками моими и однимъ господиномъ, который, по моей иниціативѣ, не избранъ вновь въ мировые судьи, успѣвши вооружить противъ себя все населеніе своею судебною дѣятельностью. Итакъ, повторяю, что огорчаетъ меня безучастное отношеніе къ дѣлу со стороны людей, которымъ я вѣрилъ, которыхъ я считалъ годными для дѣла и которые оказались тряпицами. Впрочемъ и тутъ были отрадныя исключенія: всѣ члены училищнаго совѣта объявили, послѣ моей баллотировки, что считаютъ за позоръ дозволить баллотировать себя; впрочемъ и то нужно сказать, что еслибы они допустили баллотировку, то ихъ бы прокатили непремѣнно, такъ какъ баллотировалось то дѣло, которому они служили вмѣстѣ со мною. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ въ томъ—и это меня утѣшаетъ,—что въ средѣ земскихъ людей, послѣ того, что я вте-

ченіи 6 лѣтъ распинался за общее благо, нашлось три честныхъ человѣка, три члена училищнаго совѣта, которые не съумѣли отнестись холодно и равнодушно къ мерзости, происшедшей на выборахъ. Итакъ, нашего училищнаго совѣта и меня въ совѣтѣ съ сентября этого года не существуетъ. Въ виду того, что на учительскій съѣздъ потребовалось бы издержать 1,200 руб. сер., мы не рѣшились произвести этого расхода, не увѣренные въ сочувствіи ему со стороны плательщиковъ и будущихъ руководителей училищнаго дѣла, и съѣздъ, предполагавшійся на 8-е сентября, отмѣненъ. Само собою разумѣется, что я не перестану служить дѣлу народнаго образованія словомъ и дѣломъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ пожелаютъ услугъ моихъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что я не только не закрою той народной школы, попечителемъ которой я состою, но постараюсь увеличить затрату на нее и развить ее; но въ уѣздѣ дѣятельность моя окончена: опытъ состоялся; найдутся люди, то будетъ и дѣло, если не теперь, то со временемъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ отдѣленія части территоріи Александровскаго уѣзда къ Маріупольскому, куда отойдетъ и мое имѣніе; тогда будутъ новые выборы въ гласные въ обоихъ уѣздахъ, Александровскомъ и Маріупольскомъ; я буду баллотироваться въ послѣднемъ и, если изберутъ, опять готовъ служить народной школѣ, хотя здоровье мое, т. е. нервы, и крайне разстроено. Впрочемъ будущее впереди, а въ настоящемъ совершился фактъ, еще разъ доказавшій мнѣ, что у насъ человѣку прогрессивному нельзя разсчитывать не только на большинство, но даже и на меньшинство. Тѣмъ дороже для меня тѣ немногіе друзья за предѣлами уѣзда, которыми я обладаю.»

«Друзей» однако оказалось у барона Н. А. Корфа несравненно больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ печати дружно раздался крикъ негодованія по поводу самодурно-самоуправнаго поступка землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда, проявившихъ самую низкую и черную неблагодарность къ общественнымъ заслугамъ барона Корфа, успѣвшимъ уже получить общерусскую извѣстность и заслужившимъ признательность со стороны цѣлаго ряда ученыхъ корпорацій, наиболѣе компетентныхъ въ вопросахъ образованія. Со всѣхъ концовъ Россіи онъ былъ заваленъ самыми горячими сочувствіями по поводу постигшей его непріятности и обиды. Тутъ были письма педагоговъ, частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій. Всѣ въ одинъ голосъ признали, что та часть александровскаго дворянства, которая забаллотировывала барона Корфа, положила «черные шары» самой-же себѣ,—въ глазахъ всей мыслящей Россіи навсегда осудила и опозорила себя, доказавъ лишь умственное и нравственное убожество свое, непониманіе и недостоинство, неспособность стоять на высотѣ общественнаго служенія. Вотъ, напримѣръ, что писалъ барону Корфу извѣстный педагогъ, Евтушевскій:

«Извѣстіе, прочтенное мною изъ газетъ, о сюрпризѣ, устроен-

номъ александровскому училищному совѣту, сначала меня сильно поразило; но потомъ, вспомнивъ, что мы живемъ еще пока въ дикихъ дебряхъ, гдѣ встрѣчается больше звѣрей, нежели людей, я успокоился, такъ какъ различные курьезы на Руси довольно часты. Съ своей-же стороны я имѣю только къ вамъ, многоуважаемый Николай Александровичъ, большую просьбу: не смотря на пошлости, васъ окружающія, и несправедливости, которыми вамъ платятъ за великое, честное и доброе ваше дѣло, не бросайте этого дѣла. Повѣрьте, что есть гораздо больше такихъ людей, которые благодарятъ васъ душевно теперь и всегда будутъ чтить вашу память, какъ человѣка, дѣйствительно сдѣлавшаго доброе дѣло.» (14 іюня 1872 г.)

Мотивъ этого письма изъ Петербурга замѣчательно совпадаетъ съ мотивомъ адреса бахмутскаго уѣзднаго училищнаго совѣта барону Корфу по поводу его забаллотировки. Правильно охарактеризовавъ значеніе его дѣятельности, какъ для цѣлаго уѣзда, такъ и для всей Россіи, бахмутскій училищный совѣтъ говоритъ далѣе въ своемъ адресѣ:

«Фактъ, такъ неожиданно совершившійся 20-го мая 1872 года, ясно говоритъ самъ за себя, и особенно онъ понятенъ для насъ, служащихъ и трудящихся на одномъ съ вами многотрудномъ поприщѣ начальнаго народнаго образованія.... Совершившееся у васъ событіе не могло не произвести на вашу благородную душу впечатлѣніе самое тяжкое не въ смыслѣ личной обиды и оскорбленія, а въ виду тѣхъ важныхъ и великихъ по своимъ послѣдствіямъ потерь, которыя въ подобныхъ случаяхъ и при подобныхъ обстоятельствахъ терпитъ нашъ простой народъ.»

Выразивъ затѣмъ увѣренность, что баронъ Корфъ «снисходительно отнесется къ дѣлу, которое совершилось и можетъ повториться подъ вліяніемъ непреодолимыхъ еще обстоятельствъ самаго грустнаго свойства», бахмутскій училищный совѣтъ продолжаетъ:

«Оставшіяся при васъ и съ вами неотъемлемо Богомъ данныя вамъ геніальныя способности и практическій вѣрный взглядъ на дѣло начальнаго образованія, ваше въ немъ особое умѣнье, этотъ внутренній, счастливый, стройный порядокъ душевныхъ вашихъ силъ въ состояніи явить нашему краю и всему отечеству, что для истиннаго гражданина, истиннаго сына отечества не сильны преграды, воздвигаемыя иногда по недоразумѣнію, а иногда и по другимъ причинамъ.»

Но у барона Корфа нашлись «друзья» не только «за предѣлами», но и въ предѣлахъ уѣзда. Забаллотированный дворянами, онъ былъ выбранъ въ земскіе гласные изъ пяти избирательныхъ уѣздныхъ крестьянскихъ съѣздовъ въ трехъ съѣздахъ, и притомъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Фактъ тѣмъ болѣе отрадный и назидательный, что онъ произошелъ не только безъ малѣйшей агитаціи со стороны барона Корфа, но даже и при отсутствіи его въ Александровскомъ уѣздѣ, такъ какъ немедленно послѣ забалло-

тированія на съѣздѣ землевладѣльцевъ онъ уѣхалъ по дѣламъ въ Екатеринославъ.

Указанное единодушіе крестьянъ въ избраніи барона Корфа въ гласные вызвало задушевный откликъ со стороны попечителя кавказскаго учебнаго округа, Невѣрова, который все еще находился съ нимъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, продолжая командировать въ Александровскій уѣздъ новыхъ и новыхъ дѣятелей по народному образованію, такъ какъ отъ такихъ командировокъ была явная польза для успѣховъ народнаго образованія на Кавказѣ. Въ письмѣ отъ 3-го іюля 1872 года Невѣровъ, выражая барону Н. А. Корфу «глубочайшую благодарность» за ту «предупредительность», съ которою онъ знакомилъ кавказцевъ съ устройствомъ своихъ школъ и ихъ ходомъ, а также и за «чисто-русское радушіе», говоритъ далѣе:

«При этомъ случаѣ позволяю себѣ высказать то душевное наслажденіе, съ которымъ я прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что если васъ не пожелали или не умѣли оцѣнить помѣщики, то единодушный выборъ васъ крестьянами въ свои представители ясно показалъ, что благотворная ваша дѣятельность на пользу народнаго просвѣщенія вполнѣ оцѣнена народомъ русскимъ. А это—не сомнѣваюсь въ томъ—въ глазахъ вашихъ и всѣхъ понимающихъ и сочувствующихъ вамъ конечно выше и дороже всего. Да дастъ вамъ Богъ силы и здоровья трудиться на этомъ поприщѣ, на которомъ вы стяжали вполнѣ заслуженное вами сочувствіе и уваженіе.»

Единодушіе, съ которымъ крестьяне избирали барона Корфа (конечно не безъ противодѣйствія со стороны тайныхъ его недоброжелателей), — фактъ единственный въ лѣтописяхъ нашего общественнаго управленія, и притомъ въ высшей степени поучительный. Крестьяне очевидно понимали, за что̀ именно выбираютъ они барона Корфа, для чего собственно необходимъ онъ имъ, какъ гласный земства. Значитъ, у крестьянъ было уже сознательное отношеніе къ народному образованію, — была органическая связь съ народными школами, насажденными неусыпными трудами и заботами барона Н. А. Корфа.

VIII.

Пребываніе заграницей.

Переѣздъ барона Корфа заграницу и дѣйствительныя причины переѣзда.—Служеніе дѣлу русскаго народнаго образованія изъ заграницы.—Ошибка біографовъ барона Корфа въ оцѣнкѣ его дѣятельности во время пребыванія заграницей.—«Руководство къ наглядному обученію» и «Исторія Востока, Греціи и Рима—для обученія и самообразованія».—Женевская семейная школа барона Корфа и личныя его дѣла.—Избраніе въ почетные члены женевскою академіею наукъ.

Блестящее избраніе барона Н. А. Корфа на трехъ крестьянскихъ съѣздахъ не только затмило и посрамило недостойную выходку со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, но и дало ему должное нравственное удовлетвореніе. Значеніе этого удовлетворенія было тѣмъ полнѣе, что, — какъ мы знаемъ уже, — оно было поддержано дружнымъ сочувствіемъ всей мыслящей части русскаго общества. Тѣмъ не менѣе баронъ Корфъ въ 1872 году прервалъ свою дѣятельность въ Александровскомъ уѣздѣ, уѣхалъ съ семействомъ въ Швейцарію, поселился въ Женевѣ и жилъ тамъ до 1880 года. Этотъ фактъ и при жизни, и послѣ смерти барона Корфа остается неразъясненнымъ, почему и вся послѣдующая его дѣятельность представляется невыясненною. Между тѣмъ разобраться въ причинахъ, побудившихъ барона Корфа на такой рѣзкій шагъ, вполнѣ возможно.

Нѣкоторые полагаютъ, что главной причиной обрыва барономъ Корфомъ своей земской дѣятельности служитъ то «одиночество», въ которомъ онъ почувствовалъ себя въ своемъ родномъ уѣздѣ. Конечно ему тяжело и горько было почувствовать это, но онъ былъ уже слишкомъ опытенъ и закаленъ въ общественной дѣятельности, чтобы смутиться одиночествомъ. Въ сущности и тогда, когда онъ предпринималъ организацію народнаго образованія, и во все послѣдующее время онъ всегда былъ *одинъ*, въ смыслѣ почина. Если починъ этотъ приводилъ къ блестящимъ результатамъ, то это еще вовсе не значитъ, будто бы успѣхъ давался барону Корфу безъ борьбы. Напротивъ, въ имѣющейся напримѣръ въ нашемъ распоряженіи перепискѣ барона Корфа сохранилась пачка писемъ, отъ 1867 до 1870 года, принадлежащихъ Ч—скому.

Даже теперь, спустя четверть вѣка уже, трудно читать безъ

негодованія эти письма,—такъ много въ нихъ сплетенъ, инсинуацій, угрозъ, зависти, злобы и дерзости — по поводу притомъ такого невиннаго факта, какъ открытіе русской школы въ одной изъ нѣмецкихъ колоній. И это конечно только примѣръ, но не исключеніе. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время, какъ Александровскій уѣздъ и нѣкоторыя другія мѣстности Имперіи, благодаря земству, покрывались школами, въ другихъ мѣстахъ или бездѣйствовали, или принимали даже мѣры противодѣйствія какому-бы то ни было проявленію образованія. Такъ напримѣръ, Новомосковскій и Павлоградскій уѣзды, Екатеринославской-же губерніи,какъ бы даже фрондировали своею постыдною бездѣятельностью вообще и полнѣйшимъ игнорированіемъ народнаго образованія въ частности. Одинъ-же изъ корреспондентовъ барона Корфа, Н. Крыловъ, въ письмѣ отъ 13-го октября 1869 года сообщалъ, что въ Алатырѣ, Симбирской губерніи, одновременно были закрыты всѣ частныя учебныя заведенія, при отсутствіи въ городѣ какихъ-бы то ни было другихъ учебныхъ заведеній... И въ Александровскомъ уѣздѣ такихъ гонителей образованія было не занимать стать. Но баронъ Корфъ умѣлъ, искренно или неискренно, ставить ихъ на свою сторону, какъ онъ въ концѣ концовъ сдѣлалъ это и съ Ч — скимъ. Онъ одержалъ также полную, блистательную побѣду и надъ всѣми своими противниками по выборамъ 1872 года. Уже въ бытность въ Женевѣ, въ 1873 году, онъ получилъ благодарственный адресъ отъ Александровскаго училищнаго совѣта и такой-же адресъ отъ всего земскаго собранія этого-же уѣзда. Этотъ послѣдній адресъ былъ составленъ по единогласному постановленію собранія, т. е. при участіи тѣхъ-же самыхъ лицъ, которыя забаллотировали его. Впослѣдствіи-же Александровское уѣздное земское собраніе, по предложенію гласнаго Н. Карышева о необходимости привлечь къ дѣлу народнаго образованія «человѣка, много потрудившагося на этомъ пути и могущаго научить многому другихъ», «*встало* и *единогласно*» постановило: «Просить глубокоуважаемаго барона Корфа принять званіе почетнаго члена Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и войти съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія объ утвержденіи его въ этомъ званіи».

Къ этому нужно еще прибавить, что въ 1873 году барону Корфу присуждена золотая медаль за его литературную и непосредственную дѣятельность по народному образованію. Такимъ образомъ, въ общей совокупности приведенныхъ фактовъ, нельзя не придти къ выводу, что недостойныя выходки землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда способствовали лишь еще большему возвышенію барона

Корфа въ глазахъ общества, и онъ получилъ самое полное нравственное удовлетвореніе. Значитъ, со стороны неблагопріятнаго выборнаго эпизода не могло быть препятствій къ продолженію барономъ Корфомъ земской службы.

Точно также ошибочно думаютъ нѣкоторые, будто-бы однимъ изъ главныхъ препятствій въ этомъ отношеніи было измѣненіе территоріальныхъ границъ между Александровскимъ и Маріупольскимъ уѣздами. Положимъ, въ письмѣ изъ Женевы отъ 4-го іюня 1873 года баронъ Корфъ дѣйствительно говоритъ: «Въ настоящее время я уже отрѣзанный ломоть отъ того дѣла, на которое пошли лучшіе годы моей жизни: новыя границы уѣзда лишили меня оффиціальнаго голоса въ Александровскомъ уѣздѣ». Но въ этомъ-же письмѣ онъ прибавляетъ далѣе, что «различныя обстоятельства побудили меня *служить родному школьному дѣлу только путемъ печати*». Если знать ходъ школьнаго законодательства и печатные труды барона Корфа, то «обстоятельства», на которыя онъ ссылается, будутъ понятны сами собою. Разъяснить ихъ въ высшей степени необходимо, такъ какъ такой почтенный земскій дѣятель, какъ Гнѣдинъ, одинъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Корфа по народному образованію въ Александровскомъ уѣздѣ, очень грубо ошибся въ отношеніи истинныхъ мотивовъ отказа барона Корфа, сказавъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», законченныхъ еще въ 1879 году, между прочимъ слѣдующее:

«Своимъ отказомъ Корфъ оскорбилъ какъ общество, избравшее его, такъ и самое дѣло, которому онъ служилъ. Если можно оправдать отказъ Корфа, то развѣ тѣмъ, что забаллотировка сильно потрясла его нервы и способствовала развитію его болѣзни—образованію желчныхъ камней. Но это стало извѣстно только впослѣдствіи, вначалѣ-же его отказъ фраппировалъ всѣхъ благомыслящихъ людей, и даже друзья Корфа не находили оправданія его поступку.»

Но если «друзья» были такъ не находчивы въ «оправданіи», то, повторяемъ, «обстоятельства» даютъ Корфу самое полное и блестящее не только оправданіе, но, — какъ не замедлимъ разъяснить,—даже и одобреніе. Вотъ сущность дѣла.

«Положеніемъ о народныхъ училищахъ» 14-го іюня 1864 года земскимъ учрежденіямъ была предоставлена полная самостоятельность въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ что даже выборъ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ былъ предоставленъ земскимъ собраніямъ. Эта благоразумная децентрализація распорядительно-исполнительной власти дала возможность къ проявленію на мѣстахъ частнаго и общественнаго почина и самодѣятельности въ области народнаго образованія, благодаря чему послѣднее и начало

постепенно выходить въ земскихъ губерніяхъ изъ состоянія летаргіи. Только въ силу предоставленной земству самостоятельности баронъ Корфъ, не принадлежа къ патентованнымъ педагогамъ, оставаясь простымъ земскимъ дѣятелемъ, могъ выступить въ роли организатора разумной народной школы и дать толчокъ этому дѣлу на всю Имперію. Но затѣмъ обстоятельства круто измѣнились. Въ началѣ 70-хъ годовъ послѣдовала инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ, какъ обязательное для всѣхъ распоряженіе. Инструкція эта кореннымъ образомъ измѣняла весь порядокъ открытія народныхъ школъ, завѣдыванія и руководства ими, какъ это было установлено «Положеніемъ» 14-го іюня 1864 года. Строго говоря, за земствомъ оставалось только право ассигнованія денегъ, забота о помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи школъ, безъ всякаго отношенія собственно къ учебно-воспитательной дѣятельности ихъ, безъ права вліятельнаго голоса въ выборѣ, назначеніи и увольненіи педагогическаго персонала народныхъ школъ.

Баронъ Корфъ первый почувствовалъ на себѣ послѣдствія новаго порядка вещей: Въ инструкціи напримѣръ въ отношеніи съѣздовъ, говорится: «Въ случаѣ учрежденія съѣздовъ народныхъ учителей, на инспектора возлагается какъ наблюденіе за ихъ дѣйствіями, такъ и сообщеніе имъ надлежащихъ совѣтовъ, указаній и наставленій». Руководствуясь буквой инструкціи, администрація одесскаго учебнаго округа не разрѣшила въ 1871 году барону Корфу руководить съѣздомъ народныхъ учителей Александровскаго уѣзда. Такимъ образомъ то самое лицо, которое впервые пропагандировало въ Россіи идею съѣздовъ и практически осуществило ихъ, годичные «Отчеты» котораго, а также и инструкціи народнымъ учителямъ печатались на страницахъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», — это лицо оказалось безправнымъ въ дѣлѣ, созданномъ его умомъ и энергіей, съ громадной пользой и славой руководимомъ имъ втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Какъ бы для нагляднаго подтвержденія несправедливости такого порядка дѣла, произошелъ слѣдующій фатальный случай. Съѣздъ, долженствовавшій состояться въ Александровскомъ уѣздѣ подъ руководствомъ народнаго инспектора, не могъ состояться по причинѣ его смерти. И баронъ Корфъ, самостоятельно, въ силу полномочій земства сзывавшій прежде съѣзды мѣстныхъ народныхъ учителей, теперь уже не имѣлъ права сдѣлать этого въ виду инструкціи, такъ какъ онъ былъ не инспекторомъ народныхъ училищъ, а только членомъ училищнаго совѣта, хотя въ этой скромной роли онъ, можно сказать, руководилъ народнымъ образованіемъ во всей Имперіи, и къ нему прі-

ѣзжали учиться не только инспекторы народныхъ училищъ, но и лица, руководившія обученіемъ и воспитаніемъ народныхъ учителей.

Со вступленіемъ въ силу инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, у барона Корфа выпало изъ рукъ живое дѣло народнаго образованія, въ смыслѣ непосредственнаго служенія, которому онъ отдавался вполнѣ беззавѣтно, съ такимъ самоотверженіемъ. Въ роли простого земскаго дѣятеля, т. е. члена училищнаго совѣта, за нимъ, согласно «Положенію о народныхъ училищахъ», оставалось право «наблюденія за преподаваніемъ»; но, по инструкціи инспекторамъ, «всѣ преподаватели народныхъ училищъ состоятъ въ учебномъ отношеніи подъ ближайшимъ надзоромъ инспектора», которому вдобавокъ предоставлена также полная власть въ отношеніи опредѣленія, перемѣщенія и увольненія народныхъ учителей. Понятно поэтому, что какъ-бы ни «наблюдалъ за преподаваніемъ» членъ училищнаго совѣта, но каждый изъ учителей будетъ рабски послушенъ тому, что прикажетъ ему инспекторъ.

Все это было разъяснено въ свое время barономъ Корфомъ въ періодической печати, въ статьяхъ: «Объ инспекціи народныхъ училищъ» и «Учительскіе съѣзды», которыя и вошли въ книгу его «Наше школьное дѣло». Заглянувъ въ эти статьи, полныя жизненнаго интереса и значенія до нашихъ дней, каждый легко можетъ убѣдиться, что еще за долго до баллотировочнаго эпизода баронъ Корфъ совершенно ясно понималъ критическое положеніе своей земской дѣятельности по народному образованію. Хотя первоначальное «Положеніе о народныхъ училищахъ» и оставалось не отмѣненнымъ, но уже не доставало, такъ сказать, физическаго мѣста для проявленія земской дѣятельности барона Корфа въ фактически-существовавшихъ прежде ея размѣрахъ. Въ дѣлѣ, самостоятельно созданномъ, направляемомъ и руководимомъ, ему приходилось смотрѣть изъ чужихъ рукъ, занять положеніе зависимое, подневольное, быть въ роли опекаемаго, испрашивать разрѣшеній.

И еслибы не случилось такой метаморфозы, гидра темной силы Александровскаго уѣзда никогда не рискнула-бы взять подъ сомнѣніе дѣло народнаго образованія, не стала-бы баллотировать этого дѣла въ лицѣ барона Корфа. По своей безупречной честности, по своей энергіи и умственному превосходству, по тому громадному вліянію, которое болѣе и болѣе завоевывалъ себѣ баронъ Корфъ, онъ съ первыхъ дней своей общественной дѣятельности былъ глубоко ненавистенъ для мѣстной темной силы. Не занимая никакихъ платныхъ должностей по земству, служа ему своею головою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалъ въ самомъ зародышѣ ма-

лѣйшее поползновеніе съ чьей-бы то ни было стороны къ обращенію земства въ «общественный пирогъ». А такими именно поползновеніями и была проникнута «гидра». Но баронъ Корфъ былъ неуязвимъ, пока оставался подъ защитою «Положенія» 14-го іюля 1864 года въ отношеніи народнаго образованія. И какъ только «Положеніе» не въ состояніи уже было болѣе ограждать именно дѣла рукъ барона Корфа, на него и набросилась темная сила, увлекшая своимъ теченіемъ людей индифферентныхъ и малодушныхъ. И хотя онъ одержалъ полную и блистательную побѣду въ общемъ результатѣ выборовъ въ земскіе гласные, тѣмъ не менѣе ясно было, что въ рукахъ его противниковъ остается самое сильное орудіе противъ него—самоуправное ломанье и коверканье созданнаго имъ дѣла народнаго образованія,—чего они не смѣли дѣлать раньше, но въ чемъ онъ теперь не властенъ былъ уже помѣшать имъ, такъ какъ не его уже просвѣщенный авторитетъ, а санкція и усмотрѣніе народнаго инспектора будутъ руководить дѣломъ. Оберегая судьбу дорогого ему дѣла, онъ отказался отъ него, и тѣмъ дѣйствительно спасъ его. Какъ удостовѣряетъ Д. Т. Гнѣдинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», «весь порядокъ, заведенный Корфомъ, поддерживался на томъ лишь основаніи, что, дескать, мы и безъ Корфа справимся. Дѣйствительно, по народному образованію земство не только не уменьшало ассигновки, но даже прибавляло». Но не то конечно было-бы, еслибы баронъ Корфъ оставался при дѣлѣ. Значитъ, отказъ барона Корфа, выходъ его изъ земства есть своего рода самоотверженіе и заслуживаетъ высокаго одобренія.

Таковы дѣйствительныя причины переѣзда барона Корфа заграницу, въ Женеву, съ октября 1872 года, гдѣ онъ и прожилъ около 8 лѣтъ, съ кратковременными пріѣздами въ Россію. Такъ оборвалась безпримѣрно блестящая и производительная дѣятельность этого великаго и даровитаго общественнаго работника на пользу общерусскаго народнаго образованія. Тяжелъ и мучителенъ былъ этотъ перерывъ для барона Корфа не только въ смыслѣ устраненія отъ общественной дѣятельности, которой такъ жаждала его энергическая, широко одаренная натура, но даже и въ смыслѣ потери подъ ногами русской почвы, такъ какъ онъ былъ «почвенникомъ» самой «чистой воды» и высокой пробы. Вотъ что говоритъ онъ напримѣръ о себѣ въ своихъ «Посмертныхъ Запискахъ»:

«Сознаюсь, что тосковалъ я за украинскими степями не только въ Петербургѣ, отталкивающемъ и однообразіемъ природы, и климатомъ, и еще кое-чѣмъ, но изъ Женевы, гдѣ, стоя на берегу жи-

вописнѣйшаго озера, не могъ я не признавать того, что куда-же равняться съ такою красавицею моей унылой и часто непригляд-ной южно-русской степи, но родная мнѣ эта послѣдняя, и не про-мѣняю ее ни на лазуревую воду Роны, ни на позолоченныя захо-дящимъ солнцемъ снѣжныя вершины.»

Чтобы заглушить эту естественную тоску по родинѣ, баронъ Н. А. Корфъ съ необычайною энергіею принялся за перо на пользу излюбленнаго имъ школьнаго дѣла. Какъ видно изъ письма его къ Х. Д. Алчевской отъ 8-го мая 1873 года, за $6^1/_2$ мѣсяцевъ пре-быванія его въ Женевѣ, онъ написалъ: три статьи для «Вѣстни-ка Европы», три статьи для «Народной Школы», семь статей для «Недѣли» и 18 «Писемъ на родину» въ «С.-Петербургскія Вѣдо-мости». Все это, въ общей сложности, составляетъ болѣе 20 пе-чатныхъ листовъ, всецѣло посвященныхъ Россіи и русскому школь-ному дѣлу, такъ сильно нуждавшемуся въ просвѣщенномъ руко-водствѣ и такъ кстати продолжавшему получать его отъ барона Корфа, оказавшагося «волею судебъ» не у дѣлъ.

Энергически отзываясь по поводу практическаго хода русскаго школьнаго дѣла и движенія законодательства по этому предмету, баронъ Корфъ занялся вмѣстѣ съ тѣмъ и систематическимъ озна-комленіемъ русской публики, путемъ печати, съ современнымъ со-стояніемъ народнаго образованія заграницей. Дѣльныя, страстныя, блестящія статьи его по этому предмету были впослѣдствіи собраны имъ, нѣсколько переработаны примѣнительно къ педагогическому отдѣлу всемірной парижской выставки 1878 года и изданы въ 1879 году отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: «Итоги народ-наго образованія въ европейскихъ государствахъ». Нужно замѣ-тить при этомъ, что баронъ Корфъ еще раньше посѣтилъ вѣнскую всемірную выставку, происходившую въ 1873 году, и подробно описалъ ее въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы». Разсматривая педагогическій отдѣлъ парижской выставки 1878 года, онъ оцѣ-ниваетъ его по сравненію съ соотвѣтствующими отдѣлами на преж-нихъ выставкахъ, начиная со второй парижской, въ 1867 году, на которой впервые состоялась попытка организовать международное педагогическое состязаніе. Въ виду этого, «Итоги народнаго обра-зованія», представляя объемистую брошюру, плотно напечатанную, даютъ очень яркую и выразительную картину положенія, хода и условій дѣятельности народнаго образованія не въ одной только Европѣ, но на всемъ бѣломъ свѣтѣ до Австраліи и Сандвичевыхъ острововъ включительно. Въ этомъ отношеніи названная брошюра имѣетъ незамѣнимое значеніе въ нашей школьной литературѣ.

Именно потому, что баронъ Корфъ документально зналъ все,

что касается дѣла народнаго образованія и отчетливо понималъ отсталость Россіи въ этомъ отношеніи по сравненію съ другими народами и странами,—онъ съ такою страстью относился къ этому дѣлу первостепенной государственной важности, беззавѣтно и безраздѣльно отдавался ему и писалъ о немъ не иначе, какъ *сокомъ своихъ нервовъ*...

Порвавъ непосредственную связь съ русскою народною школою, онъ сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на устраненіи, путемъ печати, всѣхъ тѣхъ погрѣшностей и недоразумѣній, которыя такъ или иначе могли помѣшать правильному ходу народнаго образованія. Одна за другою выходили изъ подъ его пера горячія статьи, посвященныя дѣйствительно животрепещущимъ вопросамъ въ этой области. То онъ съ увлеченіемъ доказываетъ и разъясняетъ необходимость согласованія интересовъ общаго и прикладного первоначальнаго образованія, такъ чтобы эти отрасли не смѣшивались въ одну, а развивались-бы самостоятельно и параллельно. То онъ пламенно привѣтствовалъ и пропагандировалъ крестьянскія школки грамотности, справедливо видя въ нихъ возможность выдѣленія простой грамоты въ самостоятельную отрасль первоначальнаго обученія, которое несомнѣнно можетъ быть поставлено какъ обязательное обученіе даже и при нашихъ скудныхъ государственныхъ и общественныхъ матеріальныхъ средствахъ. Но главною темою статей Корфа за этотъ періодъ времени было отстаиваніе земскихъ правъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Поводомъ къ этому послужило новое положеніе о народныхъ училищахъ, т. е. уставъ 1874 года, окончательно уже уничтожившій тотъ порядокъ отношенія земства къ народному образованію, который первоначально былъ установленъ «Положеніемъ» 14-го іюля 1864 года. Произошло то именно, что предвидѣлъ баронъ Корфъ двумя годами раньше и противъ чего энергически предостерегалъ. Дѣло, начатое инструкціею инспекторамъ народныхъ училищъ, было завершено уставомъ. Теперь уже земства не избирали болѣе предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, такъ какъ обязательными предсѣдателями были предводители дворянства. Земство окончательно было отдано въ опеку мѣстной администраціи по народному образованію, такъ что, безъ вѣдома и разрѣшенія послѣдней, не смѣло даже разсылать по своимъ народнымъ школамъ книгъ и учебныхъ пособій, хотя-бы даже и одобренныхъ спеціально для этой цѣли. Въ большомъ рядѣ статей (напримѣръ: «Народная школа въ рукахъ крестьянскаго земства», «Объ инспекціи народныхъ училищъ», «Учители и помощники» и друг.) баронъ Корфъ фактами

доказывалъ, неблагопріятное вліяніе новаго порядка вещей и прозорливо предсказывалъ возможность совершенно индифферентнаго отношенія общества къ этому животрепещущему дѣлу первѣйшей государственной важности. Впослѣдствіи эти и другія статьи барона Корфа вышли въ свѣтъ отдѣльною книгою—«Наши педагогическіе вопросы» (1882 г.), о которой мы скажемъ нѣсколько ниже.

Оглядываясь на обширную, разностороннюю, очень отзывчивую литературную дѣятельность барона Корфа во время пребыванія его заграницей, нельзя не согласиться, что онъ по прежнему и всецѣло продолжалъ служить интересамъ Россіи и русскаго просвѣщенія, какъ обѣщалъ это въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ г-жѣ Алчевской. Въ этомъ-же письмѣ онъ между прочимъ высказалъ увѣренность, что, «имѣя время для литературныхъ занятій», онъ принесетъ «печатнымъ словомъ больше пользы Россіи», чѣмъ прежнею своею дѣятельностью. Хотя отстраненіе барона Корфа отъ непосредственнаго служенія народному образованію и было несомнѣннымъ ущербомъ для послѣдняго, тѣмъ не менѣе, оставаясь заграницею, онъ, съ перомъ въ рукахъ, продолжалъ приносить весьма существенную пользу. Добровольный эмигрантъ будилъ во всей Россіи интересъ къ народному образованію и въ этомъ направленіи руководилъ общественнымъ мнѣніемъ съ такою твердостью, постоянствомъ и успѣхомъ, какъ никто никогда. Благодаря именно этому, не только въ печати и обществѣ ощущалось біеніе школьной идеи, но и самое дѣло народнаго образованія, несмотря на неблагопріятный оборотъ въ его постановкѣ, продолжало шириться и расти, улучшаться, совершенствоваться во всѣхъ отношеніяхъ, при дѣятельномъ участіи земства, остававшагося вѣрнымъ традиціямъ «Положенія» 14-го іюля 1864 года, наперекоръ всевозможнымъ «препонамъ» и противодѣйствіямъ. Заглянувъ въ «Земскіе Ежегодники», въ «Извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра народнаго просвѣщенія» и въ школьную статистику центральнаго комитета, не трудно убѣдиться, что именно 70-е годы были временемъ наибольшаго развитія у насъ дѣла народнаго образованія. И мы обязаны этимъ какъ первоначальному энергическому толчку, данному барономъ Н. А. Корфомъ, въ пору дѣятельности его въ Александровскомъ уѣздѣ, такъ и еще болѣе той энергіи и бдительности, съ которыми онъ слѣдилъ за народнымъ образованіемъ во все послѣдующее время—съ перомъ въ рукахъ.

Говоря—*«еще болѣе»*, мы нисколько не рискуемъ впасть въ преувеличеніе. Установленный министерствомъ народнаго просвѣ-

щенія контроль за народнымъ образованіемъ былъ крайне односторонне принятъ и примѣненъ во многихъ мѣстахъ, съ явнымъ ущербомъ для успѣховъ народнаго образованія. Дѣло напримѣръ доходило даже до того, что нѣкоторые изъ инспекторовъ оффиціально требовали, чтобы учителя народныхъ училищъ «передъ каждымъ урокомъ составляли конспектъ и подшивали его къ дѣлу», чтобы они «не смѣли возбуждать никакихъ вопросовъ изустно, при посѣщеніи училища инспекторомъ, но обращали ихъ къ нему не иначе, какъ письменно». Мало того: въ одномъ изъ учебныхъ округовъ послѣдовало распоряженіе, чтобы «учителя въ особой книгѣ ежедневно выставляли баллы или отмѣтки (отъ 0 до 5) всѣмъ ученикамъ за ихъ успѣхи», что̀ физически даже невозможно въ народной школѣ и совсѣмъ ужъ не педагогично. Наконецъ взаимныя отношенія между земствомъ и мѣстною учебною администраціею обострялись иногда до такой степени, что возникали даже спеціальныя «дѣла о пререканіяхъ» управы съ учебною администраціею. И «пререканія» эти бывали весьма существеннаго свойства. Инспекторы иногда своею властью ограничивали число учащихся въ школахъ 50 человѣками, не допуская почему-то пріема бо̀льшаго количества даже и въ томъ случаѣ, еслибы фактически была доказана способность учителя вести школу съ бо̀льшимъ числомъ учащихся. Переводя учителей съ мѣста на мѣсто, безъ объясненія даже причинъ, они десятками увольняли ихъ отъ должности, совершенно игнорируя при этомъ практикою доказанную педагогическую правоспособность увольняемыхъ и руководствуясь лишь отсутствіемъ оффиціальнаго свидѣтельства на званіе народнаго учителя, котораго (т. е. свидѣтельства) не имѣлъ, какъ извѣстно, и баронъ Н. А. Корфъ—этотъ учитель русскихъ народныхъ учителей. Случалось, что школы подолгу оставались безъ книгъ и учебныхъ пособій, такъ какъ нѣкоторые изъ инспекторовъ ставили непремѣннымъ требованіемъ, чтобы ни одна книга, хотя-бы и одобренная спеціально для народныхъ училищъ, не поступала туда безъ надписи на ней инспектора. Земскіе тюки съ книгами для народныхъ школъ тысячъ на 5—6 рублей направлялись предварительно къ инспектору, и у него образовывалась чудовищная залежь школьныхъ учебниковъ и книгъ. Антагонизмъ между земствами и учебною администраціею доходилъ до того, что инспекторы отрицали право земства хотя бы на простое ознакомленіе съ годовыми ихъ отчетами—и отказывались сообщать ихъ земству.

Эти и подобные имъ факты, съ точнымъ обозначеніемъ мѣстностей, времени и дѣйствующихъ лицъ, читатели найдутъ въ книгѣ

барона Корфа—«Наши педагогическіе вопросы». Книга эта служитъ воплощеніемъ того, какъ горѣла и болѣла душа Корфа о невзгодахъ родного нашего школьнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ книга эта представляетъ и вѣчный намятникъ талантливости, такта и энергіи, съ которыми онъ боролся за дорогое ему дѣло. И—повторяемъ—это была замѣчательно успѣшная борьба по практическимъ ея результатамъ. Судя по характеру указанныхъ выше фактовъ, дѣло повидимому принимало такой оборотъ, что народное образованіе могло даже окончательно затормозиться и заглохнуть; въ дѣйствительности-же, — какъ сказано уже,—оно неуклонно шло впередъ и разносторонне развивалось. И мы обязаны этимъ главнымъ образомъ тому безпримѣрно пламенному увлеченію, съ которымъ баронъ Корфъ будилъ и поддерживалъ въ обществѣ школьную идею,—тому авторитету, съ которымъ онъ указывалъ на односторонні увлеченія и ошибки, вредныя для дѣла, опираясь на глубокое знаніе народнаго быта, условій нашей общественной дѣятельности и положенія народнаго образованія въ западно-европейскихъ государствахъ. Эти указанія, горячо и съ убѣжденіемъ высказанныя, способствовали сглаживанію шероховатостей, порожденныхъ невѣдѣніемъ и слишкомъ крайнимъ усердіемъ не по разуму,—и въ результатѣ общерусской дѣятельности по народному образованію получился не минусъ, а *плюсъ*, при большомъ притомъ подъемѣ интереса къ этому дѣлу во всей мыслящей части общества.

Эта заслуга со стороны барона Корфа на пользу просвѣщенія Россіи не только не оцѣнена по достоинству его біографами, но къ сожалѣнію даже вовсе затушевана ими. Если дѣятельность его во время пребыванія заграницей не имѣетъ того блеска, которымъ отличалась она раньше, то сущность и энергія этой дѣятельности ни въ какомъ случаѣ не уступаютъ предшествовавшимъ его трудамъ. Размѣры этой дѣятельности тоже поразительны.

Оторвавшись отъ непосредственнаго служенія народной школѣ въ роли педагога, баронъ Корфъ не забылъ однако о текущихъ ея нуждахъ и злобахъ. Тщательно перерабатывая каждое послѣдующее изданіе «Нашего друга», соотвѣтственно росту народной школы и ея потребностей, онъ кромѣ того перевелъ «для семьи, народной школы и реальнаго училища» капитальный трудъ Ф. Гардера—«Руководство къ наглядному обученію», въ двухъ объемистыхъ частяхъ. Это—цѣнный вкладъ въ нашу учебную литературу.

Значеніе «Руководства» баронъ Корфъ совершенно правильно опредѣляетъ такъ:

«Эта книга, предлагая чрезвычайно обильный матеріалъ по

анатоміи, физіологіи, ботаникѣ, минералогіи, географіи, физикѣ, при постоянномъ стремленіи автора повліять научною бесѣдою на нравственность дѣтей, предназначается лишь для матерей и учителей, сохраняя полную свободу дѣйствія за послѣдними. Народный учитель, не имѣя возможности располагать библіотекою, найдетъ въ предлагаемомъ руководствѣ весьма богатую по содержанію справочную книгу, по которой онъ можетъ готовиться не только къ урокамъ «Нагляднаго обученія», но и къ урокамъ чтенія по всякой книгѣ для чтенія, основанной на реальныхъ знаніяхъ; встрѣчая въ этой книгѣ нѣсколько прекрасныхъ образцовъ преподаванія и множество темъ для ученическихъ сочиненій и бесѣдъ съ учащимися, учитель, вдумавшись въ обильный матеріалъ, предлагаемый Гардеромъ, изберетъ лишь то, что̀ признаетъ пригоднымъ, сообразно времени, которымъ располагаетъ, и силами учащихся. Такъ поступитъ и мать, которая не разъ прибѣгнетъ къ книгѣ Гардера и для того, чтобы отвѣчать на вопросы ребенка, котораго еще не обучаютъ по книгамъ, но который учится изъ жизни и ищетъ помощи у матери своей для разъясненія множества вопросовъ, ежедневно занимающихъ развивающіяся умственныя силы. Не разъ мать и учитель воспользуются книгою Гардера даже какъ книгою для чтенія въ классѣ съ тѣмъ-ли, чтобы дать самую книгу въ руки учащимся, внимательно обсудивъ, которыя именно изъ статей годятся для самостоятельнаго и класснаго чтенія.»

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ второй части «Руководства», въ 1878 году, баронъ Корфъ выпустилъ новый свой трудъ: «Исторія Востока, Греціи и Рима — для обученія и самообразованія». Какъ было уже указано выше, исторія была однимъ изъ любимыхъ предметовъ барона Корфа, которымъ онъ очень усердно и вдумчиво занимался и въ лицейскую пору, и во время послѣдующаго самообразованія. Результатомъ этой самостоятельной переработки обширнаго историческаго матеріала и явилась названная книга, предназначенная авторомъ «не только для учащаго и учащагося міра, но и для прочтенія публикою». И эту оригинальную и дѣльную книгу дѣйствительно нельзя не рекомендовать «для прочтенія». Какъ справедливо говоритъ авторъ въ «Предисловіи» къ своей «Исторіи»:

« это—не новое историческое изслѣдованіе по источникамъ, но въ *методическомъ отношеніи* совершенно *самостоятельный* опытъ изложенія исторіи на основаніи лучшихъ научныхъ сочиненій по этому предмету, не имѣющей себѣ образца ни въ отечественной, ни въ иностранной литературѣ. Эта книга, не чуждаясь заимствованій, есть тѣмъ не менѣе результатъ десятилѣтняго преподаванія авторомъ всеобщей исторіи не дѣтямъ, которымъ, по мнѣнію автора, доступны лишь біографіи,—но юношеству; эта книга—результатъ жизни автора и посильной оцѣнки имъ событій древняго міра и раньше его о нихъ высказанныхъ мнѣній.»

Оригинальность этого «опыта» удачно охарактеризована авто-

ромъ слѣдующими словами Лекки, поставленными эпиграфомъ къ «Исторіи»: «Исторія — не просто рядъ событій, только хронологически между собою связанныхъ, но сцѣпленіе причинъ и послѣдствій». Именно анализу этого «сцѣпленія» и посвящена «Исторія» барона Корфа. Эта «Исторія» была очень слабо замѣчена нашею педагогическою критикою; между тѣмъ она несомнѣнно заслуживаетъ большого вниманія, какъ трудъ, выдающійся, замѣчательный не въ одномъ только «методическомъ отношеніи»...

Но гдѣ-же и когда именно преподавалъ баронъ Корфъ исторію «юношеству» втеченіи десяти лѣтъ? — Такой вопросъ неизбѣжно долженъ явиться у читателей. Да, въ нашемъ изложеніи есть невольный пробѣлъ. Слѣдя за барономъ Корфомъ, какъ выдающимся и разностороннимъ общественнымъ дѣятелемъ, мы не имѣли возможности касаться его семейной жизни, заслуживающей однако тѣмъ бóльшаго вниманія, что она представляетъ, можно сказать, одно неразрывное цѣлое съ общею его дѣятельностью на пользу всего русскаго учебнаго дѣла. Лишенный въ дѣтствѣ нѣжной материнской любви и ласки, баронъ Корфъ заполнилъ ими свою семью, своихъ дѣтей, и былъ идеально хорошимъ отцомъ и мужемъ. Онъ самъ руководилъ образованіемъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей, т. е. двухъ дочерей. Первая учебная книга его («Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому методу») была составлена имъ для своихъ-же дѣтей и впослѣдствіи переработана и примѣнена имъ къ употребленію вообще въ школѣ и дома, т. е. къ обученію и дѣтей, и взрослыхъ. Лично занимаясь и во все послѣдующее время образованіемъ своихъ дѣтей, баронъ Корфъ со времени переѣзда на житье въ Женеву, когда старшей дочери его исполнилось уже 14 лѣтъ, основалъ тамъ свою домашнюю русскую семейную школу. Въ этой-то школѣ, вмѣстѣ съ другими преподавателями, баронъ Корфъ занимался и самъ, давая ежедневно уроки по разнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и по всеобщей исторіи. Объ этой школѣ, просуществовавшей не менѣе семи лѣтъ, принято говорить, нивѣсть почему, что она, будто-бы, «не имѣла успѣха». Но о какомъ именно «успѣхѣ» идетъ рѣчь? Если въ образовательно-воспитательномъ отношеніи,—то смѣло можно сказать, что «успѣхъ» ея былъ полный и несомнѣнный. Это безспорно была лучшая изъ школъ, когда-либо существовавшихъ, съ самою разумною программою преподаванія, самая свободная и независимая отъ предразсудковъ. О высокой разумности этой школы можно судить уже между прочимъ и по книгѣ барона Корфа «Исторія Востока, Греціи и Рима», исполненной глубокаго политическаго и философскаго смы-

сла, равно какъ и разумнаго практическаго значенія, въ смыслѣ очень яркаго и вѣрнаго освѣщенія настоящаго прошлою жизнью человѣчества. Несомнѣнно настанетъ время, когда лица, учившіяся въ «семейной русской школѣ барона Корфа» въ Женевѣ, будутъ вспоминать о ней съ еще большею благодарностью и признательностью, чѣмъ вспоминалъ онъ самъ о школахъ въ семьѣ Градовскаго и у Филиппова. Но несомнѣнно конечно и то, что въ *стяжательномъ* отношеніи семейная школа барона Корфа не выдерживала никакой критики и существовала едва-ли даже не въ убытокъ ея основателю, руководителю, первому и главному работнику. Но такова ужъ судьба барона Н. А. Корфа—этого энтузіаста и фанатика въ сферѣ общественной дѣятельности—что для него словно не существовало личныхъ его дѣлъ. Всегда и весь для другихъ, дѣятельно вращаясь въ сутолокѣ «міра сего», онъ, въ смыслѣ личныхъ интересовъ и выгодъ, былъ въ сущности человѣкомъ «не отъ міра сего». Поглощенный, увлеченный идеями и стремленіями высшаго порядка, вопросами и задачами общихъ пользъ и нуждъ, онъ какъ-бы даже совершенно не замѣчалъ положенія и хода своихъ матеріальныхъ дѣлъ. Еще въ бытность въ Александровскомъ уѣздѣ, чрезмѣрное увлеченіе общественною дѣятельностью отразилось довольно чувствительнымъ разстройствомъ его дѣлъ по имѣнію. Но это нисколько не обезкуражило его и—какъ мы знаемъ уже—ни мало не измѣнило характера его дѣятельности и увлеченія разъ избраннымъ дѣломъ. Вѣря въ свои знанія и силы, онъ никогда не сомнѣвался въ возможности прожить честнымъ трудовымъ заработкомъ. Менѣе всего конечно интересовался онъ своею семейною школою съ точки зрѣнія матеріальныхъ выгодъ. Онъ устроилъ ее съ цѣлью наилучшаго образованія и воспитанія своихъ дочерей совмѣстно съ дѣтьми другихъ русскихъ семействъ, проживавшихъ заграницею. Въ этомъ отношеніи школа вполнѣ достигала своей цѣли,—и онъ былъ доволенъ. Какъ только по семейнымъ дѣламъ не представлялось болѣе надобности въ школѣ,—онъ ее закрылъ.

Время пребыванія барона Корфа заграницею было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ очень дѣятельныхъ сношеній его съ западноевропейскими педагогами, которые знали его больше, чѣмъ коголибо изъ русскихъ педагоговъ, и высоко цѣнили его педагогическое дарованіе. Во время пребыванія въ Женевѣ, баронъ Корфъ, какъ по своему общенію съ мѣстною педагогическою, ученою и вообще интеллигентною средою, такъ и по своей семейной школѣ, былъ настолько видною величиною, что женевская академія наукъ (Institut) избрала его своимъ почетнымъ членомъ.

IX.

Послѣдніе годы дѣятельности.

Труды барона Корфа въ Маріупольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ.—Возвращеніе изъ заграницы.—Провѣрка знаній взрослыхъ крестьянъ и воскресныя повторительныя школы.—Значеніе книги барона Корфа «Наши педагогическіе вопросы».—Херсонскій съѣздъ учителей и его особенности.—Неудача московской кандидатуры барона Корфа и вліяніе на него этой неудачи.—Смерть.

Какъ сказано уже выше, пребываніе барона Корфа заграницею не было безпрерывнымъ. Такъ напримѣръ, въ 1873 году онъ былъ вызванъ маріупольскимъ земствомъ, Екатеринославской губерніи, для руководства съѣздомъ народныхъ учителей. Воспользовавшись пребываніемъ его въ Россіи, бердянская уѣздная земская управа, Таврической губерніи, пригласила его обозрѣть ея школы и дать о нихъ свое заключеніе. Благодаря разумному, внимательному и участливому отношенію земской управы, эта педагогическая экскурсія принесла существенную пользу.

Барону Корфу пришлось осмотрѣть только 17 школъ въ этомъ уѣздѣ и произвести испытанія болѣе 900 учащихся. Но представители бердянской управы, сопутствовавшіе ему въ этой экскурсіи, въ каждую изъ посѣщаемыхъ имъ школъ приглашали учителей изъ сосѣднихъ селъ. Въ ихъ присутствіи баронъ Корфъ давалъ образцовые уроки по тѣмъ именно предметамъ, которые въ ней оказывались слабыми. Въ заключеніе-же былъ представленъ подробный отчетъ земскому собранію, который былъ напечатанъ имъ и разосланъ по школамъ, въ видѣ мѣры воздѣйствія на учителей. Подъ вліяніемъ личнаго руководства барона Корфа и его отчета, въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 1873 году были составлены двѣ инструкціи, направившія дѣло народнаго образованія на раціональный путь: одна инструкція—отъ мѣстнаго училищнаго совѣта—касалась порядка преподаванія, размѣра учебнаго курса, выбора руководствъ, — словомъ, собственно педагогической стороны дѣла; другая-же инструкція—отъ имени уѣздной земской управы—касалась времени начала и окончанія учебныхъ занятій, отношенія учителей къ мѣстному обществу и земству и разныхъ другихъ организаціонныхъ и хозяйственныхъ сторонъ школьнаго дѣла. Благодаря этимъ земскимъ мѣропріятіямъ, а тѣмъ болѣе — личному руководству барона Корфа, указаніямъ и совѣтамъ, преподаннымъ имъ въ

своемъ «Отчетѣ» земскому собранію, — народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ получило такое быстрое, энергическое и прочное развитіе, какимъ не можетъ похвалиться буквально никакая другая мѣстность въ Россіи, не исключая даже столичныхъ и наиболѣе богатыхъ провинціальныхъ городовъ. Въ 1880 году напримѣръ, т. е. черезъ семь лѣтъ послѣ посѣщенія барономъ Корфомъ, вполнѣ благоустроенныхъ русскихъ народныхъ школъ въ этомъ уѣздѣ было около 100, болѣе чѣмъ съ 7,500 учащихся; годичный расходъ земства на народное образованіе достигалъ 75 тысячъ рублей, не считая 10,000 рублей, издерживаемыхъ сельскими обществами, и 32,000 рублей, расходуемыхъ нѣмецкими колонистами на собственныя школы, во многихъ изъ которыхъ преподается и русскій языкъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ этомъ типично-крестьянскомъ уѣздномъ земствѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ дворянства, сельское населеніе съ такою любовью и сочувствіемъ относится къ народной школѣ, что не считаетъ обременительнымъ для себя единовременно расходовать отъ 3 до 5 тысячъ рублей на сооруженіе школьныхъ зданій.

Указывая на такой поразительный успѣхъ народнаго образованія въ Бердянскомъ уѣздѣ, необходимо добавить, что и борьба этого уѣзднаго земства съ крайне неумѣлою и безтактною мѣстною учебною администраціею также выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. И еслибы не эта борьба, успѣхи бердянскаго земства по народному образованію были-бы еще полнѣе и обширнѣе. Образцово обставивъ напримѣръ свои народныя школы въ матеріальномъ отношеніи, бердянское земство еще въ 1877 г. возбудило ходатайство объ обращеніи 23 одноклассныхъ земскихъ училищъ въ двуклассныя, съ предоставленіемъ имъ полнаго содержанія отъ земства.

Мы остановились на успѣхахъ школьнаго дѣла въ Бердянскомъ уѣздѣ потому, что этотъ фактъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о заслугахъ барона Н. А. Корфа въ области народнаго образованія. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ бердянскаго уѣзднаго земства, предсѣдатель управы А. П. Товбичъ, единственный крупный землевладѣлецъ въ уѣздѣ и человѣкъ высокопросвѣщенный, очень серьезно и искренно отнесся къ начинаніямъ барона Корфа въ Александровскомъ уѣздѣ. Почтенный Товбичъ однимъ изъ первыхъ вступилъ съ нимъ въ дѣятельную переписку. Результатомъ этихъ сношеній было то, что уже въ 1873 году, обозрѣвая школы Бердянскаго уѣзда, баронъ Корфъ могъ убѣдиться въ разумной и прочной постановкѣ народнаго образованія. Точно также и въ послѣдующей своей дѣятельности, не исключая даже и періода

борьбы, А. П. Товбичъ былъ стойко вѣренъ тѣмъ разумнымъ началамъ, которые онъ воспринялъ отъ барона Корфа и путемъ переписки съ нимъ, и посредствомъ личныхъ сношеній, и изъ его журнальныхъ статей. Въ этомъ именно и заключается тайна образцоваго успѣха бердянскаго земства въ области народнаго образованія.

Вообще нужно замѣтить, что мимолетные, такъ сказать, труды барона Корфа въ Маріупольскомъ уѣздѣ, какъ руководителя съѣзда учителей, и въ Бердянскомъ, какъ обозрѣвателя школъ,—произвели большую сенсацію во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Польза отъ непосредственнаго воздѣйствія барона Корфа на народныхъ учителей была очевидна сама собою. Его глубокое знаніе быта народной школы и учителей позволяло ему быстро оріентироваться въ каждой новой мѣстности и отвѣтить на самыя животрепещущія школьныя нужды. Его горячность и любовь къ дѣлу, выдающаяся педагогическая даровитость — вдохновляли и увлекали учителей, пробуждали въ нихъ любовь и уваженіе къ своей скромной дѣятельности и заставляли ихъ дѣятельно работать надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ, тратя на это послѣднія свои средства. Въ хроникахъ земскаго школьнаго дѣла сотнями считаются факты, что учителя не только посредственные, но даже и слабые, недоучившіеся, подъ личнымъ вліяніемъ барона Корфа, дѣлали поразительные успѣхи, какъ въ отношеніи общаго образованія, такъ и педагогической подготовки. Эти плохенькіе, едва терпимые учителя, которымъ нехотя платили первоначально по 50—60 рублей въ годъ, такъ выдвигались впослѣдствіи успѣхами своихъ школъ, что достигали наивысшихъ окладовъ сельскихъ учителей, т. е. до 400 рублей въ годъ и болѣе. Нужно-ли говорить, чѣмъ былъ баронъ Корфъ для такихъ учителей и какъ безгранично признательна ихъ память о немъ?...

Подъ вліяніемъ примѣровъ маріупольскаго и бердянскаго земствъ, явилось, можно сказать, повсемѣстное желаніе заполучить барона Корфа или для ревизіи школъ, или для руководства учительскими съѣздами. Мы положительно затрудняемся назвать такую изъ земскихъ губерній, въ одномъ или нѣсколькихъ уѣздахъ которой не возбуждалось-бы вопроса о приглашеніи барона Корфа въ той или другой почетной педагогической роли. Можно съ увѣренностью сказать, что его ожидала совершенно своеобразная дѣятельность — роль кочующаго руководителя и контролера въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Примѣръ Бердянскаго уѣзда доказываетъ, какую громадную пользу могъ-бы принести баронъ Корфъ той новой и очень важной роли на пользу всего государства.

Но обстоятельства однако помѣшали осуществиться этому благому дѣлу. Вслѣдъ за уставомъ 1874 года о народныхъ училищахъ были опубликованы «Правила» министерства народнаго просвѣщенія объ учительскихъ курсахъ. Хотя «Правила» эти вовсе не отмѣняли существованія съѣздовъ, — которые, какъ увидимъ ниже, благополучно продолжались впослѣдствіи и продолжаются понынѣ,—но тѣмъ не менѣе одностороннее истолкованіе и примѣненіе мѣстною учебною администраціею этихъ «Правилъ» повело къ тому, что, начиная съ 1874 года, съѣздовъ не стали разрѣшать, предлагая замѣнять ихъ курсами, тогда какъ функціи тѣхъ и другихъ существенно различны между собою. До исхода 70-хъ годовъ всѣ попытки земства возстановить значеніе учительскихъ съѣздовъ въ прежнемъ ихъ видѣ, главное-же—имѣть руководителями съѣздовъ не народныхъ инспекторовъ и директоровъ, какъ мѣстныхъ администраторовъ школьнаго дѣла, а въ полномъ смыслѣ спеціалистовъ-педагоговъ, какъ баронъ Корфъ, Бунаковъ, баронъ Косинскій и другіе,—не имѣли никакого успѣха.

Вслѣдствіе этого именно барону Корфу пришлось временно быть оторваннымъ отъ непосредственнаго участія въ ходѣ народнаго образованія и воздѣйствовать на него изъ заграницы путемъ печати,—какъ это извѣстно уже читателямъ.

Бодрымъ, исполненнымъ того-же огня, который согрѣвалъ его раньше, возвратился баронъ Корфъ въ 1880 году изъ заграницы. Онъ не разочаровался въ своемъ увлеченіи дѣломъ народнаго образованія, въ своемъ служеніи ему. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ между прочимъ вниманія слѣдующій фактъ. Выпуская седьмое изданіе своего «Руководства къ обученію грамотѣ», онъ посвятилъ его старшей дочери своей, Екатеринѣ Николаевнѣ, по мужу Бонтышъ, при слѣдующемъ характерномъ обращеніи къ ней:

«Дорогой другъ!

«Мы были уже друзьями въ то время, когда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я обучилъ тебя грамотѣ по этой книгѣ, въ то время еще не печатанной. Прими-же ее отъ меня теперь, когда у тебя уже есть сынъ, котораго дай Богъ тебѣ воспитать такъ, чтобы онъ, достигнувъ высшаго образованія, вопросъ о распространенія грамотности въ народѣ всегда принималъ близко къ сердцу, не на словахъ, а на дѣлѣ.

«Авторъ».

При такомъ направленіи барона Корфа, нисколько не удивительно, что, едва успѣвъ возвратиться въ Россію, лѣтомъ-же 1880 года онъ предпринялъ совершенно новое и очень важное дѣло для народнаго образованія. Онъ задался вопросомъ: насколько

прочно образованіе, даваемое учащимся въ «новой земской школѣ», т. е. разумно организованной народной школѣ? Съ этою цѣлью онъ самъ лично произвелъ экзамены въ шести различныхъ селеніяхъ Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, Екатеринославской губерніи, 350 взрослымъ крестьянамъ изъ окончившихъ курсъ при первыхъ выпускахъ народныхъ школъ, т. е. около 14 лѣтъ тому назадъ. Довольно характерная подробность, что для производства этого испытанія конечно по доброй волѣ крестьянъ, барону Корфу пришлось просить разрѣшенія у начальства Екатеринославской губерніи, ссылаясь притомъ вовсе не на свою педагогическую извѣстность и славную дѣятельность въ этой-же губерніи, а только на званіе «дѣйствительнаго члена екатеринославскаго губернскаго статистическаго комитета». Одновременно съ барономъ Корфомъ, по его просьбѣ и программѣ, произвела подобный-же опытъ извѣстная дѣятельница по народному образованію, графиня П. С. Уварова, состоявшая съ барономъ Корфомъ въ давней и дѣятельной перепискѣ, въ рядѣ школъ Смоленской, Владимірской и Московской губерній. То-же было сдѣлано въ Таврической губерніи К. В. Ковалевскимъ, человѣкомъ образованнымъ, занимавшимъ постъ помощника предводителя дворянства. Всего въ пяти губерніяхъ было испытано около 500 взрослыхъ крестьянъ, учившихся лишь три зимы и затѣмъ вполнѣ предоставленныхъ себѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже безъ всякой помощи библіотекъ и какой-либо другой посторонней поддержки въ дѣлѣ образованія. На основаніи этихъ данныхъ, баронъ Корфъ пришелъ къ заключенію, что «ходячее мнѣніе о томъ, будто-бы наши школьники весьма скоро вполнѣ разучиваются, должно замолкнуть навсегда, какъ несоотвѣтствующее дѣйствительности».

Конечно этотъ выводъ касается лишь разумно организованныхъ школъ, съ пріохочивающею постановкою обученія, возбуждающею къ самодѣятельности. Общимъ оказывается правило, что чѣмъ лучше ведется обученіе въ школѣ, чѣмъ болѣе она завлекаетъ учащихся, тѣмъ прочнѣе удерживаются ими сообщаемыя школою знанія даже въ деталяхъ. Тѣмъ не менѣе произведенная провѣрка воочію убѣдила барона Корфа въ невозможности ограничиться въ образованіи сельскаго населенія только тѣмъ, что̀ можетъ дать постоянная народная школа въ три учебныя зимы. И онъ принялся горячо ратовать въ печати за необходимость повсемѣстнаго учрежденія у насъ, въ Россіи, воскресныхъ повторительныхъ школъ, въ видахъ бо̀льшаго углубленія и упроченія познаній, сообщаемыхъ регулярною народною школою, а также и нѣкотораго расширенія

ихъ, примѣнительно къ уровню развитія, возрасту учащихся и потребностямъ жизни.

Въ высшей степени остроумно и просто задумалъ баронъ Корфъ повторительныя свои школы. Для осуществленія ихъ необходимо пользоваться наличными народными школами въ селахъ, наличнымъ-же педагогическимъ сельскимъ персоналомъ. На занятія въ повторительной школѣ полагается около трехъ часовъ по воскреснымъ днямъ, всего 20 воскресныхъ учебныхъ дней втеченіи зимы. Плата за занятія въ школѣ—по два рубля за учебный день, всего 40 рублей за весь зимній повторительный учебный курсъ, при крайне ограниченномъ расходѣ на учебныя пособія. Польза-же отъ этихъ школъ—громадная. Молодой человѣкъ, въ возрастѣ около 20-ти лѣтъ, пройдя повторительную школу, т. е. затративъ всего около 60 учебныхъ часовъ въ зиму, получаетъ увѣренность и устойчивость въ пріобрѣтенныхъ имъ раньше знаніяхъ, навсегда уже овладѣетъ ими, а главное—знанія эти получатъ совсѣмъ новое для него освѣщеніе, войдутъ въ стройную систему и тѣсную, органическую между собою связь, чего никакъ нельзя добиться въ томъ раннемъ возрастѣ, въ которомъ учащіеся разстаются съ народною школою (т. е. около 10—12 лѣтъ). Тутъ уже является такое сознательное отношеніе къ дѣлу, какого не можетъ быть даже у самыхъ способныхъ и ретивыхъ школьниковъ въ раннюю пору, за недостаткомъ умственной и нравственной зрѣлости, трезваго пониманія условій и требованій жизни.

Имѣя обыкновеніе отъ слова переходить къ дѣлу, баронъ Корфъ устроилъ у себя на родинѣ двѣ воскресныя повторительныя школы для взрослыхъ. На основаніи ранѣе произведенныхъ испытаній лицъ, окончившихъ курсъ въ народной школѣ, и практики вновь открытыхъ имъ школъ, онъ выпустилъ дешевое (50 коп.), но очень остроумное руководство, подъ заглавіемъ: «Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ». Эта небольшая книжка обнимаетъ собою программы, конспекты, методическія указанія и домашнія работы для всѣхъ уроковъ втеченіи учебнаго года и по всѣмъ предметамъ. Оставаясь въ предѣлахъ программы народной школы, придерживаясь общепринятыхъ учебниковъ и руководствъ, баронъ Корфъ, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, указываетъ въ своемъ «Руководителѣ» пути и средства къ полной переработкѣ всего учебнаго матеріала народной школы, во всѣхъ деталяхъ ея программы, придерживаясь при этомъ преимущественно синтетическаго, дедуктивнаго метода, вмѣсто аналитическаго, индуктивнаго метода, обязательнаго при первоначальномъ обученіи.

*

Нужно замѣтить, что горячая пропаганда барона Корфа въ пользу упроченія и освѣженія уровня элементарныхъ познаній взрослаго крестьянскаго населенія на нѣсколько лѣтъ опередила подобную-же пропаганду въ скандинавскихъ государствахъ. Но тамъ это движеніе вскорѣ-же вылилось въ форму учрежденія даже особыхъ университетовъ для крестьянскаго юношества, такъ талантливо описанныхъ профессоромъ математики въ стокгольмскомъ университетѣ, С. Ковалевскою (нынѣ умершею), въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Швеція и Норвегія успѣла уже покрыться густою сѣтью этихъ университетовъ, въ которыхъ крестьянское юношество съ элементарною школьною подготовкою, на порогѣ вступленія въ жизнь и перехода къ самостоятельной дѣятельности, освѣжаетъ и дополняетъ свои познанія. Эти университеты, не представляющіе никакихъ правъ, даютъ своимъ питомцамъ такую обширную подготовку въ области наукъ гуманитарныхъ, политическихъ и общественныхъ, какою не могутъ похвалиться даже молодые люди, оканчивающіе курсъ въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Швеція и Норвегія вполнѣ справедливо гордятся своими крестьянскими университетами и достигаемыми ими поразительно благопріятными результатами въ практической жизни. Прочно, широко-образованное крестьянство (скандинавскія государства, какъ извѣстно, преимущественно крестьянскія страны, какъ и Россія) оказывается самымъ надежнымъ насадителемъ и блюстителемъ всяческаго порядка, благоустройства въ жизни и всесторонняго культурнаго преуспѣянія. Приэтомъ съ несомнѣнною ясностью опредѣлился глубоко назидательный для насъ, русскихъ, фактъ. Чѣмъ шире и глубже образованіе новыхъ и новыхъ крестянскихъ поколѣній, проходящихъ черезъ спеціальные университеты для нихъ, тѣмъ крѣпче держатся они земли. Обладая вполнѣ развитымъ и прочно установленнымъ человѣческимъ сознаніемъ и достоинствомъ, крестьянство съ университетскою подготовкою гордится своею трудовою независимостью и ведетъ сельское хозяйство съ безпримѣрною производительностью, обезпечивая себѣ вполнѣ приличное культурное существованіе при такихъ скромныхъ размѣрахъ хозяйства, при которыхъ въ другихъ странахъ терпятъ нерѣдко большія лишенія и даже голодъ.

Короче говоря, Швеція и Норвегія внесли своими крестьянскими университетами новое слово не только въ исторію міроваго народнаго образованія, но даже и въ исторію культуры человѣчества. Они нашли ключъ, разгадку къ обезпеченію прочнаго, мирнаго. прогрессивнаго развитія и систематическаго матеріальнаго улучше-

нія массы населенія путемъ жизненной ея самодѣятельности. Въ виду этого, все прошлое скандинавскихъ крестьянскихъ университетовъ есть безпрерывное развитіе и усовершенствованіе ихъ, при энергическомъ содѣйствіи правительства, мѣстныхъ общинъ и частныхъ лицъ. Скандинавцы давно убѣдились уже воочію, что такого рода дѣятельностью они завоевываютъ себѣ самое завидное, славное и прочное будущее, какъ образованнѣйшій народъ, занимающій самое почетное мѣсто по уровню народнаго благосостоянія, культурности и цивилизованности, быстро и безпрепятственно распространяющихся до самыхъ отдаленныхъ провинціальныхъ глубинъ. Эти-же послѣднія достигли уже того высокаго умственнаго и нравственнаго роста, что въ нихъ совершенно не можетъ быть того, что называется «провинціальною глушью», «дикостью», «отсталостью» и «косностью» сельскаго населенія, въ какихъ-бы окраинныхъ дебряхъ оно ни обитало.

Къ этой именно великой и благой цѣли стремился и баронъ Н. А. Корфъ въ своей пропагандѣ повторительныхъ школъ, въ видахъ освѣженія, упроченія и нѣкотораго пополненія знаній взрослаго населенія, прошедшаго уже народную школу или дома подучившагося грамотѣ и кое-чему изъ предметовъ элементарнаго курса. Но у насъ, къ несчастью, столь необходимое дополненіе къ курсу народной школы все еще остается, можно сказать, въ области мечты, желаній и ожиданій, если не считать нѣсколькихъ единичныхъ повторительныхъ школъ, остающихся какъ-бы въ видѣ памятника творческой самодѣятельности барона Н. А. Корфа на поприщѣ народнаго образованія.

Ратуя въ печати за повторительныя воскресныя школы («Воскресная школа», «Повторительныя школы для учащихся» и «Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ»), баронъ Корфъ еще разъ выступилъ съ горячими статьями въ пользу обязательнаго обученія грамотѣ всего подростающаго поколѣнія, при помощи домашнихъ крестьянскихъ школокъ грамоты, но съ принятіемъ однако мѣръ, чтобы эта маленькая ступенька первоначальнаго обученія не сходила *на нѣтъ*, не обращалась-бы въ рецидивъ безграмотности. Указанныя его статьи, напечатанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, вмѣстѣ со статьями, появившимися въ свѣтъ во время пребыванія заграницею, а также и нѣкоторыми позднѣйшими,—составили книгу «Наши педагогическіе воопросы», которой было уже упомянуто выше. Эта книга съ одной стороны заключаетъ въ себѣ дѣльный разборъ указанныхъ уже выше одностороннихъ увлеченій учебной администраціи, которыя такъ или иначе

тормозили правильное развитіе дѣла народнаго образованія и болѣе или менѣе мѣшали должному прогрессивному его росту, соотвѣтственно запросу времени и стремленіямъ мѣстнаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой книгѣ имѣются драгоцѣнные совѣты и указанія, въ какомъ направленіи должна развиваться дѣятельность общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, чтобы наконецъ мы могли добиться поголовной грамотности всего подростающаго школьнаго населенія, разумной постановки народной школы и мало-мальски сносныхъ познаній въ средѣ взрослаго сельскаго населенія. «Наши педагогическіе вопросы», вышедшіе въ свѣтъ въ 1882 году, въ связи съ двумя другими, извѣстными уже намъ, книгами: «Русская начальная школа» и «Наше школьное дѣло»,—обнимаютъ собою всю исторію русской народной школы, со всѣми ея свѣтлыми и мрачными, положительными и отрицательными сторонами, съ самаго перваго момента зарожденія разумной и регулярной народной школы, т. е. на протяженіи 17-ти первыхъ лѣтъ жизни ея на русской почвѣ. Если къ этому прибавить еще и нѣкоторыя его брошюры, можно безъ преувеличенія сказать, что одинъ баронъ Корфъ сдѣлалъ на пользу разъясненія потребностей и нуждъ русскаго народнаго образованія, бытовыхъ его обстоятельствъ и условій и отношенія къ нему законодательства—несравненно больше, чѣмъ было сдѣлано съ этою цѣлью въ указанный періодъ во всей русской печати. Онъ одинъ велъ это дѣло мужественно, стойко, наперекоръ всевозможнымъ невзгодамъ, съ непоколебимою вѣрою въ его успѣхъ.

И успѣхъ былъ несомнѣнный. Баронъ Корфъ высоко держалъ знамя народнаго образованія; голосъ его раздавался на всю Россію— и дѣло народнаго образованія неуклонно развивалось во всевозможныхъ направленіяхъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ замѣтно даже ослабѣли тѣ препятствія, съ которыми приходилось бороться на мѣстахъ въ этомъ отношеніи. Такъ, въ 1881 году, послѣ долгаго перерыва, былъ разрѣшенъ съѣздъ земскихъ народныхъ учителей Херсонской губерніи, который и состоялся въ іюлѣ того-же года, подъ руководствомъ барона Н. А. Корфа, въ Херсонѣ. Это былъ не просто учительскій съѣздъ, но, какъ справедливо назвали его въ свое время, «праздникъ тружениковъ народнаго образованія». Съѣздъ этотъ своевременно былъ описанъ барономъ Корфомъ въ «Русской Мысли». Эта статья, даже въ болѣе полномъ видѣ, вошла затѣмъ въ «Наши педагогическіе вопросы».

Херсонская губернская земская управа пригласила на съѣздъ только 70 лицъ; но имя барона Корфа привлекло къ участію въ съѣздѣ до 250 учителей и учительницъ, въ томъ числѣ изъ шести

слѣдующихъ губерній: Черниговской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской и Бессарабской. Наплывъ посторонней публики былъ такъ великъ, что ее допускали на съѣздъ только по билетамъ. Дѣятельность съѣзда отличалась замѣчательною производительностью, какъ въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, обратившись къ описанію барона Корфа. Два часа въ день посвящалось ежедневно на образцовые уроки, даваемые учителями и учительницами; одинъ часъ—на лекцію барона Корфа, какъ руководителя курсовъ, объ антропологическихъ основаніяхъ, указываемыхъ на съѣздѣ пріемовъ обученія; одинъ часъ ежедневно удѣлялся обсужденію вопросовъ, поставленныхъ на очередь членами и руководителемъ. Пренія по поводу образцовыхъ уроковъ происходили вслѣдъ за окончаніемъ ихъ.

Этотъ съѣздъ народныхъ учителей, помимо его многолюдства и замѣчательной дѣловитости, имѣлъ еще слѣдующую очень характерную и важную особенность. Согласно программѣ, представленной барономъ Корфомъ, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, независимо отъ дневныхъ, дѣловыхъ, занятій съѣзда, еще и вечернія собранія членовъ его, съ цѣлью развлеченія. На эти собранія постороннія лица не допускались. Начинались они съ $6^1/_2$ часовъ вечера, съ чтенія протоколовъ, и затѣмъ превращались въ литературно-музыкальные и танцовальные вечера, продолжавшіеся до 9 час. вечера. Почетными посѣтителями были представители губернской земской управы, мѣстные директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ. Это разумное, находчивое отступленіе отъ общаго шаблона съѣздовъ придало херсонскому съѣзду такое оживленіе, простоту и задушевность, какими не можетъ похвалиться никакой другой съѣздъ.

Изъ постановленій съѣзда заслуживаетъ особеннаго вниманія ходатайство его «о созывѣ кратковременныхъ періодическихъ съѣздовъ учителей и учительницъ, для обсужденія нуждъ школы и учителя». У насъ къ сожалѣнію до сихъ поръ еще крайне не развиты съѣзды учителей; но вотъ какъ это дѣло было поставлено въ Пруссіи еще двадцать лѣтъ тому назадъ. Извѣстный нѣмецкій педагогъ Любенъ въ своемъ «Педагогическомъ Ежегодникѣ» между прочимъ говоритъ въ 1871 году по поводу съѣздовъ:

«Существующая организація, въ силу которой учителя каждаго прихода съѣзжаются ежемѣсячно, учителя каждаго округа—всякіе три мѣсяца, и учителя болѣе обширнаго округа (уѣзда), въ который соединены отдѣльные округа, собираются разъ въ годъ для того, чтобы взвѣсить существенныя условія быта народной школы съ различнѣйшихъ сторонъ и споспѣшествовать отправленію обя-

занностей ихъ профессіи, — вездѣ оказалась достигающей цѣли. Нельзя также не признать цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ самаго хода учительскихъ съѣздовъ, на которыхъ даются и обсуждаются пробные уроки, читаются лекціи и рефераты, гдѣ упражняются въ хоровомъ пѣніи и докладываютъ правительственныя сообщенія. Такое внутреннее устройство учительскихъ съѣздовъ во всякомъ случаѣ можетъ обновлять и дополнять свѣдѣнія членовъ съѣздовъ, содѣйствовать къ установленію въ средѣ ихъ болѣе правильной и широкой точки зрѣнія на ввѣренную имъ важную дѣятельность, способно довести учителей отъ знанія до умѣнья и сдѣлать послѣднее плодотворнѣе.»

Къ этому считаемъ необходимымъ еще добавить, что учебная администрація не только считаетъ «долгомъ» созывъ съѣздовъ, но и «настаиваетъ», чтобы въ протоколахъ съѣздовъ точно обозначачалось, на какомъ именно основаніи кто-либо изъ учителей не присутствовалъ на съѣздѣ, и представилъ-ли отсутствующій «законныя» и «уважительныя объясненія».

Въ виду указанныхъ размѣровъ и значенія трудовъ и заслугъ барона Н. А. Корфа, невольно является вопросъ: какимъ образомъ такой крупный, выдающійся и даровитый общественный дѣятель могъ оставаться не у дѣлъ? Мы не говоримъ о казенной службѣ, для которой баронъ Корфъ былъ слишкомъ независимъ; но вѣдь въ большихъ городахъ, особенно-же такихъ крупныхъ, какъ Петербургъ и Москва, есть общественныя должности для завѣдыванія и руководства дѣломъ народнаго образованія. Казалось-бы, кому же, какъ не барону Корфу, быть руководителемъ въ той или другой столицѣ? Этотъ вопросъ, такъ сказать, самъ собою всталъ на очередь въ глазахъ всей интеллигентной публики послѣ появленія въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1882 годъ блестящей статьи барона Корфа, подъ заглавіемъ: «Петербургскія и Московскія начальныя училища». Около этого-же времени умеръ извѣстный педагогъ П. Е. Басистовъ, состоявшій при московской городской управѣ завѣдывавшимъ мѣстными народными училищами. Общественное мнѣніе сразу указало на барона Корфа, и бывшій въ то время городскимъ головою, Б. Чичеринъ, предложилъ барону Корфу баллотироваться на открывшуюся вакансію. Но лишь только стало извѣстно объ оффиціальной кандидатурѣ барона Корфа,— двѣ газеты: «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» предприняли противъ барона Корфа невообразимую травлю, такую злостную и разнузданную, какой рѣшительно никогда не выпадало въ печати на долю кого-бы то ни было изъ общественныхъ дѣятелей. По адресу ни въ чемъ неповиннаго барона Корфа посыпались со страницъ этихъ газетъ отборныя, совершенно несправедливыя инси-

нуаціи и брань, вродѣ слѣдующихъ: «безбожникъ», «врагъ духовенства»,«утилитаристъ»,«нѣмецъ», «пришлецъ», «представитель нѣмецкой педагогіи», «матеріалистъ», «помѣщикъ, а не педагогъ», «неблагонадежный человѣкъ», «противникъ Закона Божія» и проч., все въ этомъ-же родѣ. Мало того: газетные борзописцы копались въ частной, семейной жизни барона Корфа, высчитывали источники его доходовъ, размѣры его литературнаго заработка, годичный его бюджетъ—и все перевирали неслыханнымъ образомъ. Эта безсовѣстная газетная травля, изъ личной мести, производила однако впечатлѣніе на московскихъ гласныхъ, вызывая въ нихъ недоумѣніе, колебаніе, споры. Въ виду этого, баронъ Корфъ, вызванный уже въ Москву для баллотировки, письмомъ на имя городского головы, отказался отъ баллотировки—«чтобы не вносить разлада въ московское городское общество». Съ своей стороны московскій городской голова, въ письмахъ отъ 18 и 27 октября 1882 года, выразилъ «искреннее сожалѣніе по поводу оборота, который приняло дѣло», и сѣтованіе, что «не пришлось дѣйствовать вмѣстѣ».

Какіе-же однако «личные счеты могли быть у газетъ, такъ неистово напавшихъ на барона Корфа по поводу его кандидатуры? Обѣ газеты, московская и петербургская, принадлежатъ къ тому немногочисленному количеству изданій, въ которыхъ не появилось ни одной печатной строчки барона Корфа за все время его необычайно плодовитой журнальной дѣятельности, хватавшей на десятокъ другихъ повременныхъ изданій иного разбора. Имѣющаяся-же въ нашемъ распоряженіи переписка проливаетъ особенно яркій свѣтъ на эту небывало злостную и злокачественную газетную травлю, на это безцеремоннѣйшее смѣшиваніе съ грязью человѣка высоко-безупречной репутаціи и самоотверженной общественной дѣятельности. Оказывается напримѣръ, что московская газета, такъ безславившая барона Корфа въ 1882 году, лѣтъ 20 тому назадъ первая объявила всей Россіи о славной дѣятельности барона Корфа и справедливо превознесла превосходныя его личныя качества и дарованія. Издатель-же петербургской газеты еще въ 1868 году, не имѣя въ то время своей газеты, но предпринявъ другое повременное изданіе,продолжающее существовать и по-нынѣ, писалъ самыя льстивыя письма барону Корфу, чтобы заручиться его сотрудничествомъ, и до небесъ превозносилъ его, какъ замѣчательнаго и достойнѣйшаго изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Наконецъ то самое лицо (Дьяковъ), которое такъ безцеремонно поносило барона Корфа въ петербургской газетѣ и такъ дерзко

предательски копалось въ интимной домашней, семейной его жизни, чрезвычайно много было обязано ему.

Такое удивительное стеченіе обстоятельствъ еще болѣе усилило и обострило для барона Корфа горечь неудачи въ Москвѣ и конечно же увеличило и безъ того тяжелый гнетъ «желчныхъ камней», оставленныхъ ему александровскими землевладѣльцами на память о совмѣстной съ ними дѣятельности. Теперь, какъ и въ пору забаллотировки на александровскомъ съѣздѣ землевладѣльцевъ, барону Корфу оставалось утѣшиться тѣмъ сочувствіемъ, которое проявляла къ нему вся благоразумная часть печати и общества. Впрочемъ на этотъ разъ барону Корфу дано было и публичное удовлетвореніе. Въ засѣданіи московской думы 26 октября 1882 года было прочитано письмо извѣстнаго русскаго общественнаго дѣятеля, А. И. Кошелева, въ которомъ между прочимъ говорится:

«Зная барона Корфа лично, зная его изданія и сочиненія, я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, что онъ—человѣкъ, отмѣнно благонамѣренный, горячо преданный дѣлу народнаго образованія, много для него потрудившійся, строго нравственный, истинно земскій и искренній православный христіанинъ.»

Самъ-же баронъ Корфъ, печатно отвѣчая на инсинуаціи и клевету по его адресу, между прочимъ говоритъ въ заключеніи своей спокойной статьи, написанной по обыкновенію съ большимъ тактомъ и достоинствомъ:

«Я всегда былъ и всегда останусь на сторонѣ религіозно-нравственной *развивающей* школы, такъ какъ желаю людей, *сознательно* преданныхъ ученію Христову, *сознательно* относящихся къ себѣ самимъ, своему ближнему и къ Божьему міру и *сознательно* любящихъ Христа, благословившаго дѣтей, не какъ жертву тьмы, а какъ мысль съ безбрежной широтой, которой принадлежитъ будущее и по сравненію съ которою мы, люди, уже пожившіе или отживающіе, представляемъ лишь ограниченное дѣло. Если вы любите школы, то любите молодежь: это—будущее Россіи.»

Московскій эпизодъ, въ виду указанныхъ условій безчинства двухъ газетъ, былъ безъ сомнѣнія очень тяжелъ для барона Корфа. Но, по наружному виду, по ходу дѣятельности, не замѣтно было никакой перемѣны. Въ 1883 году дѣятельность его отличалась такой-же энергіей и разнообразіемъ, какъ и въ предшествовавшіе годы. Въ этомъ году, отвѣчая на текущую сельскохозяйственную злобу всего юга Россіи, онъ выпустилъ въ свѣтъ «чтеніе для народа», подъ заглавіемъ «Хлѣбный Жукъ» (кузька). Эта маленькая 10-ти копѣечная брошюрка, написанная съ большимъ знаніемъ дѣла и замѣчательною ясностью, общепонятно, можетъ служить образ-

цомъ—какими должны быть чтенія для народа. Въ іюнѣ 1883 года онъ руководилъ учительскимъ съѣздомъ въ Бердянскомъ уѣздѣ съ тѣмъ-же жаромъ, увлеченіемъ и вниманіемъ къ учителямъ, какъ и въ Херсонѣ. Въ сентябрѣ того-же года онъ былъ избранъ почетнымъ попечителемъ «Гнѣдинскаго ремесленнаго училища», основаннаго извѣстнымъ уже намъ Т. Гнѣдинымъ въ своемъ имѣніи, на собственныя средства. Барону Н. А. Корфу пришлось много поработать перомъ, помогая учредителю училища въ борьбѣ съ самыми невѣроятными препятствіями, затянувшими открытіе этого заведенія на *14-ть* лѣтъ, тогда какъ на одну постройку училищнаго зданія было затрачено уже учредителемъ его около 35 тысячъ рублей. Бодрымъ, оживленнымъ присутствовалъ баронъ Корфъ на торжествѣ открытія училища. Блестящая рѣчь, сказанная имъ при этомъ, полна надеждами на лучшее будущее, дышетъ юношескимъ увлеченіемъ и огнемъ. Но это было, можно сказать, послѣднею вспышкою угасавшей уже энергической его натуры. 13-го ноября 1883 года онъ умеръ тамъ-же, гдѣ и родился, т. е. въ Харьковѣ, на рукахъ любимой супруги, *«отъ окончательнаго истощенія жизненныхъ силъ»*,—какъ опредѣлили врачи причину его смерти. 15-го ноября состоялось погребеніе, при громадномъ стеченіи высшей и нисшей учащей и учащейся братіи, торжественно воздавшей послѣдній долгъ почившему славному подвижнику на поприщѣ общественной дѣятельности вообще и народнаго образованія въ особенности.

X.

Заключеніе.

И по характеру, и по условіямъ дѣятельности баронъ Н. А. Корфъ занимаетъ совершенно уединенное положеніе въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Онъ представляетъ собою глубоко поучительный примѣръ, какъ надо понимать нравственныя обязанности привилегированныхъ людей въ отношеніи *трудового населенія*, какъ много можетъ сдѣлать человѣкъ на пользу общую однимъ личнымъ своимъ починомъ и самодѣятельностью, если онъ вооруженъ, какъ слѣдуетъ, образованіемъ, если онъ стоитъ на высотѣ пониманія долга, чести, обязанностей и правъ, если онъ вѣренъ своему призванію и стремленію.

На людей, какъ лично знавшихъ барона Корфа, такъ и знакомыхъ съ нимъ по результатамъ его дѣятельности, онъ производитъ впечатлѣніе очень сложной натуры. Дѣйствительно, въ немъ мы видимъ замѣчательно типично-выраженную живость, подвижность и впечатлительность французской натуры, въ соединеніи съ чисто нѣмецкою точностью, исполнительностью и методичностью въ работѣ, съ придачею притомъ чистокровной англійской настойчивости, твердости характера, непоколебимости. Это результатъ того обширнаго, разносторонняго образованія, которое баронъ Корфъ во всю свою жизнь дѣятельно почерпалъ непосредственно изъ литературъ трехъ названныхъ культурнѣйшихъ народовъ. Это однако не помѣшало ему быть русскимъ до мозга костей, но только—русскимъ въ лучшемъ, культурномъ смыслѣ слова, т. е. передовымъ русскимъ человѣкомъ, руководителемъ и борцомъ.

Мало сказать о баронѣ Корфѣ, что онъ былъ «истинно земскимъ» человѣкомъ: какъ человѣкъ, широко образованный, глубоко понимавшій общественныя и государственныя пользы и нужды, — онъ былъ народникомъ самой «чистой воды» и «высокой пробы». Баринъ по привычкамъ и воспитанію, человѣкъ утонченнѣйшихъ изящныхъ манеръ и вкуса, онъ не только посвятилъ всю свою жизнь заботамъ и думамъ о мужикѣ, мужицкомъ житьѣ-бытьѣ, мужицкихъ интересахъ, но и бо̀льшую часть своей славной 17-ти-лѣтней общественной дѣятельности провелъ непосредственно въ крестьянской средѣ, въ прямомъ общеніи съ подростающимъ и взрослымъ крестьянствомъ, неустанно работая на пользу умственнаго и нравственнаго освобожденія его. Въ книгѣ своей «Наши школьные вопросы», въ статьѣ «Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ», онъ между прочимъ приводитъ слѣдующее стихотвореніе «Родина», принадлежащее 23-хъ-лѣтнему крестьянину Московской губерніи:

«Вся полна суровости
Жизнь въ тебѣ, родной!
Дышетъ все глубокою
Скорбью и тоской:
Воетъ непогодушка,
Стонетъ темный лѣсъ,
Рѣдко грѣетъ солнышко
Съ сумрачныхъ небесъ.
Въ воздухѣ туманныя
Ходятъ облака;
Спитъ, морозомъ скована,
Быстрая рѣка.

Часто ночь безъ мѣсяца,
Тусклый, сѣрый день,
Жалкія, печальныя
Хаты деревень.
Жметъ морозомъ, холодно...
Стынетъ кровь въ груди...
Ждетъ-ли тебя, родина,
Счастье впереди?..
Заблеститъ-ли солнышко
Съ выси голубой?
И пройдетъ-ли ноченька
Съ тьмою вѣковой?!»

Отъ этой-то «тьмы вѣковой» и усиливался избавить баронъ Корфъ свою «родину» и родной народъ, работая на ихъ пользу безкорыстно, съ самозабвеніемъ, съ необычайнымъ патріотическимъ увлеченіемъ. Общественная дѣятельность барона Корфа, считая со времени освобожденія крестьянъ, продолжалась около 20-ти лѣтъ; но спеціальное, безпрерывное его служеніе дѣлу народнаго образованія продолжалось лишь около 17-ти лѣтъ, въ томъ числѣ только пять лѣтъ въ роли непосредственнаго земскаго дѣятеля; остальныя-же 12-ть—оставаясь не у дѣлъ, но тѣмъ не менѣе всегда заваленный спѣшнымъ дѣломъ,—всегда съ волненіемъ, заботами и думами изъ за великаго и насущнаго государственнаго дѣла—народнаго образованія; всегда наконецъ съ массою крупныхъ и мелкихъ непріятностей изъ за этого же дорогого, поистинѣ беззавѣтно любимаго имъ дѣла. Въ этотъ-то 17-ти-лѣтній промежутокъ времени изъ подъ пера барона Корфа вышло: *восемь* разнаго рода учебныхъ пособій и руководствъ по начальному обученію, считая въ томъ числѣ и классическую въ своемъ родѣ книгу для народной сельской школы—«Нашъ Другъ»; *шесть* брошюръ и книгъ, имѣющихъ серьезное общественное значеніе въ школьномъ отношеніи. Сюда не входятъ еще «Посмертныя Записки» барона Корфа и довольно значительный рядъ его статей, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ народному образованію и поэтому не вошедшихъ въ 14-ть его изданій, указанныхъ нами и охарактеризованныхъ выше.

Уже сама по себѣ эта литературная дѣятельность поражаетъ своими размѣрами. Къ этому нужно прибавить еще очень большой, сложный и разнообразный трудъ, который выпадалъ на долю барона Корфа при непосредственномъ его участіи въ дѣлѣ народнаго образованія то въ качествѣ народнаго учителя, то въ роли экзаменатора и ревизора, то въ роли туриста-обозрѣвателя разнаго рода школъ, то въ роли руководителя учительскихъ съѣздовъ и проч. Нужно слишкомъ любить дѣло, быть слишкомъ преданнымъ ему, чтобы проявить такую изумительную дѣятельность, оставаясь притомъ въ роли частнаго лица. Какъ говоритъ самъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ», онъ остался до конца дней своихъ съ тѣмъ-же «чиномъ титулярнаго совѣтника», съ какимъ былъ выпущенъ изъ лицея; товарищи-же его по лицею достигли за это время высокихъ іерархическихъ степеней, большихъ чиновъ и наградъ. За то онъ создалъ большое и безсмертное въ государственномъ отношеніи дѣло—разумную русскую народную школу и блестяще вписалъ свое имя на страницахъ нашего народнаго образо-

ванія—на вѣчныя времена. Но къ несчастью, по обстоятельствамъ и условіямъ, при которыхъ выпало барону Корфу работать, мало было только любви и преданности къ дѣлу народнаго образованія, а нужно было еще безпрерывно болѣть и горѣть душою за это дѣло, безъ устали бороться и бороться за него то съ тьмою захолустнаго невѣжества, то съ разнаго рода противодѣйствіями. Это былъ человѣкъ, отмѣченный яркою, пламенною искрою *Божескаго огня*, который могъ-бы совершить великія и славныя дѣла на пользу человѣчества, далеко по-шире той сферы, въ которой суждено было ему работать. Но, къ несчастью, тѣ крайне ненормальныя условія, въ которыхъ и при которыхъ ему довелось все время работать, преждевременно привели его къ полному «истощенію жизненныхъ силъ», — къ смерти всего лишь на 50-мъ году отъ рожденія, несмотря даже на строгій и умѣренный образъ жизни. Смерть эту, съ полною справедливостью, можно назвать *сиротствомъ* русской народной школы, какъ это удачно выражено въ слѣдующей рѣчи, произнесенной одною изъ учительницъ народной школы на кладбищѣ, при погребеніи Н. А. Корфа:

«Велика та скорбь, которую вноситъ въ семью смерть любимаго человѣка! Но бываетъ смерть, которая разливаетъ скорбь, переходящую за предѣлы семьи и охватывающую всѣхъ, кто былъ знакомъ съ нравственнымъ обликомъ покойнаго, на комъ дѣятельность его отразилась лучемъ свѣта и тепла. Такую скорбь вноситъ въ душу нашу смерть Николая Александровича. Создатель и оберегатель новой русской народной школы, онъ всю жизнь посвятилъ ей; и всякій, кто сочувствовалъ дѣлу народнаго образованія, находилъ въ немъ нравственную поддержку, дружескій совѣтъ, слово ободренія.

«Полный любви къ людямъ и вѣры въ лучшее будущее, онъ согрѣвалъ этою любовью, вносилъ эту вѣру въ сердца всѣхъ, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ. И мы, собравшіяся здѣсь учительницы народной школы,—мы, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, какъ считалъ своимъ другомъ каждаго, кто работалъ съ нимъ на одномъ поприщѣ, мы не можемъ не вспоминать при этомъ послѣднемъ, нерадостномъ свиданіи нашемъ, какимъ любящимъ наставникомъ и другомъ онъ былъ для насъ при каждомъ свиданіи, какъ умѣлъ пробуждать новыя силы на дальнѣйшій трудъ. И на нашу-же долю выпало горькое утѣшеніе привѣтствовать его въ послѣдній разъ среди нашего кружка, проводить его въ послѣдній далекій путь, съ котораго онъ уже не вернется къ намъ, не скажетъ намъ своего дружескаго, ободряющаго слова. Но, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, онъ оставилъ намъ свое завѣщаніе—высоко держать знамя народнаго образованія,—знамя, на которомъ начертано: *любовь къ людямъ. труду и вѣра въ благотворные результаты этого святого труда*. Завѣщаніе не длинное, но полное глубокаго смысла, и мы сохранимъ этотъ завѣтъ! Прощай-же, дорогой учитель нашъ, учитель русскаго народа! За свѣтъ, который ты вно-

силъ въ нашу жизнь, пусть память твоя будетъ окружена ореоломъ свѣта до тѣхъ поръ, пока существуетъ народная школа, пока любовь къ людямъ и вѣра въ добро и правду будутъ находить отголосокъ въ нашихъ сердцахъ.»

Какъ велико значеніе потери въ лицѣ барона Н. А. Корфа, «оберегателя» русской народной школы, — это мы продолжаемъ чувствовать до настоящаго времени... Пока былъ живъ баронъ Корфъ, — несравненно чище, яснѣе была самая идея народнаго образованія, выше было общественное вниманіе къ нему и несравненно энергичнѣе самый ходъ дѣятельности. Именно со времени смерти этого великаго, безпримѣрно энергическаго общественнаго работника и ведутъ свое начало тѣ кривотолки и извращенія въ области народнаго образованія, на которыя указано въ началѣ этого очерка, и за которыя въ пору дѣятельности барона Корфа прямо-таки *краснѣли*, стыдясь даже высказывать ихъ вслухъ, а тѣмъ болѣе—въ печатной формѣ. Сильно-же, значитъ, должно было засориться наше общественное сознаніе со времени смерти барона Н. А. Корфа, если дерзость доходитъ даже до того, что въ печатной формѣ возводится чуть не въ идеалъ та самая «самобытная» народная русская школа, ради избавленія Россіи отъ которой баронъ Корфъ работалъ съ такимъ самозабвеніемъ и самоотверженіемъ.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша.* Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. **60 к.**, въ пап. **75 к.**, въ пер. **1 р. 25 к.**

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разск. *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. **75 к.**, въ папкѣ **1 р.**, въ переплетѣ **1 р. 25 к.**

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. **2 р.**, въ пап. **2 р. 50 к.**, въ переп. **3 р.**

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. *Е. Конради.* Съ 58 рис. Ц. **2 р.**, въ перепл. **2 р. 75 к.**

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ перепл. **2 р.**

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. *В. Острогорскаго.* 45 рис. 2 изд. Въ пап. **1 р.**, въ пер. **1 р. 75 к.**

ИЗЪ ЖИЗНИ ИСТОРІИ. *А. Арсеньева.* Съ рис., въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ пер. **2 р.**

ПОСЛУШАЕМЪ! Разск. *А. Нольде.* 28 рис. Въ папкѣ **1 р.**, въ пер. **1 р. 50 к.**

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. *Н. Авбелева.* Съ 16 рис. Ц. **20 к.**

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Павленкова.* 200 рисунковъ на 10 листахъ. Ц. **1 р.** „Объясненіе" къ нимъ **5 к.**

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. **1 р.**

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ *В. Обреимовъ.* 2-е изд. Ц. **40 к.**

ИСКРЫ БОЖЬИ. Біографическіе очерки *А. Островинской.* Ц. **1 р. 25 к.**

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ. Составилъ *В. Острогорскій.* Съ 20 портретами. 3 изд. Ц. **50 к.**

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. **1 р. 25 к.**, въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ перепл. **1 р. 75 к.**

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. *Ламе-Флери.* Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. **75 к.**, въ папкѣ **1 р.**, въ перепл. **1 р. 30 к.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой:* Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никкльби, 9) Крошка Доррить, 10) Два города. Цѣна каждаго романа **40 к.** Въ папкѣ **50 к.**

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *С. Ворисгофера.* Съ 78 рис. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 25 к.**, въ пер. **2 р. 50 к.**

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. **2 р.**, въ пап. **2 р. 25 к.**, въ пер. **2 р. 75 к.**

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 25 к.**, въ перепл. **2 р. 75 к.**

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстрац. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ пер. **2 р. 25 к.**

МУЧЕНИКИ НАУКИ. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3 изд. Ц. **1 р. 50 к.**, въ пер. **2 р.**

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. *Тисандье.* пер. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* 358 рис. Ц. **2 р.**, въ пер. **2 р. 75 к.**

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. *Люкаса.* Съ франц. Ц. **1 р.**

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. *А. Круглова.* Съ 70 рис. Ц. **1 р. 25 к.**, въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ перепл. **2 р.**

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. *П. Засодимскаго.* Съ рис. Ц. каждой книжки по **35 к.**

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ переплетѣ **2 р.**

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. *А. Круглова.* Съ 6 рис. Ц. **25 к.**

НЕЗАБУДКИ. *А. Круглова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 40 рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ перепл. **2 р.**

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. *Э. Кандеза.* 67 рис. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 25 к.**, въ переплетѣ **2 р. 50 к.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. **6 к.**—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис Ц **3 к.**—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. **10 к.**—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис Ц. **4 к.**—3) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. **3 к.**—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц **4 к.**—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. **2 к.**—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. **3 к.**—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. **2 к.**—13) **Черкесы.** Съ 5 рис Ц. **2 к.**—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. **3 к.**—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. **4 к.**—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис Ц. **25 к.**—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. **8 к.**—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис Ц. **12 к.**—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис Ц. **2 к.**—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. **3 к.**—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. **10 к.**—23) **Испанцы.** Съ 5 рис Ц. **10 к.**—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. **2 к.**—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ Съ 5 рис Ц. **8 к.**—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. **8 к.**—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис Ц **8 к.**—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис Ц. **5 к**—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис Ц **5 к.**—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц **7 к.**

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Н. И. НОВИКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. Е. Усовой

Съ портретомъ Новикова, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39
1891

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 перел.) 1 р. и 2 р.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе стихотвореній и вся беллетристика въ прозѣ. Въ 1 томѣ. Съ біографіей, портретами и пр. Ц. 1 р. Съ карт.—2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе съ портретами, біографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.) Цѣна безъ картинъ—75 к. Съ картин.—1 р. 50 к.

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями и портретомъ. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рѣзаны на деревѣ. Ц въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть А. *Пушкина.* Роскошное изданіе съ 188 рис. Ц. 60 к. Въ папкѣ—75 к. въ переп. 1 р.

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. Съ портретомъ автора и статьей Н. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО. Критич. очерки, публицист. этюды, литерат. характеристики. Цѣна за все собраніе въ 2 большихъ томахъ 3 р.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ въ государственной жизни. Профес. Гольцендорфа. Ц. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ Ѳ. Р[illegible] [illegible] въ 2 томахъ. Съ [illegible] [illegible]ьей М. Протоп[illegible] [illegible] 60 к. Переплеты [illegible] р. [illegible]

СОЧИНЕНІЯ Н. [illegible] Ш[illegible]ЛГУНОВА. Въ 2 томахъ. Съ портр. автора и стат. Н. Михайловскаго. Цѣна за оба тома 3 р. Въ переп. 3 р. 50 к. и 4 р.

ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ. Съ портретомъ Тургенева. Ц. 15 к.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ. Макса Нордау. Перев. Э. Зауеръ. Ц. 2 р.

БЕСѢДЫ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ. С. Горянской. Ц. 15 коп.

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ, общепонятно изложенные и объясненные Составилъ В. Фармаковскій. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. А. Цвѣткова. Съ портретами. Ц. 3 р.

ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ С. Приклонскаго. Ц. 2 р.

БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ. Бытовые очерки И. Тимощенкова. Ц. 1 р.

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА. А. Бахтіарова. Цѣна 1 р.

СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ. П. Мантегацца. Ц. 75 к.

БОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ. Гигіеническій романъ П. Мантегацца. Ц. 50 к.

НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЫ Ф. Павленкова. Цѣна 35 к.

ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА. 2-е изд. Ц. 75 к.

ИСТОРІЯ КНИГИ НА РУСИ А. Бахтіарова. Со мног. рис. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к. — **Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., ц. 3 к. — **Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к — **Галубсь.** 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц 2 к. — **Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт.. ц. 4 к. — **Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к. — **Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.— **Моцартъ и Сальери.** Съ карт., ц. 2 к. —**Каменный гость** Съ 3 карт., ц. 3 к.— **Пиръ во время чумы** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.— **Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к —**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт, ц 20 к.— **Исторія Пугачев. бунта.** Съ мног. карт, ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.— **Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт.. ц. 10 к — **Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт, ц. 20 к.— **Повѣсти Бѣлкина** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

1ѳ Іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпустилъ дешевое изданіе СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА иллюстрированное 115 рисунками. Цѣна 1 р.

Дозв. ценз. Спб. 29 ноября 1891 г. Тип. тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., 39

Новиковъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

Хранил. № 1689.

Н. И. НОВИКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. Е. Усовой

Съ портретомъ Новикова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39
1892

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Ноября 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ:

М. Н. Лонгиновъ: „Новиковъ и московскіе мартинисты“. Москва, 1867 г.

А. Незеленовъ: „Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.“. С.-Петербургъ, 1875 г.

А. Незеленовъ: „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“. Спб., 1889 г.

А. Неустроевъ: „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“. Спб., 1874 г.

„Сборникъ русскаго Истор. Общества“. Томы II-й, Спб., 1867 г. и XXVII. Спб., 1880 г.

Журналы Новикова: „Трутень“, „Живописецъ“, „Кошелекъ“ и др.

Полевой: „Исторія русской литературы“. Спб., 1878 г.

Пыпинъ: „Вѣстникъ Европы“,? 1867, 1868 и 1872 гг.

Ефремовъ: Матеріалы исторіи русской литературы.

Аѳанасьевъ: Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.

Ешевскій: Сочиненія, т. III.

„Московскія Вѣдомости“, 1859 г. и „Библіографическія Записки“ 1858—1859 гг.

Д. Корсаковъ: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“. Казань, 1891 г.

Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“.

Предисловіе.

Николай Ивановичъ Новиковъ представляетъ въ исторіи русской литературы и просвѣщенія такую крупную величину, которую не могутъ обойти молчаніемъ историки нашей культуры. Уже одного этого достаточно, чтобы всякій образованный человѣкъ зналъ его; но этого мало: онъ представляетъ еще и другой интересъ, какъ замѣчательный типъ человѣка, въ которомъ жило страстное стремленіе къ добру и свѣту и въ характерѣ котораго лежалъ запасъ такой энергіи, какая рѣдко встрѣчается. Новиковъ не блещетъ какими нибудь рѣзкими поступками и яркими индивидуальными чертами: его сплошь и рядомъ даже не видно, какъ отдѣльную фигуру, онъ какъ-то стушевывается и тонетъ въ общественномъ дѣлѣ, которое дѣлаетъ тихо, спокойно, систематически изъ года въ годъ и которое ставитъ выше всего. Объясняется это, какъ намъ кажется, чисто русскою его склонностью дѣйствовать не въ одиночку, а сообща, кружкомъ: онъ никогда не дѣйствовалъ одинъ, а всегда окружалъ себя друзьями и близкими по духу людьми. Въ Петербургскомъ періодѣ его жизни онъ еще виднѣе, хотя также вы видите только его изданія и не знаете, что именно тамъ писалъ онъ самъ. Въ московскій періодъ, когда его окружали Шварцъ, Лопухинъ, Походяшинъ и другіе, въ томъ или иномъ отношеніи выдающіеся люди,—онъ еще менѣе замѣтенъ, хотя и не перестаетъ работать и играть первенствующую роль. Не менѣе интересна также и его судьба на мрачномъ фонѣ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. Къ сожалѣнію, о Новиковѣ далеко еще не все извѣстно, и такія подробныя изслѣдованія, какъ Лонгинова и Незеленова, заключаютъ въ себѣ не мало пробѣловъ. Такъ напр. мы очень мало знаемъ о

домашней и семейной жизни Николая Ивановича, о томъ, какія именно статьи въ издававшихся журналахъ принадлежатъ его перу, не знаемъ подробностей производившагося надъ нимъ слѣдствія и т. п Хотя послѣ изслѣдованія Лонгинова въ трудахъ русскаго историческаго общества и появились очень цѣнные документы изъ архива Шешковскаго, но они отличаются отрывочностью и неполнотою.

Кромѣ вышеуказанныхъ источниковъ, мы заглянули и въ другіе, гдѣ могли что либо найти о Новиковѣ, но само собою разумѣется, что́ сказанныхъ пробѣловъ не устранили.

ГЛАВА I.

Благочестивая семья. — Служба Новикова въ Измайловскомъ полку.— Занятіе въ коммисіи депутатовъ.—Жизнь русскаго помѣстнаго дворянства въ то время.—Новиковъ выходитъ въ отставку и посвящаетъ себя просвѣтительной дѣятельности.—Первые русскіе журналы и газеты.

Николай Ивановичъ Новиковъ родился 27-го апрѣля 1744 г. въ родовомъ помѣстьѣ отца своего, отставнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича,—въ селѣ Авдотьинѣ, Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи. Отецъ Новикова служилъ при императорѣ Петрѣ I во флотѣ, а затѣмъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, въ чинѣ капитана, перешелъ въ статскую службу; при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ онъ вышелъ въ отставку статскимъ совѣтникомъ. У Ивана Васильевича было порядочное состояніе: 700 душъ крестьянъ, частью въ Калужской, частью въ Московской губерніяхъ, и деревянный домъ въ Москвѣ у Серпуховскихъ воротъ. Послѣ его смерти состояніе это перешло къ женѣ его, а отъ нея къ дѣтямъ, которыхъ у Ивана Васильевича, кромѣ сына Николая, было еще трое: сынъ Алексѣй, моложе Николая Ивановича, и двѣ дочери.

О дѣтскихъ годахъ Николая Ивановича мы имѣемъ немного свѣдѣній. Знаемъ только, что онъ росъ въ благочестивой семьѣ и самъ былъ религіозенъ съ ранняго возраста; знаемъ также и о томъ, что грамотѣ училъ его сельскій дьячокъ, который конечно не могъ передать ему никакихъ свѣдѣній, кромѣ умѣнья читать, да, можетъ быть, съ грѣхомъ пополамъ писать. Однако родители Новикова сознавали потребность въ бо́льшемъ образованіи для своего сына и въ 1758 году отвезли его въ Москву, гдѣ съ 12 января 1755 года существовалъ уже университетъ, а совмѣстно и одновременно съ нимъ была основана дворянская гимназія. Въ эту-то гимназію, во французскій классъ, какъ значится

по спискамъ, и отданъ былъ Николай Ивановичъ. Пробылъ онъ въ гимназіи три года. Преподаваніе въ этой гимназіи велось въ то время крайне плохо. Знаменитый впослѣдствіи фонъ-Визинъ, отданный туда родителями около того же времени, разсказываетъ, напримѣръ, о тогдашнемъ преподаваніи слѣдующее: учитель латинскаго языка, для вразумленія учениковъ на экзаменѣ относительно спряженій и склоненій, имѣлъ на кафтанѣ 5 пуговицъ, обозначавшихъ число склоненій, а на камзолѣ 4 для обозначенія числа спряженій. Самому фонъ-Визину, какъ онъ говоритъ, была присуждена изъ географіи медаль за то, что онъ на вопросъ, куда впадаетъ Волга?—отвѣтилъ: «не знаю». А передъ нимъ два ученика сказали: одинъ—въ «Бѣлое море», а другой—въ «Черное». Тѣмъ не менѣе и такое жалкое преподаваніе, по словамъ фонъ-Визина, заронило въ него любовь къ словеснымъ наукамъ. Весьма вѣроятно, что оно зародило такое доброе сѣмя и въ Новиковѣ, даже помимо его сознанія. Учился онъ повидимому плохо, потому что послѣ трехлѣтняго пребыванія въ гимназіи былъ исключенъ изъ нея «за лѣность» и «нехожденіе въ классы», какъ значится въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что имена исключаемыхъ за нерадѣніе учениковъ, по рѣшенію университетской конференціи, печатались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее свѣдѣніе, для устыженія провинившихся. Вмѣстѣ съ Новиковымъ въ числѣ исключенныхъ значится и столь знаменитый впослѣдствіи Потемкинъ.

О плохихъ успѣхахъ Новикова свидѣтельствуетъ также и то, что послѣ трехлѣтняго пребыванія во французскомъ классѣ онъ совершенно не усвоилъ себѣ этого языка и впослѣдствіи говорилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, совершенно невѣжественномъ въ иностранныхъ языкахъ.

И такъ, въ 16 лѣтъ Новиковъ поневолѣ окончилъ курсъ образованія и поступилъ, по обычаю большинства молодыхъ дворянъ, въ военную службу. Отецъ его за два года передъ тѣмъ умеръ. Новиковъ вступилъ на службу въ л.-гвардіи Измайловскій полкъ въ январѣ 1762 года, какъ-разъ при воцареніи Петра III. Служба при этомъ государѣ была тяжелая, и Новикову пришлось волей-не-волей посвящать все свое время труднымъ и непривычнымъ для него занятіямъ.

Однако обстоятельства измѣняются скоро въ благопріятную для него сторону.

28-го іюня 1762 года произошелъ государственный переворотъ. Екатерина была провозглашена императрицей. Измайловскому полку, начальникъ котораго, графъ Разумовскій, многіе офицеры и даже двѣ роты солдатъ были посвящены въ заговоръ,— суждено было играть видную роль въ этомъ переворотѣ. Новиковъ стоялъ на часахъ у подъемнаго моста, перекинутаго черезъ ровъ, окружавшій казармы, когда туда пріѣхала Екатерина въ сопровожденіи Алексѣя Григорьевича Орлова. Измайловцы первые приняли присягу Екатеринѣ и получили за это много наградъ. Новиковъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Военная служба при Екатеринѣ II скоро пріобрѣла совсѣмъ особый характеръ: она сдѣлалась не столько службою, сколько свѣтскимъ времяпрепровожденіемъ. Въ гвардіи празднества смѣнялись празднествами. Офицеры старались превзойти другъ друга въ роскоши и въ безумныхъ кутежахъ. Жить на широкую ногу, держать карету и по крайней мѣрѣ четверку лошадей, роскошную квартиру и массу прислуги было для каждаго изъ нихъ почти обязательно. Бѣдные, боясь навлечь на себя презрѣніе товарищей, тянулись за богатыми и впадали въ долги. О службѣ мало кто думалъ. Императрица смотрѣла сквозь пальцы на разныя служебныя упущенія, а между тѣмъ въ полкахъ происходили не только упущенія, но подчасъ и такія злоупотребленія, что, «если бы ихъ изобразить», говоритъ въ своихъ запискахъ Болотовъ», то потомки наши не только стали бы удивляться, но едва ли въ состояніи были повѣрить».

Вотъ въ такой-то средѣ, проводившей жизнь въ пиршествахъ и въ погонѣ за наслажденіями, довелось служить Новикову. Но онъ, повидимому, устоялъ отъ соблазна, и вмѣсто того, чтобы тратить время на разгулъ и забавы, сталъ заниматься чтеніемъ и дополнять свое скудное образованіе Въ 1767 году, когда начали отправлять въ Москву молодыхъ гвардейцевъ для занятія письмоводствомъ въ Коммиссіи депутатовъ для составленія новаго Уложенія, Новиковъ былъ взятъ въ числѣ прочихъ, какъ человѣкъ, выдававшійся образованностью среди своихъ товарищей. Въ Коммиссіи онъ велъ дневныя записки по 7-му ея отдѣленію и журналы общаго собранія депутатовъ. Послѣдніе Новиковъ читалъ при докладахъ самой императрицѣ, которая такимъ образомъ лично его узнала.

Участіе Новикова въ занятіяхъ Коммисіи имѣло, по всѣмъ вѣроятіямъ, большое вліяніе на его послѣдующую дѣятельность.

Тутъ передъ нимъ открывались разнообразные вопросы русской жизни, высказывались различныя мнѣнія участниковъ Коммиссіи; онъ знакомился съ русскимъ судоустройствомъ, съ положеніемъ и безправіемъ крестьянъ; словомъ, передъ нимъ развернулась полная картина русской жизни, со всѣми ея темными сторонами и невѣжествомъ не только низшихъ, но и высшихъ классовъ. Мысль его невольно должна была сосредоточиться на двухъ вещахъ: на необходимости просвѣщенія и борьбы съ дикостью и невѣжествомъ путемъ сатиры, для которой русское общество давало обильный матеріалъ.

Русская жизнь представляла въ то время пеструю картину, гдѣ внѣшній блескъ, стремленіе къ европейской образованности, увлеченіе новыми идеями энциклопедистовъ перемѣшивались съ крайнимъ невѣжествомъ, распущенностью и грубостью нравовъ, суевѣріемъ, ханжествомъ и самою возмутительною жестокостью.

Старые устои жизни не хотѣли уступать новымъ требованіямъ, отчасти въ силу привычки, рутины, а отчасти и потому, что это новое, шедшее на смѣну старому, являлось иногда въ такихъ комически уродливыхъ формахъ, что могло скорѣе отталкивать, чѣмъ привлекать людей болѣе серьезныхъ. Встрѣчались, конечно, и тогда уже просвѣщенные люди, но ихъ было еще очень немного; большинство же коснѣло въ невѣжествѣ, представляя изъ себя или круглыхъ неучей, смотрѣвшихъ недовѣрчиво и даже враждебно на всякія новшества, или невѣждъ, прикрытыхъ европейскимъ лоскомъ, стремившихся перенять у французовъ все, начиная съ модныхъ идей энциклопедистовъ и легкихъ нравовъ и кончая прической и туалетами.

Высшій классъ нашего общества жилъ въ то время совсѣмъ по европейски: меблировали квартиры, ѣли, пили, вели себя на балахъ, какъ европейцы, а между тѣмъ немногіе даже изъ сіятельныхъ вельможъ хорошо знали русскую грамоту. Грибовскій, статсъ-секретарь императрицы въ послѣдніе годы ея царствованія, говоритъ, что изъ всѣхъ современныхъ ему вольможъ только двое знали русское правописаніе: князь Потемкинъ и графъ Безбородко. О чиновникахъ, офицерахъ, вообще о служащихъ среднихъ классовъ нечего было и говорить. Для поступленія на службу не требовалось почти никакого образовательнаго ценза, никакихъ соотвѣтствующихъ познаній.

Такое невѣжество являлось у насъ конечно результатомъ воспитанія, которое давалось тогда нашему юношеству. Воспитаніе это было двоякаго рода: въ первомъ случаѣ наши дворянскіе сынки выростали на лонѣ природы, не утруждая себя никакими занятіями, кромѣ развѣ грамоты, преподавателями которой являлись дьячки, отставные солдаты, писаря и прочій грамотный или лучше сказать полуграмотный людъ, случайно занесенный судьбою въ помѣщичью усадьбу. Мы знаемъ, что такъ выучился грамотѣ Новиковъ, также учились и Карамзинъ, и Державинъ, и Ив. Ив. Дмитріевъ и многіе другіе, впослѣдствіи знаменитые люди, которые стали знаменитыми конечно ужъ не благодаря воспитанію, а вслѣдствіе особенныхъ выдающихся личныхъ ихъ свойствъ и самостоятельнаго труда. Каково бы ни было ихъ воспитаніе, они все равно, благодаря своей личной талантливости, не затерялись бы въ толпѣ; но за-то сколько же выходило Митрофанушекъ изъ нашихъ помѣщичьихъ семей, благодаря подобному воспитанію? Но если не привлекателенъ Митрофанушка, то еще менѣе привлекательны и въ то же время болѣе жалки типы Иванушки, даннаго намъ Фонъ-Визинымъ въ комедіи «Бригадиръ», и Фюрлюфюшкова, выведеннаго Екатериною въ комедіи «Имянины Г-жи Ворчалкиной». Невѣжественные Иванушки и Фюрлюфюшковы, презирающіе все русское, говорящіе на какомъ-то особомъ полурусскомъ полуфранцузскомъ языкѣ и ставящіе едва-ли не выше всего въ жизни— умѣнье хорошо одѣться и причесаться по модѣ, являются продуктами воспитанія другаго рода, при которомъ въ роли воспитателей фигурировали гувернеры-иностранцы и чаще всего французы. Весьма рѣдко воспитателями подобнаго рода являлись люди, достойные носить званіе педагога. Въ большинствѣ же случаевъ въ эту роль попадали проходимцы, покидавшіе свое отечество или вслѣдствіе какихъ нибудь темныхъ и неблаговидныхъ поступковъ, за которые имъ пришлось бы у себя дома подвергнуться отвѣтственности, или просто потому, что въ Россіи, они, ничего не зная и не дѣлая, могли выгодно устроиться По невѣжеству своему наши помѣщики не могли оцѣнить познаній учителя, которому они поручали дѣтей, и потому въ учителя могъ поступать всякій, лишь бы онъ былъ иностранецъ. По сообщеніямъ Порошина (воспитателя цесаревича Павла Петровича) къ одному московскому дворянину нанялся чухонецъ, выдававшій себя за француза, и научилъ дѣтей его чухонскому языку.

Можно ли удивляться, что при томъ невѣжествѣ, въ которомъ пребывало наше общество, въ немъ царили суевѣріе, ханжество, развратъ и жестокость? Религія представлялась для большинства одной лишь формой, лишенной всякаго содержанія, и очень мало способствовала смягченію сердецъ, а постоянная праздность и совершенно безправное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ давали полный просторъ для разгула страстей и для жестокости нашихъ помѣщиковъ. Взгляды на бракъ и на любовь были въ то время самые низменные. Взаимныя измѣны супруговъ не только не осуждались въ обществѣ, но считались какъ бы въ порядкѣ вещей, и на любовь смотрѣли съ самой грубой, чувственной точки зрѣнія. Вообще можно сказать, что большинство нашего дворянства 18-го вѣка было почти чуждо истиннымъ духовнымъ интересамъ и преслѣдовало въ жизни одну цѣль—наслажденіе, понимая его въ самомъ грубомъ, почти исключительно физическомъ смыслѣ, и нисколько не думая о томъ, какою цѣною оно покупается. Оно жило, развратничало и веселилось...

* * *

Окончивъ работать въ Коммиссіи, Новиковъ вернулся въ Петербургъ. Къ этому времени въ немъ уже вѣроятно созрѣло рѣшеніе посвятить свои силы литературѣ и отечественному просвѣщенію. Въ 1768 году, будучи произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, онъ вышелъ въ отставку поручикомъ арміи.

Еще ранѣе этого, по достиженіи совершеннолѣтія, Николаю Ивановичу и брату его, Алексѣю, за выдѣломъ матери и сестеръ, досталось около 400 душъ: 250 въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губ., небольшая деревня въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи и 130 душъ въ Коломенскомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Авдотьино и домъ въ Москвѣ.

Въ 1769 году Новиковъ выступилъ впервые на поприще просвѣтительной дѣятельности, которая продолжалась 20 слишкомъ лѣтъ и благодаря которой имя Новикова заняло почетное мѣсто въ ряду благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашего отечества.

Мы можемъ раздѣлить эту дѣятельность на два періода: первый продолжается отъ 1769 до 1779 годъ. Въ теченіи его ...ковъ занимается изданіемъ въ Петербургѣ сатирическихъ жур-

наловъ, а также собираніемъ и изданіемъ матеріаловъ по отечественной исторіи и литературѣ. Къ этому же періоду относится начало изданія журнала «Утренній Свѣтъ», религіозно-нравственное направленіе котораго свидѣтельствуетъ о вступленіи Новикова на путь масонства.

Ко второму періоду, длившемуся отъ 1779 до 1791 года, относится типографская и издательская дѣятельность его въ Москвѣ.

Первый изъ этихъ періодовъ совпадаетъ съ очень важнымъ моментомъ въ исторіи нашего отечества, съ моментомъ вполнѣ благопріятствовавшимъ литературной дѣятельности. Съ одной стороны ей покровительствовала императрица, находившаяся тогда въ самомъ разгарѣ своихъ либеральныхъ стремленій и сознававшая яснѣе, чѣмъ кто либо, насколько Россія была невѣжественна и насколько она отстала отъ З. Европы. Желая сблизить насъ съ Европою, она не только допускала къ намъ притокъ новыхъ идей изъ Франціи, не только покровительствовала поѣздкамъ нашихъ молодыхъ дворянъ за границу и знакомству ихъ съ Европой, но старалась и Европу познакомить съ нами. Знаменитый «Наказъ» былъ переведенъ у насъ, по желанію императрицы, на иностранные языки, чтобы сдѣлать его доступнымъ для западныхъ державъ. Между прочимъ, онъ былъ посланъ въ нѣмецкомъ переводѣ самою Екатериною Фридриху II, королю прусскому.

Императрица переписывалась съ Дидро, Вольтеромъ и даже пригласила-было Даламбера въ воспитатели къ цесаревичу. Конечно Даламберъ отказался, но императрица доказала этимъ, на сколько она сочувствовала тогда идеямъ энциклопедистовъ. Въ Россіи она склонна была также привѣтствовать и ободрять всякій талантъ, появлявшійся въ литературѣ.

Такъ, Фонъ-Визинъ читалъ своего «Недоросля» запросто, какъ во дворцѣ Павла Петровича, такъ и у самой императрицы. Но этого мало. Какъ мы далѣе увидимъ, императрица не только приняла скоро личное участіе въ сатирическихъ журналахъ, помѣщая въ нихъ свои статьи, но она первая начала сатирическую дѣятельность, сдѣлавшись неоффиціально редакторомъ одного изъ журналовъ.

Съ другой стороны, и въ самомъ обществѣ, хоть и слабо, но уже стало проявляться стремленіе къ просвѣщенію. Московскій университетъ, не смотря на всю бѣдность своихъ научныхъ силъ, все же началъ оказывать извѣстное вліяніе на общество. Явилась

потребность въ книгѣ, въ литературѣ. Но литературы у насъ еще не было. Хотя газеты появились въ Россіи еще при Петрѣ I, но такъ какъ онѣ не были вызваны жизнью, а явились искусственно, по желанію Петра, то и носили совершенно сухой, офиціальный характеръ. Первая газета появилась въ Москвѣ 2 января 1703 г. подъ именемъ «Вѣдомостей». 2-го января 1728 года появился 1-й № «Академическихъ Петербургскихъ Вѣдомостей». «Московскія Вѣдомости» стали издаваться уже при университетѣ съ 26-го апрѣля 1756 года. Это были чисто офиціальныя изданія.

Первый русскій журналъ разнороднаго содержанія издавался Миллеромъ съ 1755 по 1764 г. подъ такимъ заглавіемъ: «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и удовольствію служащія». Журналъ этотъ имѣлъ тоже сухой характеръ какихъ-то ученыхъ лѣтописей. Въ 1759 году стали издаваться въ Петербургѣ пер вые литературные журналы. Это были: «Праздное время въ пользу употребленное» и «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова. Существовали они впрочемъ очень недолго. За то въ Москвѣ возникли: съ 1760 по 1764 г. «Полезное Увеселеніе» Хераскова, его же: «Свободные часы», «Невинное Упражненіе» Богдановича и «Доброе Намѣреніе» Сенковскаго. Это были журналы исключительно почти литературнаго характера. Профессоръ московскаго университета Рейхель издавалъ тогда журналъ съ научной цѣлью: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знаній и къ произведенію удовольствія». Въ 1764 г. прекратились два послѣднихъ журнала и съ 1765 до 1769 г. въ Россіи журналовъ не было, а изъ газетъ издавались только С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости.

ГЛАВА II.

„Трутень“ и его сатирическія стрѣлы. — Полемика между Екатериной II и Новиковымъ. — „Живописецъ“ и отношеніе къ нему автора комедіи „О, время!“. — Прекращеніе сатирическихъ журналовъ въ Россіи. — Новиковъ выступаетъ въ роли издателя научныхъ сочиненій по исторіи и географіи Россіи.— „С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости“.

Въ 1769 г. въ Петербургѣ появился цѣлый рядъ сатирическихъ журналовъ. Первымъ по времени вышелъ журналъ «Всякая Всячина» подъ фирмою Г. В. Казицкаго, но истиннымъ руководителемъ котораго, по изслѣдованію академика Пекарскаго, была сама императрица, помѣщавшая въ немъ свои статьи. Такимъ образомъ императрица сдѣлала первый шагъ въ области сатирической литературы и тѣмъ какъ бы вызвала и другихъ слѣдовать ея примѣру. Необходимость и пользу сатиры сознавалъ еще Петръ I, сознавала и Екатерина II; къ тому же складъ ея ума былъ несомнѣнно нѣсколько сатирическій. Но насколько потребность въ сатирѣ была въ то время велика и сознавалась многими, лучше всего можно видѣть изъ того, что вслѣдъ за «Всякою Всячиною», въ томъ же 1769 году, вышло еще семь журналовъ, а всего до 1775 года ихъ выходило 16. Изъ числа этихъ журналовъ Новикову принадлежало три: «Трутень» (1769 — 1770 гг.) «Живописецъ» (1772—1773 гг.) и «Кошелекъ» (1774 г.) «Трутень», издававшійся потомъ небольшими книжечками, выходилъ первоначально листами. Небезлюбопытно познакомиться съ содержаніемъ этого журнала: онъ состоялъ изъ статей въ формѣ писемъ, разговоровъ, словарей и вѣдомостей, изъ стихотвореній, остроумныхъ объявленій, эпитафій и эпиграммъ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ общихъ недостатковъ того времени, хотя подчасъ не давалось пощады и отдѣльнымъ лицамъ, если они того заслуживали.

Въ «Трутнѣ» принимали участіе извѣстные тогдашніе писатели: В. И. Майковъ, А. О. Аблесимовъ, М. А. Поповъ, Ѳ. А. Эминъ, издававшій въ томъ же году и свой собственный журналъ «Адскую Почту». Кромѣ того, было много статей, подписанныхъ разными псевдонимами, иниціалами и совсѣмъ никѣмъ не подписанныхъ, авторы которыхъ, не смотря на все стараніе библіографовъ, не были открыты. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ этихъ статей, а можетъ быть и бо̀льшая часть принадлежала самому Новикову.

Новиковскіе журналы рѣзко выдѣлялись изъ остальныхъ: по содержательности, талантливости, остроумію и живости они занимали первое мѣсто и имѣли по тому времени большой успѣхъ. Въ то время, какъ другіе сатирическіе журналы въ большинствѣ случаевъ скользили только по поверхности жизни, Новиковская сатира всегда отличалась идейностью и серьезностью мысли. Уже въ самомъ введеніи къ «Трутню», гдѣ Новиковъ шутя говоритъ о своей лѣни и якобы неспособности быть полезнымъ обществу на другихъ поприщахъ, онъ перебираетъ всѣ роды общественныхъ положеній, службы и дѣятельности того времени и ѣдко подчеркиваетъ ихъ слабыя стороны. Вотъ что напр. говоритъ онъ о придворной службѣ:

„Придворная служба всѣхъ покойнѣе и была бы всѣхъ легче, ежели бы не надлежало знать науку притворства гораздо въ вышнихъ степеняхъ, нежели сколько должно знать ее актеру; тотъ превосходно входитъ въ разныя страсти времени, а сей безпрестанно тоже дѣлаетъ, а тово-то я и не могу терпѣть. Придворный человѣкъ всѣмъ льститъ, говоритъ не то, что думаетъ, кажется всѣмъ ласковъ и снисходителенъ, хотя и чрезвычайно надутъ гордостью. Всѣхъ обнадеживаетъ и тогда же позабываетъ, всѣмъ обѣщаетъ и никому не держитъ слова; не имѣетъ истинныхъ друзей, но имѣетъ льстецовъ, а самъ такъ же льститъ и угождаетъ случайнымъ людямъ. Кажется охотникомъ до того, отъ чего имѣетъ отвращеніе. Хвалитъ съ улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистью. Въ случаѣ нужды никого не щадитъ, жертвуетъ всѣмъ для снисканія своего счастія; а иногда, полно, не забываетъ ли и человѣчество! Ничего не дѣлаетъ, а показываетъ будто отягощенъ дѣлами: словомъ, говоритъ и дѣлаетъ почти всегда противу своего желанія, а часто и противу здраваго разсудка“.

Точно также и въ журналѣ Новиковъ постоянно смотритъ въ глубь, въ корень вещей. Осмѣивая напр. неразборчивыхъ подражателей Европѣ, онъ укоряетъ ихъ не только за то, что они подражаютъ лишь европейской внѣшности и дурнымъ сторонамъ, чѣмъ не приносятъ ни себѣ, ни отечеству никакой пользы и благодаря чему превращаются только въ ходячія каррикатуры, но и

указываетъ на непосредственный экономическій вредъ для страны, которая мѣняетъ свои богатства на предметы роскоши и моды, вообще на чужіе пустяки. Такъ напр. въ VI л. «Трутня» за 1769 г. помѣщено было такое объявленіе изъ Кронштадта:

„На сихъ дняхъ прибыли въ здѣшній портъ корабли — Trompeur изъ Руана въ 18 дней, Vetilles—изъ Марселя въ 23 дня. На нихъ слѣдующіе нужные намъ привезены товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя, кружева, блонды, бахромы, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія такъ-называемыя галантерейныя вещи... А изъ Петербургскаго порта на тѣ корабли грузить будутъ разныя домашнія бездѣлицы. какъ-то: пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотно и пр. *Многіе наши молодые дворяне смѣются глупости господъ французовъ, что они ѣздятъ такъ далеко и мѣняютъ модные свои товары на наши бездѣлицы*".

А вотъ объявленіе, направленное противъ тѣхъ молодыхъ людей, которые ѣхали моды ради за границу и не пріобрѣтали тамъ ничего, кромѣ умѣнья одѣваться и безпутно проводить жизнь:

„Молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и который, объѣздивъ съ пользою, вернулся уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города".

Не слѣдуетъ однако думать, что Новиковъ возставалъ вообще противъ путешествій за границу и тѣмъ болѣе противъ разумныхъ и полезныхъ наблюденій надъ европейскою жизнью. Нѣтъ, онъ возставалъ лишь противъ такихъ путешественниковъ, которые привозили изъ за границы «только извѣстія, какъ тамъ одѣваются», да пространныя описанія всѣмъ тамошнимъ «увеселеніямъ и позорищамъ». А такихъ путешественниковъ было не мало, и ихъ-то Новиковъ и имѣлъ въ виду: «я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, говоритъ онъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы... народа, или на узаконенія, на полезныя учрежденія и пр. *дѣлающія путешествіе толико нужнымъ*»...

Ясно, чего хотѣлъ и требовалъ Новиковъ отъ путешествій. Указывая на то, что мы склонны были мѣнять свои старинныя добродѣтели на чужіе пороки, онъ однако не идеализировалъ огульно ни старины нашей, ни тогдашняго состоянія общества. Въ старинѣ ему нравились только простота жизни, нравовъ, доброе и заботливое отношеніе къ слабымъ, отсутствіе вражды и рѣзкой раздѣленности общества на породы и классы, вообще то, что

находило и впредь будетъ находить оправданіе съ высшихъ точекъ зрѣнія. Это все тотъ же золотой вѣкъ, о которомъ мечтали многіе философы, вѣкъ, оставшійся назади, но не только не противорѣчащій образованности, а напротивъ долженствующій, благодаря ей, опять наступить съ устраненіемъ изъ прошлаго всего дурнаго. Новиковъ вообще былъ большимъ сторонникомъ простой сельской жизни, мирнаго земледѣльческаго труда, никогда повидимому не упускалъ изъ виду этого идеала и всегда противополагалъ его дурнымъ сторонамъ и направленіямъ общественной жизни. Что же касается до тогдашняго состоянія общества, то у него много сатиръ, направленныхъ противъ невѣжества и лѣни нашихъ помѣщиковъ, противъ грубости ихъ нравовъ и ненависти къ наукамъ, противъ злоупотребленій въ судѣ и администраціи. Вотъ напр. письмо отъ проживающаго въ провинціи дяди къ столичному племяннику, которое мы находимъ въ «Трутнѣ». Дядя спрашиваетъ племянника, почему тотъ не хочетъ идти въ приказную службу и говоритъ: «и ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ не наживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься». Затѣмъ онъ предлагаетъ цѣлый проэктъ взяточничества: ты просись, говоритъ, только въ прокуроры, да заручись знатными людьми, тогда «мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся. хоть и попросятъ, такъ бѣда будетъ не велика, отрѣшатъ отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ те на, какая бѣда»!

Не дурны также объявленія: «въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія 10 пудовъ», или: «Недавно пожалованный воевода отъѣзжаетъ въ порученное ему мѣсто и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть; желающіе купить могутъ его сыскать въ здѣшнемъ городѣ».

Но особенной ѣдкостью и остроуміемъ проникнуты сатиры противъ крѣпостнаго права. Вотъ напр. нѣкій Змѣянъ ѣздитъ по городу и всѣхъ увѣщеваетъ быть жестокими съ крѣпостными людьми, чтобы «они взора его боялись, чтобы они были голодны, наги и босы и чтобы одна жестокость держала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послушаніи».

Еще лучше рецептъ для г. Безразсуда, напечатанный въ «Трутнѣ» 1769 г.

„Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки.... Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ.... никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ на землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: *я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора.* Бѣдные крестьяне любить его, какъ отца, не смѣютъ, но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва имѣютъ дневное пропитаніе, затѣмъ, что насилу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: это не мое, но *Божіе и господское*".

Такая злая иронія скоро смѣняется у Новикова негодованіемъ:

„Безразсудный"!—восклицаетъ онъ,—„развѣ ты не знаешь, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, чѣмъ между тобой и человѣкомъ!" Затѣмъ, въ концѣ сатиры авторъ прописываетъ Безразсуду отъ его болѣзни такого рода рецептъ: „Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, пока найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ".

Говоря о «Трутнѣ», нельзя умолчать о полемикѣ, которую вели между собою «Трутень» и «Всякая Всячина» или, лучше сказать, скрывавшіеся за ними Новиковъ и императрица Екатерина. Споръ возникъ изъ за нравственныхъ вопросовъ и воззрѣній, но не въ этомъ было дѣло: Екатерина II очевидно не ожидала, что сатира пойдетъ такъ далеко и будетъ касаться самыхъ основъ жизни, самыхъ слабыхъ и наиболѣе больныхъ ея сторонъ. Она, по всей вѣроятности, думала, что «Всякая Всячина» будетъ образцомъ и камертономъ для другихъ сатирическихъ журналовъ, что они будутъ ограничиваться обличеніями общаго свойства, ни для кого въ сущности не обидными. будутъ обличать скупость, глупость, любостяжаніе, невѣжество, щеголей и щеголихъ, петиметровъ и кокетокъ по возможности безотносительно, чтобы чтеніе, наводя на добрыя размышленія, доставляло пріятное развлеченіе. Вначалѣ Екатерина именно такъ и смотрѣла на роль сатирической литературы; только потомъ уже — и можетъ быть отчасти подъ вліяніемъ полемики съ «Трутнемъ» — она стала обнаруживать болѣе глубокій взглядъ на сатиру, что сказалось напр. въ ея собственныхъ, чисто обличительныхъ произведеніяхъ, въ сочувствіи

къ другому Новиковскому журналу («Живописцу») и въ томъ, что она хотѣла повидимому не прекратить, а только сдержать и поставить сатиру въ извѣстные предѣлы.

Рѣзкость Новикова была ей непріятна. Она была человѣкомъ менѣе радикальнымъ и гораздо болѣе практичнымъ и дипломатичнымъ. Въ то время какъ другіе сатирическіе журналы сдѣлались, дѣйствительно, только пріятнымъ развлеченіемъ и простымъ зубоскальствомъ, Новиковъ сразу подошелъ къ дѣлу и поставилъ для своей сатиры твердо опредѣленную цѣль. И жизнь высшихъ сферъ, которыхъ онъ касался, и крестьянскій вопросъ, и мудрость тогдашняго двуличія—были предметами очень щекотливыми. Когда такіе огромные умы, какъ Вольтеръ и Руссо, допускали освобожденіе крестьянъ лишь условно и постепенно, съ разными оговорками, когда такіе независимые люди, какъ Дидро снискивали себѣ милости отъ монаршихъ щедротъ, то можно себѣ представить, какъ смотрѣли и относились къ подобнымъ вещамъ русское высшее общество и болѣе вліятельные люди того времени, съ которыми Екатерина ссориться, не хотѣла. Ей можно было однихъ убрать, а другихъ прибрать къ рукамъ лишь постепенно, и со многими изъ нихъ она вела настоящую дипломатическую игру....

Полемика между «Трутнемъ» и «Всякою Всячиною» началась, какъ это не рѣдко бываетъ, съ частныхъ и неважныхъ случаевъ. Такъ напр. «Трутень» изобличилъ какую-то свѣтскую барыню, совершившую въ лавкѣ кражу и велѣвшую потомъ избить купца, когда тотъ, не желая осрамить ее при публикѣ, явился къ ней на домъ за полученіемъ украденнаго. Обличеніе это не понравилось «Всякой Всячинѣ», и она отвѣтила, что къ слабостямъ человѣческимъ надо относиться снисходительнѣе. На это «Трутень» возражалъ, что странно считать воровство порокомъ и преступленіемъ въ однихъ случаяхъ, когда воруютъ простолюдины, и только слабостью въ другихъ случаяхъ, причемъ очень остроумно смѣялся надъ подобнымъ открытіемъ «Всякой Всячины». Та отвѣчала въ свою очередь, но въ отвѣтѣ ея уже слышалось раздраженіе. Отъ частнаго факта споръ незамѣтно перешелъ къ общимъ положеніямъ. По словамъ «Всякой Всячины», «всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные, безъ слабостей, никогда не были, не суть и не будутъ». А «Трутень» опровергалъ такой взглядъ и говорилъ: «многіе слабой

совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ нему человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ»... По мнѣнію «Трутня»,«больше человѣколюбивъ тотъ, который исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по русски) потакаетъ». «Всякая Всячина» сердилась все болѣе и болѣе и говорила обидныя вещи «Трутню»; тотъ менѣе раздражался, но въ долгу также не оставался: «Вся вина «Всякой Всячины», говорилъ онъ, состоитъ въ томъ, что она «на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ»; ежели «она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то отъ этого надо лечиться» и т. п.

Въ полемикѣ этой приняли участіе и другіе журналы, причемъ особенно любопытно то обстоятельство, что сторону Новикова приняли почти всѣ остальные журналы, за исключеніемъ только Чулковскаго «Ни то, ни сё», который въ этомъ случаѣ присоединился ко «Всякой Всячинѣ». Полемика эта кончилась, какъ будто бы ничѣмъ, т. е. каждый изъ противниковъ остался повидимому при своемъ мнѣніи, но на самомъ дѣлѣ произошло слѣдующее: «Трутень», очевидно подъ внѣшнимъ давленіемъ, вскорѣ измѣнилъ свой рѣзкій характеръ, особенно въ слѣдующемъ году. На внѣшнія обстоятельства есть уже указанія въ 1769 г.; напр. въ доброжелательномъ письмѣ нѣкоего Чистосердова, напечатанномъ въ одномъ изъ іюльскихъ листовъ «Трутня», гдѣ авторъ предостерегаетъ, что въ зеркалѣ «Трутня» видятъ себя многіе знатные бояре, и добавляетъ, что самъ имѣлъ несчастіе тягаться съ боярами, «угнетавшими истину, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество», и убѣдился, что «лучше имѣть дѣло съ лютымъ тигромъ».

Затѣмъ эпиграфъ къ «Трутню» 1770 года также указываетъ на непріятное заключеніе, вынесенное издателемъ изъ опыта; именно, что «опасно наставленье строго, гдѣ звѣрства и безумства много»; наконецъ лучше всего «внѣшнія обстоятельства» могутъ сказываться въ томъ, что многіе вліятельные люди, относившіеся вначалѣ совсѣмъ иначе къ «Трутню», были имъ недовольны. Это съ одной стороны. А съ другой, если мы обратимъ вниманіе на вы-

шедшія въ 1772 году комедіи императрицы: «О, время»! и «Имянины г-жи Ворчалкиной», въ которыхъ сатира отличается большею опредѣленностью и значительною рѣзкостью, то можно думать, что императрица нѣсколько склонилась на сторону взглядовъ Новикова. И въ отношеніяхъ ея къ нему не только не послѣдовало ухудшенія, а какъ будто бы они даже измѣнились къ лучшему, особенно съ 1772 года, когда Новиковъ сталъ издавать новый сатирическій журналъ «Живописецъ». Стала ли она дѣйствительно признавать правоту его взглядовъ и цѣнить его, какъ умнаго и полезнаго человѣка, входило ли въ ея желанія, чтобы онъ вновь началъ издавать журналъ, или только она не хотѣла этому препятствовать,—сказать довольно трудно.

Ни для кого въ Петербургѣ не было тайной, что только-что появившаяся комедія «О, время!» принадлежитъ перу императрицы, хотя она и скрыла свое имя, и Новиковъ посвятилъ свой новый журналъ автору этой комедіи, какъ бы ему неизвѣстному. Самое это посвященіе очень интересно. Прежде всего оно полно всякихъ вѣжливостей и комплиментовъ. Новиковъ очень хвалитъ пьесу, изображающую пороки соотечественниковъ, говоритъ, что перо автора «достойно равенства съ Мольеровымъ», благодаритъ за удовольствіе и проситъ продолжать писать для исправленія нравовъ и для доказательства, что дарованная умамъ россійскимъ вольность употребляется въ пользу отечества. Но въ то же время онъ высказываетъ и нѣсколько общихъ пожеланій, небезполезныхъ для руководства автору въ будущей литературной дѣятельности: «истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе», говоритъ онъ: «не взирайте на лицо; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя себя осмѣиваемымъ купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только единой перомъ вашимъ угнетаются». Далѣе, Новиковъ говоритъ, что примѣръ автора побудилъ и его къ подражанію и затѣмъ высказываетъ пожеланіе, чтобы авторъ открылъ свое имя: «можетъ ли, говоритъ онъ, такая благородная смѣлость опасаться угнетенія въ то время, когда по счастію Россіи и къ благоденствію человѣческаго рода владычествуетъ нами премудрая Екатерина». Впрочемъ, добавляетъ Новиковъ, если бы авторъ и не открылъ своего имени, уваженіе его къ нему вслѣдствіе этого не уменьшится. Начиная и кончая комплиментами, Новиковъ, по всей вѣроятности, платилъ

извѣстную официальную дань, хотя, можетъ быть, былъ въ значительной степени и искрененъ, такъ какъ Екатерина все таки была человѣкомъ выдающихся способностей и сочувствовала литературѣ и просвѣщенію. Въ отвѣтъ на это она написала Новикову посланіе, напечатанное также въ «Живописцѣ», въ которомъ говоритъ, что пишетъ для своей забавы, но будетъ рада, если сочиненія ея принесутъ пользу, а что имени своего она не считаетъ нужнымъ объявлять, хотя и не скрываетъ. Кромѣ того,—что́ для Новикова было особенно важно,—она выразила сочувствіе «Живописцу» и его издателю и говорила, что посвященіе ей «Живописца» считаетъ для себя честью и охотно приметъ въ немъ сотрудничество. Изъ этого можно видѣть, какъ внимательна была Екатерина въ первое время своего царствованія къ людямъ, отличавшимся образованіемъ, талантами и трудами на пользу общественную, и какъ склонна она была показывать примѣръ въ этомъ отношеніи.

«Живописецъ» также, какъ и «Трутень»,выходилъ листами. Сатирическій его отдѣлъ велся на столько живо, остроумно и талантливо, что читался съ огромнымъ удовольствіемъ и интересомъ всѣми классами русскаго общества. «Живописецъ» выдержалъ нѣсколько изданій и читался втеченіи цѣлаго полувѣка. Предметы его сатиры тѣ же, что и въ «Трутнѣ». Также нападаетъ онъ на неразборчивое подражаніе французамъ, причемъ опять говоритъ, что дурно не самое подражаніе, а подражаніе неразборчивое, не отличающее пороковъ отъ добродѣтелей, а падкое на пороки. Если въ «Трутнѣ» Новиковъ, говоря о старинныхъ русскихъ началахъ, какъ-то особенно подчеркивалъ ихъ въ положительномъ смыслѣ, чѣмъ могъ иногда порождать недоразумѣнія и предположенія о какой-то особенной склонности къ нимъ, на подобіе славянофильской, то въ «Живописцѣ» подобныхъ недоразумѣній уже не остается. Тутъ мы встрѣчаемъ такую мысль, что народу, выходящему изъ тьмы невѣдѣнія и жестокосердія, вполнѣ естественно подражать народамъ просвѣщеннымъ и что есть что̀ у нихъ позаимствовать: науки, художество, промыслы, гуманность и пр., а что не слѣдуетъ только подражать отрицательнымъ сторонамъ европейской жизни. Чрезвычайно остроумно и художественно осмѣиваетъ «Живописецъ» образъ жизни пустыхъ свѣтскихъ людей, взглядъ ихъ на жизнь и самый даже ихъ языкъ.

Вотъ какъ, напр. говоритъ нѣкая щеголиха въ своемъ письмѣ къ «Живописцу»: «Mon coeur, Живописецъ! Ты, радость, без-

примѣрный авторъ. Какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающи... клянусь, что я всегда фельетирую твои листы безъ всякой дистракціи... и т. д.». Не мало опять сатиръ посвящено описанію быта дворянъ, живущихъ по старинному и боящихся просвѣщенія, описанію ихъ суевѣрій, ханжества, семейнаго произвола, любви къ сутяжничеству, описанію жестокаго ихъ отношенія къ крестьянамъ, а также и такихъ общихъ служебныхъ пороковъ, какъ взяточничество, казнокрадство и т. д. Статьи о положеніи крестьянъ были опять настолько рѣзки, что вызвали сильное недовольство со стороны дворянства и высокопоставленныхъ лицъ, хотя сама императрица относилась къ нимъ повидимому снисходительнѣе. Говорятъ, что будто бы ея перу принадлежало въ «Живописцѣ» письмо, предупреждавшее его быть осторожнѣе. Въ письмѣ этомъ, писанномъ отъ лица «осьмидесятилѣтняго старика», нѣтъ никакихъ угрозъ, а напротивъ сочувствіе журналу и желаніе, чтобы онъ удержался: «я плакалъ отъ радости, говорится въ письмѣ, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ... Однакожъ пиши осторожнѣе; любя тебя, я сожалѣть буду если прервется твой журналъ».

Очень возможно, что эта причина, т. е. недовольство лицъ вліятельныхъ, бывшая однимъ изъ поводовъ закрытія «Трутня», повлекла за собою и закрытіе въ 1773 году «Живописца», хотя, съ другой стороны, мы замѣчаемъ въ самомъ Новиковѣ какую-то перемѣну— не то охлажденіе къ сатирѣ, не то желаніе дѣйствовать въ другомъ направленіи, которое въ то время казалось ему болѣе полезнымъ. «Живописецъ» за все время своего существованія составилъ двѣ части по 36 листовъ въ каждой, и вотъ, во второй-то части, выходившей въ 1773 году, и можно замѣтить въ Новиковѣ сказанную перемѣну.

Въ этой части есть тоже сатирическія статьи, но есть за то и нѣсколько статей отвлеченнаго характера, въ которыхъ выражается уже нѣкоторое разочарованіе въ жизни и задатки будущей склонности къ мистицизму. Между прочимъ въ этой части Новиковъ впервые высказываетъ завѣтные планы своей дальнѣйшей дѣятельности. Въ письмѣ нѣкоего Любомудрова изъ Ярославля, писанномъ очевидно самимъ Новиковымъ, сообщается просьба къ издателю: дать знать всѣмъ мыслящимъ Россіянамъ объ основаніи «общества, старающагося о напечатаніи книгъ». Въ отвѣтъ на это

письмо издатель говоритъ, что общество это должно еще имѣть цѣлью и стараніе о продажѣ книгъ, особенно въ провинціи, гдѣ нѣтъ столичныхъ развлеченій, а читать трудно, потому что книги попадаютъ туда лишь случайно и продаются втридорога. Попеченіе объ этомъ Новиковъ считаетъ должнымъ возложить не на государство, а предоставить частнымъ лицамъ. Затѣмъ Новиковъ помѣщаетъ въ этой же части письмо къ Слободско-Украинскому губернатору Е. А. Щербинину, въ отвѣтъ на предложеніе послѣдняго Новикову участвовать въ учрежденіи типографіи при харьковскихъ училищахъ. Тутъ онъ высказывается о небходимости типографій для печатанія книгъ, изъ которыхъ почерпается просвѣщеніе.

Въ 1774 году Новиковъ дѣлаетъ новую и послѣднюю попытку издавать сатирическій журналъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ начинаетъ издавать «Кошелекъ», который однако продолжается очень недолго и прекращается на 9-мъ листѣ.

Въ отношеніи сатиры журналъ этотъ былъ слабѣе предыдущихъ и программа его была ўже, чѣмъ у «Трутня» и «Живописца», такъ какъ онъ почему-то сосредоточился на осмѣяніи галломаніи. Галломанія заставляетъ Новикова возвратиться опять къ защитѣ старинныхъ русскихъ добродѣтелей. Въ предисловіи къ «Кошельку» проводится мысль, что галломанія есть одна изъ причинъ многихъ пороковъ русскаго общества и что у каждаго народа свой характеръ. Вообще журналъ относился гораздо снисходительнѣе къ нѣмцамъ и къ англичанамъ, чѣмъ къ французамъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что въ высшемъ обществѣ въ то время было особенно много галломановъ. Кто сотрудничалъ въ «Кошелькѣ» неизвѣстно, но статьи его были очень рѣзки, какъ относительно русскихъ французолюбцевъ, такъ и относительно самихъ французовъ, которые выставлялись въ непривлекательномъ видѣ. Говорятъ, что рѣзкость статей вооружила противъ Новикова многихъ придворныхъ и высокопоставленныхъ лицъ и что непріятности, которыя онъ испытывалъ, и были причиною закрытія «Кошелька» въ сентябрѣ 1774 года. Весьма возможно, что прекращеніе «Кошелька» обусловливалось также и внутреннимъ состояніемъ Новикова, о которомъ мы сказали выше: его тянуло дѣйствовать на пользу просвѣщенія другими путями. Очень возможно, что временное возвращеніе къ сатирѣ являлось лишь плодомъ душевнаго колебанія, которыми сопровождаются подоб-

ные переходы, и было вызвано усилившеюся галломаніей и желаніемъ съ нею посчитаться.

Съ прекращеніемъ «Кошелька» Новиковъ не издавалъ уже больше сатирическихъ журналовъ, если не считать выпуска въ свѣтъ въ 1775 г. 3-го изданія «Живописца», которое онъ нѣсколько видоизмѣнилъ, а именно: выкинулъ изъ него всѣ статьи отвлеченнаго характера и прибавилъ нѣсколько сатиръ изъ «Трутня», сдѣлавъ такимъ образомъ сатирическій сборникъ. Другіе сатирическіе журналы прекратились еще раньше Новиковскихъ. Главною причиною этого, говорятъ, была перемѣна настроенія при дворѣ. Многіе приписывали эту перемѣну возвышенію Потемкина и тому, что турецкая война кончилась, послѣ чего правительству больше не надо было отвлекать общественнаго вниманія отъ внѣшнихъ событій посредствомъ литературы. Такъ-ли это было, или нѣтъ, но вѣрно одно, что обстоятельства, благопріятствовавшія существованію сатирическихъ журналовъ, прекратились. Впрочемъ, и независимо отъ этого, большинство ихъ не имѣло особеннаго успѣха и шло хуже Новиковскихъ. Своей журнальной дѣятельностью Новиковъ доказалъ, что онъ не только обладалъ большими природными дарованіями, но и успѣлъ пріобрѣсти за это время не мало знаній и сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ. Кромѣ того, чтобы заинтересовать тогдашнее еще малоразвитое и грубое общество, надо было знать и понимать это общество и его интересы. Съ прекращеніемъ «Кошелька», Новиковъ какъ бы отказался отъ сатирической литературной дѣятельности и перешелъ къ дѣятельности положительной. Мы уже сказали, что его сильно тянуло въ эту сторону. Хотя въ позднѣйшихъ московскихъ его журналахъ сатира получила опять значительное мѣсто, — что, вѣроятно, обусловливалось не только сознаніемъ ея необходимости, а и склонностью къ ней,—но въ данный періодъ мы видимъ, что онъ уходитъ совсѣмъ въ другую область. Онъ начинаетъ въ ней дѣйствовать еще во время изданія сатирическихъ журналовъ: уже тогда онъ сознавалъ недостаточность одной только отрицательной дѣятельности и не довольствовался только проповѣдываньемъ необходимости печатнаго слова и просвѣщенія въ Россіи. Сознавая потребности времени и желая принести какъ можно больше пользы своему отечеству, Новиковъ задумалъ издавать научныя сочиненія для ознакомленія общества съ Россіей, съ ея исторіею, географіею и литературой. Съ этою цѣлью онъ издалъ въ 1772 году «Опытъ

историческаго словаря о Россiйскихъ писателяхъ». Книгу эту онъ посвятилъ Наслѣднику Цесаревичу. Въ заглавiи ея сказано, что она заимствована изъ «печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извлеченiй и словесныхъ преданiй». «Словарь» заключаетъ въ себѣ свѣдѣнiя о писателяхъ свѣтскихъ и духовныхъ. Кромѣ именъ извѣстныхъ, какъ напр. Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Фонъ-Визина и др., тутъ встрѣчаются и имена писателей мало извѣстныхъ, но замѣчательныхъ тѣмъ не менѣе по уму и образованiю.

Изъ предисловiя къ «Словарю» видно, что цѣлью его изданiя было исправленiе ошибокъ и пристрастныхъ сужденiй одного русскаго путешественника, который напечаталъ въ Лейпцигскомъ журналѣ 1766 г. извѣстiе о русской литературѣ. Новиковъ убѣдительно просилъ своихъ читателей и любителей русской литературы сообщать матерiалы и критическiя замѣчанiя на его книгу. Такимъ образомъ, тутъ уже высказывается стремленiе Новикова дѣйствовать сообща, привлечь къ своей дѣятельности все общество. Какъ литературный критикъ, Новиковъ не можетъ быть поставленъ особенно высоко. Въ этомъ отношенiи онъ не стоялъ выше своихъ современниковъ. Внѣшней сторонѣ литературнаго произведенiя онъ придавалъ такое же, если не большее значенiе, какъ и содержанiю его; онъ особенно цѣнилъ чистоту и возвышенность слога и находилъ, что естественное изображенiе жизни должно быть нѣсколько прiукрашено искусствомъ.

Въ 1773 г. Новиковъ приступилъ къ изданiю памятниковъ, относящихся къ изученiю географiи и исторiи Россiи. Въ этой работѣ конечно были у него помощники, можетъ быть и болѣе его знающiе, но ему принадлежитъ мысль о необходимости изученiя своего отечества, и въ этомъ его громадная заслуга. Кромѣ того на этомъ поприщѣ у него было немного предшественниковъ: дѣло было новое и только благодаря его энергiи и предпрiимчивости оно могло такъ успѣшно пойти.

Первымъ документомъ, напечатаннымъ имъ въ 1773 году, была книга: «Древняя Россiйская Идрографiя, содержащая описанiе Московскаго государства, рѣкъ, протоковъ, озеръ, кладезей и какiе на нихъ города и урочища».

Изъ предисловiя ея видно, что она была напечатана съ рукописи, принадлежавшей тогдашнему библiофилу, Петру Кирилловичу Хлѣбникову, и сличенной съ пятью другими списками. Книга эта

заключаетъ въ себѣ описаніе Россіи при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ. Къ сожалѣнію, вышла только ея первая часть. Императрица была въ числѣ подписчиковъ на эту книгу.

Въ томъ же 1773 году явилось начало новаго предпріятія, которому Идрографія служила какъ бы приступомъ. Начали издаваться памятники русскаго законодательства и дипломатическихъ сношеній, всякаго рода лѣтописей, грамотъ, родословныхъ, разнаго рода описаній и пр. Собраніе это носило такое названіе: «Древняя россійская вивліоθика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: Россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описаніе свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ стихотворцевъ и многія другія весьма рѣдкія и любопытства достойныя историческія достопамятности». 10 частей. Выходило оно съ 1773 до 1775 года, сначала выпусками въ 5 листовъ, а потомъ книгами. Императрица, увидѣвъ пользу въ такомъ изданіи, стала всячески ему содѣйствовать и приказала Г. В. Козицкому передать Новикову для напечатанія нѣсколько рѣдкихъ рукописей, а въ октябрѣ 1773 года предписала ученому Г. Ф. Миллеру сообщать Новикову копіи съ разныхъ актовъ московскаго архива, который Миллеръ въ то время разбиралъ. Кромѣ того, императрица содѣйствовала предпріятію Новикова и денежными пособіями. Такъ, 3-го ноября 1773 года она пожертвовала ему 1000 рублей, а 1-го января 1774 г. 200 голландскихъ червонцевъ. «Вивліоθика» имѣла большой успѣхъ. Оканчивая въ 1775 году 10-ю часть ея, Новиковъ поднесъ императрицѣ планъ новаго сборника въ такомъ же родѣ на 76-й годъ, подъ заглавіемъ: «Сокровища Россійскихъ древностей». Онъ предполагалъ помѣщать въ немъ описаніе монастырей, церквей, городовъ, гербовъ, монетъ, разборы книгъ по русской исторіи съ приложеніемъ портретовъ государей. Императрица подписалась уже на 6 экземпляровъ, но изданіе это почему-то не состоялось.

Взамѣнъ его въ 1776 году Новиковъ напечаталъ двѣ историческія рукописи: 1) «Исторію о невинномъ заточеніи боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, состоящую изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ царю и патріархамъ, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его заключенія и о возвращеніи изъ онаго», и 2) первую часть

«Скиѳской исторіи», написанной въ 1692 году стольникомъ Андреемъ Лызловымъ.

Въ 1777 г. Новиковъ попытался еще разъ осуществить несостоявшееся въ 1776 году изданіе сборника подъ заглавіемъ «Повѣствователь древностей Россійскихъ или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи Россійскихъ». Въ первомъ нумерѣ его были помѣщены, между прочимъ, документы, доставленные издателю по Высочайшему повелѣнію изъ комнатной библіотеки дворца статсъ-секретаремъ Кузьминымъ. По Сборника этого вышла только одна первая часть. Полагаютъ, что онъ былъ уничтоженъ и этимъ объясняютъ его рѣдкость. Въ мартѣ же 1777 года Новиковъ сталъ издавать періодическое изданіе подъ названіемъ: «Санктпетербургскія ученыя Вѣдомости». Это была попытка создать органъ, посвященный критикѣ и литературѣ. Въ предисловіи приглашались всѣ ученые мужи и любители россійскихъ письменъ быть сотрудниками Вѣдомостей. Призывъ этотъ нашелъ въ обществѣ откликъ: стали присылаться статьи. Кто были сотрудники Новикова неизвѣстно такъ какъ статьи были или вовсе безъ подписи или подписаны иниціалами, но несомнѣнно, что въ то время Новиковъ имѣлъ связи съ передовыми и образованнѣйшими людьми своего времени и пользовался среди нихъ большимъ почетомъ. Такъ, въ печатныхъ спискахъ дѣйствительныхъ членовъ «Вольнаго Россійскаго Собранія», учрежденнаго въ 1771 г. при Московскомъ университетѣ кураторомъ его Мелисино, среди именъ извѣстнѣйшихъ русскихъ ученыхъ и писателей находится и имя Н. И. Новикова.

Въ «Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ» разбирались изданія самого Новикова и другія научныя и чисто литературныя произведенія, въ то время выходившія. «Вѣдомости» существовали не долго и вышли только въ количествѣ 22-хъ №№. Тѣмъ не менѣе онѣ успѣли разобрать до 37 сочиненій и изданій разнообразнаго содержанія: историческихъ, поэтическихъ, нравоучительныхъ, педагогическихъ и духовныхъ. По большей части статьи эти суть библіографическія описанія книгъ съ указаніемъ ихъ содержанія и различныхъ изданій. При этомъ высказываются литературные и научные взгляды. «Вѣдомости» относятся съ особой любовью къ русской исторіи, ставятъ очень высоко занятія этимъ предметомъ и прославляютъ нашихъ истори-

ковъ того времени: князя Щербатова, Татищева и др. Кромѣ того, доказывая пользу и необходимость собиранія историческихъ матеріаловъ, онѣ указываютъ пріемы такихъ работъ. Литературные взгляды «Вѣдомостей» сходны со взглядами, высказываемыми въ «Словарѣ».

Въ сентябрѣ 1777 года Новиковъ сталъ издавать ежемѣсячный журналъ «Утренній Свѣтъ», содержаніе и направленіе котораго тѣсно связано съ его религіозно-мистическимъ направленіемъ и съ поступленіемъ его въ масоны, къ чему намъ и предстоитъ теперь перейти.

ГЛАВА III.

Поступленіе въ масоны.—Очеркъ происхожденія и развитія масонскихъ ученій.—Исканіе истины Новиковымъ.—Ложа Рейхеля и знакомство Новикова съ ея основателемъ.—Изданіе „Утренняго Свѣта".—Характеръ этого журнала.—Открытіе Новиковымъ училищъ.—Переѣздъ въ Москву.

Говоря о содержаніи 2-й части «Живописца», мы уже указывали на заключающіяся въ ней статьи отвлеченнаго характера, выражающія какое-то разочарованіе въ жизни. Самый фактъ существованія въ журналѣ такихъ статей даетъ намъ возможность предположить, что Новиковъ уже въ 1773 году начиналъ неудовлетворяться жизнью и искать какихъ-то другихъ, высшихъ идеаловъ. Съ теченіемъ времени идеалы его молодости, придя въ столкновеніе съ дѣйствительностью, стали вызывать въ немъ все большія и большія сомнѣнія, и Новиковъ началъ искать путей для ихъ разрѣшенія. Въ то время въ умственной жизни Европы господствовало два теченія: вольтерьянство и масонство. Къ первому изъ нихъ Новиковъ отнесся съ самаго начала недружелюбно: онъ считалъ это направленіе вреднымъ и боролся съ нимъ втеченіи всей своей дѣятельности. Ко второму же, не понимая его, онъ отнесся сначала скептически. А между тѣмъ, душевное состояніе его становилось все тяжелѣе—нуженъ былъ какой нибудь выходъ—и вотъ въ 1775 году Новиковъ попадаетъ въ масоны. Объ этомъ событіи онъ впослѣдствіи самъ говорилъ слѣдующее: находясь на распутіи между волтерьянствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество».

Какъ мы увидимъ далѣе, Новиковъ поступилъ въ общество масоновъ совсѣмъ на особыхъ условіяхъ: онъ могъ всегда выдти изъ него, еслибы нашелъ въ немъ что либо идущее въ разрѣзъ съ его нрав-

ственными воззрѣніями. Очевидно, онъ вступалъ въ масонство съ надеждою, что, можетъ быть, получивъ возможность постигнуть тайны этого ученія, онъ найдетъ въ немъ душевное успокоеніе. А не найдетъ, такъ возвращеніе назадъ остается для него возможнымъ. Новиковъ не ушелъ изъ масонства: «Употребленіе сдѣлало привычку», писалъ онъ въ своихъ отвѣтахъ Шешковскому, «привычка—привязанность и любопытство къ ученію масонства и изъясненію гіероглифовъ и аллегоріи»...

Прежде чѣмъ перейти къ подробному разсказу о томъ, на какихъ условіяхъ Новиковъ былъ принятъ въ масоны, и о дальнѣйшей его дѣятельности въ качествѣ масона, мы должны вкратцѣ разсказать, что̀ такое было масонство вообще въ з. Европѣ XVIII-го вѣка, откуда оно взялось и какимъ образомъ перешло къ намъ.

Масонство появилось у насъ впервые въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка. Оно пришло къ намъ вмѣстѣ съ тѣми новыми идеями, которыя стали около этого времени переходить въ Россію изъ Европы.

Франкъ-масонство существовало въ З. Европѣ втеченіи многихъ вѣковъ прежде чѣмъ сдѣлаться извѣстнымъ въ нашемъ отечествѣ. Франкъ-масоны, или какъ ихъ у насъ называли—свободные каменьщики, составляли общества или братства, членами которыхъ являлись люди всевозможныхъ націй, вѣроисповѣданій и состояній. Происхожденіе своего ордена масоны приписываютъ глубокой древности. Для объясненія этого происхожденія существуетъ множество легендъ, изъ которыхъ, по свидѣтельству Лонгинова, одною изъ наиболѣе уважаемыхъ въ масонскихъ системахъ, считаютъ слѣдующую: Адамъ, по изгнаніи его изъ рая, былъ въ наказаніе лишенъ первоначальнаго своего просвѣтлѣнія. Но, по истеченіи времени, Богъ смиловался надъ нимъ и далъ ему знакъ своего милосердія: лучъ того свѣта, который озарялъ покинутый имъ рай. Лучъ этотъ обладалъ такою благодатью и озарялъ умъ такими божественными познаніями, о которыхъ люди, лишенные его, не имѣютъ и понятія. Этотъ свѣтъ сталъ передаваться нѣкоторымъ избраннымъ, какъ напр. Ною, другимъ патріархамъ и наконецъ дошелъ до Іосифа-пустынножителя, который начерталъ на смарагдовой таблицѣ основанія символистическаго ученія, извѣстнаго избраннымъ, получившимъ божественный лучъ, и положилъ эти таблицы въ Мемфійскомъ храмѣ, имъ самимъ основанномъ. Такимъ образомъ, это преданіе хранилось у маговъ и дошло до Моисея».

Въ окончательную систему символистика и обрядность масонскаго ученія приведены Соломономъ. Для постройки іерусалимскаго храма были вызваны сто тридцать тысячъ каменьщиковъ разныхъ націй. Они были раздѣлены Соломономъ на три разряда или степени: мастеровъ, товарищей и учениковъ. Каждая изъ этихъ степеней получила свои правила и отличающіе ее отъ прочихъ знаки и слова, изъ которыхъ тѣ, которые принадлежали высшимъ степенямъ, были неизвѣстны нисшимъ.

Прослѣдить исторію масонства черезъ цѣлый рядъ вѣковъ очень трудно. Масонскія общества существовали и въ Греціи, и въ Римѣ среди людей, занимавшихся строительнымъ искусствомъ. Во время гоненій на христіанъ въ средѣ послѣднихъ было много римскихъ каменьщиковъ. Спасаясь отъ преслѣдованій, они перебрались въ Англію и перенесли свое ученіе въ тамошнюю корпорацію мастеровыхъ. Оттуда оно распространилось въ Шотландіи и въ Ирландіи.

Въ Великобританіи масонство впервые получило особую организацію и вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства превратилось въ стройное нравственное ученіе съ главнымъ девизомъ: «противодѣйствуй злу не зломъ, а добромъ». Поэтому-то Англію масоны считаютъ мѣсторожденіемъ масонства новыхъ временъ.

Въ XVII или даже въ началѣ XVIII вѣка франкъ-масонство, распространившись по Европѣ, преобразовалось въ нравственно-философское ученіе, на которое имѣли большое вліяніе ученія теозофовъ и алхимистовъ.

Теозофы или мистики стремились познавать неизвѣстное, познать таинственные законы, управляющіе міромъ; пониманіе этихъ законовъ было, по ихъ мнѣнію, доступно однимъ избраннымъ, удостоившимся этой благодати черезъ религіозное ученіе, любовь къ Богу и къ ближнимъ.

Алхимики же искали философскій камень, могущій превращать въ золото неблагородные металлы. Этотъ же философскій камень долженъ былъ доставлять всеобщее лекарство, или такъ назыв. «панацею». Панацея не имѣла ввиду сдѣлать человѣка безсмертнымъ, но она способствовала укрѣпленію въ немъ той жизненной силы, ослабленіе которой, по мнѣнію средневѣковой философіи, было причиною всѣхъ болѣзней. Ученія теозофовъ и алхимиковъ безпрестанно смѣшивались между собою. И то, и другое имѣло ввиду въ большинствѣ случаевъ совершенствованіе человѣка и условій

его жизни—вообще человѣческое благо, хотя у алхимиковъ нерѣдко къ этимъ высшимъ цѣлямъ примѣшивались и цѣли чисто матеріальныя: обогащеніе и продленіе возможности наслаждаться благами человѣческой жизни.

Подъ вліяніемъ алхимиковъ и теозофовъ франкъ-масонство превратилось въ нравственно-философскую корпорацію и было оставлено людьми низшихъ сословій, которые прежде составляли его большинство.

Въ масонствѣ существовало нѣсколько системъ, сообразно которымъ масоны дѣлились: на «тампліеровъ» (система строгаго наблюденія), «цинвендорфцевъ» (система слабаго наблюденія), «розенкрейцеровъ», «мартинистовъ», «иллюминатовъ» и др. Всѣ онѣ имѣли свои отличія, но слѣдовали и нѣкоторымъ общимъ обрядамъ.

У масоновъ было множество условныхъ знаковъ, по которымъ они узнавали другъ друга между непосвященными. Мѣста ихъ собраній называл сь *ложами*. Ложи принадлежали къ разнымъ системамъ. Всѣ ложи той или другой системы въ одной странѣ подчинены были центральной *ложѣ-матери* и одному провинціальному *Великому мастеру*.

Масонство смотрѣло на себя нѣкоторымъ образомъ, какъ на продолженіе Апостольской церкви и допускало въ своихъ ложахъ нѣчто вродѣ священнодѣйствій. Такъ напримѣръ, тамъ произносились духовныя рѣчи; на столѣ, стоявшемъ передъ кресломъ «мастера ложи» и называвшемся *жертвенникомъ*, лежало Евангеліе, открытое на 1-ой главѣ отъ Іоанна. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ приносилась Богу «курительная жертва ѳиміама» и совершался обрядъ помазанія. Пріемъ въ братство новаго члена производился послѣ предварительнаго его испытанія и присяги, которая обязывала его подчиняться отечественнымъ законамъ и сохранять масонскія тайны. Обряды этого пріема и принятія присяги были обставлены болѣе или менѣе торжественными церемоніями. Сначала онѣ были просты, но, съ теченіемъ времени, съ развитіемъ масонства, превратились въ цѣлыя представленія, подчасъ очень мрачнаго характера. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ системахъ новопринимаемый вводился въ ложу съ завязанными глазами и въ моментъ, когда снимали съ глазъ его повязку, братья стремительно приставляли къ груди его острія мечей, а одинъ изъ братьевъ стоялъ въ это время въ окровавлен-

ной рубашкѣ. При этомъ Великій Мастеръ говорилъ, что мечи эти устремятся противъ новопринимаемаго, если онъ нарушитъ клятву и союзъ. Затѣмъ, опять при особыхъ церемоніяхъ, его заставляли пролить нѣсколько капель крови въ особою чашу, въ которую раньше проливали кровь и прочіе братья, вступавшіе въ орденъ. Это пролитіе крови выражало символически соединеніе вновь вступившаго съ прочими братьями. Бывали обряды и еще ужаснѣе, какъ напримѣръ обрядъ пріема въ степень мастера. Тутъ уже ложа обивалась чернымъ сукномъ, съ нашитыми на немъ блестками въ видѣ слезъ, на сцену являлись черепа, скелеты, держащіе зажженые свѣтильники, картины изображающія мертвыя головы, наконецъ черные гробы, въ одномъ изъ которыхъ во время церемоніи лежалъ кто нибудь изъ младшихъ мастеровъ подъ кровавой простынею, а другой готовился для «брата ищущаго», какъ назывался у масоновъ членъ, вступающій въ высшую степень масонства. Этого «ищущаго брата», послѣ довольно продолжительнаго хожденія вокругъ ложи съ разными остановками и препятствіями, наконецъ ввергали въ гробъ и накрывали окровавленной простыней, причемъ всѣ остальные братья устремляли на него острія шпагъ. Въ символическомъ языкѣ масоновъ часто попадаются слова: циркуль, молотокъ, прямоугольникъ, треугольникъ и пр. Эти выраженія, равно какъ и знаки украшенія своихъ обрядовъ, они заимствовали изъ терминологіи строительнаго искусства, которымъ занимались ихъ родоначальники.

Масоны занимались исканіемъ мудрости, или, какъ они говорили, «строеніемъ храма мудрости», совершенствующей нравственность человѣка.

Во всѣхъ масонскихъ ложахъ существовали, какъ уже было сказано, три степени: ученика, товарища и мастера, причемъ сущность ученія высшихъ степеней составляла тайну для низшихъ. Въ этихъ степеняхъ преподавалась самая важная, а именно— чисто нравственная сторона масонскаго ученія.

Вотъ нѣкоторые изъ главныхъ догматовъ этого ученія, взятые нами изъ «Нравоучительнаго Катихизиса истинныхъ Франкъ-Масоновъ», составленнаго извѣстнымъ нашимъ масономъ Ив. Вл. Лопухинымъ.

Истинный франкъ-масонъ долженъ отличаться духомъ христіанской любви къ Богу и къ ближнему, котораго ему надлежитъ любить не только какъ самаго себя, но больше себя. Онъ долженъ

*

видѣть братьевъ во всѣхъ людяхъ, безъ различія національности, вѣроисповѣданія и общественнаго положенія, и побуждать ихъ къ взаимной любви и помощи. Главное упражненіе франкъ-масоновъ должно заключаться въ молитвѣ, упражненіи своей воли въ исполненіи заповѣдей евангельскихъ и въ умерщвленіи чувствъ лишеніемъ того, что̀ ихъ наслаждаетъ.

Они должны работать среди міра и въ томъ состояніи, къ которому каждый изъ нихъ призванъ. Искусство франкъ-масоновъ состоитъ въ наукѣ изученія тайнъ природы, пониманіе которыхъ доступно не всякому, а лишь избраннымъ, удостоившимся получить эту милость черезъ духовное возрожденіе. Эти избранные должны быть готовы къ перенесенію всякихъ лишеній. Они должны быть въ состояніи выносить жесточайшую боль, даже если-бы обладали способомъ излечивать всѣ болѣзни, и быть готовыми къ смерти во всякое время, имѣя возможность жить нѣсколько сотъ лѣтъ. Они должны быть готовы къ перенесенію величайшей бѣдности, обладая въ то же время способами производить громадныя богатства, превосходящія богатства всего міра; имѣя средство бесѣдовать съ ангелами, они должны оставаться въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Божіей и считать себя менѣе всѣхъ на свѣтѣ, имѣя силу, равную Іисусу Навину и Иліи. Франкъ-масоны не должны питать къ кому либо ненависти. Они должны любить враговъ, благословлять ихъ, молиться за нихъ и дѣлать имъ добро за зло, которое отъ нихъ получаютъ.

Еще лучше и полнѣе опредѣляется нравственная цѣль масонства однимъ опытнымъ масономъ (см. соч. Лонгинова стр. 60): «Масонство, говоритъ онъ, видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгладить между людьми предразсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей; уничтожить фанатизмъ и суевѣріе, искоренить международныя вражды и бѣдствія войны, посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей, споспѣшествовать всѣми силами

общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда».

Кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ степеней въ масонствѣ были степени высшія, число которыхъ мѣнялось сообразно обрядамъ той или другой системы. Впослѣдствіи число нѣкоторыхъ изъ нихъ возросло до 33-хъ и даже до 90. Чрезмѣрно высокіе градусы были по большей части приманкою для людей тщеславныхъ, но полезныхъ ордену своимъ положеніемъ въ обществѣ. Въ высшихъ степеняхъ занимались алхиміей и работами умозрительными по философіи и теозофіи. Если направленіе ложи было практическое, то тутъ же производились работы и по такъ называемому «великому дѣлу».

Изъ того, что мы уже сказали, видно, что истинное масонство было очень далеко отъ какихъ либо политическихъ задачъ. Преслѣдуемыя имъ цѣли были чисто нравственнаго свойства, но такъ какъ самое понятіе о нравственности очень широко и неопредѣленно, а главное неопредѣленны тѣ средства, которыя нужны для достиженія цѣли, то неудивительно, что въ масонствѣ произошло разъединеніе. Оно выразилось въ отличіяхъ обрядовъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ ученія, принятаго тѣми или другими ложами... Кромѣ того, въ орденъ попало не мало людей, которые искали въ немъ средствъ для достиженія разныхъ политическихъ цѣлей. Такимъ характеромъ отличались преимущественно ложи французскія, напримѣръ, системы мартинистовъ, съ которыми русскіе массоны не имѣли ничего общаго. Еще дальше шли германскіе иллюминаты... Кромѣ этихъ системъ, нельзя не упомянуть еще о розенкрейцерской, въ высшихъ степеняхъ которой занимались преимущественно алхиміей. Особеннаго распространенія въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ о Новиковѣ, въ Европѣ достигли двѣ системы: «система строгаго наблюденія» или «тампліерство», считавшее себя продолженіемъ храмоваго рыцарства и распространенное преимущественно въ Германіи, и «циннендорфство» или «система слабаго наблюденія», основанное Циннендорфомъ.

Какъ мы уже говорили, въ XVIII в. изъ за границы масонство перешло и къ намъ въ Россію;—когда именно оно явилось у насъ и кто былъ основателемъ его — достовѣрно неизвѣстно. Иные говорятъ, что будто бы Петръ I привезъ изъ за границы масонскій статутъ; по другимъ извѣстіямъ родоначальникомъ его

считаютъ генерала Кейта, родомъ англичанина, долго служившаго въ Россіи и въ 1747 году уѣхавшаго за границу. Въ 50-хъ годахъ въ Петербургѣ масонами являются нѣкоторые гвардейскіе офицеры изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Они имѣли здѣсь и свою ложу. Вначалѣ масонство не носило у насъ серьезнаго характера. Оно было принято въ подражаніе европейской модѣ и занимало своихъ членовъ больше своею таинственностью и внѣшними обрядами, чѣмъ самой своей сущностью. Тѣмъ не менѣе и тогда уже наше правительство смотрѣло на масоновъ очень недружелюбно и зорко за ними слѣдило, а публика относилась къ нимъ съ большимъ предубѣжденіемъ: ихъ считали за еретиковъ, богохульниковъ, преданныхъ антихристу, считали, что они могутъ сноситься съ нечистой силою и пр. Болѣе серьезный характеръ масонство принимаетъ у насъ только съ 1772 года, когда гросмейстеръ англійскаго масонства утвердилъ извѣстнаго Ивана Перфильевича Елагина намѣстнымъ мастеромъ Петербургской провинціальной ложи. Елагинъ, принявшій такимъ образомъ систему англійскаго масонства, учредилъ нѣсколько подвѣдомственныхъ ему ложъ въ Петербургѣ и въ провинціи. Петербургскія масонскія ложи посѣщались многими высокопоставленными и выдающимися людьми того времени. Засѣданія въ нихъ велись открыто и могли быть посѣщаемы всѣми масонами вообще, къ какимъ бы ложамъ они не принадлежали. Скоро однакожъ масонство стало падать и принимать совсѣмъ новый характеръ. Такъ напримѣръ, при ложѣ «Уранія» заведено было нѣчто вродѣ клуба съ карточными играми, попойками и пр. Конечно, болѣе серьезные масоны были этимъ недовольны и желали, преобразовавъ масонскія собранія, возвысить ихъ нравственное значеніе. Съ этою цѣлью они стали искать новыхъ членовъ, которые могли бы имъ быть полезны своей дѣятельностью. Многіе изъ членовъ подвѣдомственныхъ Елагину ложъ были хорошо знакомы съ Новиковымъ и зная его энергію, умъ, благородство и человѣколюбіе, пожелали привлечь его въ свои члены. Мы уже говорили, въ какомъ тревожномъ душевномъ состояніи находился въ то время Новиковъ. Слыша о томъ, что въ орденѣ преслѣдуются возвышенныя религіозныя цѣли, онъ рѣшился вступить въ масонство, думая найти въ немъ опору для борьбы со своими сомнѣніями. Но онъ согласился вступить въ него однако на нѣкоторыхъ условіяхъ: во 1 хъ, онъ желалъ, чтобы отъ него не требовали при вступленіи присяги и дали ему право

выйти изъ братства, если онъ найдетъ въ стремленіяхъ его что либо противное своей совѣсти; во 2-хъ, онъ пожелалъ быть принятымъ прямо въ 3-ью степень. Уваженіе, которое уже съумѣлъ внушить къ себѣ Новиковъ, было столь велико, что его приняли на этихъ исключительныхъ условіяхъ. Новиковъ вступилъ въ ложу, называемую «Астрея», и ревностно отдался новой для него дѣятельности. Онъ не довольствовался посѣщеніемъ только своей ложи, а ходилъ и въ другія, что являлось вполнѣ возможнымъ, благодаря публичности масонскихъ засѣданій. Скоро онъ сошелся съ самыми замѣчательными масонами изъ ложъ, подвѣдомственныхъ Елагину, какъ напримѣръ съ Я. Ѳ. Дубянскимъ, В. В. Чулковымъ, Ал. Мих. Кутузовымъ, Ив. П. Тургеневымъ и др.

Наблюдая близко дѣятельность масонскихъ ложъ въ Петербургѣ, Новиковъ, искавшій прежде всего истины и разрѣшенія мучившихъ его сомнѣній, не удовлетворялся тѣмъ, что онъ въ нихъ находилъ. Съ одной стороны ему не нравилась внѣшняя сторона ихъ: наружный блескъ, пышные ужины и пирушки, которыми оканчивались собранія, и проч. Съ другой — онъ видѣлъ много путаницы и разрозненности въ ихъ ученіи. Не тѣмъ представлялось ему истинное масонство.

Поэтому онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими болѣе близкими ему членами своей ложи сталъ искать, нѣтъ ли другихъ масонскихъ системъ, въ которыхъ было бы настоящее масонское ученіе. Вскорѣ прослышалъ онъ, что есть въ Петербургѣ ложа нѣкоего барона Рейхеля, въ которой хранится истинное масонство. Новиковъ и его друзья стали розыскивать Рейхеля, но его не оказалось—онъ находился въ Москвѣ, а въ Петербургѣ былъ лишь намѣстникъ его, Розенбергъ. Найдя Розенберга, Новиковъ и его товарищи стали просить его учредить имъ новую ложу по Рейхелевой системѣ. Розенбергъ исполнилъ ихъ желаніе и учредилъ имъ ложу съ тремя первыми или, какъ ихъ называли, іоанновскими степенями. Рейхель былъ послѣдователь «цинནендорфской системы» или системы «слабаго наблюденія». Вскорѣ и Елагинскія ложи соединились съ Рейхелевыми. Но и послѣ перехода въ новую систему масонства Новиковъ не успокоился. Онъ былъ человѣкъ искренній, желалъ отдаться цѣликомъ новому ученію и найти въ немъ душевное успокоеніе, а между тѣмъ въ масонствѣ все еще происходили разныя перемѣны. Такъ, въ 1777 году князь Куракинъ вывезъ изъ Швеціи новую систему «строгаго наблюденія». Въ Пе-

тербургѣ открыта была ложа по этой системѣ и къ ней примкнуло нѣсколько ложъ Рейхелевой системы. Новиковъ не зналъ, кому и чему довѣрять. Онъ боялся быть увлеченнымъ хитростью въ общество, преслѣдующее какія нибудь недостойныя цѣли. Все это до такой степени его безпокоило, что однажды, разговаривая съ бар. Рейхелемъ, съ которымъ онъ познакомился по возвращеніи послѣдняго изъ Москвы, Новиковъ со слезами просилъ его объяснить ему признаки, по которымъ истинное масонство можно отличить отъ ложнаго. Въ его представленіи масонство было ученіемъ, которое путемъ самопознанія и духовнаго просвѣщенія вело кратчайшимъ путемъ къ нравственному исправленію. На это Рейхель отвѣчалъ ему, что всякое масонство, преслѣдующее политическія цѣли, есть ложное. Истинные масоны не проповѣдуютъ равенства и вольности; они не признаютъ того, что масоны могутъ покоряться страстямъ и порокамъ; они не предаются пиршествамъ и разврату. Главный признакъ масонства—стремленіе къ самоусовершенствованію по стезямъ христіанскаго нравоученія. Истинныхъ масоновъ очень мало; они не вербуютъ въ орденъ кого попало и скрываются, избѣгая столкновеній съ ложными масонами. которыхъ очень много.

Разговоръ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Новикова и онъ сталъ послѣ этого относиться очень осторожно къ масонству другихъ системъ, а особенно къ шведскому, которому онъ просто не довѣрялъ.

Не смотря однако на всѣ колебанія и сомнѣнія, которыя испытывалъ Новиковъ по вступленіи своемъ въ масонство, главная и самая лучшая его сторона была для него ясна. Онъ глубоко проникся идеею нравственнаго самоусовершенствованія и христіанской любви къ ближнему и какъ человѣкъ, для котораго вѣрить значило дѣйствовать—началъ вскорѣ проводить эти идеи въ жизнь.

Съ этою цѣлью онъ основалъ въ сентябрѣ 1777 года ежемѣсячный журналъ «Утренній Свѣтъ», вся выручка съ котораго должна была идти на содержаніе сначала одного, а потомъ двухъ училищъ для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. Такимъ образомъ, Новиковъ началъ два дѣла сразу: проповѣдь религіозно-нравственныхъ идей и практическое дѣло помощи нуждавшимся въ просвѣщеніи. «Утренній Свѣтъ» былъ журналъ отвлеченно философскаго характера. Въ предисловіи къ нему говорится, что цѣль журнала

предлагать «врачеваніе и укрѣпленіе» душамъ соотечественниковъ и возвысить значеніе человѣческой личности, которая есть центръ мірозданія.

Большая часть статей «Утренняго Свѣта» и прозаическихъ, и поэтическихъ были переводами изъ лучшихъ греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и шведскихъ писателей. Такъ напр. въ немъ были помѣщены переводы изъ сочиненій Платона, Плутарха, Ксенофонта, Сенеки, Виргилія, Юнга, Бекона, Паскаля, Виланда, Геснера и др. Изъ этихъ авторовъ журналъ черпалъ статьи философскія, нравственныя, педагогическія и поэтическія, причемъ ни одна изъ нихъ не выражала направленія журнала, которое уяснялось лишь изъ совокупности статей, выбранныхъ редакціей. Попадались въ журналѣ и статьи оригинальныя, но ихъ было меньше. Изъ числа этихъ статей многія носятъ отвлеченно-мистическій характеръ; въ нихъ указывается на ничтожность земной жизни, ей противополагается смерть, которая легче и лучше жизни. Однако, быть можетъ, безсознательное чувство мѣры не позволяло Новикову заходить слишкомъ далеко въ этомъ направленіи. Поэтому рядомъ со статьями, выражающими самый мрачный взглядъ на земную жизнь, читатель встрѣчаетъ тутъ цѣлый рядъ статей, восхваляющихъ природу и жизнь на лонѣ ея. Городу противуполагается деревня съ ея простотою и свободою. Жизнь людей среди природы описывается самыми восторженными красками, и описанія эти носятъ подчасъ сантиментально-идиллическій характеръ. Есть въ журналѣ статьи, направленныя противъ энциклопедистовъ и ихъ ученія. Послѣднему противупоставляется ученіе о безсмертіи души. Статей чисто масонскихъ въ узкомъ смыслѣ очень немного. Вообще все содержаніе журнала проникнуто философскимъ духомъ и уваженіемъ къ разуму и къ наукѣ. «Утренній Свѣтъ» является, такимъ образомъ, первымъ популярнымъ философскимъ журналомъ въ Россіи. Не смотря на свой отвлеченный характеръ, журналъ этотъ имѣлъ успѣхъ, что доказывается уже тѣмъ, что онъ выписывался въ 58 городахъ и мѣстечкахъ Россіи. Такому распространенію его способствовало отчасти то обстоятельство, что онъ былъ тѣсно связанъ съ училищами, основанными Новиковымъ. Журналъ поддерживалъ училища, а училища въ свою очередь поддерживали журналъ, такъ какъ многіе, желавшіе быть полез-

ными училищамъ, выписывали его, платя за него сумму большую, чѣмъ того требовала установленная подписная плата.

Вообще «Утренній Свѣтъ» съумѣлъ привлечь общество къ поддержанію училищъ. Онъ приглашалъ его къ пожертвованіямъ и къ принятію пансіонеровъ на свой счетъ. Имена всѣхъ жертвователей и количество пожертвованій печатались въ «Утреннемъ Свѣтѣ». Призывъ журнала не остался безъ отвѣта. Сотрудники его не брали платы за свой трудъ; генералъ-аудиторъ-лейтенантъ П. К. Хлѣбниковъ пожертвовалъ бумагу на годовое изданіе журнала, явились желающіе принять на свой счетъ пансіонеровъ; гофъ-фурьеръ Купреяновъ далъ для училища безденежно помѣщеніе въ своемъ домѣ; наконецъ являлось много жертвователей просто деньгами. Вь 1777 году было основано одно училище на 30 или на 40 человѣкъ при церкви Владимірской Божьей Матери, получившее потомъ названіе Екатерининскаго; а въ слѣдующемъ году явилась уже возможность открыть и другое училище—Александровское, и въ 1779 году въ обоихъ училищахъ обучалось 93 человѣка. Основывая училища, Новиковъ преслѣдовалъ не только благотворительныя, но и научно-педагогическія цѣли. Въ объявленіи объ учрежденіи Екатерининскаго училища говорится, что намѣренія учредителей заключаются не только въ обученіи бѣдныхъ дѣтей, но и въ заведеніи «порядочнаго и постояннаго училища, въ которомъ бы *наилучшимъ* и *кратчайшимъ* способомъ дѣти научались, приобыкали къ благонравію и заохочивались къ дальнѣйшему ученію для собственной своей и отечества своего пользы».

Новиковъ, управлявшій самъ всѣми дѣлами училищъ и принимавшій близко къ сердцу всѣ ихъ интересы, очевидно старался всѣми силами, чтобы ученики воспитывались въ религіозно-нравственномъ духѣ; онъ старался развивать въ нихъ чувства жалости, человѣколюбія и желаніе помочь ближнему.

Повидимому такое его стремленіе не оставалось безъ результатовъ. Такъ напр. извѣстенъ фактъ, что ученики отказались на цѣлый мѣсяцъ отъ завтрака и отъ ужина для того, чтобы помочь 50-ю рублями другимъ бѣднымъ.

Императрица Екатерина, знавшая конечно о существованіи «Утренняго Свѣта» и объ училищахъ, изъ которыхъ одно даже было названо въ честь ея «Екатерининскимъ», отнеслась и къ ому и къ другому очень холодно. Екатерина не любила масонства.

Новиковъ жилъ и работалъ въ Петербургѣ до 1779 года, а въ апрѣлѣ этого года переѣхалъ въ Москву. Переѣздъ этотъ произошелъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ 1778 году Новиковъ познакомился и даже близко сошелся съ московскими масонами, княземъ Н. Н. Трубецкимъ и Мих. Матв. Херасковымъ, которые пріѣзжали въ Петербургъ по масонскимъ дѣламъ. Они стали убѣждать Новикова переѣхать въ Москву, а Херасковъ, получившій въ іюнѣ 1777 года званіе куратора московскаго университета, предлагалъ ему и дѣло, а именно: взять въ аренду университетскую типографію, которая была тогда въ очень жалкомъ положеніи и не давала почти дохода. Херасковъ полагалъ, что дѣло это вполнѣ соотвѣтствовало призванію Новикова. Съ другой стороны, онъ былъ увѣренъ, что въ рукахъ Новикова дѣла типографіи поправятся и она будетъ давать доходъ университету. Новикову понравилось это предложеніе. Онъ съѣздилъ въ Москву, познакомился лично съ дѣломъ и рѣшился принять предложеніе. Въ началѣ 79 года Петербургская ложа, въ которой Новиковъ былъ уже мастеромъ стула, закрылась, и онъ переѣхалъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Москву. Туда же вскорѣ перебрались и тѣ изъ петербургскихъ масоновъ, съ которыми Новиковъ болѣе всего сошелся: Кутузовъ, Чулковъ и Тургеневъ.

ГЛАВА IV.

Москва временъ Новикова.—Университетъ и его кураторъ Херасковъ.—Новиковъ беретъ въ аренду университетскую типографію.—Знакомство Новикова со Шварцемъ и просвѣтительная роль послѣдняго. „Дружеское ученое общество“.—Женитьба Новикова.—Планъ общенія русскаго масонства съ европейскимъ, на основаніяхъ равноправности.—Поѣздка Шварца за границу и ея вліяніе на дѣятельность Новикова.—„Переводческая семинарія“.—Указъ о вольныхъ типографіяхъ.—Смерть Шварца.—„Типографическая компанія“.—Расширеніе издательской дѣятельности Новикова.—Принципы, проводившіеся Новиковымъ въ издаваемыхъ имъ журналахъ.

Съ переѣзда Новикова въ Москву начинается новый и самый блестящій періодъ его дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность эта могла принять столь широкіе размѣры именно только въ такомъ пунктѣ, какимъ была въ то время Москва.

Дѣло въ томъ, что съ перенесеніемъ двора въ Петербургъ, Москва почувствовала себя гораздо независимѣе и свободнѣе, чѣмъ прежде. Въ то время, какъ Петербургъ былъ средоточіемъ служилаго и придворнаго дворянства, являвшагося, благодаря своему положенію, вѣрнымъ отголоскомъ придворныхъ взглядовъ и направленій—Москва была центромъ, въ которомъ собиралось почти все богатое, независимое, неслужилое дворянство. По зимамъ въ ней жили почти всѣ богатые помѣщики центральныхъ нашихъ губерній. Они имѣли здѣсь свои дома и составляли многочисленный основной элементъ тогдашняго московскаго общества. Къ нему присоединялись лица, служившіе въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ: въ сенатѣ, въ разныхъ юстицъ, камеръ, мануфактуръ и прочихъ коллегіяхъ и учрежденіяхъ, а также и отставные, преимущественно военные, желавшіе послѣ недолгой службы отдохнуть и пожить на свободѣ въ свое удовольствіе. Наконецъ, во главѣ всего этого общества стояли знатные, родовитые дворяне, изъ которыхъ многіе были когда-то въ силѣ при дворѣ, а

потомъ попали въ опалу или ушли сами вслѣдствіе какихъ нибудь обидъ и неудовольствій. Кромѣ того въ Москвѣ имѣли дома и многіе изъ служившихъ въ Петербургѣ дворянъ. Они имѣли ихъ здѣсь на всякій случай, такъ какъ большинство считало свое пребываніе въ Петербургѣ временнымъ и смотрѣло на Москву, какъ на мѣсто отдохновенія. Здѣсь текла пестрая, шумная жизнь, въ которой сталкивались, нисколько другъ другу не мѣшая, всѣ крайности тогдашней русской жизни.

Съ другой стороны университетъ успѣлъ уже, не смотря на кратковременность своего существованія (25 лѣтъ), сгруппировать вокругъ себя людей, искавшихъ просвѣщенія, и завоевать симпатіи общества. Онъ выпустилъ изъ своихъ стѣнъ не мало образованныхъ людей, имена которыхъ пріобрѣли извѣстность, какъ имена даровитыхъ общественныхъ дѣятелей и преподавателей. Молодежь, побывавшая въ университетѣ, стала вносить въ жизнь любовь къ литературѣ и знаніямъ и устанавливать общеніе между университетомъ и обществомъ. Среди высшаго дворянства появились также истинно-просвѣщенные и гуманные люди. Вотъ эта-то группа образованныхъ людей, изъ которыхъ значительная часть принадлежала къ богатому и родовитому дворянству, и оказала Новикову поддержку въ его предпріятіяхъ и дала ему возможность развернуть свою дѣятельность во всей ея полнотѣ.

Управленіе Москвою сосредоточиволась въ то время въ рукахъ главнокомандующаго, князя Михаила Никитича Волконскаго, безмѣрно преданнаго Екатеринѣ и пользовавшагося въ свою очередь ея довѣріемъ.

Въ то время, когда Новикову пришлось впервые близко столкнуться съ университетомъ, послѣдній состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

1) Три факультета университетскихъ курсовъ: юридическій, медицинскій и философскій.

2) Двѣ гимназіи, въ которыхъ молодые люди готовились къ университету: дворянская и разночинская.

3) Вольное Россійское собраніе. Это было учено-литературное общество, основанное въ 1771 г. по мысли куратора Меллисино.

4) Типографія, учрежденная въ 1756 году, и при ней словолитня. Она помѣщалась въ зданіи, принадлежавшемъ университету, близь Воскресенскихъ воротъ, и управлялась чиновникомъ по назначенію университетскаго начальства.

5) Книжная лавка, существовавшая тоже съ 1756 года и помѣщавшаяся въ зданіи, принадлежавшемъ университету на Моховой.

6) Редакція «Московскихъ Вѣдомостей», основанная одновременно съ типографіей и книжной лавкой.

7) Кромѣ того университетъ имѣлъ библіотеку, разные кабинеты и ученыя пособія, состоявшія въ вѣдѣніи профессоровъ и преподавателей.

Кураторомъ университета былъ въ то время, какъ мы уже говорили, извѣстный писатель Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Главнымъ кураторомъ со времени основанія университета былъ знаменитый покровитель просвѣщенія Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Въ то время, когда Новиковъ пріѣхалъ въ Москву, Шуваловъ жилъ въ Петербургѣ, откуда онъ однако съ большимъ вниманіемъ постоянно слѣдилъ за своимъ дѣтищемъ-университетомъ.

Должности ректора въ то время въ университетѣ не было, а былъ директоръ, должность котораго занималъ М. Вас. Приклонскій.

Лучшаго выбора для куратора, какъ выборъ М. М. Хераскова, нельзя было сдѣлать. Этотъ просвѣщенный человѣкъ сталъ съ молодыхъ лѣтъ собирать вокругъ себя все, что было лучшаго и наболѣе образованнаго въ московскомъ обществѣ. Имѣя большія связи въ высшемъ, богатомъ кругу, онъ пользовался ими для того, чтобы помогать бѣднымъ молодымъ людямъ оканчивать образованіе и зарабатывать честнымъ образомъ хлѣбъ. Однимъ онъ доставлялъ мѣста и полезныя знакомства, другихъ поощрялъ въ занятіяхъ переводами и писательствомъ, третьимъ печаталъ труды и т. д. Жена его, тоже образованная по своему времени женщина, во всемъ содѣйствовала мужу, и домъ Херасковыхъ былъ гостепріимно открытъ для всѣхъ, кто искалъ сочувствія и поддержки въ стремленіяхъ къ высшимъ интересамъ.

Вступивъ въ должность куратора, Херасковъ немедленно приступилъ къ нѣкоторымъ преобразованіямъ и нововведеніямъ въ университетѣ въ либерально-просвѣщенномъ духѣ. Найдя университетскую типографію въ крайне запущенномъ состояніи и желая сдѣлать ее съ одной стороны полезной въ смыслѣ просвѣтительномъ, а съ другой—доходной для университета, Херасковъ, какъ уже было сказано, предложилъ ее Новикову. По контракту, заключенному между университетомъ и Новиковымъ, послѣднему отдава-

лась типографія на 10 лѣтъ съ уплатою 4.500 р. въ годъ. Вмѣстѣ съ нею въ его вѣдѣніе поступали университетская книжная лавка и изданіе «Московскихъ Вѣдомостей».

Переселившись въ Москву, Новиковъ помѣстился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ была типографія, чтобы быть къ ней поближе. Типографію онъ нашелъ въ крайне плачевномъ видѣ. Шрифтовъ имѣлось мало, рабочіе были избалованы, лѣнились и часто пьянствовали; поэтому, при маломъ количествѣ заказовъ, типографія

Масонскій домъ въ Москвѣ.

почти не имѣла доходовъ. Нужно было большое мужество, чтобы взять дѣло въ такомъ положеніи.

Новиковъ сталъ тотчасъ-же приводить все въ порядокъ: пополнять, чего не хватало, выписывая для этого даже нѣкоторыя вещи изъ за границы. Въ то же время, чтобы типографія не оставалась безъ работы, онъ началъ печатать, что было возможно при наличности имѣвшихся уже матеріаловъ.

Дѣла книжной лавки стояли тоже очень плохо. Чтобы поднять ея торговлю, Новиковъ вошелъ въ сншеніе съ коммиссіонерами въ Петербургѣ, въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ и условился отдавать имъ книги съ уступкою и съ разсрочкою платежа.

Характеръ издательской дѣятельности Новикова опредѣлился тотчасъ-же, какъ только онъ взялся за дѣло. Чтобы пріобрѣсти покупателей, онъ долженъ былъ печатать и книги легкаго, беллетристическаго содержанія; но главное его вниманіе было обращено на книги научнаго характера и учебники, такъ какъ цѣль его издательства была просвѣтительная. Къ тому же, какъ человѣкъ, проникнутый религіозно-нравственными идеями, онъ издавалъ научныя сочиненія по преимуществу проникнутыя этими идеями.

Въ то-же время Новиковъ началъ завязывать знакомства съ московскими масонами, а также съ людьми, которые покровительствовали просвѣщенію и могли быть ему полезны въ его дѣятельности. Въ этомъ ему много способствовалъ Херасковъ.

Однимъ изъ первыхъ его знакомствъ въ Москвѣ было знакомство съ княземъ Ю. Н. Трубецкимъ. Съ братомъ его Николаемъ Никитичемъ Новиковъ познакомился еще въ Петербургѣ и теперь только возобновилъ это знакомство. Трубецкіе были просвѣщенными людьми своего времени и жили открыто. У нихъ собирались литераторы, художники, путешественники и вообще всѣ выдававшіеся люди въ области науки, искусства и литературы.

Затѣмъ въ августѣ 1779 года Новиковъ познакомился съ человѣкомъ, который, сдѣлавшись его другомъ и товарищемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ, оказалъ огромное вліяніе, какъ на самого Новикова, такъ и на остальныхъ его друзей. Человѣкъ этотъ, оставившій глубокій и плодотворный слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, былъ нѣмецъ Иванъ Григорьевичъ Шварцъ.

Шварцъ былъ человѣкъ скромнаго происхожденія, родомъ трансильванецъ. Онъ посвятилъ себя съ юности ученой дѣятельности. Въ то время въ Европѣ стали говорить о быстромъ движеніи Россіи по пути умственнаго и гражданскаго развитія. Шварцъ, подобно многимъ другимъ европейцамъ, заинтересовался этою страною, а также личностью Новикова, объ которомъ тоже много говорили, какъ объ издателѣ «Вивліоѳики», откуда почерпались документы къ изученію Россіи. Въ 1776 году князь Ив. С. Гагаринъ, путешествуя за границей, познакомился со Шварцемъ и предложилъ ему ѣхать въ Россію въ качествѣ воспитателя въ семейство друга своего Ал. Мих. Рахманова, жившаго въ Могилевѣ. Шварцъ принялъ это предложеніе. Въ 1779 году Рахмановъ умеръ и Шварцъ перебрался въ Москву. За время пребыванія своего въ Россіи онъ успѣлъ хорошо выучиться русскому языку, полюбилъ

Россію и рѣшился остаться въ ней, посвятивъ себя педагогическому поприщу. Пріѣхавъ въ Москву, онъ, по стараніямъ Хераскова, получилъ мѣсто профессора нѣмецкаго языка при университетѣ и тогда познакомился съ Новиковымъ.

Шварцъ, какъ и Новиковъ, былъ масонъ. Онъ вступилъ въ масоны вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Россію и даже основалъ ложу въ Могилевѣ. Однако въ первое время знакомства между Новиковымъ и Шварцемъ не заходило разговоровъ о масонствѣ. Отчасти это происходило потому, что каждый изъ нихъ былъ занятъ постановкою своего ближайшаго практическаго дѣла, а отчасти еще и потому, что Шварцъ принадлежалъ къ масонамъ «строгаго наблюденія», т. е. къ системѣ, которой Новиковъ не сочувствовалъ и о которой естественно не желалъ поднимать вопроса.

Въ сентябрѣ 1779 года Шварцъ началъ читать лекціи въ университетѣ. Онъ былъ необыкновенно талантливый преподаватель и имѣлъ даръ не только увлекать слушателей своимъ предметомъ и заставлять ихъ работать, но и привязывать къ себѣ, вліяя на нихъ въ нравственномъ отношеніи.

Университетская конференція, видя талантливость Шварца, поручила ему составленіе нѣкоторыхъ учебниковъ и изслѣдованіе недостатковъ въ существовавшихъ тогда системахъ преподаванія. Шварцъ сталъ писать проэкты, которые всѣми восхвалялись, но осуществить которые не было возможности. Прежде всего у насъ ощущался недостатокъ въ преподавателяхъ вообще; еще менѣе было хорошихъ преподавателей. Требовалось ихъ создать. Въ виду этого Шварцъ представилъ проэктъ объ образованіи при университетѣ учительской или педагогической семинаріи. Самъ онъ для этой цѣли пожертвовалъ университету 5000 р. денегъ и много книгъ. Конференція, согласившись съ его проэктомъ, рѣшилась ассигновать на это дѣло проценты съ капитала Демидова, пожертвованнаго на образованіе шести учителей изъ студентовъ. Къ этой суммѣ примкнули и другія пожертвованія лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу просвѣщенія, и между прочимъ Новикова.

Такимъ образомъ въ ноябрѣ 1779 г. была открыта педагогическая семинарія, инспекторомъ которой былъ назначенъ Шварцъ.

Кромѣ того въ это же время Шварцъ, сблизившійся уже съ Новиковымъ, задумалъ вмѣстѣ съ нимъ основать общество, которое оказывало-бы всевозможную поддержку истинному просвѣще-

нію въ Россіи. Общество это, извѣстное впослѣдствіи подъ именемъ «Дружескаго ученаго общества», должно было имѣть цѣлью издавать на свой счетъ полезныя книги, оригинальныя и переводныя, давать молодымъ людямъ возможность оканчивать курсъ въ Россіи, а также отправлять ихъ для серьезнаго образованія за границу, выписывать способныхъ учителей изъ за границы и по возможности воспитывать русскихъ преподавателей. Это тогда еще очень скромное общество, обладавшее самыми незначительными средствами, существовало вначалѣ больше въ видѣ плановъ и намѣреній небольшаго числа сочувствующихъ лицъ, нежели въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе въ концѣ 1779 г. Новиковъ и его друзья, твердо увѣренные въ успѣхѣ своего дѣла, вошли уже въ сношенія съ епархіальными начальствами о присылкѣ въ университетъ изъ семинарій способныхъ учениковъ, которыхъ они брались содержать на свой счетъ.

Въ то же время Новиковъ и Шварцъ старались всѣми силами объ увеличеніи своего кружка. Они распространяли объ немъ слухи въ обществѣ, заводили полезныя для нихъ знакомства, группировали вокругъ себя молодежь и добились, — хотя многіе считали ихъ мечтателями, а мечты ихъ неосуществимыми, — мало по малу сочувствія и уваженія въ обществѣ и даже покровительства новаго главнокомандующаго Москвы, князя Долгорукова-Крымскаго, смѣнившаго князя Волконскаго. А въ 1781 году обоимъ друзьямъ удалось наконецъ организовать задуманное ими дѣло на прочныхъ началахъ. Случилось это, благодаря тому обстоятельству, что Шварцу удалось привлечь къ дѣлу извѣстнаго въ то время богача Петра Алексѣевича Татищева, который употребилъ впослѣдствіи значительную часть своего состоянія на цѣли, указанныя ему Шварцемъ. П. А. Татищевъ былъ сынъ извѣстнаго генералъ-полицiймейстера при императрицѣ Елизаветѣ,—Алексѣя Даниловича Татищева, оставившаго о себѣ память, какъ о человѣкѣ рѣшительномъ, суровомъ и безчеловѣчномъ. Особенно онъ прославился изобрѣтеніемъ клейменія лицъ преступниковъ.

Петръ Алексѣевичъ пошелъ не въ отца... Познакомившись съ нимъ, Шварцъ съумѣлъ такъ заинтересовать его своими планами и надеждами и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить такое довѣріе къ собственному безкорыстію, что Татищевъ рѣшился сдѣлаться членомъ его кружка. Примѣръ Татищева подѣйствовалъ ободряющимъ

образомъ и на другихъ любителей просвѣщенія, и пожертвованія полились щедрою рукою. Такимъ образомъ, «Дружеское Ученое Общество», возникшее въ небольшомъ кружкѣ, получило наконецъ прочное основаніе и могло расширить свою дѣятельность. Оффиціально оно не было открыто еще и теперь, но число пансіонеровъ его немедленно увеличилось и литературная дѣятельность оживилась.

Новиковъ, успѣвшій уже къ концу 1780 г. довести свою типографію до такого состоянія, что, по мнѣнію Шварца, она не уступала заграничнымъ, выпустилъ, въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, нѣсколько элементарныхъ руководствъ для первоначальнаго обученія и много книгъ духовно-нравственнаго содержанія, изъ которыхъ едва-ли не болѣе половины были переводы съ иностранныхъ языковъ, сдѣланные молодыми людьми, только что окончившими университетъ.

Содержаніе «Московскихъ Вѣдомостей» стало гораздо живѣе и интереснѣе, благодаря приливу новыхъ сотрудниковъ, а также и тому, что Новиковъ сталъ выписывать интересныя періодическія изданія, изъ которыхъ черпались разныя извѣстія и новости. Кромѣ того, онъ сталъ давать къ нимъ съ 1780 года «Прибавленія», продолжавшіяся до 1789 года. Кажется, въ этомъже 1780 году онъ основалъ при своемъ книжномъ магазинѣ первую библіотеку для чтенія въ Москвѣ.

Шварцъ былъ во всемъ дѣятельнымъ помощникомъ Новикова. Онъ указывалъ ему книги для перевода, рекомендовалъ переводчиковъ, просматривалъ переводы ихъ и пр.

Въ 1781 году Новиковъ такъ расширилъ свое типографское дѣло, что къ концу его, количество книгъ, отпечатанныхъ имъ менѣе чѣмъ въ три года, превышало количество книгъ, отпечатанныхъ съ основанія типографіи до перехода ея въ его руки.

Въ 1781 г. Новиковъ женился на родственницѣ князя Н. Н. Трубецкаго — Александрѣ Егоровнѣ Римской-Корсаковой, получившей образованіе въ С.-Петербургскомъ училищѣ благородныхъ дѣвицъ. Отъ этого брака у него были одинъ сынъ и двѣ дочери. Мы уже говорили, что въ первый годъ своей дѣятельности въ Москвѣ Новиковъ не могъ предаваться масонской дѣятельности въ тѣсномъ смыслѣ, по причинѣ массы занятій, связанныхъ съ устройствомъ типографіи. Но, какъ только дѣла типографіи пришли въ порядокъ, Новиковъ обратился къ занятіямъ по

*

масонству, съ главными адептами котораго въ Москвѣ онъ былъ уже знакомъ.

Въ Москвѣ, какъ мы уже говорили, существовало нѣсколько масонскихъ ложъ, изъ которыхъ главными были: открытая въ 1776 года ложа князя Н. Трубецкаго и учрежденная въ концѣ 70-хъ годовъ ложа «Трехъ Знаменъ» Татищева. Повидимому Татищевъ, до встрѣчи своей со Шварцемъ, относился очень холодно къ своей должности Намѣстнаго Мастера, и занятія въ его ложѣ велись не серьезно, вращаясь главнымъ образомъ вокругъ внѣшнихъ формъ и обрядовъ. Въ 1779 г. въ Москвѣ сошлись князь Трубецкой, Новиковъ и Шварцъ, бывшіе потомъ главными дѣятелями въ московскомъ масонствѣ. Всѣ трое были масонами разныхъ системъ; но это не помѣшало имъ слиться и образовать, по идеѣ Новикова, въ концѣ 1780 года, новую ложу подъ именемъ «Гармоніи». Кромѣ трехъ вышеуказанныхъ членовъ, къ ней примкнули еще 5 человѣкъ: М. М. Херасковъ, князь А. А. Черкасскій, И. П. Тургеневъ, князь Энгалычевъ и А. А. Кутузовъ. Ложа эта была тайною. Основатели ея положили—оставить въ сторонѣ всѣ второстепенные вопросы и, слившись во едино, стараться привлечь къ себѣ возможно большее число надежныхъ членовъ, а затѣмъ уже принять мѣры къ окончательному устройству своей системы и къ своему признанію въ масонскомъ мірѣ. Члены ея назвали себя братьями «внутренняго ордена», какъ бы желая выразить этимъ, что они будутъ придерживаться только коренныхъ догматовъ Общества, составляющихъ внутренній смыслъ масонства, общій для всѣхъ системъ. Формальныхъ собраній «Гармонія» не имѣла; члены ея сходились только для совѣщаній о томъ, какъ установить ее на прочныхъ основаніяхъ и достигнуть высшихъ масонскихъ степеней. Къ «Гармоніи» вскорѣ присоединился и Татищевъ. Такимъ образомъ въ 1781 году масонство въ Москвѣ представляло слѣдующую картину: ложи, существовавшія прежде, продолжали свои работы, слѣдуя разнымъ системамъ, и были разрознены; но въ каждой системѣ нашлось нѣсколько вліятельныхъ, энергичныхъ людей, которые соединились между собой въ «Гармоніи», съ тѣмъ, чтобы оставивши въ сторонѣ всѣ пререканія по второстепеннымъ деталямъ, отдаться исключительно вопросамъ о сліяніи всѣхъ существующихъ ложъ въ одинъ правильно организованный союзъ, кото-

рый бы входилъ полноправнымъ членомъ въ общеніе съ европейскимъ масонствомъ.

Предсѣдательствовали въ «Гармоніи» Татищевъ и Новиковъ. Татищевъ потому, что былъ Намѣстнымъ Мастеромъ системы «строгаго наблюденія», къ которой принадлежало большинство членовъ «Гармоніи», а Новиковъ—какъ наиболѣе вліятельный изъ масоновъ, не принадлежавшихъ къ этой системѣ.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ мы уже говорили, въ Европѣ получило особенное вліяніе масонство системы «строгаго наблюденія». Оно было признано почти всѣми германскими ложами и пріобрѣло сочувствіе герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Значеніе этой системы признавали масоны всѣхъ оттѣнковъ, за исключеніемъ Швеціи, а также и Россіи, которая еще не пріобрѣла чести считаться самостоятельною масонскою провинціею и считалась подчиненной Швеціи. Въ концѣ 1779 г. глава шведскаго масонства, герцогъ Зюдермарландскій, совершилъ самовольный поступокъ, возмутившій противъ него всѣхъ масоновъ, въ томъ числѣ и русскихъ, ему подчиненныхъ. Они тогда же пожелали отложиться отъ него и пріобрѣсти въ Европѣ значеніе самостоятельной единицы.

Весною 1781 года Шварцъ отправлялся за границу и предложилъ членамъ «Гармоніи» выдать ему полномочія для сношенія съ Берлинскими масонами, работавшими по системѣ «строгаго наблюденія». Предложеніе это было принято, и Шварцу дана довѣренность на открытіе высшихъ степеней масонства.

Мы не будемъ излагать подробностей путешествія Шварца и сношеній его съ заграничными масонами. Скажемъ только о результатахъ его поѣздки. При помощи принца Фердинанда Брауншвейгскаго, который очень любезно его принялъ, онъ достигъ того, что русское масонство было признано вполнѣ независимою, самостоятельною провинціею въ масонскомъ мірѣ. Кромѣ того онъ привезъ право на основаніе въ Москвѣ ордена розенкрейцеровъ («Злато-розоваго креста»), имѣвшаго масонскія формы, но въ который могли быть принимаемы лишь немногіе избранные. Организація эта была высшая. Но наибольшее значеніе поѣздка Шварца имѣла для Новикова: Шварцъ устроилъ ему сношенія со многими учеными центрами Германіи и особенно съ Лейпцигомъ, чѣмъ оказалъ большое содѣйствіе оживленію торговли иностранными книгами, продажа которыхъ была заведена еще раньше въ книжной лавкѣ.

По возвращеніи въ Москву, Шварцъ засталъ въ ней перемѣну, имѣвшую большое значеніе для членовъ «Дружескаго Ученаго Общества». Главнокомандующій Москвы, князь Долгоруковъ-Крымскій умеръ и на мѣсто его назначенъ былъ графъ Чернышевъ, человѣкъ честный и большой покровитель просвѣщенія. Изъ людей, которыми онъ себя вскорѣ окружилъ, многіе были масонами и членами «Дружескаго Ученаго Общества». Нѣкоторые изъ нихъ состояли даже у него на службѣ. Такъ напримѣръ, Ив. П. Тургеневъ служилъ у него генеральсъ-адъютантомъ. Въ то же время въ число масоновъ и членовъ «Др. Об.» вскорѣ вступило еще два человѣка, служившіе подъ начальствомъ гр. Чернышева: правитель его канцеляріи Семенъ Ив. Гамалѣя и Ив. Влад. Лопухинъ, назначенный графомъ Чернышевымъ сначала совѣтникомъ, а потомъ предсѣдателемъ московской уголовной палаты.

Имена этихъ людей на всю жизнь остались тѣсно связанными съ именемъ Новикова и его кружка. С. Ив. Гамалѣя былъ малороссъ. Онъ учился въ Кіевской духовной академіи; началъ службу во флотѣ, а потомъ былъ правителемъ канцеляріи у гр. Чернышева сначала въ Бѣлоруссіи, во время его управленія, а потомъ въ Москвѣ. Гамалѣя отличался глубоко-религіознымъ направленіемъ ума, высокой честностью и необыкновенной добротою. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ, что они «не отъ міра сего». Матеріальныя блага не имѣли для него никакого значенія. Такъ, во время службы его въ Бѣлоруссіи, ему было пожаловано въ награду за усердную службу 300 душъ крестьянъ. Гамалѣя отказался отъ нихъ, говоря, что и съ одною своею душою не знаетъ что дѣлать, а какъ же управиться съ 300 чужихъ душъ. Въ Москвѣ его обокралъ разъ слуга на 500 рублей и бѣжалъ. Когда укравшаго поймали и привели къ Гамалѣѣ, тотъ сказалъ ему: «видно мнѣ не суждено имѣть людей; отпускаю тебя. Вотъ деньги, которыя ты взялъ, ступай съ Богомъ». Гамалѣя познакомился съ Новиковымъ и Шварцемъ еще раньше перехода своего на службу въ Москву, во время случайной туда поѣздки. Переселившись въ Москву совсѣмъ, онъ еще болѣе сблизился съ ними и сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ ихъ кружка. Его наклонности къ религіозному мистицизму и къ филантропіи нашли себѣ здѣсь полное удовлетвореніе. Какъ человѣкъ бѣдный, Гамалѣя не могъ быть конечно полезенъ Новиковскому кружку съ матеріальной стороны;

но за то онъ приносилъ Обществу свою дѣятельность и свою нравственную силу. Онъ зналъ хорошо языки: нѣмецкій, латинскій и нѣкоторые восточные, очень много переводилъ и вообще помогалъ Обществу въ его литературныхъ предпріятіяхъ. Затѣмъ Гамалѣя клалъ очень много трудовъ и заботъ на то, чтобы проложить въ жизни путь молодымъ людямъ, которые учились на счетъ «Дружескаго Общества». Онъ пріискивалъ имъ мѣста, доставлялъ работу, слѣдилъ за направленіемъ ихъ дѣятельности и т. д. Наконецъ Гамалѣя пользовался такимъ уваженіемъ въ обществѣ, что уже одно имя его возвышало въ глазахъ всѣхъ то предпріятіе, съ которымъ оно было связано.

Что касается Ив. Вл. Лопухина, то онъ принадлежалъ къ знатной и богатой фамиліи. Онъ былъ внукъ двоюроднаго брата первой супруги Петра I, царицы Евдокіи Ѳедоровны. Въ ранней молодости Лопухинъ былъ вольнодумцемъ, но потомъ раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ. Прочитавъ изслѣдованіе Сен-Мартеня «О заблужденіяхъ и истинѣ» и книгу Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ», Лопухинъ такъ проникся этими сочиненіями, что рѣшился вступить на путь масонства. Вскорѣ по возвращеніи Шварца изъ за границы онъ познакомился съ нимъ и съ Новиковымъ и сдѣлался тоже однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ московскаго масонства и «Дружескаго Ученаго Общества».

Лопухинъ помогалъ Обществу и деньгами, и своими многочисленными литературными работами, какъ переводными, такъ и оригинальными. Кромѣ того онъ приносилъ много пользы своими связями и своимъ общественнымъ положеніемъ. Лопухинъ былъ тоже очень добрый и великодушный человѣкъ. Сдѣлавшись предсѣдателемъ уголовной палаты, онъ стремился всегда къ облегченію участи преступниковъ и осмѣливался держаться во многихъ случаяхъ своего отдѣльнаго мнѣнія по этому поводу.

Съ возвращеніемъ Шварца изъ за границы и съ поступленіемъ новыхъ членовъ, дѣятельность «Дружескаго Ученаго Общества» сильно оживилась. Рѣшено было расширить до наибольшей степени изданіе и распространеніе книгъ. Но русскихъ сочиненій было мало, а книги на иностранныхъ языкахъ находили небольшой сбытъ. Надо было увеличить количество переводчиковъ. Къ этому дѣлу рѣшено было привлечь юношество, обучавшееся въ университетѣ. Съ одной стороны это должно было давать ему честный заработокъ, а съ другой — могло подвинуть

впередъ дѣло просвѣщенія. Но такъ какъ и среди студентовъ хорошо переводить могли лишь немногіе, по незнанію языковъ, то рѣшено было основать при университетѣ «Переводческую Семинарію», въ которой молодые люди должны были обучаться языкамъ на счетъ «Др. Общ.» Главнокомандующій одобрилъ этотъ проэктъ, и среди служащихъ университета онъ тоже нашелъ сочувствіе. Такимъ образомъ, въ іюнѣ 1782 года основалась Переводческая Семинарія на 16 человѣкъ, изъ которыхъ шестерыхъ бралъ на свое иждивеніе Татищевъ, а 10 остальныхъ—прочіе члены «Др. Общества». Число студентовъ въ основанной въ 1779 г. Педагогической Семинаріи возросло въ этомъ году до 30 чел., на содержаніе которыхъ отпускалось по 100 р. на каждаго. Для помѣщенія семинаристовъ Обществомъ былъ купленъ на имя Шварца домъ. Просвѣтительные планы «Др. Общества» совпали въ это время съ планами нашего правительства. Такъ, 7-го сентября 1782 г., появился указъ объ учрежденіи Коммиссіи Народныхъ Училищъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Завадовскаго. Для организаціи этихъ школъ былъ выписанъ спеціалистъ по этой части, ученый сербъ Янковичъ де Миріево.

Въ это же время члены «Друж. Уч. Общества» стали хлопотать объ оффиціальномъ утвержденіи своего общества. Для этого они обратились съ формальною просьбою чрезъ оберъ-полицмейстера къ главнокомандующему и къ архіепископу московскому Платону. Въ октябрѣ было получено разрѣшеніе главнокомандующаго и благословеніе Платона на открытіе публичныхъ засѣданій «Дружескаго Общества».

6-го ноября 1782 г. происходило первое торжественное публичное засѣданіе общества въ обширной залѣ Татищевскаго дома. Въ числѣ публики былъ и главнокомандующій.

Въ то время, когда все, кажется, сулило успѣхъ и процвѣтаніе предпріятію Новикова и Шварца, надъ головою послѣдняго стали скопляться непріятности, которыя, постепенно увеличиваясь, заставили его наконецъ выдти изъ университета и были отчасти причиною его преждевременной смерти.

Освободившись отъ обязательныхъ занятій, Шварцъ сталъ ревностнѣе чѣмъ прежде заниматься масонскими дѣлами. Основавъ орденъ Розенкрейцеровъ въ Россіи, онъ скоро объявилъ его членамъ, что по полученнымъ имъ извѣстіямъ изъ Берлина они скоро будутъ зачислены въ тамошній капитулъ, но что для этого надо послать

прошеніе въ Берлинъ. Новиковъ, относившійся недовѣрчиво къ неизвѣстнымъ ему заграничнымъ масонскимъ ложамъ, колебался подавать прошеніе и спрашивалъ у Шварца о цѣляхъ заграничнаго братства и нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь противнаго христіанской вѣрѣ и правительственной власти. Шварцъ увѣрилъ его въ противномъ и говорилъ, что тайны Розенкрейцерскаго ученія ведутъ кратчайшимъ путемъ къ познанію Бога, человѣка и природы. Тогда Новиковъ отдалъ ему прошеніе отъ себя, а также отъ своего брата Алексѣя Ивановича, отъ Гамалѣи, Лопухина, Тургенева, Кутузова и Чулкова. Кромѣ того прошенія подали князья Трубецкіе, князь Черкасскій, князь Энгалычевъ. Весной 1783 года изъ Берлина пришло извѣстіе, что члены, подавшіе прошеніе, зачислены въ Розенкрейцерское братство и что управленіе московскимъ отдѣломъ поручено Шварцу. Тутъ кстати будетъ замѣтить, что за послѣднее время между Новиковымъ и Шварцемъ возникали частыя недоразумѣнія и явилось даже нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ изъ за масонства. Шварцъ упрекалъ Новикова, что тотъ слишкомъ холодно относится къ масонскимъ дѣламъ. А Новиковъ съ своей стороны удерживалъ Шварца отъ излишнихъ увлеченій высшими степенями и заграничными системами. Новиковъ дѣйствительно относился холоднѣе другихъ къ масонскимъ упражненіямъ, во 1-хъ потому, что занятъ былъ типографскими и издательскими дѣлами; а затѣмъ онъ всегда и раньше относился не только холодно, но даже враждебно ко всевозможнымъ масонскимъ обрядамъ и формамъ. Для него была важна сущность масонства, его идея. Проникнувшись ею, онъ старался всевозможными путями провести ее въ жизнь и въ этомъ находилъ свое удовлетвореніе.

1783 годъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ дѣятельности «Дружескаго ученаго общества». Засѣданія его велись публично. На нихъ, кромѣ денежныхъ отчетовъ, читались письма, получаемыя обществомъ, разные педагогическіе проэкты, произносились назидательныя рѣчи и пр. Число воспитанниковъ въ двухъ семинаріяхъ—педагогической и переводческой—достигало 50 человѣкъ. Пожертвованія дѣлались въ такомъ изобиліи, что, кромѣ изданія полезныхъ книгъ и содержанія семинаристовъ, часть денегъ могла быть удѣляема на филантропическія дѣла, какъ напр. на устройство больницы для бѣдныхъ. Кромѣ всего этого, общество получило возможность, благодаря указу прави-

тельства о вольныхъ типографіяхъ, съ января 1783 г. расширить свою типографскую и издательскую дѣятельность. До 1783 г. типографіи принадлежали исключительно правительству и существовали при казенныхъ учрежденіяхъ; а 15 января 1783 г. вышелъ указъ, которымъ правительство, озабоченное въ то время тоже вопросомъ о просвѣщеніи, разрѣшало заводить типографіи каждому, кто захочетъ. Вслѣдствіе этого въ столицахъ открылось постепенно много типографій. Формальности, необходимыя при печатаніи книгъ, не были строго опредѣлены. Въ столицахъ правила цензуры возлагались на управу благочинія, а въ провинціяхъ—на мѣстныя полицейскія власти. Но объ нихъ не было дано никакихъ спеціальныхъ инструкцій. На заглавномъ листѣ книги выставлялась только общая форма: «печатано въ такой-то типографіи, въ такомъ-то году, съ указнаго дозволенія». «Друж. Об.» не замедлило воспользоваться этимъ указомъ. До сихъ поръ оно имѣло возможность печатать книги, признаваемыя имъ полезными, лишь въ университетской типографіи. Но Новиковъ долженъ былъ въ ней печатать и много вещей, чуждыхъ цѣлямъ общества, отчасти по оффиціальнымъ порученіямъ, а отчасти для полученія средствъ на плату аренды университету. Теперь общество получило возможность основать типографіи, которыя отвѣчали бы только ея цѣлямъ. Поэтому въ томъ же году основано было 2 типографіи. Одна—на имя Новикова, а другая—на имя Лопухина. Кромѣ того, около этого же времени, основана была собственно розенкрейцерами «тайная» типографія, т. е. не числившаяся въ общемъ счету. Она помѣщалась въ домѣ Шварца и состояла изъ двухъ станковъ, на которыхъ работали рабочіе-нѣмцы, не имѣвшіе никакого сообщенія съ прочими и получавшіе отдѣльную плату. Въ ней печатались въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ книги, особенно важныя для масоновъ. Это были переводы съ французскаго и нѣмецкаго, сдѣланные самими розенкрейцерами. Корректуру держалъ Лопухинъ, и листы, представленные въ цензуру, держалъ у себя. Книги эти раздавались даромъ избраннымъ, а въ продажу не поступали. Не розданные экземпляры книгъ тщательно скрывались.

По примѣру Новикова частныя типографіи стали открываться съ этого времени и въ провинціи. По его же примѣру стали открываться въ Москвѣ и книжныя лавки, а самъ онъ завелъ нѣсколько книжныхъ лавокъ въ провинціальныхъ городахъ.

Въ концѣ 1783 г. оба главнѣйшихъ дѣятеля «Друж. Общества», Новиковъ и Шварцъ, тяжко захворали. Новиковъ, проболѣвъ 4 мѣсяца, поправился, а Шварцъ, силы котораго давно уже были подорваны и чрезмѣрными трудами и непріятностями, не перенесъ болѣзни и умеръ 17 февраля 1784 года въ имѣньѣ князя Николая Никитича Трубецкаго, имѣя только 33 года отъ роду.

Смерть Шварца была тяжелою утратою не только для друзей его и для «Друж. Уч. Общества», но и для университетскаго юношества, которое привыкло видѣть въ немъ высшій авторитетъ, человѣка почти идеальной честности и благородства и искренняго наставника и друга.

Послѣ смерти Шварца домъ его у Меньшиковой башни перешелъ, вѣроятно, по его предсмертному распоряженію, въ вѣдѣніе Общества. Воспитанники семинаріи, состоявшіе на иждивеніи Общества и жившіе въ этомъ домѣ, были поручены попеченію князя Энгалычева. Женѣ своей и дѣтямъ Шварцъ ничего не оставилъ, но, по предложенію Новикова, Общество назначило имъ пенсію, а кромѣ того, Татищевъ далъ отъ себя женѣ Шварца 28.000 рублей.

Въ 1784 г. вскорѣ послѣ смерти Шварца «Дружеское Общество» приступило къ основанію крупнаго коммерческаго предпріятія, получившаго вскорѣ очень большое значеніе. Предпріятіемъ этимъ было основаніе «Типографической компаніи». «Дружеское Общество», имѣя въ виду педагогическія и просвѣтительныя цѣли, не могло не считать для себя важнымъ правильную и прочную постановку типографскаго и издательскаго дѣла. До сихъ поръ типографія была исключительно въ рукахъ Новикова и дѣло шло хорошо. Но Новиковъ, какъ и всякое частное лицо, былъ подверженъ разнымъ случайностямъ. Слѣдовало поэтому создать центръ, который былъ бы отъ нихъ независимъ и обезпеченъ матеріально взносами участниковъ, связанныхъ съ нимъ общими интересами. Поэтому рѣшили составить въ складчину капиталъ, распоряжаться которымъ сообща должны были пайщики, по заключенному между собою формальному контракту. На собранныя средства рѣшено было основать обширную типографію, покупать книги для переводовъ, рукописи для изданій и т. п. Для управленія этимъ дѣломъ пайщики выработали особыя правила. Компанія составилась изъ 14 человѣкъ.

Управленіе дѣлами поручено было: Н. Ив. Новикову, Гамалѣѣ, Ив. Вл. Лопухину, Кутузову, бар. Шредеру и двумъ

Трубецкимъ. Остальные члены собирались только на общія собранія. Въ фондъ «Типографической компаніи», кромѣ значительныхъ денежныхъ взносовъ, вошло также и имущество, принадлежавшее «Друж. Обществу», какъ напр. домъ, числившійся за Шварцемъ, разныя типографскія принадлежности, книги, типографія Лопухина, и впослѣдствіи даже частное имущество, какъ напр. типографія Новикова. Капиталъ «Типографической компаніи» составился изъ взносовъ—въ общей сложности на сумму 57 тыс. рублей. Братья Новиковы передали компаніи вмѣсто денегъ книгъ на 80 тыс. руб., по оцѣнкѣ 25 к. за рубль обыкновенной продажной цѣны. Гамалѣя и кн. Энгалычевъ были приняты въ число членовъ безъ взноса. Распоряженіе всѣми этими капиталами было предоставлено Н. И. Новикову, какъ самому уважаемому члену и самому опытному человѣку въ типографскомъ и издательскомъ дѣлѣ.

Первымъ дѣломъ компаніи было завести обширную типографію на 20 становъ, которая считалась принадлежащей не частному лицу, а цѣлому товариществу. Помѣщалась она сначала тоже въ домѣ Новикова, который былъ душою всего предпріятія. Онъ не только управлялъ типографіею въ тѣсномъ смыслѣ, но кромѣ того заказывалъ переводы, просматривалъ рукописи, велъ переговоры съ переводчиками и сочинителями. До какой степени добросовѣстно Новиковъ относился къ издательскому дѣлу, до какой степени боялся кого нибудь оттолкнуть отъ него и напротивъ старался всѣми силами привлечь къ литературѣ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: онъ платилъ небывалыя по тому времени цѣны за переводы, а произведенія оригинальныя оплачивалъ еще лучше. Иной разъ ему случалось покупать два-три перевода одного и того же произведенія; онъ выбиралъ лучшій и печаталъ, остальные сжигалъ; но никогда не отказывался принять лишній переводъ, чтобы не отбить у переводчиковъ охоту къ работѣ.

Говоря объ издательской и литературной дѣятельности Новикова въ Москвѣ, мы почти не упоминали о журнальной его дѣятельности за это время. Не желая говорить о каждомъ изъ журналовъ въ отдѣльности, постараемся указать общее ихъ содержаніе и направленіе.

По переѣздѣ въ Москву, Новиковъ продолжалъ изданіе «Утренняго Свѣта» до конца 1780 года. Покончивъ съ этимъ журналомъ, онъ съ 1781 года начинаетъ издавать другой, подъ

названіемъ: «Московское ежемѣсячное изданіе, заключающее въ себѣ собраніе разныхъ лучшихъ статей, касающихся до нравоученія, политической и ученой исторіи и пр.». Изданіе это служило продолженіемъ «Утренняго Свѣта» и отвѣчало тѣмъ же цѣлямъ, т. е. издавалось въ пользу двухъ Петербургскихъ училищъ, Екатерининскаго и Александровскаго, существовавшихъ до 1782 года. Продолженіемъ «Московскаго ежемѣсячнаго изданія» явилась въ 1782 г. «Вечерняя Заря». Наконецъ въ 1784 г. вышелъ послѣдній Новиковскій журналъ, служившій продолженіемъ «Вечерней Зари»,—«Покоящійся Трудолюбецъ».

О содержаніи журнала «Утренній Свѣтъ» мы уже говорили. Что же касается до остальныхъ трехъ журналовъ, то, при большомъ разнообразіи содержанія каждаго изъ нихъ, они отличаются строгимъ единствомъ направленія. Въ нихъ читатель находитъ статьи философскаго характера, психологическія, педагогическія, сатирическія, статьи по общественнымъ вопросамъ, научныя и наконецъ масонскія въ тѣсномъ смыслѣ. Послѣднихъ впрочемъ очень немного. При этомъ всѣ три журнала представляютъ цѣльное и серьезное міросозерцаніе почти по каждому изъ указанныхъ вопросовъ.

Всѣ статьи проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ разуму и къ мышленію, причемъ нравственность и различныя душевныя способности, какъ то: воля, совѣсть, страсти человѣческія ставятся отъ него въ прямую зависимость. Еще въ «Утреннемъ Свѣтѣ» говорится, что «непросвѣщеніе ума и необузданность сердца всегда вмѣстѣ». Въ «Московск. изд.» говорится, что «мышленіе есть жизнь» и что «истинная мудрость тѣсно связана съ доброй нравственностью».

Высокое значеніе, отводимое журналами разуму и мышленію, возвышаетъ и значеніе науки. «Невѣжество», говоритъ «Моск. Изд.», «есть ядовитый источникъ, изъ коего проистекаютъ всѣ мученія, обременяющія вселенную: слѣпое суевѣріе, беззаконіе и варварство, уничтожающее искусство, суть его спутники». Признавая громадную роль разума, Новиковъ проповѣдуетъ однако и необходимость вѣры, которая должна являться тамъ, гдѣ разумъ безсиленъ. Разумъ и вѣра должны подкрѣплять и дополнять другъ друга, потому что разумъ безъ вѣры приводитъ къ отрицанію Бога и священнаго писанія, къ ученію энциклопедистовъ, противъ которыхъ Новиковъ вооружается во всѣхъ своихъ журналахъ. Съ

другой стороны, вѣра, не руководимая разумомъ, приводитъ къ суевѣрію и фанатизму, противъ которыхъ издатель вооружается едва ли еще не болѣе, чѣмъ противъ энциклопедистовъ. За последними онъ все таки признаетъ нѣкоторыя научныя заслуги, первыхъ же считаетъ безусловно вредными.

Сатира Новикова, почти не замѣтная въ «Утреннемъ Свѣтѣ», усиливается въ «Московскомъ Изданіи» и является наконецъ въ полномъ блескѣ въ двухъ послѣднихъ журналахъ—въ «Вечерней Зарѣ» и «Покоящемся Трудолюбцѣ». Сатира эта—не менѣе яркая, чѣмъ въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ»,—носитъ еще болѣе серьезный, еще болѣе скорбно-негодующій характеръ. Она направлена противъ коренныхъ недостатковъ русскаго общества, противъ невѣжества, противъ пустой и безсмысленной жизни, въ которой отсутствуютъ всякіе идеалы, противъ ханжества, лицемѣрія, пустосвятства, взяточничества и пр. Попрежнему особенною рѣзкостью и скорбью звучатъ его сатиры, бичующія жестокое и безчеловѣчное отношеніе къ крестьянамъ. Крестьянскій вопросъ есть одинъ изъ тѣхъ, которые Новиковъ затрогивалъ рѣшительно во всѣхъ своихъ журналахъ. Изъ всѣхъ его сатиръ и статей, касающихся положенія крестьянъ, нельзя не вывести заключенія, что онъ былъ горячій и искренній противникъ крѣпостнаго права и имѣлъ смѣлость высказывать свои взгляды безъ всякаго стѣсненія. Кромѣ крестьянскаго вопроса въ области публицистики Новиковъ касается еще женскаго вопроса. Онъ говоритъ, что женщинѣ образованіе необходимо также, какъ и мужчинѣ, и что семейное счастіе возможно только при условіи, чтобы жена могла раздѣлять интересы мужа. Затѣмъ Новиковъ возстаетъ противъ различныхъ общественныхъ предразсудковъ, какъ напр. противъ дуэлей. Онъ говоритъ, что честь свою можно защитить только добродѣтельной жизнью; поединокъ-же является преступленіемъ противъ общества, такъ какъ каждый человѣкъ созданъ для общественной жизни. Новиковъ вообще врагъ всякаго насилія и врагъ войны. Онъ признаетъ только войну оборонительную и ставитъ идеаломъ братство народовъ. Вопросовъ политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, онъ, по обстоятельствамъ времени, мало касался. Тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ напр. о честности въ политикѣ; не высказываясь опредѣленно относительно той формы правленія, которая предпочитается имъ, онъ рисуетъ передъ читателемъ идеалъ государя, могущаго, по его мнѣнію, доставлять счастье подданнымъ.

Такой государь долженъ слѣдовать неуклонно законамъ, быть доступенъ для всѣхъ и умѣть владѣть своими страстями. Онъ обязанъ стремиться къ улучшенію положенія своихъ подданныхъ, уменьшая налоги, покровительствуя наукамъ, искусствамъ и торговлѣ, а также преслѣдуя мирную политику относительно другихъ державъ. Въ области внутренней политики Новиковъ высказывается за равномѣрное распредѣленіе налоговъ на всѣхъ гражданъ, безъ различія званія. Статьи научнаго характера по естествовѣдѣнію, этнографіи, исторіи и пр. имѣютъ мѣсто преимущественно въ двухъ послѣднихъ журналахъ, т. е. въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» и «Вечерней Зарѣ».

Ко всему сказанному нами о московскихъ журналахъ Новикова прибавимъ еще слѣдующее.

Разсматривая содержаніе «Утренняго Свѣта», мы указывали, что большая часть статей въ этомъ журналѣ были переводныя. Въ послѣдующихъ журналахъ, сотрудниками которыхъ являлись во множествѣ окончившіе студенты и питомцы «Дружескаго общества»,—мы замѣчаемъ постоянное увеличеніе оригинальныхъ статей насчетъ переводныхъ.

Переводныхъ статей достаточно конечно и въ этихъ журналахъ, но онѣ не играютъ уже такой первенствующей роли, какъ въ «Утреннемъ свѣтѣ». Это заставляетъ насъ думать, что въ промежуткѣ времени между изданіемъ «Утренняго свѣта» и «Покоящагося трудолюбца» успѣлъ уже выработаться въ достаточномъ количествѣ свой русскій писатель, вытѣснившій до нѣкоторой степени переводы со страницъ журналовъ.

Кромѣ того, въ теченіи десятилѣтняго существованія «Московскихъ Вѣдомостей», подъ редакціей Новикова при нихъ выходили въ видѣ прибавленій журналы: «Экономическій Магазинъ», «Городская и деревенская библіотека» и «Дѣтское чтеніе», а также отдѣльные листы такъ называемыхъ «Приложеній». Въ этихъ прибавленіяхъ Новиковъ давалъ интересныя популярныя статьи по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію и др. Особенно замѣчательны его педагогическія статьи въ «Приложеніяхъ» за 1783—84 г.г., изъ которыхъ нѣкоторыя вѣроятно принадлежатъ его собственному перу. Въ нихъ затрогиваются всѣ существенные вопросы педагогики, и въ своей совокупности онѣ представляютъ цѣлый курсъ воспитанія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что взгляды, заключающіеся въ этихъ статьяхъ, не только не устарѣли до нашего

времени и не стоятъ ниже современныхъ идеаловъ педагогики, но во многомъ представляютъ еще до сихъ поръ цѣль, которую желательно было бы достигнуть. Мы не станемъ излагать здѣсь въ подробностяхъ педагогическіе взгляды Новикова; скажемъ только, что, признавая тѣсную связь между воспитаніемъ и образованіемъ, онъ ставитъ цѣлью ихъ приготовленіе хорошихъ гражданъ и счастливыхъ людей и что въ то время, когда въ русской жизни вообще, а въ воспитаніи въ особенности практиковались совершенно Домостроевскіе пріемы, Новиковъ проповѣдывалъ гуманность въ обращеніи съ дѣтьми, отрицалъ пользу тѣлесныхъ наказаній и требовалъ уваженія къ личности ребенка и признанія ея самостоятельности.

ГЛАВА V.

Первыя тучки на горизонтѣ общественной дѣятельности Новикова.—Столкновенiе съ коммиссiей народныхъ училищъ и iезуитами.—Враждебное отношенiе къ московскимъ масонамъ графа Брюса.—Екатерина II поручаетъ архiепископу Платону разсмотрѣть всѣ книги, изданныя Новиковымъ и „испытать его въ законѣ Божiемъ“.—Указы и комедiи императрицы, направленныя противъ масоновъ.—Допросъ Новикова въ губернскомъ правленiи.—Закрытiе масонскихъ ложъ въ Москвѣ.—Общiй голодъ въ 1787 г.—Воспрещенiе печатать книги духовнаго содержанiя въ свѣтскихъ типографiяхъ.—У Новикова отбираютъ университетскую типографiю и „Московскiя Вѣдомости“.—Общая характеристика Новиковскихъ изданiй.

Мы видѣли, что до сихъ поръ дѣятельность Новикова развивалась почти безпрепятственно. Особенно хорошо шли его дѣла въ Москвѣ, гдѣ съ самаго начала и до 1784 года ему не пришлось вынести ни одной непрiятности со стороны оффицiальныхъ лицъ. Хотя императрица давно уже отъ него отвернулась, но ничѣмъ пока не выражала своего къ нему недоброжелательства. Происходило это, можетъ быть, отчасти потому, что Новиковъ дѣйствовалъ далеко отъ нея, а лица, стоявшiя во главѣ управленiя Москвою, относились къ нему не только снисходительно, но явно ему покровительствовали; а съ другой стороны, вѣроятно, просто не представлялось повода для его преслѣдованiя.

Въ августѣ 1784 г. счастье измѣняетъ Новикову и для него начинается цѣлый рядъ непрiятностей, сначала мелкихъ, а потомъ все болѣе и болѣе значительныхъ, которыя привели наконецъ къ полному прекращенiю его дѣятельности и къ его аресту.

Первая непрiятность произошла собственно изъ за пустяковъ. Коммиссiя народныхъ училищъ въ Петербургѣ, издавая учебники для вновь открытыхъ ею школъ, заключила контрактъ съ нѣкiимъ Бернардомъ Брейткопфомъ, по которому она обязывалась печа-

тать всѣ свои изданія исключительно въ его типографіи втеченіи шести лѣтъ. Между тѣмъ коммиссія усмотрѣла, что въ университетской книжной лавкѣ въ Москвѣ и въ петербургской книжной лавкѣ коммиссіонера Артамонова продаются двѣ книги: «Сокращенный катехизисъ» и «Руководство къ чистописанію», перепечатанныя Новиковымъ въ своей типографіи. Находя эти дѣйствія нарушающими права Брейткопфа и вредящими интересамъ казны, коммиссія отнеслась бумагою къ графу Чернышеву, прося его разслѣдовать, кѣмъ и сколько именно перепечатано въ Москвѣ книгъ ею изданныхъ, описать имѣющіеся на лицо перепечатанные экземпляры и продать ихъ въ ея пользу, а также взыскать съ виновныхъ деньги, полученные за проданныя уже экземпляры, и представить ихъ въ коммиссію.

Въ то время, когда посылалась эта бумага, гр. Чернышевъ, искренно расположенный къ Новикову, умеръ и бумага была принята временно исполнявшимъ должность главнаго начальника, оберъ-полицмейстеромъ Архаровымъ, который распорядился объ отобраніи тотчасъ-же отъ Новикова свѣдѣній по этому вопросу. Новиковъ показалъ, что онъ не только перепечаталъ указанныя 2 книги, но что готовится перепечатать еще два учебника, изданныхъ коммиссіею начальныхъ училищъ, и что дѣлалъ онъ это по приказанію покойнаго графа Чернышева, полученному имъ оффиціально, на бумагѣ, отъ правителя канцеляріи графа Чернышева— Гамалѣи. Кромѣ того, это приказаніе было подтверждено 2 раза устно генеральсъ-адъютантами графа. Цѣна на вышеуказанные учебники была тоже назначена самимъ гр. Чернышевымъ. Генеральсъ-адъютанты И. П. Тургеневъ и Н. И. Ртищевъ вполнѣ подтвердили показанія Новикова. Тѣмъ не менѣе съ нимъ по видимому было поступлено такъ, какъ предписывала коммиссія.

Въ это же время съ Новиковымъ случилась и другая непріятность, гораздо болѣе серьезнаго характера. Онъ навлекъ на себя неудовольствіе самой императрицы по слѣдующему поводу: въ половинѣ 18-го столѣтія, орденъ іезуитовъ потерпѣлъ повсемѣстно въ Европѣ пораженіе и сталъ отовсюду изгоняться. Гонимые іезуиты нашли убѣжище въ Россіи и съумѣли заинтересовать своей участью и расположить къ себѣ императрицу и многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Между тѣмъ Новиковъ, въ одномъ изъ своихъ «Прибавленій» къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» 1784 года, напечаталъ «Исторію ордена іезуитовъ». Авторъ этой статьи

разсказываетъ исторію возникновенія ордена, отличіе его отъ другихъ монашескихъ орденовъ, цѣли его и средства, къ которымъ прибѣгали іезуиты для ихъ достиженія. Авторъ отнесся довольно снисходительно къ іезуитамъ; онъ призналъ за ними даже нѣкоторыя заслуги. Такъ напр. онъ говоритъ, что этотъ орденъ далъ изъ себя болѣе ученыхъ, чѣмъ какой либо другой, что іезуиты были искуссными воспитателями и способствовали просвѣщенію и успѣху наукъ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ ставитъ іезуитамъ и нѣкоторыя обвиненія. Такъ напр. онъ говоритъ, что іезуиты желали создать государство въ государствѣ, что цѣли ихъ были направлены къ пріобрѣтенію власти и къ обогащенію, а средства, употребляемыя для достиженія этихъ цѣлей, были часто непозволительны и пр.

Іезуиты быстро сообразили, что, не смотря на всю сдержанность этой статьи, она для нихъ невыгодна. Они обратили на нее вниманіе императрицы и постарались ей внушить, что появленіе статьи, направленной противъ лицъ, которымъ она покровительствуетъ, есть актъ неуваженія къ ней. Императрица разсердилась и послала полицемейстеру Архарову указъ о запрещеніи печатать въ Москвѣ «ругательную исторію іезуитскаго ордена», а если она уже вышла—отобрать ея экземпляры у получившихъ ее лицъ. Приказаніе это было въ точности исполнено.

Не смотря однако на эти непріятности, дѣятельность «Дружескаго общества» продолжала еще развиваться и оно пріобрѣтало все новыхъ, полезныхъ для себя членовъ.

Такъ, въ 1785 году къ нему присоединились еще два замѣчательныхъ человѣка: Григорій Максимовичъ Походяшинъ и будущій историкъ Н. М. Карамзинъ.

Премьеръ-маіоръ Походяшинъ былъ сынъ богатѣйшаго купца, который самъ былъ личностью выдающеюся по уму, энергіи и предпріимчивости. Максимъ Михайловичъ Походяшинъ былъ когда-то крестьяниномъ Казанской губ. и занимался извозомъ въ Верхотурьѣ. Случайно онъ открылъ пріиски мѣдной руды, выхлопоталъ себѣ ссуду отъ казны на ея разработку и сталъ богатѣть. Этотъ-то замѣчательный человѣкъ, любившій самъ жить просто, по старинному, — воспиталъ дѣтей своихъ по новому, не жалѣя для того никакихъ средствъ. Григорій Максимовичъ былъ младшимъ сыномъ, служилъ въ гвардіи и въ чинѣ премьеръ-маіора вышелъ въ отставку. Еще будучи на службѣ въ

*

Петербургѣ, онъ поступилъ въ масоны, а по пріѣздѣ въ Москву въ 1785 г. познакомился съ Новиковымъ и сдѣлался его усерднымъ почитателемъ. Здѣсь онъ получилъ теоретическій масонскій градусъ и сдѣлался, такимъ образомъ, членомъ кружка московскихъ масоновъ.

Н. М. Карамзинъ, въ то время еще совсѣмъ юноша, примкнулъ къ членамъ «Дружескаго ученаго общества» благодаря содѣйствію Ив. П. Тургенева, познакомившагося съ нимъ въ Симбирскѣ. Тургеневъ былъ симбирскій помѣщикъ и, проживая въ 1785 году въ Симбирскѣ по дѣламъ имѣнья, встрѣтился въ обществѣ съ Карамзинымъ, игравшимъ тамъ большую роль. Карамзинъ былъ уже тогда въ отставкѣ, въ чинѣ поручика. Тургеневъ, выдѣлившій сразу Карамзина изъ окружавшей его среды, вскорѣ сошелся съ нимъ, и, оцѣнивъ его умъ и блестящія способности, сталъ говорить ему, что грѣшно тратить такія дарованія исключительно на свѣтскія удовольствія, что есть другія, высшія цѣли въ жизни. Онъ убѣждалъ Карамзина ѣхать въ Москву и примкнуть къ дѣятельности его кружка. Карамзинъ согласился, переѣхалъ въ Москву и сошелся тутъ съ членами «Дружескаго общества». Послѣдніе стали всячески помогать ему въ довершеніи образованія и въ занятіяхъ литературными трудами.

Карамзинъ поселился въ бывшемъ домѣ Шварца, вмѣстѣ съ Петровымъ, съ которымъ онъ былъ уже давно знакомъ и даже друженъ. Петровъ принималъ близкое участіе въ литературныхъ дѣлахъ «Дружескаго общества». Онъ занимался переводами для его изданій и редактировалъ съ 1785 г. журналъ «Дѣтское чтеніе», въ которомъ Карамзинъ помѣщалъ свои первые труды. Четыре года проработалъ Карамзинъ подъ руководствомъ Новиковскаго кружка. Этотъ серьезный трудъ и постоянное общеніе съ самыми лучшими и образованными людьми того времени имѣли большое вліяніе на развитіе его таланта. Карамзинъ скоро отрекся отъ солидарности съ масонскимъ ученіемъ, но навсегда сохранилъ дружескія отношенія къ Новикову и благодарныя воспоминанія о членахъ его кружка.

Въ 1785 г. «Дружескимъ обществомъ» совершена была покупка обширнаго зданія, которое, будучи перестроено сообразно нуждамъ общества, могло вмѣстить нѣсколько разнородныхъ его учрежденій. Домъ этотъ, принадлежавшій прежде Гендриковымъ, былъ купленъ сначала на имя бар. Шредера, но потомъ Шредеръ

отказался отъ него, за неимѣніемъ денегъ, и онъ былъ перекупленъ на имя «Типографической К°». Перестройкой его занимался Н. И. Новиковъ. Въ домѣ помѣстились: компанейская типографія и работавшіе въ ней рабочіе, а также аптека, устроенная обществомъ, изъ которой бѣднякамъ выдавались даромъ лекарства. Члены общества покупали за границей разные медикаменты и вводили въ Россію употребленіе неизвѣстныхъ въ ней доселѣ лекарствъ.

Въ этомъ же домѣ помѣщались: вдова Шварца съ дѣтьми, Гамалѣя и братъ Николая Ивановича—Алексѣй Ивановичъ Новиковъ. Тутъ же было устроено помѣщеніе и для розенкрейцерскихъ собраній.

Здѣсь надо упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ впослѣдствіи значеніе для Новикова. Баронъ Шредеръ, купившій было вначалѣ Гендриковскій домъ, а потомъ отъ него отказавшійся, пожелалъ послѣ этого выдѣлиться изъ компаніи и совершить сдѣлку, выгодную для него и невыгодную для компаніи. Новиковъ, понявшій разсчеты Шредера и знавшій лучше, чѣмъ кто либо другой, дѣла товарищества, воспротивился этой сдѣлкѣ, склонивъ и другихъ членовъ къ поддержкѣ своего мнѣнія. Послѣдствіемъ этого была ненависть бар. Шредера къ Новикову и желаніе ему отмстить. Въ этомъ же году при типографіи Новикова, въ числѣ другихъ рѣдкихъ книгъ, вышло замѣчательное сочиненіе Сен-Мартеня «О заблужденіи и истинѣ», въ переводѣ П. И. Страхова, бывшаго впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета. Въ 1785 г. Страховъ отправлялся учиться за границу на счетъ «Дружескаго общества».

Не смотря однако на такое видимое процвѣтаніе дѣлъ общества, члены его не пользовались больше такою свободою въ своихъ поступкахъ, какъ при графѣ Чернышевѣ. У нихъ теперь явился сильный врагъ въ Москвѣ. Врагомъ этимъ былъ графъ Брюсъ, человѣкъ суровый и деспотичный. Брюсъ ненавидѣлъ масоновъ, подозрѣвая ихъ въ проповѣдываніи идей, подрывающихъ власть и существующій порядокъ. Онъ выражалъ свою антипатію къ нимъ открыто, говоря, что будетъ дѣлать имъ всякое зло. Такимъ образомъ, всѣ масоны, служившіе подъ начальствомъ графа Чернышева, какъ Гамалѣя, Тургеневъ и Лопухинъ, должны были выдти въ отставку. Брюсъ писалъ часто донесенія противъ масоновъ императрицѣ и вообще вредилъ имъ, гдѣ только могъ. Такъ,

когда Екатерина въ 1785 г. пріѣхала неожиданно въ Москву изъ Тверской губ., гдѣ она осматривала водяное сообщеніе, онъ не упустилъ случая наговорить на масоновъ и успѣлъ сильно возстановить ее противъ нихъ. Въ это время въ З. Европѣ случилось событіе, благодаря которому правительство наше стало смотрѣть на масоновъ еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ и даже враждебностью.

Мы уже говорили объ ученіи масонскаго ордена иллюминатовъ. Хотя оно открылось вполнѣ послѣ уничтоженія ихъ ордена, но и до этого времени иллюминаты возбуждали всеобщее недовѣріе въ Европѣ. Въ послѣднее время они, вмѣстѣ съ главою своимъ Вейсгауптомъ, нашли убѣжище въ Баваріи.

Однако Карлъ Теодоръ, курфирстъ баварскій, убѣдившись, благодаря неосторожности нѣкоторыхъ членовъ, въ преступности ихъ замысловъ, уничтожилъ орденъ указомъ въ августѣ 1785 г. Бумаги ордена были опечатаны и открыли свѣту истинныя цѣли иллюминатовъ. Всѣ правительства Европы заволновались, узнавъ, какая опасность угрожала ихъ спокойствію. Волненіе это не могло не отразиться и въ Петербургѣ. Къ московскимъ масонамъ, или— какъ ихъ всѣ называли—«Мартинистамъ», стали относиться еще хуже. Зложелательные языки не замедлили обвинить ихъ въ иллюминатствѣ. На самомъ дѣлѣ мартинисты не только были далеки отъ иллюминатства, но относились къ нему враждебно, такъ какъ еще раньше получали изъ Берлина циркуляры, которыми ихъ предостерегали отъ иллюминатовъ, какъ отъ людей, преслѣдующихъ политическія цѣли.

Въ данное время, въ виду волнующихъ общество обстоятельствъ, изъ Берлина пришелъ новый циркуляръ, подтверждавшій предостереженіе. Но у мартинистовъ, умѣвшихъ создать себѣ много почитателей, было вмѣстѣ съ тѣмъ и много враговъ. Одни видѣли въ нихъ шарлатановъ, которые прикрываются религіозными цѣлями для уловленія въ свои сѣти богатыхъ людей; духовенство считало ихъ какой-то особенной сектой, извращающей догматы православной церкви; люди болѣе серьезные подозрѣвали ихъ въ опасныхъ политическихъ замыслахъ, въ желаніи создать какую-то особенную отъ правительства власть въ государствѣ, а въ ихъ филантропическихъ и просвѣтительныхъ дѣлахъ видѣли просто способъ привлечь къ себѣ больше сторонниковъ и замаскировать свои истинныя цѣли. Такимъ образомъ смотрѣла на нихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и Екатерина. Настроен-

ная противъ мартинистовъ, она отправила въ октябрѣ 1785 г. въ Москву два указа: одинъ—графу Брюсу, другой—архіепископу Платону; указами этими повелѣвалось прозвести осмотръ всѣхъ имѣвшихся въ Москвѣ частныхъ училищъ, школъ и пансіоновъ, съ цѣлью узнать, какъ преподается въ нихъ Законъ Божій. «При этомъ долженствуетъ быть наблюдаемо», говорится въ указѣ, «*чтобы тутъ всякое суевѣріе, развращеніе и соблазнъ терпимы не были*», чтобы книги были употребляемы преимущественно тѣ, которыя изданы коммиссіей по народному образованію, и чтобы въ учителя были выбираемы лица «по полнымъ одобреніямъ въ ихъ нравахъ и образѣ мыслей». Ясно, на кого мѣтила императрица, издавая эти указы. Въ декабрѣ графъ Брюсъ и архіепископъ Платонъ получили новые указы. Брюсу предписывалось черезъ губернскаго прокурора сдѣлать опись книгамъ, изданнымъ Новиковымъ, и эту опись, вмѣстѣ съ экземпляромъ каждаго сочиненія, препроводить для разсмотрѣнія архіепископу Платону. Въ указѣ Платону сообщалось о распоряженіяхъ, данныхъ Брюсу, и кромѣ того предписывалось ему призвать Новикова и испытать его въ Законѣ Божіемъ, а книги его разсмотрѣть и донести обо всемъ императрицѣ и Синоду—«не скрывается ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры православной и гражданской должности». Далѣе говорится, что на основаніи полицейскихъ учрежденій всѣ книги, выходящія изъ печати, подвергаются цензурѣ, а такъ какъ иныя изъ нихъ касаются религіозныхъ вопросовъ, то архіепископъ долженъ назначить духовныхъ цензоровъ, которые должны будутъ разсматривать книги этого рода.

Московскій губернскій прокуроръ, получивъ предписаніе отъ Брюса, сдѣлалъ опись книгамъ, продававшимся у Новикова и отправилъ эту опись, съ приложеніемъ по экземпляру каждаго сочиненія, архіепископу Платону. Разсмотрѣнію подвергалось 461 сочиненіе. 11 января 1786 года Новиковъ былъ призванъ къ Платону, для испытанія его въ Законѣ Божіемъ. Ему было предложено 12 вопросовъ, на которые онъ долженъ былъ отвѣчать письменно. Изъ нихъ 11 касались собственно правовѣрія Новикова. Онъ долженъ былъ отвѣчать: признаетъ ли онъ бытіе Божіе, безсмертіе души и проч. Въ 12-мъ же спрашивалось: признаетъ ли онъ себя принадлежащимъ къ обществу франкъ-масоновъ? На первые 11 вопросовъ Новиковъ отвѣчалъ

утвердительно, а на 12-й отвѣтилъ, что издавна принадлежитъ къ обществу франкъ-масоновъ, такъ какъ не считалъ это общество противозаконнымъ, ибо къ нему принадлежали и высшіе сановники. Результатомъ этого испытанія было донесеніе императрицѣ архіепископа Платона, въ которомъ онъ говоритъ слѣдующее: «какъ передъ престоломъ Божьимъ, такъ и передъ престоломъ Твоимъ, всемилостивѣйшая государыня императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и Тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане такіе, какъ Новиковъ». Этотъ отвѣтъ архіепископа Платона указываетъ несомнѣнно на то, что онъ питалъ уваженіе къ Новикову.

Что же касается до книгъ, подвергшихся разсмотрѣнію Платона, то онъ раздѣлилъ ихъ на три разряда: къ первому причислилъ книги, которыя счелъ полезными для распространенія, ко второму книги мистическаго содержанія, о которыхъ онъ, по непониманію ихъ, судить не можетъ, наконецъ къ третьему разряду причислилъ книги, которыя считалъ безусловно вредными и подлежащими уничтоженію—то было сочиненія энциклопедистовъ.

Изъ этого мы опять таки считаемъ себя вправѣ заключить о добромъ отношеніи Платона къ Новикову. Врядъ ли онъ былъ вовсе не въ состояніи понять мистическихъ сочиненій; скорѣе онъ просто желалъ отклонить отъ себя приговоръ, могшій такъ или иначе повредить Новикову.

Впрочемъ, мнѣнію, высказанному архіепископомъ относительно разсмотрѣнныхъ книгъ, и не придали значенія. Книги, признанныя имъ вредными, были допущены къ продажѣ; тѣ же сочиненія, которыя онъ не пожелалъ понять, были признаны вредными и изъяты изъ обращенія. Этому подверглось 6 сочиненій мистическаго характера и между прочимъ соч. Сен-Мартеня: «О заблужденіи и истинѣ». Въ мартѣ 1786 г. гр. Брюсъ получилъ изъ Петербурга указъ о томъ, чтобы эти 6 сочиненій, списокъ которыхъ прилагался, были оставлены за печатью и не допускались къ продажѣ. Съ остальныхъ же книгъ, подвергшихся описи, запрещеніе было снято.

Говоря о судьбѣ, постигшей изданія Новикова, разсмотрѣнныя архіепископомъ Платономъ, мы забѣжали нѣсколько впередъ. Намъ

предстоитъ теперь еще разсказать вкратцѣ о событіяхъ начала 1786 года.

Императрица Екатерина, вооружившись противъ мартинистовъ, рѣшилась дѣйствовать противъ нихъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Не довольствуясь мѣрами оффиціальныхъ репрессій, которыя она практиковала относительно Новикова, бывшаго въ ея глазахъ главою ненавистнаго ей общества, она задумала испробовать противъ мартинистовъ старое средство—сатиру. Екатерина снова начала писать комедіи, въ которыхъ осмѣивала суевѣрія всякаго рода и изображала масоновъ обманщиками и лицемѣрами, эксплуатирующими довѣріе общества въ свою личную пользу Въ январѣ 1786 г. она написала ком. «Обманщикъ», которая была представлена на сценѣ эрмитажнаго театра. За этою комедіей слѣдовала другая: «Обольщенный», игранная и въ эрмитажномъ, и въ публичномъ Петербургскомъ театрѣ въ февралѣ того же года. Въ іюлѣ 1786 года она написала комедію «Шаманъ Сибирскій». Всѣ три комедіи имѣли громадный успѣхъ и на сценѣ, и въ продажѣ, когда онѣ вышли въ печати. Кромѣ того, онѣ вызвали своимъ появленіемъ въ Петербургѣ массу сатиръ, эпиграммъ и статей, направленныхъ противъ того же предмета.

За то въ Москвѣ комедіи эти, кажется, на сценѣ играны не были и не нашли никакого отклика въ московской журналистикѣ. Выражая свое негодованіе на масоновъ путемъ осмѣянія, императрица въ то же время продолжаетъ посылать въ Москву указъ за указомъ, направляя ихъ противъ мартинистовъ вообще и противъ Новикова въ частности. Въ концѣ января гр. Брюсъ получаетъ отъ нея опять два указа. Первымъ изъ нихъ повелѣвалось подчинить Приказу Общественнаго Призрѣнія всѣ школы и больницы въ Москвѣ, кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ особыя грамоты или привилегіи, или состоятъ въ особомъ правленіи свѣтскомъ или духовномъ. Затѣмъ повелѣвалось осмотрѣть больницу, заведенную въ Москвѣ людьми, составляющими «скопище новаго раскола», осмотрѣть школы, заведенныя ими и наблюдать, чтобы впредь училища учреждались не иначе, какъ подъ вѣдѣніемъ Приказа, на основаніи общихъ законовъ, и чтобы въ нихъ «расколъ, праздность и обманъ не скрывались». Вторымъ указомъ повелѣвалось объявить Новикову, что типографіи заведены для печатанія полезныхъ книгъ, а не сочиненій, наполненныхъ «новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ», и затѣмъ допросить его о причинахъ,

побудившихъ его къ изданію такихъ книгъ и о цѣляхъ его. Вѣроятно, въ силу перваго изъ этихъ указовъ, оберъ-полицмейстеръ сдѣлалъ осмотръ помѣщенія студентовъ въ бывшемъ Шварцевомъ домѣ. Этотъ осмотръ побудилъ Новикова и его друзей къ такому шагу, который имъ впослѣдствіи повредилъ. Какъ мы уже говорили, въ Шварцевомъ домѣ помѣщалась тайная типографія, состоявшая изъ двухъ станковъ для печатанія масонскихъ книгъ. Въ виду осмотра дома, оба станка были перенесены въ компанейскую типографію, а напечатанныя здѣсь книги сложены ночью на подводы и отправлены на храненіе въ подмосковную князя Черкасскаго. Впослѣдствіи изъ имѣнья князя Черкасскаго онѣ были перевезены къ Новикову, въ Авдотьино, гдѣ и лежали до 1792 года.

По второму указу Новиковъ былъ допрошенъ въ губернскомъ правленіи по вопросамъ въ немъ обозначеннымъ. Онъ показалъ, что печаталъ разныя сочиненія, получаемыя отъ авторовъ и переводчиковъ съ разрѣшенія законной цензуры, имѣя въ виду «приносить трудами пользу отечеству чрезъ распространеніе книжной торговли и честнымъ образомъ получать законами не возбраненный прибытокъ». Какія же напечатанныя у него сочиненія противны законамъ, того онъ не знаетъ, ибо «читалъ изъ нихъ малое число, полагаясь на цензуру, которой онъ обязанъ былъ подвергать ихъ по контракту своему съ университетомъ».

Вопросы, предложенные Новикову вмѣстѣ съ его письменными отвѣтами, были препровождены въ Петербургъ.

Кромѣ мартовскаго указа Брюсу о томъ, какъ поступать съ книгами, опечатанными у Новикова въ университетской книжной лавкѣ, у него были отобраны экземпляры шести запрещенныхъ сочиненій, уложены въ короба, запечатаны и оставлены въ его кладовой, причемъ съ него была взята подписка въ томъ, что онъ ни перепечатывать, ни продавать эти изданія не будетъ. Тутъ Новиковъ сдѣлалъ опять оплошность, много ему впослѣдствіи повредившую. Производя у него въ лавкѣ обыскъ, губернскій прокуроръ не догадался осмотрѣть книжный складъ, въ которомъ хранились между прочимъ и экземпляры сочиненій, изъятыхъ изъ продажи. Новиковъ же не только не заявилъ объ нихъ, но чрезъ нѣсколько времени, съ вѣдома своихъ компаньоновъ, сдалъ ихъ на храненіе книгопродавцу Кольчугину, который сталъ разсылать ихъ по ярмаркамъ и продавать.

Послѣ всѣхъ случившихся непріятностей, Новиковъ и това-

рищи его увидѣли очень ясно, что императрица сильно возстановлена противъ нихъ и что дальнѣйшую дѣятельность надо продолжать очень осторожно. Къ этому времени «Типографическая Компанія» сосредоточивала уже въ своихъ рукахъ всѣ дѣла, какъ печатныя и издательскія въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и тѣ, завѣдыванье которыми принадлежало прежде «Дружескому Ученому Обществу». Преслѣдуя однѣ и тѣ же цѣли и имѣя однихъ и тѣхъ же членовъ, «Типографическая К°» съ самаго своего возникновенія постепенно сливалась съ «Друж. Обществомъ», пока наконецъ послѣднее не исчезло совершенно, какъ нѣчто отдѣльное и независимое. Въ то же время, благодаря отчасти внѣшнимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, а отчасти ухудшенію матеріальныхъ средствъ К°, семинаріи переводческая и педагогическая едвали не были уничтожены, а число питомцевъ ея при университетѣ уменьшилось до 15 человѣкъ. Однако компанія продолжала еще посылать молодыхъ людей учиться заграницу. Такъ, въ 1786 г. на ея счетъ поѣхалъ учиться медицинѣ молодой Багрянскій.

Въ этомъ году, вѣроятно вслѣдствіе негласнаго распоряженія правительства, были уничтожены всѣ масонскія ложи въ Москвѣ, и собранія въ нихъ прекратились. Событіе это не имѣло особенно важнаго значенія для мартинистовъ, потому что масонскія ложи еще до закрытія были уже рѣдко посѣщаемы въ послѣднее время не только второстепенными, но даже и главными масонами. Это не мѣшало послѣднимъ быть однако ревностными розенкрейцерами. О розенкрейцерствѣ, существованіе котораго было тогда тайной, никто не догадывался, и распоряженіе о закрытіи ложъ ничуть до него не касалось. Однако члены этого кружка старались замкнуться еще болѣе и даже прекратили сношенія со многими вліятельными масонами, не бывшими въ то же время розенкрейцерами. Въ это время орденъ ихъ существовалъ въ Москвѣ подъ начальствомъ барона Шредера.

Въ іюнѣ 1786 г. случилось событіе, давшее возможность Новикову и его кружку хоть на время вздохнуть спокойнѣе. Событіемъ этимъ была отставка Брюса. На его мѣсто назначенъ былъ Еропкинъ, человѣкъ чрезвычайно энергичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрый и благородный. Въ Москвѣ онъ пользовался громаднымъ уваженіемъ послѣ того, какъ въ 1771 г. во время чумы добровольно принялъ бразды правленія и успокоилъ этотъ брошенный на произволъ судьбы городъ. Еропкинъ не былъ враждебно на-

строенъ противъ мартинистовъ, и если что нибудь предпринималъ противъ нихъ, то по приказанію, а не по своей инціативѣ. Успокоенные съ этой стороны, розенкрейцеры скоро почувствовали однако снова безпокойство, благодаря другого рода обстоятельствамъ, складывавшимся для нихъ неблагопріятно. Въ августѣ 1786 г. умеръ Фридрихъ Великій и на прусскій престолъ взошелъ Фридрихъ Вильгельмъ, человѣкъ безхарактерный, относившійся враждебно къ Россіи, подъ вліяніемъ своего министра Герцберга. Король этотъ былъ ревностный масонъ. Онъ приблизилъ къ себѣ главу берлинскаго масонства, Вельнера, и сдѣлалъ его впослѣдствіи министромъ духовныхъ дѣлъ. Наши розенкрейцеры приняли розенкрейцерство черезъ Шварца отъ Вельнера и считались подъ его начальствомъ. Теперь они оказались, такимъ образомъ, подъ начальствомъ лица, приближеннаго къ монарху враждебной намъ державы.

Въ концѣ этого года баронъ Шредеръ заявилъ московскимъ розенкрейцерамъ, что, вслѣдствіе усилившихся происковъ иллюминатовъ, онъ получилъ изъ Берлина приказаніе наложить на орденъ такъ наз. *силанумъ* или бездѣйствіе, когда всякая переписка и оффиціальная дѣятельность членовъ ордена должна прекращаться. Силанумъ этотъ продолжался нѣсколько лѣтъ до самаго разгрома розенкрейцеровъ. Наступилъ 1787 годъ. Это былъ годъ очень тяжелый для Россіи, одинъ изъ тѣхъ годовъ, воспоминаніе о которыхъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, долго живетъ въ памяти народной. Почти повсемѣстно свирѣпствовалъ голодъ. Цѣны на хлѣбъ страшно поднялись, люди питались сушенымъ мохомъ, корою, листьями и прочими веществами, которыми старались замѣнить хлѣбъ, болѣли и во множествѣ умирали. Были однако люди, горячо принимавшіе къ сердцу народное горе и старавшіеся помочь бѣдствовавшимъ всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами. Людьми этими были мартинисты. Они часто собирались и обсуждали средства, какъ помочь бѣдѣ. На одномъ изъ такихъ собраній Новиковъ говорилъ рѣчь. По окончаніи ея къ нему подошелъ Гр. Макс. Походяшинъ и предложилъ ему часть своего состоянія на помощь голодающимъ. Новиковъ согласился и на деньги Походяшина сталъ скупать хлѣбъ большими партіями и раздавать его голодающимъ въ Москвѣ и у себя въ Авдотьинѣ. Въ обществѣ не знали, что хлѣбъ покупается на средства богача Походяшина и всѣ неудомѣвали, откуда у мартинистовъ берутся

такія деньги. Стали поговаривать даже о фальшивыхъ бумажкахъ. Къ голоду присоединилось еще новое бѣдствіе: война съ Турціею. Казалось бы, императрица, удрученная такими заботами, должна была временно забыть о мартинистахъ. Она доказала противное, издавъ въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года указъ, которымъ воспрещалось печатаніе книгъ религіознаго содержанія въ свѣтскихъ типографіяхъ. Печатаніе ихъ отнынѣ должно было принадлежать духовнымъ типографіямъ. Въ силу этого закона, были осмотрѣны книжныя лавки, причемъ всѣ найденныя въ нихъ духовныя сочиненія отобраны и сданы на храненіе въ синодальную контору. Изданіе этого указа имѣло большое значеніе для «Типографической Компаніи», которая ежегодно выпускала въ большомъ количествѣ духовныя сочиненія. Ликвидировать свои дѣла ей было просто невозможно, вслѣдствіе запутанности общихъ счетовъ, да и кромѣ того не хотѣлось бросать излюбленнаго дѣла. Поэтому Новиковъ рѣшилъ продолжать свою издательскую дѣятельность, измѣнивъ нѣсколько ея направленіе. Въ этомъ году баронъ Шредеръ уѣзжалъ совсѣмъ за границу. Онъ просилъ прислать кого нибудь въ Берлинъ для полученія тамъ масонскихъ наставленій, необходимыхъ для принятія начальствованія надъ розенкрейцерами по окончаніи силанума. Съ общаго совѣта въ Берлинъ былъ посланъ на средства кружка Кутузовъ.

Въ томъ же году у мартинистовъ черезъ преданнаго имъ архитектора Бажанова завязались было сношенія съ наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ. Бажановъ передавалъ, что Павелъ Петровичъ интересуется дѣломъ мартинистовъ, и Новиковъ послалъ ему нѣсколько экземпляровъ мистическихъ сочиненій, но продолжать съ нимъ дальнѣйшія сношенія онъ побоялся.

Отказавшись по необходимости отъ печатанія духовно-нравственныхъ сочиненій, Новиковъ не только рѣшилъ продолжать издательскую дѣятельность, но мечталъ даже о возобновленіи контракта, по истеченіи его срока въ 89 году, съ тѣмъ, чтобы вернуться на старый путь и заняться изданіемъ документовъ по русской исторіи. Такъ въ 1787 году онъ издалъ «Исторію Скиѳскую» Лызлова, 1-ю часть «Исторіи Россійской» Левека. «Родословную книгу князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ» и др. Въ 1788 году онъ между прочимъ издалъ вторымъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ, «Россійскую вивліоѳику». Однако дѣла «Типографической Компаніи», не смотря на эти изданія, сильно

пошатнулись. Книги шли туго и не давали прежняго барыша. Компанія должна была продать домъ, купленный на имя Шварца и отказаться отъ содержанія Кутузова за границей. Съ этихъ поръ Кутузовъ жилъ тамъ на счетъ частнаго лица, а не на средства общества.

Между тѣмъ Новикова ожидало еще новое разочарованіе. Императрица велѣла отказать ему въ возобновленіи контракта на содержаніе университетской типографіи. Въ маѣ 1789 г. содержаніе ея и изданіе «Московскихъ Вѣдомостей» сдано было коллежскому ассесору Свѣтушкину.

Съ прекращеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей» прекратились и журналы «Дѣтское Чтеніе» и «Экономическій Магазинъ».

Послѣ отнятія у Новикова университетской типографіи, онъ продолжалъ еще печатаніе въ компанейской, но собственно новаго имъ уже ничего не было издано, а только перепечатывались старыя изданія. Теперь мы можемъ подвести итоги его литературной и издательской дѣятельности.

Больше двадцати лѣтъ (1769—1791) подвизался Новиковъ на этомъ поприщѣ. Онъ издавалъ три сатирическихъ журнала: «Трутень», «Живописецъ» и «Кошелекъ», четыре популярно-философскихъ—«Утренній Свѣтъ», продолженіе его, называвшееся «Ежемѣсячнымъ московскимъ изданіемъ», «Вечернюю Зарю» и «Покоющійся Трудолюбецъ», затѣмъ нѣсколько журналовъ разнороднаго содержанія и «Дѣтское Чтеніе», которое онъ давалъ въ видѣ приложеній къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Кромѣ того, въ теченіе 10-ти лѣтъ Новиковъ редактировалъ «Московскія Вѣдомости», превративъ ихъ изъ сухаго, чисто оффиціальнаго органа въ живую газету, отвѣчавшую разнообразнымъ вопросамъ времени. Всѣ эти изданія, за весьма малыми исключеніями, Новиковъ самъ редактировалъ и во многихъ помѣщалъ свои собственныя статьи, благодаря чему его журналы отличались единствомъ и цѣльностью направленія. Мы уже указывали на ихъ содержаніе, а потому теперь отмѣтимъ только тѣ главные принципы, которые проводились въ нихъ и выражали направленіе всей его дѣятельности.

Прежде всего, съ первыхъ шаговъ своего вступленія въ литературу, Новиковъ высказываетъ глубокое уваженіе къ человѣческому разуму, а слѣдовательно къ наукѣ и къ просвѣщенію. Онъ ставитъ все житейское зло, какъ напр. жестокость, лицемѣріе

и ханжество, всякаго рода несправедливости и пр. въ прямую зависимость отъ невѣжества, отъ «непросвѣщенія разума». На ряду съ разумомъ Новиковъ признаетъ однако и необходимость вѣры, какъ дополненія къ нему. По его убѣжденію, разумъ и вѣра должны находиться въ тѣсной зависимости, подкрѣпляя другъ друга.

Какъ идеалистъ, Новиковъ искалъ примиренія между умомъ и сердцемъ; онъ не могъ остановиться на признаніи одного ума, потому что тогда передъ нимъ открылась бы цѣлая бездна сомнѣній и неизвѣстности, чего не могла допустить его любвеобильная натура, побуждавшая его вносить въ жизнь положительные идеалы. Эти-то два основныхъ принципа, т. е. желаніе пробудить общественный умъ и открыть ему путь къ просвѣщенію, съ одной стороны, и желаніе указать ему способъ къ нравственному усовершенствованію посредствомъ христіанской вѣры съ другой—даютъ направленіе всей остальной издательской дѣятельности Новикова. Онъ издаетъ множество книгъ съ просвѣтительной цѣлью, начиная отъ элементарныхъ учебниковъ и кончая научными сочиненіями по всевозможнымъ областямъ знаній, которыя были тогда доступны и необходимы русскому обществу. Тутъ были и историческія сочиненія, между которыми особенно замѣчательны его сборники матеріаловъ для изученія русской исторіи, и педагогическія, философскія, агрономическія, медицинскія и пр. По беллетристикѣ онъ издалъ переводы многихъ классическихъ сочиненій, какъ напр. «Потерянный рай» Мильтона, «Донъ-Кихотъ»—Сервантеса, нѣсколько сочиненій Шекспира, въ переводахъ Карамзина и пр. По беллетристикѣ Новиковымъ было выпущено и много другихъ сочиненій, отчасти вѣроятно для того, чтобы хоть этимъ пріохотить публику къ чтенію, а отчасти и просто въ виду матеріальной необходимости: надо же было соблюдать интересы типографіи, за которую приходилось платить аренду университету.

Проповѣдуя необходимость образованія, Новиковъ естественно не могъ пройти мимо вопроса о воспитаніи. Онъ первый заговорилъ у насъ въ литературѣ о педагогикѣ и высказалъ по этому поводу болѣе столѣтія тому назадъ такіе взгляды, которые представляютъ еще и въ наше время не достигнутый идеалъ. Онъ же положилъ начало изданію перваго дѣтскаго журнала въ Россіи. Въ интересахъ вѣры, Новиковымъ было издано также

очень много книгъ по религіознонравственнымъ вопросамъ; принадлежность его къ масонству давала большинству изъ этихъ сочиненій мистическій характеръ.

Такимъ образомъ Новиковъ является человѣкомъ, который впервые начинаетъ мужественно и энергически пробивать со всѣхъ сторонъ толстую стѣну русскаго невѣжества. Въ теченіе 20-ти лѣтъ онъ безпрерывно будитъ общество то сатирой, переходящей порой въ негодованіе, то усиленными попытками заинтересовать его наукой, литературой, вопросами педагогическими и религіозными. Старанія эти не остаются безъ результатовъ. Новикову удается создать читателя, да и не только читателя, но и писателя. Мысль, однажды пробужденная и заинтересованая вопросами духа, вызвала у людей даровитыхъ желаніе писать, а Новиковъ поддерживалъ это желаніе, употребляя всѣ усилія, чтобы дать окрѣпнуть и выработаться молодымъ талантамъ. Мы уже указывали на то, что въ «Утреннемъ Свѣтѣ», первомъ философскомъ журналѣ Новикова, было гораздо болѣе переводныхъ статей, чѣмъ въ послѣдующихъ.

Въ рединѣ 1780-хъ годовъ, въ самомъ блестящемъ періодѣ своей дѣятельности, Новиковъ стоитъ во главѣ цѣлаго кружка лицъ, которыя всецѣло посвящаютъ свои силы интересамъ литературы и науки. При этомъ нельзя не вспомнить о безвременно погибшемъ Иванѣ Григорьевичѣ Шварцѣ, который можетъ по справедливости раздѣлить заслугу Новикова передъ потомствомъ.

Новиковъ и Шварцъ съумѣли разжечь и поддержать тотъ божественный огонь, который съ тѣхъ поръ то ярче, то слабѣе, но непрерывно горитъ въ обществѣ и напоминаетъ ему, что не о единомъ хлѣбѣ должно жить человѣчество.

ГЛАВА VI.

Переѣздъ Новикова въ Авдотьино. — Назначеніе въ Москву князя Прозоровскаго. – Травля мартинистовъ.—Ликвидація „Типографической Компаніи".—Обыскъ у Новикова.—Арестъ его и доставленіе въ Москву подъ конвоемъ.—Допросъ у Шешковскаго.—Заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость.—Воцареніе Павла и освобожденіе Новикова.— Послѣдніе годы его жизни въ Авдотьинѣ.

Непріятности послѣднихъ лѣтъ подорвали окончательно и безъ того разстроенное здоровье Новикова и вынудили его съ конца 1788 года поселиться въ Авдотьинѣ, откуда онъ могъ изрѣдка пріѣзжать въ Москву по дѣламъ издательства.

Плохо жилось Новикову и его друзьямъ въ эти послѣдніе годы ихъ дѣятельности. Не говоря уже о томъ, что издательскія дѣла ихъ шли все хуже и хуже—они жили подъ гнетомъ недружелюбнаго отношенія къ нимъ правительства и подъ вѣчнымъ опасеніемъ навлечь на себя какія-нибудь новыя неудовольствія. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, въ 1789 году во Франціи разыгралась революція.

Императрица, давно уже отказавшаяся отъ своихъ первоначально либеральныхъ стремленій, теперь, подъ вліяніемъ ужасовъ революціи, рѣшилась стереть съ лица земли все, что носило у насъ хоть тѣнь какой-нибудь независимости. То, что считалось законнымъ и возможнымъ 10, даже 5 лѣтъ тому назадъ, — сдѣлалось теперь нетолько невозможнымъ, но и подвергалось гоненію. Просвѣщенные вельможи, сподвижники первыхъ годовъ царствованія Екатерины, сошли со сцены; ихъ замѣнили другіе.... Злонамѣренные люди, пользуясь случаемъ проявить свое усердіе, стали изощряться въ доносахъ. Мартинистовъ стали обвинять въ революціонныхъ намѣреніяхъ, особенно послѣ того, какъ оказалось, что многіе видные дѣятели французской революціи вышли изъ тамош-

нихъ масонскихъ ложъ. Надъ мартинистами, очевидно, собиралась гроза. На ихъ несчастіе Еропкинъ, относившійся къ нимъ безъ всякой непріязни, былъ въ 1790 году уволенъ по прошенію въ отставку. На его мѣсто назначенъ былъ генералъ-аншефъ князь Прозоровскій, человѣкъ невѣжественный, ограниченный и надменный. Очевидно, онъ былъ посланъ Екатериною въ Москву спеціально для того, чтобы ее подтянуть и не дать развиться въ ней элементамъ, которыхъ правительство, при данныхъ политическихъ обстоятельствахъ, очень опасалось. Князь Прозоровскій оправдалъ вполнѣ возлагавшіяся на него надежды. По пріѣздѣ въ Москву, онъ окружилъ мартинистовъ шпіонами, которые доносили ему о каждомъ ихъ шагѣ. Письма ихъ вскрывались на почтѣ, и всѣ казавшіяся почему-либо подозрительными задерживались. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство, касающееся Новикова. Мы уже знаемъ, что баронъ Шредеръ, ненавидѣвшій его и желавшій ему отмстить, уѣхалъ въ 1787 г. заграницу. Живя въ Германіи, Шредеръ тѣмъ не менѣе слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ Россіи. Зная о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на мартинистовъ, онъ нашелъ это время самымъ удобнымъ для отмщенія Новикову. Съ этою цѣлью онъ сталъ писать ему изъ-за границы о какихъ-то таинственныхъ дѣлахъ, будто бы извѣстныхъ Новикову. Письма эти конечно не доходили по адресу. Они задерживались на почтѣ, возбуждая противъ Новикова сильныя подозрѣнія, и впослѣдствіи были поставлены ему въ вину.

Прозоровскій слалъ на мартинистовъ доносъ за доносомъ Екатеринѣ и наконецъ до такой степени раздражилъ ее противъ нихъ, что она даже спросила его, почему же онъ не велитъ арестовать Новикова. Прозоровскій отвѣчалъ, что ей стоитъ лишь приказать. Но Екатерина не рѣшалась еще на эту мѣру, не находя причины для ареста. Между тѣмъ дѣла «Типографической Компаніи» шли все хуже и хуже, и наконецъ, съ общаго согласія ея членовъ, въ ноябрѣ 1791 года былъ подписанъ актъ объ ея ликвидаціи. Въ силу его, Новиковъ оставилъ за собой домъ у Никольскихъ воротъ, купленный на его имя, всѣ книги, напечатанныя въ типографіяхъ, которыми онъ завѣдывалъ, т. е. въ университетской, компанейской и Лопухинской,—типографскія принадлежности и аптеку. При этомъ Новиковъ принималъ на себя долги общества, простиравшіеся тогда до 300 тысячъ. Въ 1791 г. Новиковъ овдовѣлъ и сталъ уже безвыѣздно жить въ Авдотьинѣ,

занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей и племянниковъ, Хрущовыхъ, жившихъ у него вмѣстѣ съ учителемъ. У него же поселился въ это время и молодой Багрянскій, вернувшійся въ этомъ году изъ-за границы, гдѣ онъ получилъ степень доктора медицины.

Но не долго пользовался Новиковъ спокойною жизнью въ Авдотьинѣ. Императрица, давно уже рѣшившая съ нимъ покончить и дожидавшаяся только предлога, наконецъ нашла его.... Ей была доставлена книга съ выдраннымъ заглавнымъ листомъ, напечатанная церковнымъ шрифтомъ и содержащая въ себѣ раскольничьи сочиненія. То была «Исторія объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ», написанная и когда-то напечатанная старообрядцами, а потомъ перепечатанная неизвѣстно кѣмъ (можетъ быть и дѣйствительно Новиковымъ), вѣроятно, въ видахъ сохраненія рѣдкаго раскольничьяго документа. Въ перепечаткѣ этой книги, заключавшей статьи, противныя духу православія и правительству, императрица заподозрѣла Новикова, который, по дошедшимъ до нея слухамъ, устроилъ даже у себя въ имѣніи тайную типографію, и указомъ отъ 12-го апрѣля 1792 г. предписала Прозоровскому произвести у Новикова внезапный обыскъ, какъ въ Авдотьинѣ, такъ и въ московскомъ его домѣ. Еслибы у Новикова нашлись церковные шрифты и экземпляры вышеуказанной книги, то они должны были быть конфискованы, а самъ онъ, какъ издатель, подвергнуться отвѣтственности, т. е. взятъ подъ присмотръ и допрошенъ. Затѣмъ, Прозоровскому предписывалось также изслѣдовать вопросъ, какимъ образомъ Новиковъ, не получившій большаго состоянія ни по наслѣдству, ни другими законными путями, считается теперь въ числѣ богатыхъ людей и какъ пріобрѣлъ онъ свое состояніе. Обо всемъ, что откроется, повелѣвалось донести немедленно и обстоятельно.

Утромъ 22-го апрѣля, лица, уполномоченныя Прозоровскимъ произвести обыскъ, прибыли въ Авдотьино и приступили къ дѣлу. Шрифтовъ и церковныхъ литеръ не оказалось, но за то найдены были книги, напечатанныя въ тайной розенкрейцерской типографіи и перевезенныя въ Авдотьино изъ имѣнія кн. Черкасскаго. Обстоятельство это такъ подѣйствовало на Новикова, что онъ захворалъ. Съ нимъ стали дѣлаться частые обмороки, поэтому его не рѣшились везти тотчасъ же въ Москву, а оставили въ Ав-

*

дотьинѣ, на попеченіи Багрянскаго и подъ присмотромъ Никитскаго городничаго и его команды.

Между тѣмъ въ Москвѣ тоже производились обыски. Обысканы были: компанейскій домъ, Новиковская и всѣ вольныя книжныя лавки. Тутъ было найдено: 20 книгъ, продажа которыхъ была запрещена въ 1786—87 годахъ, и 48, напечатанныхъ безъ указнаго дозволенія. Книгопродавцы были призваны къ отвѣту и, хоть сначала и запирались, но потомъ показали, что книги эти они получали отъ Новикова и развозили ихъ по ярмаркамъ, а Кольчугинъ, бывшій прикащикомъ въ лавкѣ у Новикова, заявилъ, что такихъ книгъ хранится въ складахъ гостинаго двора и на суконной фабрикѣ за Москвой рѣкой на сумму до 5 тысячъ рублей. Кольчугинъ и сидѣльцы въ лавкѣ Новикова были задержаны, остальные отпущены.

Прозоровскій, получивъ извѣстіе, что Новиковъ оставленъ въ Авдотьинѣ по случаю болѣзни, нашелъ, что команды городничаго мало для охраны такого важнаго преступника, и послалъ въ Авдотьино гусарскаго маіора, князя Жевахова, съ 12 солдатами, при оберъ и унтеръ-офицерахъ и капралѣ.

Князь Жеваховъ долженъ былъ имѣть караулъ надъ Новиковымъ и привезти его въ Москву при первой возможности. Появленіе Жевахова въ деревнѣ было въ то время событіемъ неслыханнымъ и возбудило всеобщее недоумѣніе и испугъ, а на дѣтей Новикова появленіе солдатъ произвело такое впечатлѣніе, что съ сыномъ его и одною изъ дочерей сдѣлались припадки падучей болѣзни, которою они страдали до конца жизни. Жеваховъ нашелъ возможнымъ везти Новикова тотчасъ же, не смотря на то, что послѣдній былъ совсѣмъ боленъ. Черезъ два часа по прибытіи Жевахова въ Авдотьино, Новикова везли уже подъ конвоемъ въ Москву. Событіе это сильно огорчило какъ крестьянъ Николая Ивановича, которые оплакивали его, какъ роднаго отца, такъ и всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, которые любили его и уважали. Съ Новиковымъ поѣхали Багрянскій и одинъ изъ слугъ, а дѣти Николая Ивановича и его племянники остались въ Авдотьинѣ, гдѣ поселился гусарскій офицеръ съ четырьмя солдатами для того, чтобы помѣшать вывозу чего либо запретнаго изъ имѣнія.

По прибытіи въ Москву, Новиковъ былъ тотчасъ же доставленъ къ Прозовскому, который снялъ съ него допросъ, а затѣмъ отпустилъ его подъ домашній арестъ, такъ какъ Новиковъ былъ

слишкомъ боленъ и не могъ быть посаженъ въ острогъ; да и по буквѣ предписанія его слѣдовало арестовать въ томъ лишь случаѣ, если у него окажутся «литеры», а ихъ не оказалось.

Съ Новиковымъ поселился Багрянскій. Жевахову велѣно было имѣть надъ ними самый строгій надзоръ, и даже лекарства дозволялось прописывать не иначе, какъ въ его присутствіи. Прозоровскій допрашивалъ Новикова нѣсколько разъ и каждый разъ, донося объ нихъ императрицѣ, характеризовалъ его, какъ человѣка «коварнаго» и «лукаваго», имѣющаго «дерзкій и смѣлый характеръ», человѣка, отъ котораго трудно добиться показаній, и просилъ прислать для допроса знаменитаго въ то время сыщика Шешковскаго. Дѣло въ томъ, что Прозоровскій былъ человѣкъ очень недалекій и къ тому же невѣжественный; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о масонствѣ, а потому затруднялся вести дѣло Новикова и желалъ отъ него избавиться. Императрица, очень довольная энергіею и распорядительностью Прозоровскаго, тѣмъ не менѣе, сама вѣроятно убѣдилась, что веденіе этого дѣла ему не по силамъ. Донесенія его по поводу масонскихъ бумагъ, найденныхъ у Новикова, представляли цѣлый рядъ неправильныхъ и неосновательныхъ сужденій и только запутывали дѣло. Поэтому императрица рѣшила передать Новикова Шешковскому. Для этого велѣно было со всею осторожностью, не по петербургскому тракту, а черезъ Ярославль и Тихвинъ, препроводить его въ Шлиссельбургскую крѣпость. Коменданту крѣпости велѣно было принять арестанта, котораго привезутъ отъ Прозоровскаго, безъ обозначенія фамиліи.

10-го мая, въ два часа ночи, къ дому Новикова въ Москвѣ подъѣхала кибитка, въ которую былъ посаженъ больной вмѣстѣ со своимъ слугою и съ Багрянскимъ, получившимп разрѣшеніе добровольно раздѣлить его участь. Передъ отъѣздомъ они всѣ трое были обысканы и отъ нихъ отобрали всѣ вещи, которыми они могли бы нанести себѣ какой-нибудь вредъ. Арестованнаго сопровождалъ конвой изъ двухъ офицеровъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и шести солдатъ, подъ начальствомъ князя Жевахова. Всю дорогу за Новиковымъ неустанно слѣдили, чтобы онъ надъ собой чего-нибудь не сдѣлалъ и въ то же время тщательно умалчивали о томъ, куда его везутъ. Наконецъ больного, измученнаго, разбитаго физически и нравственно, его привезли въ Шлиссельбургскую

крѣпость и посадили въ тотъ самый казематъ, гдѣ нѣкогда томился несчастный Іоаннъ Антоновичъ.

Отправляя Новикова, Прозоровскій слѣдующимъ образомъ характеризовалъ его въ письмѣ къ Шешковскому: «птицу Новикова къ вамъ направилъ; правда, что не безъ труда вамъ будетъ съ нимъ, лукавъ до безконечности, безсовѣстенъ, и смѣлъ, и дерзокъ». Прозоровскій, преувеличивая значеніе дѣла о личной «злонамѣренности» Новикова, самъ сознавалъ свое безсиліе и неоднократно звалъ на помощь Шешковскаго: «сердечно желаю, писалъ онъ ему 4-го мая, чтобы вы ко мнѣ пріѣхали, а одинъ съ нимъ не слажу. Экова плута тонкаго мало я видывалъ». Затѣмъ, въ отвѣтъ на письмо Шешковскаго, въ которомъ тотъ тоже жаловался, что усталъ отъ слѣдствія, онъ отвѣчалъ: «вѣрю, что вы замучились, я не много съ нимъ имѣлъ дѣла, да по полету уже примѣтилъ какова сія птичка!» Въ письмахъ Прозоровскаго къ Шешковскому много таинственнаго, встрѣчаются какіе то намеки, полуслова: «дѣло нежное», «въ случаѣ остерегите» и т. п. Вообще дѣлу Новикова придавалось несоотвѣтственно большое значеніе. Объ этомъ можно судить уже по одному письму Прозоровскаго отъ 24-го августа, которое онъ послалъ со вторымъ нарочнымъ курьеромъ: «при отправкѣ нынѣшняго курьера, ошибкой директоръ моей канцеляріи не приложилъ бумаги при реляціи къ Е. И. Величеству... Бумага сія есть развратное ихъ мнѣніе объ Адамѣ. Того для при семъ оную прилагаю, отправляю другаго нарочнаго для догнанія перваго курьера и прошу Ваше Превосходительство, при поднесеніи всеподданнѣйшихъ моихъ Ея Величеству донесеній, и сію бумагу поднести».

Не успѣлъ еще Новиковъ оправиться отъ своего путешествія, какъ передъ нимъ уже предсталъ грозный Шешковскій, одно имя котораго наводило въ тѣ времена ужасъ. Шешковскій предложилъ Новикову вопросные пункты, на которые тотъ долженъ былъ отвѣчать письменно. Новиковъ отвѣчалъ на 57 вопросныхъ пунктовъ и еще на 18 дополнительныхъ. Нѣкоторые вопросы дѣлались на *вы*, другіе на *ты*. Говорятъ, что по окончаніи допроса Шешковскій предложилъ Новикову дать подписку въ томъ, что онъ отрекается отъ своихъ убѣжденій и считаетъ ихъ ложными. Но тотъ отказался это сдѣлать. Очень возможно, что кромѣ разныхъ соображеній того времени, самый видъ и способъ отвѣтовъ Новикова внушали подозрѣніе.

Къ выразительнымъ, энергичнымъ чертамъ его лица, сохраненнымъ намъ портретомъ Боровиковскаго, вотъ что добавляетъ еще кн. Е. Р. Дашкова въ письмѣ къ Ив. Вл. Лопухину: «мнѣ онъ тотчасъ бросился въ глаза и я бы тотчасъ узнала его, безъ всякихъ вашихъ рекомендацій, по одному его черному пастырскому кафтану, по его башмакамъ съ черными же, особенно глянцевитыми пряжками. Лицо его открыто, но не знаю, я какъ-то боюсь его: въ его прекрасномъ лицѣ есть что то тайное»...

Болѣе двухъ мѣсяцевъ Новиковъ томился неизвѣстностью относительно рѣшенія своей участи. Полагаютъ, что императрица была нѣсколько разочарована его показаніями. Онъ оказался менѣе виновнымъ, чѣмъ она ожидала, и можетъ быть поэтому медлила подписаніемъ приговора. Но предубѣжденіе одержало верхъ, и 1-го августа 1792 года вышелъ наконецъ указъ, которымъ опредѣлялось Новикову наказаніе. Въ этомъ указѣ перечислялись сначала вины Новикова, сводившіяся къ слѣдующему: Новиковъ, признававшійся вреднымъ государственнымъ преступникомъ, имѣвшимъ сообщниковъ, обвинялся въ составленіи вмѣстѣ съ ними тайныхъ сборищъ, на которыхъ произносились клятвы, съ цѣлованіемъ креста и евангелія, въ повиновеніи ордену розенкрейцеровъ и въ сохраненіи его тайнъ. Они, т. е. Новиковъ и его сообщники, подчинялись герцогу Врауншвегскому помимо законной власти; были въ перепискѣ съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и съ Вельнеромъ, во время «недоброхотства» Пруссіи къ Россіи, чѣмъ нарушали вѣрноподданническую присягу. Они издавали и продавали «непозволенныя, развращенныя и противныя закону православному книги», даже послѣ двухъ запрещеній, и завели тайную типографію. Въ уставѣ ордена, писанномъ рукой Новикова, значатся храмы, епископы, эпархіи, мvропомазаніе и другія установленія, свойственныя лишь церкви, а показанія Новикова, что все это лишь аллегорическія выраженія, для приданія вящшей важности обществу, свидѣтельствуютъ еще болѣе о томъ, что для колебанія «слабыхъ умовъ» употреблялись коварство и обманъ.

Затѣмъ говорилось, что хотя Новиковъ и не открылъ своихъ тайныхъ замысловъ, но всего сказаннаго довольно, чтобы подвергнуть его, по силѣ законовъ, «тягчайшей и нещадной казни»; но Екатерина, «слѣдуя сродному ей человѣколюбію и желая оставить ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія», огра-

ничивалась приказаніемъ: «запереть его на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость».

Замѣчательно, что такая кара постигла лишь одного Новикова. Изъ всѣхъ его товарищей, названныхъ въ указѣ «сообщниками», пострадали только двое, да и то очень легко. Наиболѣе виновными изъ нихъ были признаны: князь Н. Трубецкой, Тургеневъ и Лопухинъ. Всѣ они привлекались Прозоровскимъ къ допросу по 18 пунктамъ, присланнымъ Екатериною, послѣ чего имъ было объявлено, что они ссылаются на жительство въ свои отдаленныя помѣстья, съ воспрещеніемъ выѣзжать за предѣлы своей губерніи.

Князь Н. Трубецкой и Тургеневъ подверглись объявленному имъ приговору; что-же касается Лопухина, боявшагося огорчить своею высылкою стараго больного отца, то онъ съумѣлъ избѣжать и этого сравнительно ничтожнаго наказанія, благодаря смѣлому и прочувствованному обращенію къ императрицѣ, приложенному имъ къ своимъ письменнымъ показаніямъ. Обращеніе это, въ которомъ Лопухинъ энергично оправдывается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, было такъ искренно написано, что тронуло Екатерину до слезъ и побудило ее простить Лопухина и разрѣшить ему остаться въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ начальства. При этомъ съ него было взято честное слово, что онъ отстанетъ отъ своихъ прежнихъ московскихъ связей. Во время производства слѣдствія надъ Новиковымъ, Лопухинымъ, Н. Трубецкимъ и Тургеневымъ, подверглись обыскамъ и допросамъ и нѣкоторые другіе члены розенкрейцерства; но все это было предоставлено уже низшимъ полицейскимъ чинамъ и не имѣло никакихъ послѣдствій. Такъ, мы знаемъ, что къ Гамалѣѣ являлся полицейскій чиновникъ, и, желая, по сердечной добротѣ, помочь ему написать получше показанія, сталъ учить его, какъ писать, на что Гамалѣя отвѣтилъ: «а развѣ можно лгать, да еще при этомъ нарушать присягу», и сталъ такъ убѣждать чиновника слѣдовать всегда по пути христіанскаго закона и нравственности, что тотъ прослезился, сталъ работать надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ и называлъ потомъ Гамалѣю своимъ благодѣтелемъ. Послѣ рѣшенія участи Новикова, Гамалѣя переѣхалъ въ Авдотьино и сталъ жить съ дѣтьми Новикова. Онъ прожилъ въ Авдотьинѣ тридцать лѣтъ, занимаясь чтеніемъ и переводами душеспасительныхъ сочиненій, и тамъ же и умеръ. Братъ Новикова

къ дѣлу не привлекался, хотя Прозоровскій и доносилъ о немъ, что онъ «лихъ и фанатикъ». Нѣкоторыхъ изъ участниковъ и близкихъ къ дѣлу лицъ Прозоровскій характеризовалъ совсѣмъ иначе: «кн. Юрья Трубецкой глупъ и ничего не значитъ», писалъ онъ Шешковскому, «Татищевъ глупъ» и т. п. Хотѣлъ ли при этомъ онъ выгородить ихъ изъ дѣла или искренно былъ о нихъ такого мнѣнія—сказать довольно трудно.

Такъ окончилась дѣятельность Новикова и его друзей и единомышленниковъ. Теперь остается только выяснить, за что постигло Новикова такое тяжелое наказаніе, по сравненію съ другими участниками? Чѣмъ объяснить такую неравномѣрность въ наказаніяхъ, а также и то обстоятельство, что императрица, преслѣдуя мартинистовъ, выместила все свое раздраженіе на человѣкѣ, который былъ гораздо менѣе усерднымъ масономъ, чѣмъ другіе, а занимался главнымъ образомъ практическимъ дѣломъ распространенія просвѣщенія въ Россіи? Объясненіе этого, какъ намъ кажется, заключается въ слѣдующемъ: императрица начала борьбу съ мартинистами не за принадлежность ихъ собственно къ масонству. Она могла лично несочувствовать масонству, смѣяться надъ нимъ, презирать его, считая его шарлатанствомъ, но до тѣхъ поръ, пока масоны не выступили на поприще общественной дѣятельности и не сдѣлались силой въ глазахъ общества,—она ихъ не трогала. Затѣмъ, начавъ преслѣдованіе, она вооружилась только противъ московскихъ масоновъ, оставляя безъ всякаго вниманія петербургскихъ, продолжавшихъ спокойно существовать у нея подъ бокомъ. Послѣднее обстоятельство можно объяснить именно только тѣмъ, что петербургскіе масоны ограничивались въ своей дѣятельности простой благотворительностью и никакой роли въ общественной жизни не стремились играть... Новиковъ былъ человѣкъ выдающійся, умѣвшій собирать вокругъ себя людей, воодушевлять ихъ своими идеями и заставлять дѣйствовать. За какое бы дѣло онъ ни взялся,— будь то изданіе журнала, устройство школы, типографское дѣло,—онъ постоянно обращался къ обществу, просилъ его содѣйствія и успѣвалъ собрать около себя кружокъ людей, безусловно ему довѣрявшихъ и готовыхъ жертвовать для задуманнаго имъ дѣла и временемъ, и трудомъ, и даже всѣмъ своимъ состояніемъ.

Такъ, напримѣръ, Походяшинъ, обладавшій очень большими

средствами, совершенно разорился на предпріятія компаніи и умеръ въ бѣдности, сохраняя однако до послѣдней минуты благоговѣйное воспоминаніе о Новиковѣ.

Новиковъ провелъ въ крѣпости 4 года. Жизнь его тамъ была очень тяжела. Ему позволено было взять съ собою только одну книгу—Библію, которую онъ и выучилъ тамъ наизусть. Одно время онъ сидѣлъ безвыходно въ камерѣ, лишенный воздуха и какого бы то ни было развлеченія, но потомъ ему позволили гулять внутри крѣпостнаго двора. По донесеніямъ шлиссельбургскаго коменданта, Колюбакина, чиновника тайной экспедиціи Макарова и командированнаго тогдашнимъ генералъ-прокуроромъ Самойловымъ—Крюкова, для обозрѣнія секретныхъ арестантовъ и ихъ содержанія, видно, что Новикову приходилось плохо питаться и терпѣть нужду въ самой необходимой одеждѣ и въ лекарствахъ. Крюковъ, послѣ того, какъ ходатайство коменданта о лекарствахъ для Новикова было оставлено безъ послѣдствій, говоритъ въ своемъ донесеніи слѣдующее: «онъ (т. е. Новиковъ), будучи обдержимъ разными припадками и не имѣя никакого себѣ отъ этого пособія, получилъ наконецъ нынѣ внутренній желудочный прорывъ, отъ чего и терпитъ тягчайшее страданіе, онъ и проситъ къ облегченію судьбы своей отъ вашего сіятельства человѣколюбивѣйшаго милосердія, а притомъ страждутъ они съ Багрянскимъ и отъ опредѣленнаго имъ къ содержанію малаго числа кормовыхъ»..

Просьбы Новикова о помилованіи и объ облегченіи участи оставлялись безъ послѣдствій. О немъ точно забыли.

6 ноября 1796 г. императрица умерла. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, немедленно велѣлъ выпустить Новикова изъ крѣпости и предоставить ему полную свободу. Въ то же время кн. Н. Трубецкому и Тургеневу позволено было выѣхать изъ деревень, куда они были сосланы на житье, а съ Лопухина снятъ былъ надзоръ. По совѣту коменданта, Новиковъ отправился прямо къ себѣ въ Авдотьино и прибылъ туда 19 ноября. Вотъ какъ описываетъ Гамалѣя въ одномъ письмѣ его возвращеніе: «онъ прибылъ къ намъ 19 ноября поутру—дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ». Изъ дѣтей больной сынъ «въ безпамятствѣ подбѣжалъ къ нему, старшая дочь въ слезахъ подошла, а меньшая не помнила его, и ей надобно было сказать, что онъ ея отецъ». «Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной ра-

дости,—говоритъ онъ далѣе,—видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали Николая Ивановича, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую черезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній».

Не успѣлъ еще Новиковъ оправиться и отдохнуть отъ дороги, какъ въ Авдотьино прискакалъ фельдъегерь съ приказаніемъ везти его въ Петербургъ и представить государю. 5 декабря Новиковъ, прямо съ дороги, въ дорожномъ платьѣ и съ отросшею бородою, былъ доставленъ въ кабинетъ къ государю. Павелъ встрѣтилъ его очень милостиво и съ ласковымъ упрекомъ сказалъ: «какъ же я тебя освободилъ, а ты не хотѣлъ меня поблагодарить?» Новиковъ извинился, говоря, что шлиссельбургскій комендантъ посовѣтовалъ ему ѣхать прямо домой. Государь предложилъ Новикову вознагражденіе за понесенныя имъ гоненія и убытки, но тотъ отказался отъ денежной помощи и просилъ его лишь объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ по его дѣлу (до 8 человѣкъ) и о содѣйствіи скорѣйшей продажѣ своего имущества для уплаты долговъ или о передачѣ его главному кредитору—Походяшину. Дѣло въ томъ, что по приказанію покойной императрицы, послѣ ареста Новикова, надъ имуществомъ его назначена была опека, которая должна была это имущество продать съ аукціона и покрыть его долги; но дѣло затянулось, шла переписка и обычная волокита и продажа не состоялась до самаго освобожденія Новикова. Государь обѣщалъ сдѣлать все, что будетъ отъ него зависѣть для скорѣйшей ликвидаціи его дѣлъ; вообще, очень обласкалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ около часа. Заключенные по Новиковскому дѣлу были немедленно же освобождены, и Павелъ дѣйствительно первое время помнилъ о Новиковѣ (даже спросилъ объ его здоровьѣ во время коронаціи у брата его Алексѣя Ивановича, при представленіи послѣдняго въ числѣ прочихъ дворянъ); но потомъ забылъ о немъ и не исполнилъ обѣщанія относительно ускоренія волокиты, которой подвергалось его имущество.

По вторичномъ возвращеніи своемъ въ Авдотьино, Николай Ивановичъ принялся за приведеніе въ порядокъ своихъ дѣлъ съ цѣлью уплаты долговъ.

Не смотря однако на всѣ его старанія, дѣло это долго не приходило къ развязкѣ. Втеченіи четырехъ лѣтъ оно перехо-

дило изъ одной инстанціи въ другую и привело къ полному разоренію не только самаго Новикова, но и его кредиторовъ. Наконецъ въ 1801 году состоялось между ними соглашеніе, въ силу котораго рѣшено было освободить присутственныя мѣста отъ нѣскончаемаго разбора дѣлъ Новикова и продать все его имущество не съ аукціоннаго торга, а хозяйственнымъ образомъ, для чего и отдать все это имущество Походяшину, которому поручить продажу съ тѣмъ, чтобы онъ, по мѣрѣ выручекъ платилъ по разсчету кредиторамъ. Долги Новикова исчислялись въ 753,537 р. 43¼ копѣйки. Эта громадная сумма достаточно говоритъ о томъ, какъ велико было довѣріе, которымъ пользовался въ обществѣ Николай Ивановичъ. Послѣ передачи всего имущества Походяшину, Новиковъ остался при одномъ Авдотьинѣ, которое было также уже заложено. На Авдотьино (Тихвенское тожъ) опека не распространилась, потому что оно находилось въ нераздѣльномъ владѣніи съ братомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ, который и раньше имъ завѣдывалъ, и потомъ жилъ тамъ съ дѣтьми Николая Ивановича, такъ что оно было оставлено собственно на его долю.

Остатокъ своей жизни Николай Ивановичъ провелъ въ крайней бѣдности, которая вынуждала его иногда даже обращаться къ знакомымъ съ письменными просьбами о денежномъ пособіи. Послѣ его смерти и Авдотьино было продано за долги съ аукціона. Купилъ его генералъ-маіоръ П. А. Лопухинъ. Послѣ смерти послѣдняго, жена его передала это имѣніе въ собственность Московскаго Комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыню съ тѣмъ, чтобы Комитетъ устроилъ въ этомъ имѣньѣ богадѣльню и больницу.

Послѣдніе годы жизни Новиковъ провелъ въ уединеніи, изрѣдка выѣзжая изъ Авдотьина по неотложнымъ дѣламъ или къ нѣкоторымъ сосѣдямъ, съ которыми былъ друженъ. Внукъ его, г-нъ Рябовъ, говоритъ, что вообще онъ былъ удрученъ болѣзнями, несчастіемъ своего семейства и тягостнымъ положеніемъ дѣлъ, особенно послѣ смерти брата своего; не принималъ никакого участія въ литературѣ, почти со всѣми прежними знакомыми разстался, кромѣ лишь очень не многихъ; что нѣкоторые изъ нихъ помогали ему денежными средствами, но что вообще твердость духа ему никогда не измѣняла и что онъ всегда казался спокойнымъ, не жаловался и терпѣливо переносилъ свою судьбу. Вотъ что

писалъ самъ онъ одному изъ друзей: «силы мои изнуряются подъ тяжкимъ бременемъ крестовъ: я такъ одряхлѣлъ, что вы бы меня не узнали». Новиковъ дѣйствительно несъ нѣсколько крестовъ: на его старческихъ рукахъ оказались двое больныхъ дѣтей— сынъ и дочь, у которыхъ, какъ мы уже сказали, была падучая болѣзнь. Никакія медицинскія средства не помогали. Николай Ивановичъ въ концѣ концовъ самъ пытался лечитъ ихъ и выписывалъ разныя универсальныя средства изъ-за границы, но безполезно. Только одна изъ дочерей, Вѣра, хотя и слабаго здоровья, служила ему утѣшеніемъ: она писала за него всѣ письма, и онъ называлъ ее своимъ секретаремъ, а самъ едва могъ дрожавшею рукою подписывать фамилію.

Домъ, въ которомъ онъ жилъ, существуетъ и до сихъ поръ. Онъ построенъ на возвышенномъ берегу рѣчки Сѣверки и состоитъ изъ двухъ этажей. Николай Ивановичъ занималъ 2 крайнія комнаты верхняго этажа, изъ которыхъ одна служила ему спальней и кабинетомъ, а другая библіотекой. Въ этомъ же этажѣ жилъ и больной его сынъ. Обѣ дочери помѣщались внизу подъ комнатою брата, а подъ кабинетомъ Николая Ивановича жила вдова Шварца. Гамалѣя занималъ большую комнату внизу же. Новиковъ велъ очень регулярный образъ жизни: вставалъ въ 4 часа утра, выпивалъ чашку чая и до 8 часовъ занимался чтеніемъ или письмомъ за своимъ письменнымъ столомъ. Въ первомъ часу подавали обѣдъ, къ которому собирались всѣ, кромѣ двухъ больныхъ дѣтей. Въ это время Новиковъ имѣлъ обыкновеніе сообщать присутствующимъ о томъ, что̀ онъ читалъ и что̀ особенно обратило на себя его вниманіе. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ часа полтора или два; затѣмъ до чаю, который пили въ 7 час. вечера, Николай Ивановичъ или гулялъ по своему огромному саду, занимавшему 12 десятинъ, или ходилъ на гумно, въ ригу и на деревню, гдѣ у него было много паціентовъ, которыхъ онъ не безуспѣшно лечилъ. Вообще Новиковъ, послѣ своего освобожденія, приложилъ много стараній къ устройству своихъ крестьянъ: на деньги, полученныя отъ залога въ Опекунскій Совѣтъ Авдотьина, онъ обстроилъ ихъ и до конца жизни заботился о нихъ, какъ только могъ. Неудивительно, что память о Николаѣ Ивановичѣ долго сохранялась и жила въ Авдотьинскихъ крестьянахъ. Особенно тепло и ласково относился онъ къ крестьянскимъ дѣтямъ. Вотъ что разсказывала въ 1858 г. объ Авдотьинѣ Ло-

пухина: «крестьяне этого села образованнѣе всѣхъ въ окрестности живущихъ, знаютъ грамоту и оканчиваютъ всѣ распри сами собою, помня сентенціи стариковъ, слышанныя ими отъ Николая Ивановича». Новиковъ очень много писалъ и диктовалъ, и послѣ него осталось множество бумагъ, которыя неизвѣстно куда дѣвались. До конца жизни онъ сохранилъ любовь къ литературѣ и просвѣщенію и еще въ 1805 году выражалъ желаніе взять на аренду университетскую типографію, съ платою 11 тыс. рублей въ годъ, но дѣло это почему-то не состоялось. Впрочемъ, болѣе всего въ этотъ періодъ его занимали вопросы религіозно-мистическаго характера.

Въ 1812 году тихая жизнь его была потревожена нашествіемъ французовъ. Всѣ сосѣдніе помѣщики разбѣжались, а онъ не тронулся съ мѣста. Проникнутый христіанскимъ смиреніемъ и покорный волѣ Божіей, онъ сказалъ: «что́ Богу угодно, то и будетъ». Мародеры однако не потревожили его. Грабя въ окрестностяхъ, они боялись заходить въ Авдотьино, разсчитывая встрѣтить тамъ засаду. Тутъ Новиковъ выказалъ опять свойственное ему человѣколюбіе и великодушіе: онъ выкупалъ у крестьянъ французовъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ, платя за нихъ по рублю, лечилъ ихъ, кормилъ, а по выходѣ непріятеля изъ Москвы—сдавалъ ихъ французскому начальству, не требуя конечно вознагражденія.

Своими сношеніями съ французами Новиковъ навлекъ на себя подозрѣніе тогдашняго главнокомандующаго Москвы, графа Ростопчина, который предписалъ даже бронницкому исправнику разслѣдовать эти сношенія. Новиковъ прожилъ въ Авдотьинѣ больше 20 лѣтъ послѣ своего освобожденія и умеръ 74 л. отъ роду 31-го іюля 1818 года. Смерть произошла отъ удара, послѣ котораго онъ прожилъ однако еще болѣе трехъ недѣль. Гамалѣя и обѣ дочери Николая Ивановича не долго прожили послѣ него. Одинъ только несчастный сынъ, лежавшій въ постели безъ всякихъ умственныхъ способностей, оставался еще въ живыхъ. Возвращаясь въ 1826 году изъ Петербурга, г-нъ Рябовъ заѣхалъ въ Авдотьино поклониться праху дѣда и засталъ еще больнаго живымъ. О немъ заботились новые владѣльцы Авдотьина, Лопухины.

Тѣло Николая Ивановича было похоронено 2-го августа въ Авдотьинской церкви, имъ самимъ построенной. Могила его находится влѣво отъ алтаря, противъ иконы Спасителя.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ. гипнотизмъ. иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-раРеньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколева. Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ. А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. с. 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Тиссандье. Съ рис. Переводъ съ французск. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр., Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ. Тарда. Переводъ съ французск. Ц. 1 р. 50 к.

ДОМАШНІЙ ОПРЕДѢЛИТЕЛЬ ПОДДѢЛОКЪ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмедингена. Ц. 50 к.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! А. Альмедингена. Ч. II. Ц. 50 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіенич. бесѣды доктора Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

ГИГІЕНА ЖЕНЩИНЫ. М. Тило. Ц. 40 к.

СОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. Доктора Эйдама. Съ 7 рисунками. Ц. 40 к.

ДАРВИНИЗМЪ. Э. Ферьера. Перев. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. (Отъ полюса до экватора). А. Грема. Дополненіе къ его сочиненію „Жизнь животныхъ". Со многими рис. Ц. 2 р.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Деббера. Перевелъ съ французск. и дополнилъ М. Энгельгардъ. Со многими рисунк. Ц. 1 р.

ФАБРИЧНАЯ ГИГІЕНА. В. В. Святловскаго. 720 стр. и 153 рисунка. Ц. 4 р.

ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическія наставленія для народныхъ учителей. Ф. Шублера. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Майра и Писса. Перевелъ съ нѣмецк. и англійскаго Д. Головъ. Съ 293 рисунками. Ц. 2 р. 50 к. Одобрено Морскимъ Ученымъ Комитетомъ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Сочинен. Ніоде. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ШКОЛЬНЫЙ САДОВОДЪ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. А. Волотовскаго. Ц. 20 к.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

К. Д. УШИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго

Съ портретомъ К. Ушинскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ОБЕРТКА ПЕЧАТАНА ВЪ ТИПОГРАФІИ ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Бол. Подъяч., № 39
1892

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Государственные романы. Сжатое изложеніе всѣхъ соціальныхъ мечтаній. Профес. *Клейнвехтера.* Пер. съ нѣмец. и дополн. *Е. Соловьевъ.* Ц. 60 к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) 1 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко* Ц. 1 р. 50к.

Очерки новѣйшей исторіи (1815-1891 г.) *И. Григоровича.* Съ 58 порт. 6-е изд. Ц. 2 р.

Грядущая раса. Фантастическій романъ *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго* Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a.* Перевелъ съ англійск. и дополнилъ *В. Ранцовъ.* Съ 16 портретами. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами.* 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.— 1 р. 50 к. Съ 44 картин. 2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томн. (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

Большой Альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“, 44 иллюстраціи, Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ „къ Сочиненіямъ Пушкина“, Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ въ 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та же 1 рубль. Переплеты: для 1-томнаго 40 коп. и 1 р., для 4-хъ т. (2 пер.) 50 коп. и 1 рубль.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Малышева.* Цѣна въ папкѣ 50 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназіи и книга для домаш. чтенія. *Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц. 3 р.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ и автор. статьей *Н. Михайловскаго* Ц. за оба тома 3 р., въ пер. 4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Четыре тома. Цѣна каждаго—1 руб. Перепл. для 4 томовъ вмѣстѣ по 75 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890 г.г.) *А. М. Скабичевскаго.* Цѣна 2 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Цѣна за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ портр. Цѣна за все собраніе въ 2 том. 3 р.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ большихъ томахъ, съ портрет. автора и статьей *М. Протопопова* Ц. 2 р. 50 коп.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. (Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. 15 к.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев. съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зауеръ.* 2-е изд. Ц. 1 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацци.* 2-е изд. Ц. 75 к.

Больная любовь. Гигіеническій романъ. *П. Мантегацца* Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендофа.* Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія—земскаго, городского и сельскаго *С. Приклонскаго* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р. 50 к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки *А. Бахтіарова.* Цѣна 1 р.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горянской,* подъ ред. *Л. Абрамова.* Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій* Ц. 1 р. 25 к.

Въ небесахъ. Астрономическій романъ. *К. Фламмаріона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. 1 р.

Исторія книги на Руси. *Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ *Попова* Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила Съ 8 картинками, ц. 10 к.— **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.— **Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к.— **Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.— **Цыганы.** Съ 3 карт., 3 к.— **Полтава.** Съ 5 карт. ц. 6 к.— **Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.— **Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.— **Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к.— **Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.— **Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.— **Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.— **Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.— **Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.— **Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.— **Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.— **Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт. ц. 3 к.— **Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.— **Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.— **Скупой рыцарь.** Съ 2 карт. ц. 2 к.— **Моцартъ и Сальери.**— Съ 2 карт., ц. 2 к.— **Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.— **Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.— **Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.— **Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.— **Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.— **Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.— **Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.— **Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.— **Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.— **Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.— **Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.— **Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к.— **Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.— **Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.— **Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.— **Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к. **Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.— **Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.— **Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 18 МАРТА 1893 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА" Б. ПОДЬЯЧ., 39

К. Д. Ушинскій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

К. Д. УШИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго.

Съ портретомъ Ушинскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Мая 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ.

1) «Русскіе педагогическіе дѣятели». Н. Острогорскаго и Д. Семенова.
2) «К. Д. Ушинскій», А. Фролкова.
3) «Историческій очеркъ столѣтней жизни Смольнаго монастыря». В. Лядова.
4) «К. Д. Ушинскій»—некрологъ Ю. Рехневскаго («Вѣстн. Европы», 1871 г., № 2).
5) «Матеріалы для біографіи К. Д. Ушинскаго». М. Чалаго («Народн. школа», 1874 г. № 4) и мног. друг.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ у насъ, въ Россіи, какъбы случайно, неожиданно открыли цѣлую область, почти совершенно невѣдомую раньше, или по крайней мѣрѣ не обращавшую на себя должнаго вниманія. Область эта—*педагогическая*, т. е. иначе—все учебно-воспитательное дѣло. Виновникомъ такого открытія былъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

Конечно и до 50-хъ годовъ были въ Россіи школы всевозможныхъ категорій—низшія, среднія и высшія, въ которыхъ изъ года въ годъ обучались, въ общей сложности, *десятки тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ*. Но, строго говоря, въ обществѣ не ощущалось никакого интереса къ учебно-воспитательному дѣлу. Чему и какъ нужно учить подростающія поколѣнія? Можно ли воспитывать не обучая и слѣдуетъ ли обучать не воспитывая? Въ чемъ основная задача и цѣль воспитанія? Эти и множество другихъ, существенно важныхъ, вопросовъ казались тогдашнему русскому обществу такимъ же стороннимъ, далекимъ и чуждымъ дѣломъ, какъ и все то, что творилось въ канцеляріяхъ, управленіяхъ, консисторіяхъ и проч.

Въ то время въ Западной Европѣ педагогика имѣла уже значительное развитіе, представляя собою достаточно оформившуюся спеціальность, занимавшую самостоятельное и почетное мѣсто въ ряду другихъ спеціальностей. Въ организаціи учебно-воспитательнаго дѣла, въ установленіи учебныхъ курсовъ, программъ, плановъ преподаванія и въ выполненія ихъ, а также въ инструкціяхъ и правилахъ, касающихся собственно воспитанія,—признавалось обязательнымъ сообразоваться не съ одними только правительственными желаніями, предположеніями и предначертаніями, но также и съ тѣми требованіями, какія предъявлялись педагогіею, какъ самостоятельною, спеціальною отраслью знанія, пользовавшеюся авторитетомъ наравнѣ съ высшими науками.

Совсѣмъ иное было въ Россіи въ указанную эпоху. Въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ невозможно было найти двухъ такихъ заведеній, преслѣдующихъ совершенно тождественныя цѣли, которыя походили бы другъ на друга по способу выполненія учебныхъ программъ и воспитательнымъ пріемамъ. Даже въ одномъ и томъ же заведеніи едва ли можно было встрѣтить двухъ лицъ педагогическаго персонала, согласныхъ между собою относительно способовъ обученія, а также и другихъ частностей учебно-воспитательнаго дѣла.

Такая разладица и рознь объясняются отсутствіемъ въ ту пору даже понятія о томъ, что въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ оно ни проявлялось, долженъ быть одинъ обязательный для всѣхъ критеріумъ—психологическая сторона учащихся, съ которою необходимо сообразоваться и при установленіи учебнаго курса и плана каждаго предмета, и въ способѣ преподаванія, и въ воздѣйствіи на умственныя способности и нравственное чувство учащихся. Вмѣсто спеціальной педагогической подготовки, признавалось достаточнымъ личнаго опыта, навыка учащихъ, безъ всякой руководящей идеи въ отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія и обученія,—безъ знакомства съ основами этого дѣла.

Не отрицая, что и въ указанную эпоху, въ видѣ исключенія, встрѣчались между дѣятелями по учебно-воспитательной части лица глубоко-образованныя, горячо-преданныя дѣлу и оказывавшія благотворнѣйшее вліяніе въ умственномъ и нравственномъ отношеніи на воспитываемыя ими поколѣнія,—въ общемъ однако все наше учебно-воспитательное дѣло представляло анахронизмъ. Учебныя программы и руководства отличались безсодержательнѣйшей схоластикой. Прохожденіе программъ держалось на зубристикѣ. Въ обращеніи съ учащимися царила жестокость. Время ученія было временемъ безутѣшнаго горя для дѣтей, особенно же въ младшихъ классахъ.

К. Д. Ушинскій длиннымъ рядомъ горячихъ, дѣльныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, заставилъ всю русскую печать обратить серьезное вниманіе на положеніе родного нашего учебно-воспитательнаго дѣла. Въ обществѣ проснулся наконецъ хоть нѣкоторый интересъ къ нему,—и въ этомъ страшно-застоявшемся дѣлѣ проявилась живая струя.

Такъ произошло открытіе невѣдомой раньше у насъ педагогической области. Открывъ ее, К. Д. Ушинскій около 15-ти лѣтъ руководилъ и самою разработкою этой области. Въ это именно время и были посѣяны на Руси всѣ тѣ здравыя понятія, которыми до сихъ поръ живетъ и держится вся наша учебно-воспитательная часть, продолжая, хоть и очень медленно, развиваться.

Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ со времени смерти Ушинскаго. За это время произошли довольно существенныя измѣненія въ «живой струѣ» — и въ степени энергіи ея, и въ направленіи. Вмѣсто цѣльнаго, мощнаго потока, — какъ можно назвать педагогическое движеніе въ Россіи, пока жилъ Ушинскій и въ первые годы послѣ его смерти,—мы видимъ множество мелкихъ руслъ, не всегда даже согласующихся въ своемъ направленіи съ основнымъ потокомъ. Но въ общемъ однако движеніе не прекращается.

О характерѣ же этого движенія съ наибольшей правильностью можно судить по нашей довольно обширной педагогической литературѣ, сущность которой такова, что въ отношеніи къ ней съ полнымъ правомъ можно повторить слѣдующія слова извѣстнаго нѣмецкаго педагога Дистервега, сказанныя имъ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ:

«Посмотрите на бо́льшую часть сочиненій, написанныхъ учителями и для учителей! Наполняется ли, согрѣвается ли чье-нибудь сердце при этомъ обзорѣ? Кто можетъ извлечь изъ него силу для своей мысли, одушевленіе для важнаго подвига? Найдетъ ли кто нибудь въ нихъ дыханіе жизни, самостоятельный образъ мыслей и энергію? Переходятъ ли ихъ мнѣнія въ убѣжденія, убѣжденія въ дѣла, и вытекаютъ ли ихъ воззрѣнія изъ фактовъ? Это по большей части холодныя, безсмысленныя груды печатной бумаги, — и слогъ такой, что нечему удивляться, если люди, которые живутъ и почерпаютъ жизнь изъ свѣжихъ источниковъ живой литературы, видятъ въ учителяхъ заживо похороненныхъ людей, осужденныхъ питаться такими продуктами, которые ни для кого болѣе не пригодны».

И если въ нашихъ педагогическихъ сумеркахъ чувствуется проблескъ живой мысли, общественнаго интереса къ дѣлу воспитанія и стремленій хотя къ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ немъ,—этимъ мы обязаны Ушинскому. Онъ изъ-за гроба продолжаетъ учить насъ и долго еще будетъ поучать.

Константинъ Дмитріевичъ безспорно принадлежитъ къ числу первоклассныхъ педагогическихъ дѣятелей не въ русскомъ только, но и въ общеевропейскомъ смыслѣ. Если заграничные педагоги почти совсѣмъ не знакомы съ дѣятельностью Ушинскаго, то именно потому, что, къ несчастію, и у насъ не настало еще время для полной, всесторонней оцѣнки значенія педагогической дѣятельности Ушинскаго, въ связи съ обстоятельствами и условіями положенія школьнаго дѣла въ Россіи, а также—и разными другими дѣлами внутренней нашей жизни.

I.

Отцовскій домъ и школа.

Извѣстность К. Д. Ушинскаго и неразработанность литературы о немъ.—Жизнь въ домѣ родителей до и послѣ смерти матери.—Новгородъ-сѣверская гимназія; ея хорошія и неудовлетворительныя стороны.—Самостоятельная работа юнаго Ушинскаго надъ собственнымъ развитіемъ и условія, благопріятствовавшія этому.

Имя Константина Дмитріевича Ушинскаго хорошо извѣстно не только всей образованной Россіи, но даже и всѣмъ мало-мальски грамотнымъ русскимъ людямъ. Между тѣмъ обстоятельства жизни этого великаго русскаго дѣятеля, оказавшаго незабвенную услугу всему нашему школьному дѣлу, еще не приведены въ извѣстность съ той полнотою, какой требуетъ самый характеръ его дѣятельности и ея значеніе не только въ настоящее время, но и для отдаленныхъ русскихъ поколѣній.

До сихъ поръ, напримѣръ, остаются въ неизвѣстности замѣтки, помѣщенныя Ушинскимъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ газетахъ, безъ его подписи. Послѣ смерти его осталось много рукописей и корректурныхъ оттисковъ статей, не появившихся въ свѣтъ; но этотъ интересный матеріалъ еще не собранъ, не обработанъ. Точно также не собраны, не разработаны и письма покойнаго къ разнымъ выдающимся педагогическимъ дѣятелямъ русскимъ и иностраннымъ.

Это—непростительное нерадѣніе со стороны русскаго общества, такъ много обязаннаго К. Д. Ушинскому, создавшему разумную русскую школу. Чтобы загладить этотъ тяжкій грѣхъ, необходимо устроить особый музей, спеціально посвященный К. Д. Ушинскому. Въ немъ должны быть собраны: всѣ его руководства во всѣхъ видахъ изданія; все, что вышло изъ подъ его пера, въ видѣ оконченныхъ или неоконченныхъ статей и писемъ; все, что написано объ Ушинскомъ и появится о немъ въ печати впослѣдствіи, а также его портреты, фотографіи и проч. Съ осуществленіемъ этого полезнаго дѣла необходимо поторопиться, пока живы еще хоть нѣкоторые изъ тѣхъ, съ кѣмъ Ушинскому приходилось работать, пока не изгладились еще слѣды тѣхъ изданій, въ которыхъ онъ принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, или-же просто помѣщалъ статьи, отвѣчающія интересу минуты. Конечно, такому музею лучше всего быть въ Петербургѣ, какъ мѣстѣ полнаго расцвѣта педагогической дѣятельности Ушинскаго. Началомъ для музея могло бы слу-

жить то немногое, что имѣется въ библіотекѣ столичной училищной коммисіи. Понятно, это—лишь зародышъ музея; но важно положить починъ—и за продолженіемъ остановки не будетъ. Музей Ушинскаго будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ музеемъ новѣйшей исторіи педагогическаго дѣла въ Россіи. Потребность же въ этомъ учрежденіи очень велика и на нее безъ сомнѣнія откликнутся всѣ, кому дороги судьбы родного воспитанія и обученія. Приступая къ характеристикѣ К. Д. Ушинскаго, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, помимо матеріаловъ, указанныхъ въ началѣ очерка, намъ помогало въ этомъ случаѣ также и нѣкоторое личное знакомство съ покойнымъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ пишущему эти строки случалось неоднократно встрѣчаться съ Ушинскимъ въ редакціи «Голоса», у барона М. О. Косинскаго, а также и въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ котораго былъ Константинъ Дмитріевичъ.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій происходилъ изъ малороссійскихъ дворянъ древняго рода. Отецъ его, Дмитрій Григорьевичъ, былъ человѣкъ образованный для своего времени; онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, т. е. лучшемъ по тому времени среднемъ учебномъ заведеніи въ Россіи. Сначала состоялъ въ военной службѣ и принималъ участіе въ войнѣ 1812 года. Потомъ вышелъ въ отставку, поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговской губерніи, и зажилъ мирной обывательской жизнью, вступивъ въ бракъ съ дочерью мѣстнаго капиталиста, урожденной Капнистъ.

Отъ этого брака, въ 1824 году, родился Константинъ Дмитріевичъ. Ласково приняла его жизнь. Ни строгихъ взысканій, ни домашнихъ дрязгъ, ни нужды не испыталъ онъ въ дѣтствѣ. Не велико было состояніе его отца, заключавшееся въ сотнѣ десятинъ земли и 30-ти крѣпостныхъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ самымъ виднымъ лицомъ среди новгородъ-сѣверскихъ дворянъ, какъ по уровню образованія, такъ и по складу домашней жизни. Объ этомъ между прочимъ, можно судить уже потому, что у него была хорошая библіотека, имъ самимъ составленная.

Усадьба Дмитрія Григорьевича примыкала къ городской чертѣ. Домъ его, устроенный на широкую барскую ногу, находился на окраинѣ города, на высокомъ берегу Десны, откуда открывалась роскошная панорама на много верстъ кругомъ. Привольно размѣщалась тамъ барская усадьба, съ ея разнообразными постройками, большимъ дворомъ и прекраснымъ фруктовымъ садомъ.

Особенно счастливо провелъ маленькій Ушинскій первыя один

надцать лѣтъ своего дѣтства, пока была жива его мать. О ней онъ сохранилъ на всю свою жизнь трогательно-нѣжныя воспоминанія. Есть полное основаніе полагать, что мать сама руководила первоначальными его занятіями и съумѣла вложить при этомъ въ сына замѣчательно прочные задатки именно воспитывающаго обученія, давъ ему прекрасное направленіе въ этомъ отношеніи, пробудивъ въ немъ любознательность и пытливость, любовь къ чтенію. Библіотека-же отца представляла широкую возможность къ этому, и любознательный мальчикъ съ малыхъ лѣтъ свободно пользовался ею. О вліяніи матери его, какъ воспитательницы, можно судить между прочимъ и по той высокой и почетной роли, которую впослѣдствіи отводилъ Ушинскій женщинѣ вообще и матери въ особенности, какъ учительницѣ дѣтей.

Отецъ Ушинскаго, овдовѣвъ въ 1835 году, вступилъ во второй бракъ съ урожденною Гербель, сестрою генерала Гербеля, управлявшаго Шостенскимъ пороховымъ заводомъ. Это еще болѣе расширило и безъ того довольно значительныя родственныя связи Дмитрія Григорьевича. Въ 1840 году онъ занялъ должность уѣзднаго судьи въ Новгородъ-Сѣверскѣ и пользовался въ мѣстномъ населеніи большимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный, нелицепріятный, безкорыстный.

Какъ ни значительна была перемѣна, происшедшая въ семьѣ маленькаго Ушинскаго, она однако не отразилась на немъ неблапріятными послѣдствіями. Вскорѣ послѣ смерти матери онъ поступилъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію и былъ такъ удовлетворительно приготовленъ, что выдержалъ экзаменъ прямо въ третій классъ. Судя по той горячей любви, съ которою Ушинскій вспоминалъ всегда о своей семьѣ, судя по его вѣрѣ въ благотворное вліяніе на ребенка семьи,—можно съ увѣренностью сказать, что въ лицѣ мачихи онъ нашелъ друга, замѣнившаго ему мать. Тотъ идиллическій взглядъ на семью, который Ушинскій сохранилъ до смерти, несомнѣнно былъ почерпнутъ имъ въ своей родной семьѣ.

Отцовскій хуторъ и гимназія находились на противуположныхъ концахъ Новгородъ-Сѣверска; ихъ отдѣляло разстояніе не менѣе 4 верстъ. Но, съ первыхъ-же дней поступленія въ гимназію и до окончанія ея, Ушинскій обязательно пѣшкомъ совершалъ этотъ путь, въ сложности около 8-ми верстъ. Ему чрезвычайно нравилась дорога по крутому, живописному берегу Десны, черезъ громадный оврагъ, отдѣлявшій хуторъ отъ города. Отправляясь въ гимназію, онъ обыкновенно такъ торопился, что не всегда даже успѣвалъ напиться дома чаю и закусить. Наоборотъ-же, если не-

погодъ, распутица, жестокій холодъ или другія какія-либо обстоятельства удерживали его въ городѣ на нѣсколько сутокъ, —онъ до слезъ тосковалъ о своемъ хуторѣ.

Любилъ также Ушинскій и свою гимназію, любилъ товарищей. Въ III-мъ классѣ, куда поступилъ одиннадцатилѣтній Костя, какъ на подборъ были великовозрастные, притомъ преимущественно изъ среды малосостоятельной, не дворянскаго происхожденія. Эго однако не помѣшало мальчику-Ушинскому сблизиться со своими товарищами, бывшими уже въ юношескомъ возрастѣ. Вскорѣ онъ такъ полюбилъ ихъ, что за удовольствіе считалъ бывать у нихъ. Если ему случалось не успѣть дома позавтракать,—онъ забѣгалъ по пути къ своимъ бѣднякамъ-товарищамъ, радушно дѣлившимъ съ нимъ свою скудную хлѣбъ-соль. Бѣдная обстановка большинства товарищей, ихъ скудный образъ жизни, ихъ воззрѣнія и привычки были своего рода новой школой для Ушинскаго. И эти уроки очень пригодились ему впослѣдствіи, въ пору студенчества.

Съ точки зрѣнія нынѣшняго педантичнаго педагогическаго шаблона, направленнаго къ тому, чтобы взвѣсить, измѣрить и высчитать каждый шагъ, каждое движеніе учащагося, — можно придти въ ужасъ отъ тѣхъ порядковъ, которые царили въ новгородъ-сѣверской гимназіи. Между тѣмъ, по тогдашнему времени, гимназія эта считалась одною изъ лучшихъ, да и въ дѣйствительности была не дурна, если судить о ней не по внѣшнимъ только признакамъ, а по окончательнымъ результатамъ гимназическаго образованія,—по тому направленію и нравственной закваскѣ, которую она давала своимъ питомцамъ.

Сначала—о внѣшней сторонѣ гимназической жизни.

Въ новгородъ-сѣверской гимназіи, когда обучался въ ней Ушинскій, не было даже намека на то, что называется воспитательной частью, воспитательнымъ дозоромъ. Интерната при гимназіи не существовало. Учащіеся, въ количествѣ около 400 человѣкъ, жили въ городѣ, гдѣ кто желалъ. Находясь подъ нѣкоторымъ надзоромъ въ стѣнахъ гимназіи, во время уроковъ, учащіеся внѣ гимназіи были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Это давало широкій просторъ тому, что называется «школьничаньемъ», которое принимало иногда и не совсѣмъ симпатичный характеръ.

По сосѣдству, напримѣръ, съ гимназіей былъ большой фруктовый садъ. Забираясь туда цѣлыми толпами, гимназисты производили порою въ немъ большія опустошенія. Когда-же разливались по сосѣдству съ монастыремъ большія лужи, гимназисты устраивали на нихъ цѣлыя флотиліи, сооружая плоты изъ досокъ монастырской

ограды. Словомъ, сосѣдство гимназіи съ мирной монашеской обителью было во всѣхъ отношеніяхъ неудобно для послѣдней, и монашествующей братіи частенько приходилось быть въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ шаловливыми и свободолюбивыми школярами.

Ученики постарше и классами, и годами имѣли иного рода развлеченія. Ихъ любимымъ притономъ была слободка, находившаяся въ близкомъ сосѣдствѣ съ монастыремъ, славившаяся веселыми нравами обитателей и не особенной строгостью поведенія обитательницъ. Съ наступленіемъ-же весны и во все время, пока не замирала природа, гимназисты въ свободное время привольно разсыпались на свободѣ по окрестностямъ Новгородъ-Сѣверска, изрытымъ громадными, причудливыми рвами, гдѣ было множество ягодъ, особенно-же—земляники. Здѣсь устраивались иногда и довольно нескромныя пирушки, преподавались новичкамъ-гимназистамъ довольно-таки пагубные пріятельскіе уроки.

Все это однако не болѣе какъ шалости, довольно опаснаго пожалуй свойства, и неразумныя увлеченія молодости, не переходившія впрочемъ въ порочность. Помню, какъ послѣ одного изъ засѣданій С.-Петербургскаго педагогическаго общества, въ которомъ много говорилось о школьной дисциплинѣ, К. Д. Ушинскій, какъ-бы продолжая споръ въ небольшомъ кружкѣ лицъ, вспоминалъ приволье и свободу своей школьной поры и въ положительной формѣ заявилъ, что, за все время его ученія въ гимназіи, онъ не помнитъ что-нибудь позорнаго, безчестнаго и преступнаго со стороны учащихся. Это объясняется съ одной стороны извѣстнаго рода традиціями въ самой средѣ учащихся, чтó можно и чего нельзя въ извѣстномъ возрастѣ; съ другой-же стороны — контролемъ за учащимися со стороны самаго городского общества. Пренебрегая шалостями, глядя на нихъ, какъ говорится, сквозь пальцы, мѣстное общество, точнѣе—тѣ семьи, которымъ сдавали родители своихъ дѣтей, были въ общемъ недурными дозорцами за ихъ нравственностью въ серьезномъ смыслѣ слова,—умѣли сдержать юнцовъ, если шалости грозили принять явно дурной оборотъ.

Ушинскій, сопоставляя впослѣдствіи свою новгородъ-сѣверскую гимназію, въ которой онъ учился, со многими другими учебными заведеніями въ столицахъ и въ провинціи, такъ между прочимъ говоритъ въ одной изъ неизданныхъ еще его рукописей: «Въ иныхъ огромныхъ дѣтскихъ казармахъ, гдѣ все такъ вылакировано, вычищено, все блеститъ и сверкаетъ, все хвастливо кидается въ глаза своимъ порядкомъ, гдѣ дѣти находятся ежеминутно подъ ··чительнымъ надзоромъ неусыпныхъ начальниковъ, украшенныхъ

за свою бдительность всѣми возможными отличіями, заводятся между дѣтьми тѣ же пороки, которые водились и между нами въ бѣдныхъ лачугахъ Новгородъ-Сѣверска; только эти пороки принимаютъ здѣсь еще болѣе характеръ повальныхъ болѣзней, тщательно скрываемыхъ, но не исправляемыхъ начальствомъ».

Будучи взрослымъ уже человѣкомъ и окончательно спеціализировавшись на учебно-воспитательной дѣятельности, Ушинскій, хорошо сознавая всѣ недостатки своей новгородъ-сѣверской гимназіи, тѣмъ не менѣе высоко ставилъ ее и уважалъ. И на то были весьма серьезныя причины.

Во главѣ этой гимназіи стоялъ небезъизвѣстный въ свое время въ ученомъ мірѣ отставной старикъ-профессоръ, Илья Федоровичъ Тимковскій. Это былъ педагогъ по призванію. Съ искренней любовью и уваженіемъ къ наукѣ онъ хранилъ въ душѣ своей истинно-юношескій жаръ и чистыя, нелицемѣрныя религіозныя убѣжденія. Онъ былъ безусловно первымъ лицомъ въ гимназіи не только по своему директорскому рангу и положенію, но еще болѣе по нравственному вліянію на учащихся.

Переходя отъ Библіи къ Горацію и Виргилію, отъ великопостныхъ молитвъ къ цитатамъ изъ Цицерона и Тацита, старикъ умѣлъ тѣмъ не менѣе внушить своимъ питомцамъ благоговѣйное уваженіе къ наукѣ. И учителя, и ученики, проявлявшіе особенную любовь къ наукѣ, пользовались уваженіемъ всей гимназіи, всѣхъ ея классовъ—отъ старшихъ до самыхъ младшихъ.

Въ общемъ однако гимназія не могла, даже и при лучшемъ желаніи учителей, дать своимъ питомцамъ сколько-нибудь солидныхъ знаній. Для этого не имѣлось тогда необходимыхъ средствъ, какъ-то: ни учебныхъ руководствъ и пособій, ни соотвѣтствующихъ дидактическихъ пріемовъ. Сущность гимназическаго образованія ограничивалась главнымъ образомъ нравственнымъ воздѣйствіемъ на учащихся, пробужденіемъ въ нихъ сознательной потребности самообученія, любви къ наукѣ и стремленія къ ученію. Достигалось это тѣмъ, что то немногое, которое учащіеся узнавали изъ разныхъ областей науки, усвоивалось ими прочно, съ любовью и уваженіемъ,—не памятью только и холоднымъ разсудкомъ, но и сердцемъ. Въ этомъ именно и заключается одна изъ тайнъ воспитывающаго вліянія обученія, чѣмъ прославились нѣкоторыя изъ прежнихъ школъ, правда, весьма не многія, въ томъ числѣ и новгородъ-сѣверская гимназія во время управленія ею Тимковскимъ.

Ушинскій, съ горячей признательностью вспоминавшій всегда о своемъ старикѣ-директорѣ Тимковскомъ, много разсказывавшій о

немъ, какъ о замѣчательномъ по своему нравственному вліянію педагогѣ, въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ о немъ такъ: «Миръ праху твоему, почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святыню ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ».

Оцѣнивая-же общее воспитательное вліяніе и образовательное значеніе новгородъ-сѣверской гимназіи, по сравненію съ тѣми многочисленными, благоустроенными по общепринятому понятію, учебными заведеніями, съ которыми пришлось Ушинскому ознакомиться впослѣдствіи, онъ тамъ высказывается въ той-же неизданной его рукописи, на которую мы ссылались уже выше:

«Случалось мнѣ видѣть и такія заведенія, гдѣ, несмотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастливости для воспитанниковъ; и такія, гдѣ пятнадцати-лѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто и разсчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы; и такія, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе по-русски, уже съ математическою точностью, сдѣлавшею-бы честь любому воеводѣ передового полка, считаются чинами и породою своихъ батюшекъ, дядюшекъ и тетушекъ, и гдѣ одинъ воспитанникъ подаетъ другому руку послѣ глубокихъ соображеній. Когда мнѣ встрѣчались молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ-нибудь значительномъ учебномъ заведеніи, кончившіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ, какъ предметахъ необходимыхъ въ неизбѣжной комедіи дѣтства, но вовсе излишнихъ и даже неприличныхъ въ практической жизни; когда мнѣ попадались безбородые юноши, еще не совсѣмъ твердо знающіе, въ какомъ вѣкѣ жилъ Карлъ Великій, но уже кощунствующіе надъ святыней отчизны... о! тогда я оцѣнилъ по достоинству и молитвы покойнаго Ильи Федоровича, и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашу любовь къ учителю исторіи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣніями, и почтительный страхъ, который овладѣвалъ нами при словѣ: *университетъ*! А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и зо-

лотистая осень — развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощь и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы,—что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ. Толстыя каменныя стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ, дѣтскія кровати, поставленныя необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцаръ у дверей, этотъ неумолимый церберъ дѣтскаго ада, вокругъ камень и желѣзо, желѣзо и камень, не только безъ малѣйшаго обрывка зелени, но даже безъ куска земли, наверху—кусокъ вѣчно закрытаго неба, внутри—то гробовое молчаніе, то оффиціальный гулъ, въ которомъ исчезаетъ всякая личность, повсюду сердитые аргусовскіе глаза купленнаго надзора, повсюду форма и чинность, вѣчная чистка и лакировка, — все это вѣетъ на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной безсмыслицей; я-бы, кажется, не прожилъ и мѣсяца такою жизнью».

Короче сказать, дѣтство и юность Ушинскаго прошли при условіяхъ, благопріятствовавшихъ свободному, разностороннему развитію душевныхъ его силъ. Захолустная новгородъ-сѣверская гимназія, въ который онъ учился, съ ея привольемъ и свободой—этими великими двигателями воспитанія, — какъ нельзя болѣе способствовала упроченію и развитію здоровыхъ задатковъ первоначальнаго его домашняго воспитанія.

Не отличаясь особеннымъ прилежаніемъ и блестящими успѣхами въ гимназическихъ предметахъ, Ушинскій однако зналъ все то, что проходилось въ гимназіи, и успѣшно переходилъ изъ класса въ классъ. Обладая большими способностями, онъ слишкомъ мало тратилъ времени на приготовленіе уроковъ, нерѣдко просто довольствовался прочтеніемъ заданнаго въ классѣ уже, передъ урокомъ. Все-же свободное время посвящалъ чтенію и прогулкамъ.

Помимо директора гимназіи, Тимковскаго, немаловажное вліяніе имѣлъ на развитіе Ушинскаго также и учитель исторіи, пользовавшійся большимъ уваженіемъ учащихся. Читая безъ разбора все, что подвертывалось подъ руку въ отцовской и гимназической библіотекѣ, юный Ушинскій тѣмъ не менѣе, какъ-бы незамѣтно

даже для самого себя, удѣлялъ больше вниманія сочиненіямъ историческаго характера и путешествіямъ. Безпрерывное чтеніе вызывало у него усиленную душевную работу, такъ что съ годами онъ началъ замѣтно уединяться, совершая отдаленныя прогулки, или шагая изъ угла въ уголъ въ гимназіи, погруженный въ размышленія. Объ этихъ моментахъ уединенія, главнымъ образомъ на лонѣ природы, на любимыхъ кручахъ берега Десны, Ушинскій между прочимъ самъ говоритъ:

«Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ «кручахъ», нависшихъ надъ рѣкою. Какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, проглядывающая тамъ и сямъ изъ подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи—все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и «впечатлѣнія бытія» до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный. Вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и непріятная нагота деревьевъ въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими, таинственными зелеными глубинами; вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто меня ждало тамъ и невѣсть какое сокровище. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачомъ, милліонеромъ, въ сравненіи съ дѣтьми, запертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона. Какія впечатлѣнія могутъ быть даны имъ взамѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу впечатлѣній природы? Послѣ уже будетъ поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разсудокъ станетъ между человѣкомъ и природой».

Основываясь преимущественно на этихъ словахъ Ушинскаго, нѣкоторые изъ его біографовъ приписываютъ ему особенную склонность къ мечтательности и безпечность въ пору гимназической жизни. Но это совершенно невѣрно.

Мечтательность разслабляетъ душевныя силы, истощаетъ ихъ, развиваетъ апатію и лѣнь. Ушинскій-же былъ всегда дѣятеленъ, подвиженъ, даже въ отроческомъ и дѣтскомъ возрастѣ. Каждый повиненъ въ мечтаніяхъ въ пору перваго расцвѣта юности. Отдалъ имъ дань конечно и Ушинскій, но именно въ смыслѣ поэтической восторженности и идеализаціи,—что составляетъ лучшее украшеніе юности и безъ чего юность хуже старости.

Хотя онъ и говоритъ, что ему много пришлось «перемечтать» на кручахъ завѣтнаго берега Десны, подъ вліяніемъ восхитительныхъ красотъ природы, но въ сущности это были совсѣмъ не мечты въ общепринятомъ смыслѣ, а живая, полезная, производительная работа юной души, только-что начинавшей формироваться мысли. Крайне воспріимчивый къ впечатлѣніямъ окружающей природы, жадно искавшій новаго и новаго въ чтеніи, онъ все это самостоятельно перерабатывалъ въ себѣ самомъ, безъ всякихъ посторонниxъ указаній и руководства, вырабатывая нѣчто свое, что можно до нѣкоторой степени назвать *міровоззрѣніемъ*. Несомнѣнно, что въ немъ было много ошибочнаго, дѣтскаго, но во всякомъ случаѣ это была не праздная мечта и соблазнительная греза, а положительная, производительная работа молодого ума, юной души,—полезная гимнастика душевныхъ силъ. Чуждая мечтательности въ общепринятомъ значеніи этого слова, самодѣятельность юнаго Ушинскаго, наоборотъ, была проникнута самымъ чистымъ и возвышеннымъ идеализмомъ, уцѣлѣвшимъ въ немъ во всю послѣдующую жизнь.

Эта самостоятельная духовная жизнь Ушинскаго шла, можно сказать, совершенно особнякомъ отъ собственно гимназической работы. Но это объясняется вовсе не безпечностью его къ гимназическимъ занятіямъ, а сильнымъ увлеченіемъ самостоятельной работой надъ собственнымъ развитіемъ. Прохожденіе впослѣдствіи университетскаго курса доказало, что работа эта была удачна. Насколько-же она была упорна, можно судить между прочимъ по слѣдующему факту. Желая расширить сферу доступнаго ему чтенія, Ушинскій, будучи еще гимназистомъ, настолько изучилъ, безъ посторонней помощи, нѣмецкій языкъ, что сталъ читать Шиллера. Это свидѣтельствуетъ о любви къ труду и умѣнью быть упорнымъ въ немъ.

Въ своемъ увлеченіи самостоятельной работой надъ самимъ собою Ушинскій зашелъ однако такъ далеко, что, несмотря даже на блестящія способности, не выдержалъ выпускного гимназическаго экзамена и не получилъ аттестата. Но гимназія, обдѣлившая его аттестатомъ, снабдила кой-чѣмъ по важнѣе всякихъ аттестатовъ. Она дала ему истинную зрѣлость ума и воли, сберегла его энергію и силы, развила въ немъ вѣру въ самого себя, любовь и способность преодолѣвать препятствія. Обладая такими задатками, вообще очень важными въ жизни и тѣмъ болѣе при неудачахъ, юный Ушинскій нисколько не растерялся, получивъ первый щелчокъ на порогѣ выхода изъ школы въ жизнь. Онъ съ жаромъ принялся за приготовленіе къ вступительному университетскому экзамену, отправился въ Москву, успѣшно выдержалъ экзаменъ и въ 1840 году, т. е.

одновременно съ бывшими своими гимназическими товарищами, былъ зачисленъ въ число студентовъ Московскаго университета, по юридическому факультету.

II.

Университетъ.

Особенность 40-хъ годовъ и состояніе въ то время Московскаго университета.— Увлеченіе учащихъ и учащихся наукой; положеніе и роль Ушинскаго въ студенческой средѣ.—Наиболѣе благотворное вліяніе профессоровъ: П. Г. Рѣдкина и Грановскаго; ранняя, но прочная зрѣлость Ушинскаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ условій.

Прохожденіе Ушинскимъ университетскаго курса совпало съ однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ моментовъ умственнаго движенія въ Россіи. Начало 40-хъ годовъ—время перваго пробужденія политическаго сознанія по крайней мѣрѣ въ передовой части русскаго общества. Съ началомъ-же 40-хъ годовъ совпадаетъ большой переворотъ въ нашей литературѣ: съ этого момента ведетъ свое начало новѣйшая русская литература. Въ печати и передовыхъ общественныхъ кружкахъ забилась лихорадочная потребность въ философско-научномъ анализѣ. Подъ вліяніемъ этого, началась весьма энергическая переработка всѣхъ идеаловъ, проявилось сильное стремленіе отрѣшиться отъ тѣхъ безформенныхъ романтическихъ иллюзій, которыми жили во время 30-хъ годовъ. Обнаружилось горячее, искреннее проникновеніе идеями народнаго блага; началось раскаяніе въ вѣковыхъ неправдахъ, лежавшихъ на совѣсти русскихъ людей. Все это движеніе можно охарактеризовать однимъ словомъ—*народность*. Вмѣсто прежнихъ метафизическихъ потемокъ и романтическихъ мечтаній, печать и общество преисполнились заботы и думы о «народѣ», «народномъ благѣ», «народныхъ идеалахъ». Со страницъ русской печати впервые пахнуло здоровымъ реализмомъ, отраженіемъ потребностей и нуждъ русской жизни.

Въ такую знаменательную эпоху пробужденія русскаго общественнаго самосознанія выпало на долю Ушинскаго проходить университетскій курсъ. Съ истиннымъ благоговѣніемъ вспоминалъ онъ всегда объ университетскихъ годахъ, какъ о лучшей порѣ въ своей жизни, какъ о моментѣ духовнаго своего нарожденія.

Да и было что вспоминать, было за что хранить признательность. Московскій университетъ въ ту пору переживалъ, можно ска-

зать, самый блестящій періодъ въ своей исторіи. Послѣ измѣненія университетскаго устава въ 30-хъ годахъ, составъ профессоровъ Московскаго университета, при энергическомъ содѣйствіи мѣстнаго попечителя учебнаго округа, графа С. Г. Строганова, былъ почти совершенно обновленъ, если не считать нѣсколькихъ старичковъ-профессоровъ, привыкшихъ читать по печатнымъ книгамъ, которымъ позволили дотянуть до пенсіи. Большая-же часть профессоровъ были люди молодые, воспитанники бывшаго профессорскаго института, недавно возвратившіеся изъ за-границы (преимущественно изъ Германіи) съ большимъ запасомъ знаній и прочной философской закваской, съ горячей преданностью наукѣ и твердой вѣрой, что счастье на землѣ можетъ водворить лишь такой универсальный двигатель, какъ наука.

Въ блестящемъ составѣ профессоровъ Московскаго университета той поры звѣздами первой величины были: Грановскій, профессоръ исторіи, и П. Г. Рѣдкинъ, профессоръ энциклопедіи, законовѣдѣнія и государственнаго права. На ихъ лекціи стекались обыкновенно студенты всѣхъ факультетовъ, не исключая даже математическаго и медицинскаго, гдѣ учащіеся наиболѣе бываютъ увлечены своею спеціальностью.

Грановскій и Рѣдкинъ очень удачно пополняли другъ друга. Первый, отличавшійся большимъ мастерствомъ чтенія, дѣйствовалъ преимущественно на чувство слушателей, вызывая въ нихъ живой интересъ къ исторіи, но не пробуждая однако особенно усиленной работы ума. Второй-же, наоборотъ, не отличался особеннымъ лекторскимъ дарованіемъ, но увлекалъ слушателей обширностью и глубиною эрудиціи, неумолимою логикой. Слушаніе его лекцій вызывало усиленную работу мысли.

Лекціи П. Г. Рѣдкина кромѣ того имѣли въ то время очень важное значеніе и съ точки зрѣнія общаго университетскаго образованія. Большую часть своего курса онъ посвящалъ критическому очерку исторіи философіи, безъ знанія которой, понятно, университетское образованіе не можетъ имѣть должной глубины, не можетъ быть научно въ полномъ смыслѣ слова. Такая постановка преподаванія была тѣмъ болѣе кстати, что въ университетѣ въ то время вовсе не преподавалось философіи; даже логика и психологія, неудачно пристегнутыя къ курсу богословія, слишкомъ поверхностно преподавались законоучителемъ. Такимъ образомъ лекціи Рѣдкина были для студентовъ единственнымъ средствомъ расширить и обобщить свое міровоззрѣніе на философскихъ основаніяхъ. Помимо Грановскаго и Рѣдкина, большою популярностью среди студентовъ

пользовались также лекціи Чивилева, оффиціально считавшагося профессоромъ статистики, но преподававшаго однако политическую экономію, и лекціи профессора Крылова—по римскому праву.

Принявъ во вниманіе общее движеніе въ Россіи и пробужденіе русской общественной мысли, не трудно понять, какъ сильно долженъ былъ завладѣвать молодежью университетъ, особенно-же при такомъ удачномъ подборѣ профессоровъ, какъ въ Московскомъ университетѣ. Вообще говоря, юношество, переступая въ то время порогъ университета, всецѣло и беззавѣтно отдавалось чистымъ интересамъ науки, съ тѣмъ благороднымъ, возвышеннымъ идеализмомъ, который такъ выгодно отличаетъ эпоху 40-хъ годовъ отъ всего послѣдующаго времени.

Такое благотворное, истинно-научное вліяніе университета очень характерно отразилось на юномъ Ушинскомъ. Та своеобразная система самообразованія, которую онъ продѣлалъ надъ собою въ гимназіи, та гимнастика ума, къ которой онъ пріучилъ себя,—оказались какъ нельзя болѣе полезными во время университетскаго курса. И съ первыхъ же прослушанныхъ имъ лекцій, послѣ первыхъ дней пребыванія въ университетѣ, онъ развернулся во всю ширь своей богато и разносторонне одаренной природы.

Какъ юноша хорошо развитой, онъ свободно, безъ всякаго затрудненія, слушалъ лекціи по всѣмъ предметамъ избраннаго имъ факультета. Обладая обширною памятью, онъ легко усвоивалъ не только основную мысль лекцій, но и всѣ главнѣйшія частности. Это на первыхъ же порахъ рѣзко выдвинуло Ушинскаго и сдѣлало его до нѣкоторой степени предметомъ удивленія со стороны товарищей.

Къ лекціямъ Ушинскій относился съ большимъ увлеченіемъ. Онъ сразу почуялъ въ нихъ разумные, доказательные, научные отвѣты на всѣ тѣ затаенные вопросы, которые давно уже тѣснились въ его пытливомъ юношескомъ умѣ, угнетали его духъ, настойчиво требуя разрѣшенія. Никогда не оставаясь въ роли пассивнаго слушателя лекцій, Ушинскій обыкновенно выходилъ изъ аудиторіи съ массою новыхъ ощущеній, удовлетворенный или неудовлетворенный прослушаннымъ, съ новыми вопросами и мѣткими замѣчаніями по поводу прослушаннаго. Нерѣдко послѣ лекціи по тому или другому предмету ему случалось развивать своимъ товарищамъ цѣлую теорію, которой имъ не удалось усвоить въ профессорскомъ изложеніи.

Это естественно сдѣлало его центромъ кружка товарищей, также горячо интересовавшихся наукой, какъ и онъ. Въ этой средѣ онъ пользовался большою любовью не только за умъ, остроту, пря-

мой, открытый характеръ, но и какъ идеально хорошій товарищъ. Придерживаясь преимущественно бѣдной среды товарищей, какъ наиболѣе преданныхъ интересамъ науки, онъ охотно дѣлился съ ними не только своими знаніями, но и послѣднимъ рублемъ, послѣдней трубкой табаку.

Въ то время не было развито изданіе профессорскихъ лекцій въ видѣ литографированныхъ записокъ. Вслѣдствіе этого, хотя университетскій курсъ въ общемъ былъ меньше нынѣшняго, но студентамъ несравненно больше, чѣмъ теперь, приходилось самостоятельно работать. Благодаря этому, подъемъ научнаго интереса въ студенческой средѣ былъ очень высокъ. Это само собою порождало потребность въ живомъ обмѣнѣ мыслями по вопросамъ политическимъ, литературнымъ, нравственнымъ, философскимъ, историческимъ и проч. Поэтому сплоченность, солидарность студенческой среды была очень велика.

Въ Москвѣ въ ту пору образовалось даже нѣчто вродѣ студенческаго клуба. Это—небольшой трактиръ «Великобританія», находившійся по близости университета. Благодаря главнымъ образомъ вліянію Бѣлинскаго, а также и нѣкоторыхъ другихъ крупнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей того времени, этотъ эмбріонъ клуба получилъ, можно сказать, историко-литературное значеніе умственнаго центра московскаго студенчества 40-хъ годовъ. Студентъ Ушинскій былъ очень замѣтною величиною въ этой общестуденческой семьѣ. Его мѣткія замѣчанія обо всемъ, что волновало учащуюся молодежь, облетали нерѣдко весь университетъ. Со свойственною ему прямотою и рѣзкостью, Ушинскій одинаково порицалъ и тѣхъ профессоровъ, и тѣхъ студентовъ, которые въ чемъ-либо отклонялись отъ высокихъ нравственныхъ идеаловъ, вдохновлявшихъ тогда университетскую молодежь.

Вообще Ушинскій выгодно выдѣлялся въ студенческой средѣ самостоятельностью, независимостью своихъ воззрѣній, смѣлостью открыто высказывать мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Такъ напримѣръ, въ противность весьма распространенному въ то время поклоненію передъ Наполеономъ I и Вольтеромъ, Ушинскій не стѣснялся порицать того и другого. Будучи убѣжденнымъ приверженцемъ свободы, видя въ ней величайшее благо для человѣчества, Ушинскій порицалъ Наполеона I за его посягательство на политическую свободу, Вольтера-же—за его вторженіе въ область свободы совѣсти. Такое воззрѣніе на этихъ двухъ великихъ историческихъ дѣятелей Ушинскій сохранилъ во всю свою жизнь.

Съ особенною благодарностью вспоминалъ Ушинскій о П. Г. Рѣдкинѣ и Грановскомъ, подъ вліяніемъ талантливыхъ лекцій которыхъ онъ увлекся философіей и исторіей, весьма солидно изученными имъ на студенческой скамьѣ.

Ушинскому, въ бытность его студентомъ, приходилось работать очень много. Помимо увлеченія наукою и добросовѣстнаго отношенія къ университетскимъ занятіямъ, ему нужно было еще бороться съ нуждою. Втеченіи почти всего университетскаго курса онъ вынужденъ былъ давать частные уроки. Состояніе его родителей съ каждымъ годомъ падало; деньги высылали изъ дому неисправно и, въ общемъ, ихъ было недостаточно даже для самаго скромнаго существованія въ университетъ.

Трудовое, независимое существованіе прибавило энергіи юному Ушинскому и служило прекрасной школой для воспитанія въ немъ твердой воли. Борьба-же съ нуждою нисколько не ослабила его розоваго поэтическаго настроенія. Серьезно занимаясь наукою, онъ не забросилъ и художественной литературы. Рука-объ-руку съ наукою шло основательное чтеніе любимыхъ его русскихъ и иностранныхъ писателей, какъ-то: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гете, Гофмана, Жана-Поля Рихтера и нѣкоторыхъ другихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ушинскій страстно увлекался также и театромъ, посѣщеніе котораго считалъ даже обязательнымъ для себя. Изъ своего скромнаго студенческаго бюджета онъ ежемѣсячно отдѣлялъ извѣстную сумму на театръ, причемъ конечно ему могли быть доступны только самыя верхнія мѣста.

Московскій театръ того времени привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Это была пора полнаго расцвѣта талантовъ такихъ даровитыхъ артистовъ, какъ Мочаловъ и Щепкинъ, приводившихъ своею правдивою, обдуманною, прочувствованною игрою въ благоговѣйный трепетъ зрителей. Увлеченіе Ушинскаго ихъ замѣчательною игрою не ограничивалось однимъ созерцаніемъ ея и восхищеніемъ ею, но было несравненно глубже. Подъ вліяніемъ главнымъ образомъ игры Мочалова, онъ написалъ, спеціально для его бенефиса, шести-актную трагедію. Явившись къ Мочалову, онъ прочиталъ ему нѣсколько дѣйствій изъ своей трагедіи. Но тотъ не призналъ въ ней никакихъ достоинствъ. Ушинскій, чрезвычайно огорченный этимъ приговоромъ, даже какъ бы разочаровавшійся на нѣкоторое время въ Мочаловѣ, тѣмъ не менѣе подчинился его суду и не предпринималъ никакихъ попытокъ, чтобы поставить свое произведеніе на сцену. Повидимому онъ безслѣдно уничтожилъ свою трагедію и впослѣдствіи вспоминалъ о ней не иначе, какъ въ ироническомъ тонѣ.

Но каково-бы ни было это его литературное произведеніе, проявленіе писательской жилки въ юномъ Ушинскомъ очень характерно, потому что все остальное свое жизненное поприще онъ прошелъ съ перомъ въ рукахъ, занимая очень видное мѣсто въ передовой линіи лучшихъ литературныхъ русскихъ силъ.

Подъ такими разнообразными и весьма благотворными вліяніями прошло студенчество Ушинскаго. Въ 1844 году, къ двадцати годамъ жизни, онъ блестяще окончилъ университетъ, вторымъ кандидатомъ правъ. Въ наше время большинству подростающихъ поколѣній приходится въ такомъ возрастѣ едва-едва добираться до аттестата зрѣлости. Ушинскій-же, несмотря на юный возрастъ, представлялъ собою выработавшуюся, замѣчательно цѣльную личность, удачно сформировавшуюся подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій дѣтства и школы, и тѣмъ болѣе—университетской науки, разумнаго товарищества, возвышающей душу поэзіи и воспитывающаго театра.

III.

Первыя неудачи въ практической жизни.

Юный Ушинскій, какъ профессоръ Демидовскаго лицея; его успѣхъ и отставка.—Департаментская служба. — Тяжелыя матеріальныя условія и начало литературной дѣятельности; разнообразный писательскій талантъ.—Благопріятный поворотъ въ жизни К. Д. Ушинскаго.

Несмотря на юношескій возрастъ Ушинскаго, юридическій факультетъ Московскаго университета такъ блестяще аттестовалъ своего «второго кандидата» въ смыслѣ умственной и нравственной зрѣлости, что бывшій въ то время попечителемъ московскаго учебнаго округа графъ С. Г. Строгановъ не задумался пригласить Ушинскаго на профессорскую каѳедру въ Ярославскій Демидовскій лицей. Черезъ два года по окончаніи университетскаго курса, т. е. имѣя отъ роду лишь около двадцати двухъ лѣтъ, Ушинскій занялъ въ лицеѣ, преобразовывавшемся тогда въ высшее камеральное училище, каѳедру по энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательствъ и финансовой наукѣ.

Со всѣмъ пыломъ чистой юношеской души предался юный профессоръ чтенію лекцій, къ чему почувствовалъ страстное влеченіе. Добросовѣстно готовясь къ лекціямъ, онъ мастерски излагалъ ихъ—ясно, съ жаромъ, увлекательно. Вскорѣ онъ занялъ одно изъ наи-

болѣе почетныхъ мѣстъ среди другихъ профессоровъ Ярославскаго лицея, какъ даровитый лекторъ, вполнѣ владѣвшій предметомъ, и пользовался большимъ расположеніемъ и уваженіемъ учащихся, оказывая сильное и благотворное вліяніе на нихъ.

Помимо лекцій, популярности его много способствовала также и рѣчь, произнесенная имъ на торжественномъ собраніи лицея 18 сентября 1848 года, «О камеральномъ образованіи». Эта рѣчь служитъ между прочимъ прекраснымъ доказательствомъ, съ какой громадной пользой для себя и для другихъ проработалъ Ушинскій четыре года на профессорской каѳедрѣ. Въ ту эпоху необычайно юнаго положенія русской науки и слѣпого подражанія во всемъ наукѣ заграничной, главнымъ-же образомъ—нѣмецкой, Ушинскій выступилъ вдругъ рѣзкимъ порицателемъ и противникомъ нѣмецкой системы камеральнаго образованія. Въ рѣчи своей онъ талантливо доказалъ, что нѣмецкіе камералисты очень неудачно смѣшали науку и искусство; что сочиненія ихъ по предметамъ камеральнаго образованія представляютъ лишь сборники разныхъ совѣтовъ и указаній по разнымъ отраслямъ промышленности. Отвергнувъ нѣмецкую систему, какъ рецептурную, но вовсе не научную, Ушинскій предложилъ свою собственную. По его плану, основой камеральнаго образованія должно служить изученіе родины въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ-то: семьи, общества и всей вообще народной хозяйственной дѣятельности. Кромѣ того онъ указалъ необходимость изученія народныхъ юридическихъ понятій, въ связи со всѣми вообще условіями мѣстной жизни.

Программа эта, свидѣтельствуя о широтѣ и глубинѣ познаній юнаго еще Ушинскаго, о самостоятельности и смѣлости его воззрѣній, заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, какъ первый голосъ въ русской наукѣ въ пользу экономическаго и бытового изученія народной жизни, о чемъ въ ту пору никто и думать не могъ. И только теперь, спустя болѣе 40 лѣтъ послѣ того, какъ Ушинскимъ впервые было указано на необходимость всесторонняго и тщательнаго мѣстнаго изученія, оно стало наконецъ предметомъ лучшихъ общественныхъ и правительственныхъ заботъ.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе и выдвинула Ушинскаго въ ряду его собратій по наукѣ, какъ человѣка, имѣющаго свой самостоятельный взглядъ, вдохновленнаго стремленіемъ пріурочить науку прежде всего служенію интересамъ родины, русскаго народа. «Народность», впервые начавшая пульсировать въ русской литературѣ—какъ было уже указано выше—въ началѣ 40-хъ годовъ, такъ характерно проявилась въ научныхъ стремленіяхъ

Ушинскаго, какъ профессора, пытавшагося произвести цѣлый переворотъ въ области камеральнаго образованія, представлявшаго въ то время соединеніе юридическихъ наукъ съ естественными и имѣвшаго большое значеніе во всей практической дѣятельности.

Въ другое время, при иныхъ условіяхъ нашей жизни, рѣчь «О камеральномъ образованіи» должна-бы была послужить началомъ блестящей ученой карьеры Ушинскаго. Но не таковъ былъ 1848 годъ, какъ начало крайне неблагопріятнаго поворота для науки, печати, всякихъ вообще возвышенныхъ порывовъ и стремленій. Ушинскій однако какъ бы совсѣмъ не замѣчалъ этого. Жадный къ труду, воспитавшій въ себѣ потребность и умѣнье много и упорно работать, привыкшій все перерабатывать самостоятельно, онъ успѣлъ уже, что называется, до корней изучить сочиненія Карла Риттера по землевѣдѣнію, усиленно занимаясь притомъ и юридическими науками. Какъ профессоръ и ученый, онъ окончательно созрѣлъ, установился. Но въ это-то именно время его подстерегалъ уже первый тяжелый ударъ въ жизни.

Начавшійся въ 1848 году неблагопріятный поворотъ въ русской жизни добрался наконецъ въ 1850 году и до Демидовскаго лицея, мирно занимавшагося наукой, и только ею одной, въ провинціальной глуши. Стремленіе все подвести въ жизни подъ шаблонную мѣрку, усчитать или даже предрѣшить всякій шагъ въ дѣятельности каждаго и всѣхъ, на всевозможныхъ поприщахъ общественнаго служенія,—очень тяжело и пагубно отразилось главнымъ обрзомъ въ области ученой дѣятельности, вызвавъ невообразимый застой мысли въ русскомъ обществѣ. Отъ преподавателей высшей науки потребовали не только самыхъ полныхъ, подробныхъ программъ, съ указаніемъ чтó и изъ какого именно сочиненія они намѣрены цитировать, но еще и съ распредѣленіемъ всего курса преподаванія по днямъ и часамъ. Когда на совѣтѣ преподавателей Демидовскаго лицея было заявлено такое требованіе,—это вызвало столкновеніе Ушинскаго съ начальствомъ. Онъ горячо доказывалъ, что живое педагогическое дѣло вообще и тѣмъ болѣе ученую дѣятельность «невозможно связывать такими формальностями»; что каждый преподаватель долженъ прежде всего сообразоваться со своими слушателями; что предвзятое раздробленіе «курса на часы» «совершенно убьетъ живое дѣло преподаванія».

Такой трезвый взглядъ на педагогическія обязанности и задачи дѣлаетъ большую честь Ушинскому. Но отъ него требовали не разсужденія, а безпрекословнаго исполненія именно того, что должно было «убить живое дѣло». Вѣрный принципу, что «на такое убій-

ство не отважится ни одинъ честный преподаватель»,—Ушинскій вышелъ изъ лицея въ 1850 году. Примѣру его послѣдовали и нѣкоторые другіе преподаватели.

Оставшись безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни, Ушинскій отправился въ Петербургъ на поиски работы. Не желая покидать педагогической дороги, онъ усиленно искалъ въ столицѣ хотя бы мѣста уѣзднаго учителя. Но напрасно: выходъ его изъ лицея служилъ искусственной преградой къ педагогической дѣятельности. Бывшему профессору, страстному педагогу ничего болѣе не оставалось, какъ обратиться въ чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, по департаменту иностранныхъ исповѣданій, подъ вѣдѣніемъ графа Д. А. Толстого. Но здѣсь, на первыхъ же порахъ службы, острое слово, неосторожно оброненное Ушинскимъ по адресу графа Толстого и быстро облетѣвшее весь департаментъ, довольно рѣзко возстановило графа противъ Ушинскаго. Это недоброе чувство тяжело отразилось на Ушинскомъ главнымъ образомъ впослѣдствіи, въ бытность графа Толстого министромъ народнаго просвѣщенія.

Департаментская служба, дававшая всего 400 рублей въ годъ, не могла обезпечить Ушинскаго, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ былъ уже женатъ (на Надеждѣ Семеновнѣ, урожденной Дорошенко, дочери малороссійскаго помѣщика). Пришлось искать другихъ занятій, чему впрочемъ нисколько не препятствовала необременительная департаментская служба. По прежнему увлекаясь философіею и землевѣдѣніемъ, Ушинскій занялся также и изученіемъ англійскаго языка. Это облегчило ему доступъ къ журнальной работѣ въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ—въ качествѣ критика, компилятора, переводчика и проч. Съ 1852 года Ушинскій началъ принимать дѣятельное участіе въ «Современникѣ», а съ 1854 г.— и въ «Библіотекѣ для Чтенія», издававшейся А. В. Старчевскимъ. Помимо обширныхъ знаній, умѣнья владѣть перомъ и душевнаго жара, которымъ проникнуты даже и небольшія компилятивныя и переводныя статьи Ушинскаго, не говоря ужъ о критическихъ его статьяхъ (напримѣръ: «Литературный характеръ, или исторія генія, заимствованная изъ собственныхъ чувствъ и признаній Дизраэли», «Современн.», 1853 г., №№ съ 5-го по 8-й), онъ на первыхъ же порахъ обнаружилъ и несомнѣнный беллетристическій талантъ. Его разсказъ «Поѣздка на Волховъ», появившійся въ 1852 году въ «Современникѣ» (№ 9), былъ замѣченъ критикою и вызвалъ похвалу со стороны И. С. Тургенева.

Вообще за Ушинскимъ довольно скоро упрочилась репутація

талантливаго и образованнаго писателя. Помимо разныхъ текущихъ журнальныхъ работъ, онъ принималъ участіе и въ переводѣ «Политической экономіи» Милля. Но въ общемъ журнальная работа вознаграждалась очень скудно, поглощая однако много времени. Надъ составленіемъ срочныхъ журнальныхъ работъ (обозрѣній, хроникъ, разборовъ книгъ и проч.) Ушинскому нерѣдко приходилось проводить ночи напролетъ,—и это довольно сильно разстроило его здоровье, не отличавшееся особенною крѣпостью. Ушинскій, понимая опасность для себя журнальной работы, сталъ тяготиться ею, искать выхода. Случай вывелъ его на педагогическую дорогу, на которой онъ и обезсмертилъ свое имя.

Бывшій начальникъ Ушинскаго по Демидовскому лицею, П. В. Голохвастовъ, назначенный потомъ директоромъ Гатчинскаго сиротскаго института, рекомендовалъ Ушинскаго, какъ педагога, особенному вниманію почетнаго опекуна института, графа Ланского, который и лично зналъ Константина Дмитріевича. Въ 1855 году послѣдовало назначеніе Ушинскаго преподавателемъ словесности и законовѣдѣнія въ Гатчинскій институтъ, а вскорѣ затѣмъ—и инспекторомъ института, вмѣсто П. С. Гурьева, послѣ выхода его въ отставку.

Такъ окончательно опредѣлилась педагогическая спеціальность Ушинскаго. Въ Гатчинскомъ институтѣ, вмѣстѣ съ прочнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ и почетнымъ положеніемъ, Ушинскій нашелъ обширное школьное дѣло, совершенно своеобразно поставленное, т. е. цѣлую систему школъ, начиная съ начальныхъ, для маленькихъ дѣтей, только что принимающихся за грамоту, и кончая высшими классами, съ курсомъ законовѣдѣнія. Это громадное живое дѣло не могло не увлечь дѣятельной, отзывчивой натуры Ушинскаго, съ энтузіазмомъ принявшагося за изученіе педагогической литературы съ самыхъ ея корней—отъ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта.

Но, помимо обширнаго школьнаго дѣла, у котораго сталъ Ушинскій, были и другія обстоятельства, способствовавшія страстному, безповоротному увлеченію его педагогическою дѣятельностью. Мы говоримъ о «безповоротности» потому, что вступленіе Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ совпало съ тѣмъ періодомъ, когда онъ усиленно думалъ о возвратѣ на ученую дорогу и на дѣятельность въ Гатчинѣ готовъ былъ смотрѣть, какъ на переходную. Это тѣмъ болѣе было возможно, что, по характеру четырехлѣтней своей журнальной дѣятельности, онъ не только не разошелся съ чистою на-

укою, но систематически упрочивался въ ней; да кромѣ того и политическій горизонтъ Россіи значительно расчистился уже для продолженія научной дѣятельности, безъ всякихъ сдѣлокъ со своею совѣстью.

IV.

Начало педагогической дѣятельности К. Д. Ушинскаго.

Крутой переломъ въ русскомъ обществѣ и возбужденіе вниманія къ педагогическимъ вопросамъ.—Увлеченіе Ушинскаго педагогическою дѣятельностью.—Первые русскіе педагогическіе журналы и воздѣйствіе Ушинскаго на русское общество путемъ печати.—Первый опытъ составленія книги для начальнаго обученія русскому языку.

Время выступленія Ушинскаго на педагогическомъ поприщѣ было началомъ крутого перелома въ русскомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ униженія и оскорбленія неудачами крымской войны, общество съ какимъ-то изступленіемъ занималось безпощаднымъ самообличеніемъ, самобичеваніемъ. Но эта добровольная казнь общества,—казнь притомъ вполнѣ заслуженная предшествовавшею умственною и нравственною летаргіею,—не имѣла ничего общаго съ малодушіемъ, отчаяніемъ. Общество, огульно, сплошь порицая то, чему оно автоматически поклонялось, рвалось впередъ—искало лучшаго, стремилось къ лучшему, сознавая въ себѣ энергію и силы, чтобы добиться этого лучшаго.

Въ этотъ моментъ высокаго общественнаго возбужденія впервые раздался призывъ Н. И. Пирогова къ дѣлу воспитанія и обученія («Вопросы жизни», № IX «Морского Сборника», 1856 года). Съ лихорадочною страстностью набросилось общество на совершенно невѣдомые ему раньше вопросы учебно-воспитательной части, ставшіе теперь излюбленными вопросами въ высшемъ кругу, въ ученыхъ обществахъ и клубахъ, въ семьяхъ и школахъ, до приходскихъ училищъ включительно. Началась, можно сказать, хаотическая критика всего дѣла воспитанія и обученія во всемъ его прошломъ. Правительство также явно склонялось къ полной и коренной реформѣ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и искало людей, способныхъ помочь ему въ этомъ отношеніи.

Словомъ, всѣ сознавали, что подрастающія поколѣнія необходимо учить и воспитывать иначе, чѣмъ прежде,—всѣ желали этого, всѣ стремились къ этому. Но дѣло однако оставалось безъ движе-

нія, потому что не доставало работника, не было на виду исполнителя, могшаго выступить въ роли новатора педагога-практика и писателя-теоретика, способнаго перомъ расчищать передъ собою путь въ реформаторской педагогической дѣятельности.

Очередь была за Ушинскимъ, который въ это время въ гатчинской тиши упорно, систематически готовился къ великой и благотворной роли русскаго педагога-реформатора.

Еще лѣтомъ 1855 года, т. е. на первыхъ же порахъ послѣ поступленія Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ, редакторъ «Библіотеки для Чтенія», г. Старчевскій, отобравъ нѣсколько нумеровъ англійскаго журнала «Athenaeum», въ которыхъ были помѣщены статьи объ образованіи и воспитаніи въ Америкѣ, послалъ ихъ Ушинскому въ Гатчину, съ просьбою какъ можно скорѣе перевести для журнала. Статьи эти произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе на Ушинскаго. «Зачѣмъ прислали вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи?—говорилъ Ушинскій Старчевскому, явившись къ нему въ какомъ-то необыкновенномъ экстазѣ.—Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтеніи «Athenaeum'а», не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія, совершенно новыя, мысли, которыя, безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мною будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ».

Слѣдующее обстоятельство играло въ этомъ отношеніи еще болѣе серьезную роль. Задолго до вступленія Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ тамъ былъ инспекторомъ нѣкто Ев. Ос. Гугель. О немъ давно уже всѣ забыли, а если и вспоминали, то не иначе, какъ о «чудакѣ-мечтателѣ, человѣкѣ не въ своемъ умѣ», оставившемъ въ наслѣдіе институту библіотеку, состоявшую изъ двухъ довольно большихъ шкафовъ, къ которымъ никто не рѣшался прикоснуться, словно они были зачумленные. Шкафы эти, почернѣвшіе, запыленные, лѣтъ 20 стояли запечатанными. Ушинскій попросилъ отворить ихъ и нашелъ тамъ замѣчательно «полное собраніе педагогическихъ книгъ». Вотъ что писалъ онъ объ этой своей находкѣ, игравшей въ его жизни большую роль.

«Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и—Боже мой!—отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновенный у насъ человѣкъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ проводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства измѣнились,—и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями. Не даромъ же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою-же мертвою рукою, я думалъ: лучше было-бы, если-бы онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи».

Но труды несчастнаго Гугеля не пропали безслѣдно. Черезъ 20 слишкомъ лѣтъ они нашли талантливаго продолжателя въ лицѣ К. Д. Ушинскаго. Занявъ мѣсто инспектора института, онъ получилъ возможность въ болѣе широкихъ размѣрахъ примѣнять на дѣлѣ тѣ педагогическіе вопросы, которые занимали его въ теоріи. Дѣятельность Ушинскаго въ роли администратора-педагога обширнаго учебнаго заведенія отличается большою энергіей и разумностью. Время инспекторства Ушинскаго въ Гатчинскомъ институтѣ—одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ исторіи этого учебнаго заведенія, ярко отмѣченная большою упорядоченностью всего учебно-воспитательнаго дѣла и успѣшностью его.

Какъ ни производительна была дѣятельность Ушинскаго по институту, какъ ни сильно занимала она его, тѣмъ не менѣе не могла насытить всей его энергіи, обнять всей шири педагогическихъ его воззрѣній и стремленій. Ему тѣсно было въ стѣнахъ института. Въ это именно время, подъ напоромъ общественнаго интереса къ дѣлу воспитанія и обученія, разомъ возникло, въ 1857 году, два педагогическихъ журнала: «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», Н. А. Вышнеградскаго, и «Журналъ для воспитанія», А. А. Чумикова. Въ слѣдующемъ, 1858 году, прибавился еще одинъ дѣльный педагогическій журналъ — «Учитель», г. Паульсона. Въ одномъ изъ

этихъ журналовъ («Воспитаніи», Чумикова) Ушинскій началъ принимать дѣятельное участіе.

36 лѣтъ прошло уже со времени появленія въ свѣтъ одной изъ первыхъ педагогическихъ статей Ушинскаго—«О пользѣ педагогической литературы» («Воспитаніе», 1857 г., т. I), а между тѣмъ она настолько сохранила свою свѣжесть, значеніе и силу, словно въ ней говорится о текущихъ нашихъ школьныхъ злобахъ дня.

«Сравните число истинно развитыхъ людей съ числомъ лицъ, получившихъ систематическое воспитаніе, загляните въ училища и сравните число начинающихъ курсъ съ числомъ тѣхъ, которые оканчиваютъ его,—и вы увидите, какъ много еще остается сдѣлать воспитанію!» Такъ между прочимъ опредѣлилъ Ушинскій въ указанной статьѣ задачу воспитанія. Осуществленіе этой задачи онъ ставитъ въ непосредственную зависимость отъ педагогической литературы.

«Педагогическая литература—говоритъ онъ—одна только можетъ обновить воспитательную дѣятельность, придать ей тотъ смыслъ и ту занимательность, безъ которыхъ она скоро дѣлается машинальнымъ препровожденіемъ времени, назначеннаго на уроки. Она одна только можетъ возбудить въ обществѣ вниманіе къ дѣлу воспитанія и дать въ немъ воспитателямъ то мѣсто, которое они должны занимать по важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Педагогическая литература установляетъ въ обществѣ съ одной стороны правильныя требованія въ отношеніи воспитанія, съ другой—открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій».

Та литература, о которой говоритъ Ушинскій, не имѣетъ ничего общаго съ технической педагогической литературою, которая не можетъ одухотворить дѣла воспитанія, поднять его на степень искусства, придать ему творчество. Безъ этого же условія педагогическое дѣло оказывается однимъ изъ самыхъ безотрадныхъ видовъ ремесленничества, не чуждаго даже извѣстной доли вреда для подрастающихъ поколѣній, общества и государства. Это прекрасно выражено Ушинскимъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Преподаватель, который только въ классахъ занимается своимъ дѣломъ, а, переходя за порогъ школы, не встрѣчаетъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ никакого участія къ своему занятію, весьма скоро можетъ охладѣть къ нему. Преподаватель, уединенный въ своей тихой, монотонной дѣятельности, видя, что ни общество, ни литература, занимающаяся даже ассирійскими древностями и этрусскими вазами, не занимаются его скромнымъ дѣломъ, долженъ имѣть необыкновенно много нравственной энергіи, чтобы не уснуть подъ убаюкивающее журчанье однообразной учительско-

жизни. Вопросы науки, литературы, общественной жизни не касаются даже слегка его микроскопической дѣятельности. Новая повѣсть, новый водевиль, новая скрипка, даже новая шляпка—какія это все блестящія явленія, въ сравненіи съ крошечными фактами учительской дѣятельности!.. Новый воспитатель, можетъ быть и съ лучшими намѣреніями принявшійся за дѣло, скоро замѣчаетъ, что внѣ предѣловъ класса никто имъ не занимается, и самъ мало-по-малу привыкаетъ заниматься имъ только въ классѣ... Скоро онъ начинаетъ довольствоваться механической рутиной, однажды созданной, часто ложной и почти всегда односторонней. Случается даже иногда, что, закоренѣвъ въ этой рутинѣ, онъ начинаетъ съ какою-то злобою смотрѣть на всякую педагогическую книгу, если-бы она какъ-нибудь, сверхъ всякаго ожиданія, и попалась ему подъ руку: онъ видитъ въ ней дерзкую нарушительницу своего долголѣтняго спокойствія». «Наставническая и воспитательная дѣятельность, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая-либо другая, нуждается въ постоянномъ одушевленіи; а между тѣмъ она болѣе, чѣмъ всякая другая дѣятельность, удалена отъ взоровъ общества, результаты ея высказываются не скоро и замѣчаются не многими, рѣже всего самимъ воспитателемъ; однообразіе же ея способно усыпить умъ и пріучить его къ безсознательности».

Въ другой статьѣ («О народности въ общественномъ воспитаніи»), появившейся также въ 1857 году и въ томъ же журналѣ, Ушинскій разъяснилъ общія историческія основы европейскаго воспитанія, очертилъ положеніе учебно-воспитательнаго дѣла у всѣхъ культурныхъ народовъ, отмѣтивъ при этомъ наиболѣе характерныя особенности его въ разныхъ странахъ. Въ третьей статьѣ—«Три элемента школы» («Воспитаніе», 1858 г., т. I)—онъ опредѣлилъ ближайшія задачи русскаго школьнаго дѣла, неразрывность воспитанія и обученія, общественное и государственное значеніе школы.

Мы остановились на этихъ трехъ первыхъ крупнѣйшихъ педагогическо-литературныхъ статьяхъ Ушинскаго, потому что онѣ даютъ понятіе о той почетной роли, которую онъ сразу занялъ, ставъ во главѣ русскаго педагогическаго движенія со второй половины 50-хъ годовъ. Онъ осмыслилъ это движеніе, былъ истолкователемъ и руководителемъ его, далъ тонъ и направленіе печати и обществу въ ихъ стремленіи къ улучшенію, правильнѣе—пересозданію всего учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи.

Одно это уже, не говоря о послѣдующихъ заслугахъ, въ зна-

чительной мѣрѣ оправдываетъ названіе его «отцомъ русской педагогіи». Даже теперь, почти въ сорокалѣтней уже дали прошлаго, основы учебно-воспитательнаго дѣла, установленныя Ушинскимъ, не только не утратили своей новизны, но требуютъ какъ можно болѣе частаго и настойчиваго напоминанія о нихъ. Ничто такъ сильно не мѣшаетъ у насъ успѣху школьнаго дѣла вообще, какъ именно забвеніе о тѣхъ великихъ началахъ, которыя такъ талантливо были высказаны Ушинскимъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ, такъ сильно оживили общество и трезво направили его.

Названіе Ушинскаго «отцомъ русской педагогіи» особенно справедливо потому, что ему первому принадлежитъ мысль о раціональной русской начальной школѣ. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ, когда и помина не было о русской народной школѣ въ нынѣшнемъ ея значеніи, Ушинскій занимался уже составленіемъ книги для первоначальнаго чтенія, «Дѣтскаго Міра», имѣя, слѣдовательно, передъ собою опредѣленный идеалъ, которому должно удовлетворять начальное обученіе. Такимъ образомъ въ Ушинскомъ одновременно опредѣлялась дѣятельность педагога-практика и педагога-теоретика—на строго-научныхъ, философскихъ основаніяхъ,

V.

Блестящій успѣхъ и жестокій ударъ.

Назначеніе К. Д. Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института. — Коренное преобразованіе института. — Педагогическій кружокъ Ушинскаго и его культурное значеніе въ дѣлѣ русскаго воспитанія и обученія вообще. — Апогей педагогической славы Ушинскаго и завистники.—Клеветническій доносъ и побѣдоносное отраженіе его.—Оставленіе Ушинскимъ должности инспектора.

Педагогическая литературная дѣятельность Ушинскаго, а также и блестящіе успѣхи руководимаго имъ Гатчинскаго института обратили на него особенное вниманіе бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія Норова, по рекомендаціи извѣстнаго профессора и академика А. В. Никитенко, преподававшаго въ Смольномъ институтѣ. Въ 1859 году Ушинскій, при ихъ энергическомъ содѣйствіи, получилъ назначеніе на должность инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института—«благородной и неблагородной половинъ Смольнаго монастыря», какъ называли тогда институтъ, съ бывшимъ при немъ Александровскимъ училищемъ.

Назначеніе Ушинскаго инспекторомъ обширнаго закрытаго женскаго учебнаго заведенія, въ которомъ обучалось не менѣе 700 дѣвицъ, было вызвано сознанной правительствомъ потребностью реформировать это обширное учебное заведеніе, въ видахъ расширенія умственнаго развитія и образованія женщинъ, сообразно ощущавшимся въ то время потребностямъ. Дѣйствительно, Смольный институтъ представлялъ какой-то изумительный анахронизмъ. Въ самомъ институтѣ былъ 9-ти-лѣтній курсъ ученія, при 3-хъ классахъ; въ Александровскомъ же училищѣ при немъ—шестилѣтній курсъ, съ двумя классами. По окончаніи трехлѣтняго курса, воспитанницы въ полномъ составѣ переходили въ слѣдующій классъ, хотя бы между ними были и недостаточно подготовленныя, такъ какъ нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставлять воспитанницу въ одномъ классѣ на 6 лѣтъ, т. е. иначе—увеличивать продолжительность обученія до 12-ти, 15-ти лѣтъ и т. д. Вслѣдствіе этого, малоуспѣвшія въ низшемъ классѣ, въ старшемъ успѣвали еще менѣе и, въ концѣ концовъ, окончивъ полный курсъ ученія, выходили изъ заведенія рѣшительно безъ всякихъ знаній. Положимъ, для болѣе слабыхъ, не успѣвающихъ ученицъ устраивались особыя параллельныя отдѣленія; но эти отдѣленія, не исправляя малоуспѣшности, только прибавляли къ ней оскорбленіе достоинства учащихся. Институтъ былъ строго закрытымъ заведеніемъ; учащихся не отпускали къ роднымъ не только по большимъ праздникамъ, но даже на лѣтнія, рождественскія и пасхальныя каникулы. Втеченіи девятилѣтняго пребыванія въ институтѣ онѣ были безусловно оторваны отъ родныхъ семействъ. Время ученія ихъ равносильно было заточенію, и названіе института «монастыремъ» имѣло значительную долю основанія.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло при назначеніи Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института. Въ ту пору институты были единственными разсадниками средняго образованія женщинъ въ Россіи. Маленькія женскія духовныя училища при женскихъ монастыряхъ, пансіоны для «благородныхъ дѣвицъ»—едва ли даже можно принимать въ разсчетъ. Тѣ и другіе были слишкомъ далеки отъ типа общеобразовательныхъ заведеній: въ первыхъ преобладалъ религіозный и даже монашескій элементъ; во вторыхъ дѣло сводилось къ простой дрессировкѣ — обученію танцамъ, музыкѣ и коекакимъ верхушкамъ изъ новыхъ языковъ.

Вообще женщинъ въ то время учили «чему нибудь и какъ нибудь», но меньше всего — наукамъ. Во всѣхъ частныхъ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая конечно институтовъ,

институтъ, когда успѣлъ опредѣлиться характеръ предпринятыхъ имъ реформъ, около Ушинскаго сгруппировался кружокъ свѣжихъ, молодыхъ педагоговъ, имена которыхъ пользуются въ настоящее время общею извѣстностью. Въ составъ этого кружка входили: В. О. Буссе, В. И. Водовозовъ, священ. Головинъ, Дестунисъ, баронъ М. О. Косинскій, Лемеки, В. И. Лядовъ, Массонъ, О. Ѳ. Миллеръ, Л. Н. Модзалевскій, А. И. Павловскій, Я. П. Пугачевскій, Раевскій, М. И. Семевскій, Д. Д. Семеновъ и другіе. Многіе изъ нихъ сошли уже въ могилу, оставивъ по себѣ признательную память и очень почтенныя педагогическія сочиненія.

Значительная часть этого блестящаго педагогическаго персонала была получена Ушинскимъ изъ только-что основанной, по сосѣдству со Смольнымъ институтомъ, первой, по времени открытія въ Петербургѣ, ежедневной безплатной Таврической школы. Она была устроена молодымъ инженернымъ офицеромъ, барономъ М. О. Косинскимъ, энтузіастомъ-педагогомъ, даровитымъ преподавателемъ математики, много и съ пользой потрудившимся надъ разработкой методики математическихъ наукъ.

Самая эпоха возрожденія и обновленія Россіи, когда сущность торжествовала во всемъ надъ бездушною формою, не мало благопріятствовала такому замѣчательному подбору преподавателей. Облеченный обширными полномочіями и высокимъ довѣріемъ предержащихъ властей, Ушинскій не останавливался въ привлеченіи къ педагогической дѣятельности несомнѣнно даровитыхъ людей, у которыхъ однако не оказывалось установленныхъ на этотъ предметъ оффиціальныхъ дипломовъ. Такъ, съ большою пользою для дѣла, но въ обходъ формализма, имъ были приглашены молодые офицеры: инженеръ баронъ М. О. Косинскій—преподавателемъ математики и артиллеристъ М. И. Семевскій—преподавателемъ исторіи. Оба они оказались не только превосходными преподавателями, но не мало потрудились впослѣдствіи и на болѣе широкомъ общественномъ педагогическомъ поприщѣ, Семевскій же еще и на литературномъ, какъ издатель «Русской Старины». Кромѣ того Ушинскій пригласилъ было преподавателемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ института и извѣстнаго писателя Н. Г. Помяловскаго, очень выгодно зарекомендовавшаго себя въ качествѣ учителя въ безплатной Шлиссельбургской воскресной школѣ для дѣтей рабочихъ. Помяловскій однако, давъ нѣсколько очень удачныхъ пробныхъ уроковъ въ институтѣ, отказался отъ штатнаго мѣста преподавателя, не чувствуя въ себѣ достаточно склонности къ спеціальной педагогической дѣятельности.

Дружественнымъ, единодушнымъ кружкомъ были сомкнуты преподаватели около Ушинскаго. Всѣхъ привлекали высокія умственныя и нравственныя качества даровитаго, энергическаго руководителя, державшагося однако на товарищеской ногѣ. Здѣсь все дѣлалось сообща, подвергалось дружному, одушевленному обсужденію.

На весь Петербургъ славились педагогическіе четверги Ушинскаго. Въ маленькій флигелекъ Смольнаго монастыря, находившагося въ то время довольно далеко за городскою чертою, въ небольшую, уютную квартиру Ушинскаго еженедѣльно собирались не только друзья его и помощники-сослуживцы по институту, но и всѣ, кто живо интересовался педагогическими вопросами. Интересоваться же дѣйствительно было чѣмъ,—было чему учиться. Тутъ можно было узнать все, что есть новаго и выдающагося въ педагогической области, по части взглядовъ, методовъ и системъ преподаванія. Тутъ же, въ общей бесѣдѣ и оживленныхъ спорахъ, намѣчались, обсуждались, вырабатывались новыя программы и планы преподаванія, проэктировались разныя измѣненія и улучшенія.

Эти четверги сплачивали петербургскую педагогическую семью и вдохновляли ее на живую, плодотворную работу. Не только для непосредственныхъ помощниковъ Ушинскаго по институту, но и для многихъ другихъ, интересующихся дѣломъ воспитанія и обученія, эти педагогическія собранія имѣли значеніе педагогической школы, въ нѣкоторомъ родѣ *педагогіума*. И у самого Ушинскаго, и у ближайшихъ его друзей и сослуживцевъ, и у лицъ постороннихъ, случайно попадавшихъ сюда, зарождались идеи и созрѣвали планы цѣлыхъ педагогическихъ трудовъ. На этихъ именно сборищахъ Ушинскій подвергалъ обсужденію и программу, и исполненіе «Дѣтскаго Міра», задуманнаго еще въ Гатчинѣ, надъ обработкой котораго онъ трудился теперь среди массы другихъ многосложныхъ своихъ обязанностей,

Благотворное вліяніе педагогическихъ собраній Ушинскаго не ограничивалось замкнутымъ педагогическимъ кружкомъ, но имѣло болѣе широкое общественное значеніе. Трезвые педагогическіе взгляды и понятія разносились по всему Петербургу и, отражаясь въ печати, распространялись съ большею или меньшею полнотою по всей Россіи.

Послѣ двухлѣтней работы подъ управленіемъ Ушинскаго Смольный институтъ, нисколько не интересовавшій прежде столичнаго общества, вызывавшій только нелѣпѣйшія легенды, по причинѣ своей замкнутости и рутины, вдругъ сталъ предметомъ большого

вниманія со стороны всего интеллигентнаго столичнаго общества. О новой, разумной жизни этого учебнаго заведенія, о происходящихъ и подготовляющихся тамъ капитальныхъ реформахъ громко говорила печать. Представители разныхъ учрежденій и вѣдомствъ, родители и родственники учеництъ, люди педагогической профессіи массами стремились въ институтъ, чтобы послушать уроки, о которыхъ говорилъ весь Петербургъ. И то, что они видѣли тамъ, приводило ихъ въ изумлѐніе и восторгъ.

Ученицы обоихъ отдѣленій Смольнаго института и всѣхъ классовъ, отъ старшаго до самаго младшаго, не только не тяготились ученіемъ, не называли его «противнымъ», какъ это было прежде, а напротивъ съ уваженіемъ относились къ нему, были явно увлечены занятіями, обнаруживая большую любовь къ труду. Между ученицами и учащими были хорошія, простыя, естественныя отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи, довѣріи и доброжелательствѣ. Авторитетъ преподавателей, особенно же Ушинскаго, былъ очень великъ въ глазахъ учащихся. Родители и родственники, въ глаза и за глаза, на словахъ и въ письмахъ, иногда даже печатно, выражали Ушинскому горячую признательность, видя въ ученицахъ не свѣтскихъ куколъ, не кисейныхъ барышень, а разумныхъ, развитыхъ дѣвушекъ, со здравыми взглядами, понятіями и сужденіями.

На всю Россію гремѣло имя К. Д. Ушинскаго, какъ умнаго, энергическаго, талантливаго реформатора-педагога. Славѣ Ушинскаго особенно много способствовало увлекательное преподаваніе имъ педагогики и дидактики въ обоихъ отдѣленіяхъ Смольнаго института. Вообще талантливый преподаватель и блестящій ораторъ, онъ вкладывалъ всю свою душу въ преподаваніе этого предмета, чтобы разъяснить своимъ ученицамъ, готовящимся вступить въ жизнь, великое назначѐніе женщины, какъ матери, жены, разумнаго активнаго члена общества и всей государственной семьи.

Бывшія ученицы Ушинскаго, изъ которыхъ многія имѣютъ теперь въ томъ же Смольномъ институтѣ дочерей и даже внучекъ, съ юношескимъ восторгомъ и слезами благодарности вспоминаютъ объ этихъ прекрасныхъ урокахъ своего учителя. Онѣ свидѣтельствуютъ, что великіе завѣты учителя освѣщали имъ жизненный путь, поддерживали ихъ, руководили ими до преклонныхъ лѣтъ.

Благодаря именно нравственному обаянію личности Ушинскаго, голосъ его пользовался большимъ авторитетомъ и въ самыхъ высшихъ сферахъ. Ему, напримѣръ, поручено было письменно изложить свое мнѣніе о воспитаніи Наслѣдника престола.

Въ эту пору наибольшаго расцвѣта педагогическаго дарованія

и дѣятельности Ушинскаго вышла въ свѣтъ книга его — «Дѣтскій Міръ», сразу давшая ему общерусскую извѣстность. Съ большими сомнѣніями и колебаніями относился Ушинскій къ этому своему труду, отнявшему у него около трехъ лѣтъ. Строгій къ другимъ, онъ былъ безпощадно суровъ къ самому себѣ. Такъ какъ книга эта не удовлетворяла тѣмъ замысламъ, которые назрѣли уже у него въ это время относительно послѣдующихъ педагогическихъ работъ, вскорѣ же выполненныхъ имъ, то онъ и не рѣшался издавать «Дѣтскаго Міра». И только уступая настоятельнымъ совѣтамъ и просьбамъ своихъ друзей, или правильнѣе—кружка помощниковъ по институту, онъ рѣшился выпустить эту книгу въ количествѣ 3,600 экземпляровъ. Но «Дѣтскій Міръ» сразу же сдѣлался классною книгою во всевозможныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ что въ первомъ же году выхода его потребовалось два новыхъ изданія.

Къ концу третьяго года пребыванія Ушинскаго въ Смольномъ институтѣ, т. е. къ исходу 1861 года, слава Ушинскаго, значеніе и вліяніе его, какъ передового русскаго педагога, достигли своего апогея. Но апогея достигла также и зависть къ Ушинскому. Та тысячеглавая гидра, которая смотритъ на педагогическое дѣло, какъ на ремесло и средство къ выслугѣ, съ тревогой и ненавистью слѣдила за возвышеніемъ Ушинскаго, за возростаніемъ общественнаго его вліянія — и клеветала на него. И чѣмъ больше разросталась слава Ушинскаго, тѣмъ болѣе ширилась клевета его завистниковъ.

Такое громадное дѣло, какъ созданіе совсѣмъ новой у насъ системы женскаго образованія и оживленіе всего вообще педагогическаго дѣла въ Россіи, было достигнуто Ушинскимъ, только благодаря личной его энергіи и таланту и при содѣйствіи ближайшихъ его помощниковъ, безусловно сочувствовавшихъ ему во всемъ и шедшихъ на помощь во всѣхъ его разумныхъ начинаніяхъ. А затѣмъ въ остальныхъ окружавшихъ его и такъ или иначе причастныхъ дѣлу приходилось встрѣчать закоренѣлыхъ, безнадежныхъ приверженцевъ отжившей рутины. Изъ многочисленнаго, напримѣръ, женскаго персонала института, за исключеніемъ лишь двухъ инспектрисъ: Е. Н. Обручевой и А. К. Сентъ-Илеръ, остальныя не только не сочувствовали преобразовательной дѣятельности Ушинскаго, но, тайно или явно, стояли даже на сторонѣ его враговъ.

Короче говоря, въ преобразованіи института, или иначе — въ созиданіи новаго у насъ типа средняго образованія женщинъ, приходилось идти на-проломъ, каждый шагъ брать съ боя. Это была безпрерывная, продолжавшаяся почти ежеминутно борьба новыхъ

разумныхъ началъ воспитанія и обученія съ заскорузлой рутиной. Въ виду этого, блестящая повидимому роль Ушинскаго въ качествѣ преобразователя института въ сущности была тяжкимъ бременемъ, переполнявшимъ его жизнь безпрерывными тревогами, волненіями, непріятностями и разнаго рода столкновеніями, крупными и мелкими, то съ властными міра сего, то съ подчиненными. Отъ него, какъ главы и руководителя дѣла, помимо гигантской энергіи, требовалось, можно сказать, полное самозабвеніе, даже самопожертвованіе за высшіе духовные интересы тѣхъ сотень русскихъ дѣвушекъ, образованіе и воспитаніе которыхъ было ввѣрено ему.

Трудъ Ушинскаго по институту — трудъ самоотверженный въ полномъ смыслѣ слова. Потому то онъ и успѣлъ сдѣлать такъ много въ трехлѣтній срокъ, что сотрудники его видѣли въ немъ самозабвеніе, готовность на самопожертвованіе во имя великой идеи — насажденія раціональнаго средняго образованія женщинъ въ Россіи. Всѣмъ было ясно, какъ много Ушинскій беретъ на себя, предпринимая разныя нововведенія исключительно за свой страхъ и рискъ. Обыкновенно дѣлалось такъ, что сначала производилось самое улучшеніе и потомъ уже наступала окончательная санкція его. Этого крайне неудобнаго и рискованнаго порядка по необходимости приходилось держаться, въ виду новизны дѣла, чтобы не пугать ширью и смѣлостью нововведеній. Вѣра Ушинскаго въ свое дѣло, беззавѣтная преданность ему заражала, электризовала окружавшій его педагогическій персоналъ, — и новое дѣло ширилось, росло, преуспѣвало — наперекоръ мертвой рутинѣ.

Но за то росли также зависть, ненависть, вражда къ Ушинскому со стороны слѣпыхъ приверженцевъ старины. Можно сказать, что почти одновременно со вступленіемъ Ушинскаго въ институтъ начались безпрерывные доносы на него. Этого безкорыстнаго человѣка, безупречной честности, убѣжденно-вѣрующаго, патріота въ самомъ возвышенномъ смыслѣ слова — обвиняли во всевозможныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, даже въ неблагонадежности. Въ числѣ этихъ клеветниковъ-доносчиковъ были между прочимъ и лица, стоявшія у того же дѣла и долженствовавшія имѣть своимъ девизомъ любовь къ ближнему и самое высокое христіанское смиреніе.

Настойчиво, энергически добиваясь опредѣленной цѣли, не поступаясь ни въ чемъ своими убѣжденіями, не имѣя обыкновенія ладить съ дрянными самолюбійцами и обходить ихъ, Ушинскій въ концѣ концовъ создалъ себѣ къ началу 1862 г. такую массу сильныхъ враговъ, что не только вынужденъ былъ оставить инспекторство, но даже и оправдываться въ клеветническихъ доносахъ на него

Словно громомъ пораженный въ самое сердце, Ушинскій втеченіи нѣсколькихъ сутокъ, почти не вставая съ мѣста, писалъ свое оправданіе. Ему нисколько не страшно было конечно, что гнусная клевета-доносъ сплела на него цѣлый рядъ самыхъ тяжкихъ обвиненій, грозившихъ даже гибелью ему и его семьѣ; но ему нестерпимо больно и обидно было то, что, несмотря даже на высокое положеніе и довѣріе, приходится отписываться въ томъ, чего онъ не только никогда не дѣлалъ, но даже и не могъ дѣлать по своему образованію, убѣжденіямъ, общественному положенію и открыто проповѣдуемымъ взглядамъ.

Отписка Ушинскаго въ сущности была не оправданіемъ, а крикомъ негодованія, воплемъ, протестомъ противъ нелѣпости взводимыхъ на него обвиненій, — противъ наглаго посягательства на его честь и доброе имя. Онъ въ пухъ и прахъ разбилъ клеветническіе извѣты своихъ доносчиковъ, унизилъ, опозорилъ ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ разбилъ также и свое здоровье. Нервный, раздражительный, онъ слишкомъ горячо принялъ къ сердцу нанесенное ему оскорбленіе. Садясь за отписку бодрымъ и здоровымъ, онъ всталъ изъ-за нея посѣдѣвшимъ и началъ харкать кровью...

Вѣроятно на это главнымъ образомъ и былъ разсчитанъ низкій клеветническій доносъ, такъ какъ все безупречное прошлое Ушинскаго, шедшаго всегда прямо, открыто, имѣвшаго обыкновеніе говорить всѣмъ, что онъ думаетъ, дѣйствительно не поддавалось тайнымъ доносамъ.

Императрица Марія Александровна, лично знавшая Ушинскаго съ самой безупречной стороны и очень цѣнившая его, какъ человѣка даровитаго, выдающагося, съ негодованіемъ отвергла казуистическіе подходы клеветниковъ, принявъ знаменитаго русскаго педагога подъ свое высокое покровительство. По разнымъ соображеніямъ чисто формальнаго свойства, признано было неудобнымъ продолжать Ушинскому инспекторскую дѣятельность. Онъ былъ причисленъ къ IV Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ прежняго содержанія, и получилъ заграничную командировку.

Такъ неожиданно пресѣклась безпримѣрно плодотворная у насъ оффиціальная педагогическая дѣятельность Ушинскаго, въ пору полнаго расцвѣта и апогея ея. А какъ много добра и пользы сулило юному, только-что слагавшемуся русскому педагогическому дѣлу дальнѣйшее оставленіе Ушинскаго на прежнемъ мѣстѣ!..

Своей чуткой душой онъ предугадывалъ стремленіе русскихъ щинъ къ высшему образованію. За сдѣланными уже преобразо-

ваніями, онъ мечталъ о рядѣ послѣдующихъ, чтобы поставить общеобразовательный курсъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній на одномъ уровнѣ съ мужскими. Положивъ начало спеціальному педагогическому образованію женщинъ, онъ подумывалъ и о другихъ средствахъ, чтобы облегчить образованнымъ русскимъ женщинамъ переходъ къ инымъ родамъ трудовой дѣятельности. Эти смѣлые, широкіе замыслы, съ которыми Ушинскій подходилъ къ дѣлу болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ, остаются въ области проблемъ и до нашихъ дней.

Враги Ушинскаго торжествовали побѣду, но совершенно неосновательно. Правда, со сцены сошелъ реформаторъ, но не погибла самая реформа. Всѣ нововведенія Ушинскаго не только были сохранены въ Смольномъ институтѣ, но и получили распространеніе на другіе женскіе институты имперіи. Именно по мысли Ушинскаго, хотя уже и послѣ его ухода (12-го апрѣля 1862 года), было разрѣшено отпускать воспитанницъ институтовъ къ роднымъ на каникулы и большіе праздники. Это значительно парализовало прежнюю оторванность институтокъ отъ родного дома и окончательно уничтожило крайне вредную институтскую замкнутость и изолированность, порождавшую совершенно превратныя, фантастическія представленія о дѣйствительной жизни.

Короче говоря, длинный рядъ поколѣній русскихъ женщинъ, прошедшихъ черезъ институты съ начала 60-хъ годовъ, исключительно Ушинскому обязанъ лучшими условіями образованія и воспитанія, направленными главнымъ образомъ къ уничтоженію физическаго и нравственнаго порабощенія женщинъ, на которое обрекала большинство ихъ прежняя институтская система воспитанія.

Велика заслуга Ушинскаго въ этомъ отношеніи, но велика-же и жертва съ его стороны. Дорого заплатилъ онъ за такой успѣхъ дѣла: онъ купилъ его почти цѣною собственной жизни!..

VI.

Научно-педагогическая дѣятельность.

Редактированіе К. Д. Ушинскимъ «Журнала Минист. Народн. Просвѣщенія» и причины отказа отъ редакторства. — Пребываніе за-границей; сближеніе съ Н. И. Пироговымъ. — «Педагогическая поѣздка по Швейцаріи»; значеніе его «Писемъ» для русскаго школьнаго дѣла. — «Родное слово», его особенности и значеніе. — «Педагогическая антропологія», какъ трудъ единственный въ педагогической литературѣ. — Особенное вниманіе и довѣріе къ Ушинскому.

Въ то самое время, когда въ одномъ вѣдомствѣ Ушинскаго забрасывали доносами, какъ ненавистнаго реформатора, мѣшавшаг

тунеядцамъ-рутинерамъ жить спокойно и будившаго ихъ къ разумной дѣятельности, въ другомъ учебномъ вѣдомствѣ, министерствѣ народнаго просвѣщенія, дѣятельность Ушинскаго цѣнили очень высоко. Въ 1860 году, т. е. еще въ бытность Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института, состоявшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ задумалъ коренными образомъ преобразовать «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ виду наступившихъ реформъ въ области просвѣщенія, министръ желалъ сдѣлать названный журналъ органомъ разработки, обсужденія и разъясненія всѣхъ вообще педагогическихъ вопросовъ. Выборъ министра палъ на Ушинскаго, какъ единственно подходящаго для этой цѣли редактора,—и онъ вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежны.

Вносить жизнь вездѣ, гдѣ Ушинскій прилагалъ свой трудъ,—было особенностью его даровитой энергической натуры. Создавъ изъ безжизненнаго Смольнаго «монастыря» живое учебно-воспитательное заведеніе, въ которомъ и учащіе, и учащіяся съ увлеченіемъ отдавались труду, Ушинскій сдѣлалъ то же и съ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія». Съ половины 1860 года этотъ журналъ, бывшій прежде сухимъ, оффиціальнымъ сборникомъ правительственныхъ распоряженій и случайныхъ спеціальныхъ статей о предметахъ, никого не интересующихъ,—совершенно преобразился, занявъ видное мѣсто, какъ чуткій, отзывчивый педагогическій журналъ, руководящій общественнымъ мнѣніемъ по всѣмъ очереднымъ вопросамъ и текущимъ событіямъ въ области просвѣщенія. Печать стала считаться съ мнѣніями безвѣстнаго, безличнаго прежде журнала. Общество начало прислушиваться къ нему. Для непосредственныхъ же дѣятелей по министерству просвѣщенія журналъ былъ незамѣнимымъ истолкователемъ очередныхъ вопросовъ, задачъ, цѣлей и средствъ къ осуществленію ихъ.

Особенно выдѣлялись въ журналѣ статьи самого Ушинскаго, обращавшія на себя большое вниманіе общества и возбудившія продолжительные дебаты въ печати. Въ видѣ примѣра, остановимся лишь на слѣдующихъ его статьяхъ.

«Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи»—это блестящій философско-педагогическій трактатъ. Рядомъ фактовъ и положеній Ушинскій доказалъ въ немъ, что «безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но долженъ идти назадъ». Трудъ сдѣлался «довершительнымъ закономъ человѣческой природы, тѣлесной и духовной, и человѣческой жизни на землѣ, отдѣльной и въ обществѣ, необхо-

димымъ условіемъ его тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго совершенствованія, его человѣческаго достоинства, его свободы и наконецъ его наслажденій и его счастья».

Другая его статья—«О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи»—посвящена жгучему вопросу, не утратившему, къ несчастію, своей остроты и до нашихъ дней: «почему у насъ людей нѣтъ?» Ушинскій видитъ разгадку этого вопроса главнымъ образомъ въ недостаткахъ нашего воспитанія. «Одного ума и однихъ познаній — говоритъ онъ между прочимъ — еще недостаточно для укрѣпленія въ насъ того нравственнаго чувства, того общественнаго цемента, который... связываетъ людей въ честное, дружное общество». «Вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ». Вообще въ статьѣ разъяснена необходимость высоко-гражданскаго направленія воспитанія, чтобы «чувство личности, эгоизма» не заглушало въ человѣкѣ «чувства общественности или, другими словами, нравственнаго чувства». Несомнѣнно, что при такой постановкѣ просвѣтительнаго дѣла въ странѣ не пришлось бы жаловаться на недостатокъ «людей».

Въ третьей статьѣ—«Проэктъ учительской семинаріи»—Ушинскій впервые знакомитъ русское общество съ задачами и назначеніемъ этихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, ихъ организаціею. Попутно разъясняя заслуги учительскихъ семинарій за-границей, онъ горячо ратуетъ за дѣятельное распространеніе этихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, выставляя насажденіе ихъ у насъ—дѣломъ первѣйшей и величайшей государственной важности.

Ограничиваясь приведенными примѣрами, съ увѣренностью можно сказать, что, судя по характеру и направленію статей К. Д. Ушинскаго, какъ редактора, а также и въ виду общаго состава журнала, предпринятое А. В. Головнинымъ преобразованіе «Журнала Мин. Народн. Просвѣщенія» могло имѣть громадное вліяніе на успѣшный ходъ всѣхъ предстоявшихъ реформъ въ области просвѣщенія, на упроченіе сознательнаго отношенія къ нимъ какъ педагогической среды, такъ и всего русскаго общества. Но, къ сожалѣнію, Ушинскому не долго пришлось быть редакторомъ—лишь до ноября 1861 года.

Вступившій въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ задумалъ сдѣлать изъ журнала ученый сборникъ по всѣмъ наукамъ, нѣчто вродѣ пантеона всѣхъ наукъ. Не сочувствуя такому превращенію полезнаго и даже необходимаго це-

дагогическаго органа печати, не считая себя способнымъ быть редакторомъ такого ученаго энциклопедическаго журнала, Ушинскій отказался отъ редакторства, т. е. прекратилъ службу по министерству просвѣщенія.

Это не мѣшало ему однако продолжать участвовать въ министерскомъ журналѣ въ качествѣ сотрудника. Въ мартовской напримѣръ книжкѣ за 1862 годъ онъ помѣстилъ обширную критическую статью, подъ заглавіемъ «Педагогическія сочиненія Н. И. Пирогова». Восторженно относясь къ личности автора, горячо сочувствуя воззрѣніямъ его на воспитаніе, Ушинскій однако довольно сильно разошелся съ нимъ во взглядѣ на значеніе классическихъ языковъ въ дѣлѣ образованія русскаго юношества. Въ противность мнѣнію Н. И. Пирогова, Ушинскій горячо настаивалъ, что не чужіе языки, мертвые или живые, а непремѣнно свой родной языкъ долженъ быть положенъ въ основу образованія, какъ одно изъ самыхъ лучшихъ и благородныхъ средствъ для духовнаго развитія учащихся. Этому вопросу кромѣ того была посвящена Ушинскимъ особая статья въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія», подъ заглавіемъ «Родное Слово». Эту же мысль о выдающемся значеніи родного языка въ образованіи и воспитаніи русскаго юношества настойчиво проводилъ Ушинскій втеченіи многихъ лѣтъ и въ газетѣ «Голосъ». Наконецъ, свою мысль о значеніи родного языка Ушинскій воплотилъ въ особомъ руководствѣ «Родное Слово», о которомъ будетъ сказано ниже.

Въ маѣ 1862 года, переживъ извѣстную уже передрягу въ Смольномъ институтѣ, съ сильно разстроеннымъ здоровьемъ, Ушинскій уѣхалъ съ семействомъ за-границу, получивъ отъ IV Отдѣленія командировку ознакомиться съ положеніемъ образованія женщинъ за-границей. Тамъ онъ провелъ пять лѣтъ, до 1867 года, живя преимущественно въ Швейцаріи, близъ Веве, и въ Гейдельбергѣ, какъ сильномъ умственномъ центрѣ. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ онъ познакомился и тѣсно сблизился съ Н. И. Пироговымъ, къ которому питалъ особенное расположеніе.

Не будучи напримѣръ еще знакомымъ съ Пироговымъ, никогда не встрѣчавшись съ нимъ, Ушинскій писалъ однако изъ Интерлакена одному изъ своихъ знакомыхъ, проживавшему въ Гейдельбергѣ: «Завидую вамъ, что вы живете въ одномъ городѣ съ Пироговымъ и часто съ нимъ видитесь: для него одного стоитъ переселиться на зиму въ Гейдельбергъ! Я никогда не видалъ этого человѣка, но едва-ли есть кто нибудь другой, кого я уважалъ бы болѣе». Ушинскій смотрѣлъ на Пирогова, какъ на высоко-нравственнаго человѣка, обще-

ніе съ которымъ можетъ возвысить, укрѣпить и окрылить духъ другого. Вотъ почему въ другомъ своемъ письмѣ изъ Гейдельберга онъ говорилъ о Пироговѣ: «Наконецъ-то мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можно указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодыя поколѣнія. Теперь наша молодежь смотритъ на этотъ образъ—и будущность нашего отечества будетъ обезпечена».

Нужно замѣтить, что Ушинскій, несмотря на большую общительность, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень скупъ, чрезвычайно разборчивъ на дружбу, тѣсное сближеніе съ людьми. Въ Пироговѣ онъ чрезвычайно высоко ставилъ сочетаніе медицинскаго генія съ высокимъ педагогическимъ дарованіемъ и цѣльностью нравственной личности, неспособностью на покладистость и сдѣлки со своею совѣстью. И Ушинскій былъ правъ, что его такъ манило въ Гейдельбергъ, къ Пирогову. Никто не въ состояніи былъ бы такъ быстро и рѣшительно уврачевать мучительныхъ душевныхъ ранъ Ушинскаго, какъ сдѣлалъ это Пироговъ. Подъ вліяніемъ общенія и сближенія съ нимъ, Ушинскій быстро воспрянулъ и окрѣпъ духомъ,—съ удвоенною энергіей и лихорадочною торопливостью принялся за научную разработку, такъ сказать, основныхъ корней и вершинъ педагогическаго дѣла, что и послужило блестящимъ заключеніемъ славной, безсмертной его литературно-педагогической дѣятельности.

Поселившись въ Швейцаріи, Ушинскій дѣятельно принялся за изученіе школьнаго ея устройства, главнымъ же образомъ—народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ учебныхъ заведеній. Результатомъ этого изученія былъ рядъ его «Писемъ изъ Швейцаріи» (т. е. семь довольно объемистыхъ статей), печатаніе которыхъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Педагогическая поѣздка по Швейцаріи», началось съ конца 1862 года.

Большую пользу принесли эти «Письма» русскому обществу. Разбирая положеніе школьнаго дѣла въ Швейцаріи, Ушинскій этимъ самымъ освѣщалъ и разныя стороны нашего школьнаго дѣла, до законодательства включительно. Освѣщеніе это производило тѣмъ большее впечатлѣніе, что Ушинскій вовсе не восторгался школьнымъ дѣломъ въ Швейцаріи, а напротивъ серьезно, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, разбиралъ его. Этимъ путемъ онъ очень удачно подчеркивалъ тѣ задачи и цѣли, къ которымъ должно стремиться родное наше школьное дѣло, и тѣ средства, которыми можно достигать намѣченныхъ цѣлей. Такимъ образомъ анализъ школьнаго дѣла въ

Швейцаріи былъ, такъ сказать, проникнутъ указаніями на потребности и нужды отечественнаго образованія.

Въ каждомъ «Письмѣ», почти въ каждой строчкѣ «Письма» сама собою чувствуется забота и дума о родномъ нашемъ школьномъ дѣлѣ. Дѣйствительно, въ эту пору душу Ушинскаго охватилъ мучительный пламень любви и преданности къ дѣлу русскаго народнаго образованія, только что зарождавшагося въ ту пору.

Объ этомъ между прочимъ даетъ особенно ясное понятіе его «Письмо седьмое» (Цюрихъ), посвященное характеристикѣ всѣхъ осмотрѣнныхъ имъ учительскихъ семинарій въ разныхъ кантонахъ Швейцаріи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ онъ въ заключеніи этого письма: «Возвращаясь въ Цюрихъ по берегу прекраснаго озера, я невольно соединилъ въ своемъ воспоминаніи всѣ четыре семинаріи, которыя видѣлъ, и не зналъ рѣшительно, которой изъ нихъ отдать пальму первенства; всякая изъ нихъ имѣла свои хорошія и свои слабыя стороны. Но какъ онѣ различны, какъ въ каждой изъ нихъ отразился свой особливый характеръ: семинарія Фрелиха дышетъ поэзіею; семинарія Рюга—строгою логикою и методой; семинарія Кеттигера—здоровьемъ сельской семейной жизни; семинарія Фриса—наукой, современностью, яснымъ, спокойнымъ разсудкомъ и утилитаризмомъ... Можно по истинѣ удивляться, какъ всѣ эти три кантона: бернскій, арговійскій и цюрихскій, выработали себѣ свои особенныя, проникнутыя кантональнымъ характеромъ, семинаріи и какъ они отыскали, каждый для своей семинаріи, такого директора, который типически выражаетъ въ себѣ характеръ кантона и развиваетъ его въ своихъ воспитанникахъ... Боже мой!—думалъ я про себя, вспомнивъ многія наши полу-иностранныя учебныя заведенія: когда же мы увидимъ такія же характерныя русскія воспитательныя заведенія и во главѣ ихъ—такія же типическія, русскія личности въ высоко-развитой, облагороженной формѣ, когда подобныя личности будутъ развивать въ воспитателяхъ благороднѣйшія черты истинно русскаго характера, а воспитатели будутъ вызывать этотъ характеръ въ молодыхъ поколѣніяхъ русскаго народа!»

Понимая безотрадное положеніе народнаго образованія въ Россіи, но лишенный возможности ринуться на родину для непосредственнаго, активнаго участія въ этомъ великомъ государственномъ дѣлѣ, Ушинскій всячески старается разбудить въ русскомъ обществѣ вниманіе къ народному образованію, вселить въ него надежду и вѣру въ возможность свѣтлаго будущаго. Это усиліе Ушинскаго, словно крикъ наболѣвшей души, вылилось у него въ слѣдующихъ

строкахъ письма на родину: «Теперь именно настаетъ пора, когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные — и много, много школъ нужно! Иначе и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу дайте Россіи,—и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ! Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ»...

Подъ вліяніемъ новыхъ ощущеній, такъ сильно напоминавшихъ о родномъ школьномъ дѣлѣ, Ушинскій дѣятельно принялся за составленіе ранѣе уже намѣченныхъ имъ книгъ для первоначальнаго обученія дѣтей, въ возрастѣ лѣтъ до 10, которыя и вышли въ свѣтъ въ 1864 году подъ заглавіемъ «Родное Слово».

Ранѣе выпущенный имъ трудъ «Дѣтскій Міръ» (въ двухъ частяхъ) представлялъ собою книгу для класснаго чтенія. Назначеніе этой книги— облегчить преподающимъ выборъ матеріала для чтенія, соотвѣтствующій и послѣдовательности въ усиленіи умственныхъ упражненій учащихся, и наглядному ознакомленію послѣднихъ съ предметами природы. Совершенно иное назначеніе имѣетъ «Родное Слово». Это уже не книги для класснаго чтенія, а систематическое руководство для первоначальнаго обученія,—первое, по времени появленія въ Россіи, раціональное, строго методическое руководство въ этой области обученія, остающееся единственнымъ въ своемъ родѣ и незамѣнимымъ до сихъ поръ. Оно было задумано Ушинскимъ вскорѣ же послѣ выхода въ свѣтъ «Дѣтскаго Міра», подъ вліяніемъ успѣховъ послѣдняго.

Оставаясь вѣрнымъ своему взгляду на значеніе родного языка, какъ лучшаго средства для духовнаго развитія ребенка, Ушинскій съ своемъ руководствѣ положилъ родной языкъ въ основу первоначальнаго обученія и вокругъ него, въ тѣсной связи съ нимъ, группируетъ остальные предметы обученія. Руководство его распредѣлено на части или отдѣльныя книги, по годамъ обученія. Первый годъ «Родного Слова» (книга первая) обнимаетъ собою «Азбуку» и «Первую послѣ азбуки книгу для чтенія». Годъ второй (т. е. вторая книга «Родного Слова») представляетъ дальнѣйшую книгу для чтенія, посвященную уясненію дѣтямъ домашняго и школьнаго быта, предметовъ окружающей природы, временъ года и проч.

Обѣ эти книги, на составленіе которыхъ было потрачено, въ

общей сложности, около четырехъ лѣтъ труда, вышли въ свѣтъ одновременно (въ 1864 г.), а вслѣдъ за ними появилась и «Книжка для учащихъ», т. е. руководство къ преподаванію по «Родному Слову». Какъ заявилъ самъ Ушинскій въ своемъ «Руководствѣ къ преподаванію», его «Родное Слово» заключаетъ въ себѣ «много новаго какъ въ методѣ, такъ и въ пріемахъ ученія». Въ дѣйствительности же трудъ его былъ безусловно новымъ не только въ нашей, русской, но и въ міровой педагогической литературѣ, какъ по общему замыслу, такъ и по исполненію.

«Написать первую книгу послѣ азбуки—скажемъ мы словами Ушинскаго—едва ли не самая трудная задача во всей дидактикѣ». Тѣмъ не менѣе онъ весьма удачно выполнилъ эту задачу. Сдѣлавъ центромъ первоначальнаго обученія родной языкъ, Ушинскій постепенно, держась строго индуктивнаго метода, знакомитъ дѣтей не только съ тѣмъ, что имъ необходимо знать въ обиходѣ обыденной жизни и окружающей природы, но также съ основаніями религіи, молитвами, грамотнымъ письмомъ, счетомъ и первоначальнымъ рисованіемъ. Всему этому придана въ «Родномъ Словѣ» такая форма, что пріобрѣтаніе новыхъ свѣдѣній дается ребенку безъ всякаго насилія его природы: знанія какъ бы сами собою вливаются въ ребенка со страницъ разумной книги, гармонично укладываются въ его сознаніи, вызывая любознательность, пытливость и самодѣятельность въ учащемся.

Въ своемъ «Руководствѣ къ преподаванію» Ушинскій между прочимъ такъ опредѣляетъ назначеніе «Родного Слова». «Издавая руководство для учащихся по «Родному Слову», я имѣлъ въ виду не только школу, но и семью. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь распространено домашнее первоначальное обученіе, и дай Богъ, чтобы оно распространялось и улучшалось. Осмотрѣвъ множество заграничныхъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей, я вынесъ изъ этого осмотра полное убѣжденіе, что первоначальное воспитаніе и ученіе дѣтей, по крайней мѣрѣ до 8-милѣтняго и даже до 10-тилѣтняго возраста, болѣе на мѣстѣ въ семьѣ, чѣмъ въ общественной школѣ, и что самая школа для малолѣтнихъ дѣтей тогда только хороша, когда она вполнѣ проникнута семейнымъ характеромъ и болѣе похожа на семью, чѣмъ на школу. Я нерѣдко любовался устройствомъ малолѣтнихъ школъ за-границею, но всегда находилъ дурнымъ, что онѣ избавляютъ отъ необходимости заниматься съ дѣтьми не только такихъ матерей, у которыхъ весь день поглощенъ личнымъ и тяжелымъ трудомъ, но и такихъ, которыя очень могли бы посвятить ученію своихъ малютокъ тѣ немногіе часы или, лучше сказать

минуты дня, какія для этого нужны. Съ удивленіемъ замѣтилъ я потомъ, что въ самой педагогической странѣ въ мірѣ вовсе не развиты въ женщинѣ тѣ педагогическія наклонности, которыя столь свойственны женской природѣ... Желалъ бы отъ всей души, чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ малолѣтнихъ школъ для дѣтей, не могущихъ, по какимъ либо уважительнымъ причинамъ, пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученья, развивались въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье—самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому, безъ крайней необходимости. Что женщинѣ врождено стремленіе учить и развивать свое дитя, а вмѣстѣ съ тѣмъ даны и необходимыя для этого способности,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. И если многія матери, несмотря на все свое желаніе не разставаться рано со своими дѣтьми и учить ихъ самимъ, тѣмъ не менѣе поручаютъ это дѣло школѣ или чужимъ лицамъ, то это объясняется практическою неподготовленностью матерей къ дѣлу первоначальнаго обученія. Вотъ почему, назначая мой учебникъ не только для школы, но и для семьи, я счелъ необходимымъ приложитв къ нему такое руководство для учащихъ, которое ведетъ ихъ шагъ за шагомъ въ дѣлѣ первоначальнаго обученія отечественному языку... Я въ этой книгѣ имѣлъ главною цѣлью—помочь начинающимъ учить и въ особенности облегчить для матери и сдѣлать для нея пріятнымъ трудъ первоначальнаго обученія».

Въ отношеніи послѣдующихъ частей «Родного Слова» Ушинскій имѣлъ такой планъ. Давши дѣтямъ въ первыхъ двухъ частяхъ «Родного Слова» обильный матеріалъ для практическаго изученія русскаго языка, въ третьей части перейти къ грамматикѣ и другимъ предметамъ. Вслѣдствіе этого первымъ отдѣломъ третьяго года явилась грамматика; второй отдѣлъ должна была составлять географія; третій—исторія; четвертый—ариѳметика. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть помѣшала закончить такъ широко и дѣльно задуманный планъ практическаго руководства, долженствовавшаго обнять всю программу начальнаго образованія. Отвлеченный другой большой, важной и сложной работой, о которой будетъ сказано ниже, Ушинскій лишь черезъ шесть лѣтъ, т. е. въ 1870 году, выпустилъ первый отдѣлъ третьяго года «Родного Слова», т. е. грамматическій отдѣлъ, съ соотвѣтствующимъ руководствомъ для преподавателей.

Это — единственный у насъ опытъ нагляднаго, такъ сказать

изложенія грамматики. Точно также и «Руководство къ преподаванію» этого отдѣла «Родного Слова» (т. е. практической грамматики) представляетъ единственный въ своемъ родѣ разборъ того произвола, безалаберщины и мертвечины, которая царитъ во всѣхъ принятыхъ и одобренныхъ для учебныхъ заведеній грамматикахъ русскаго языка. Ушинскій ставитъ такое правило въ основу осмысле́ннаго преподаванія русской грамматики: «Такъ какъ грамматика есть результатъ наблюденій человѣка надъ собственнымъ языкомъ, а не языкъ результатъ грамматики, то самый раціональный пріемъ изученія грамматики будетъ такой, при которомъ стараются обратить вниманіе дитяти на то, какъ онъ говоритъ, и только руководятъ его наблюденіемъ надъ тѣми грамматическими законами, которымъ онъ безсознательно подчиняется въ своей рѣчи, усвоенной подражаніемъ, но созданной самосознаніемъ. Руководство наставника при этомъ, безъ сомнѣнія, необходимо; предоставленное самому себѣ, дитя, конечно, не сдѣлаетъ никакихъ наблюденій надъ такимъ сложнымъ, обширнымъ и притомъ невидимымъ явленіемъ, какимъ представляется человѣческое слово во всей его исторической и логической организаціи. Но, при этомъ руководствѣ, должно, сколько возможно болѣе, оставлять самодѣятельности ученику».

Громадная, незамѣнимая потеря для нашей педагогической литературы, для всего учебно-воспитательнаго дѣла, что Ушинскому не удалось кончить остальныхъ отдѣловъ третьяго года «Родного Слова». Тѣмъ не менѣе выпущенными имъ частями «Родного Слова» онъ оказалъ неоцѣненную услугу всему дѣлу школьнаго и домашняго начальнаго образованія. Онъ первый у насъ, въ Россіи, истолковалъ эту сложную, труднѣйшую отрасль обученія, въ деталяхъ разъяснилъ её отъ азбуки до сознательной грамотности. Онъ создалъ разумную русскую начальную школу, разумное первоначальное обученіе — воспитывающее, образующее, облагораживающее умъ и чувство, вызывающее учащагося къ самообразованію, самоусовершенствованію.

Это—такая великая заслуга передъ отечествомъ, что если бы Ушинскій не прибавилъ болѣе ни одной строки къ своему «Родному Слову»,—одного этого труда было бы совершенно достаточно, чтобы обезсмертить его имя, какъ одного изъ талантливѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ въ мірѣ педагоговъ. Онъ изъялъ дѣло начальнаго обученія и воспитанія изъ произвольныхъ усмотрѣній гг. педагоговъ, водрузилъ его на философскихъ устояхъ и привилъ ему строго индуктивный методъ, какъ единственно возможный и безусловно обязательный на этой ступени образованія.

Но Ушинскій еще болѣе обезсмертилъ и прославилъ себя другимъ обширнымъ, капитальнымъ трудомъ: «Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи».

Одну изъ главныхъ задачъ заграничной его командировки составляло порученіе отъ IV Отдѣленія составить руководство по педагогіи. Порученіе это какъ нельзя болѣе отвѣчало давнимъ желаніямъ самого Ушинскаго и совпадало съ общимъ направленіемъ и характеромъ научно-педагогической его дѣятельности, посвященной разработкѣ основныхъ принциповъ и руководящихъ началъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія.

Втеченіи пятилѣтняго пребыванія за-границей подготовка къ составленію «Педагогической антропологіи» преобладала надъ всѣми другими его занятіями. Совершенно своеобразно и очень умно отнесся Ушинскій къ возложенному на него порученію — написать обстоятельный курсъ педагогики. Онъ совершенно отрицалъ пользу руководствъ по педагогикѣ, въ смыслѣ голаго свода извѣстныхъ правилъ, безъ указанія ихъ основаній, безъ уясненія вообще человѣческой природы. Это—простая педагогическая рецептура, какую мы видимъ въ иностранныхъ педагогикахъ, особенно же въ нѣмецкихъ,—мало понятна и приложима къ дѣлу, открываетъ широкій просторъ ошибкамъ и произволу каждаго, соотвѣтственно степени личнаго невѣдѣнія, заблужденія въ отношеніи требованій и свойствъ природы учащагося, воспитываемаго юношества. Смотря на педагогику именно какъ на искусство, которому можно выучиться только на практикѣ, Ушинскій примѣнялъ къ ней то же требованіе, какъ и во врачебномъ дѣлѣ. Какъ невозможно быть хорошимъ врачемъ, изучивъ лишь какіе бы то ни было полные и совершенные лечебники, но безъ должныхъ познаній по анатоміи и физіологіи человѣка, точно также невозможно быть и сознательнымъ педагогомъ, не имѣя яснаго понятія о физической и духовной природѣ человѣка, насколько она изслѣдована, разъяснена современною наукою.

Значитъ, требуется прежде всего не руководство по педагогикѣ, въ смыслѣ учебника, собранія правилъ и положеній, а такая книга, которая помогала бы уясненію свойствъ человѣческой природы. Это тѣмъ болѣе необходимо по условіямъ русской педагогической дѣятельности, въ виду необычайной скудости въ нашей образованной средѣ познаній о физической и духовной природѣ человѣка, особенно же—философскихъ свѣдѣній и общедоступныхъ книгъ по этой части. Поэтому Ушинскій и задался цѣлью написать, какъ можно общедоступнѣе, спеціальную антропологическую книгу, которая бы заключала въ себѣ систематическое собраніе всѣхъ не-

обходимыхъ свѣдѣній о природѣ человѣка вообще. Для этого конечно необходимо было перечитать всѣхъ величайшихъ мыслителей и естествоиспытателей, отъ Аристотеля до Канта, Дарвина и Шопенгауэра, и затѣмъ уже сдѣлать изъ нихъ соотвѣтствующія выборки, чтобы получить одно связное цѣлое о томъ, что добыто наукою втеченіи длиннаго ряда вѣковъ о человѣческой природѣ.

На эту подготовительную работу ушло пятилѣтнее пребываніе Ушинскаго за-границей. Перечитывая массу сочиненій великихъ ученыхъ, древнихъ и новыхъ, онъ дѣлалъ изъ нихъ выписки на особыхъ листахъ. Такимъ образомъ за пятилѣтіе у него образовался цѣлый багажъ сырого матеріала, съ которымъ онъ и явился въ Петербургѣ въ 1867 г., чтобы окончательно обработать его, свести въ одно цѣлое, связать одною общей идеею. Такъ какъ общій планъ работы давно уже былъ готовъ, то и выполненіе его не заставило себя долго ждать. Въ концѣ 1867 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ первый томъ книги своей—«Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи», а въ 1869 г.—и 2-й томъ.

Такъ появилось двухтомное сочиненіе Ушинскаго, представляющее обширную и единственную въ міровой педагогической литературѣ популярную антропологическую энциклопедію. Этотъ драгоцѣнный вкладъ въ нашу научную литературу имѣетъ незамѣнимое значеніе не только для педагога, но и для всякаго образованнаго человѣка, сколько нибудь интересующагося свойствами духовной и физической природы человѣка.

Кромѣ двухъ томовъ «Педагогической антропологіи», Ушинскій имѣлъ въ виду написать еще и третій томъ, посвященный приложенію теоретическихъ основаній воспитанія и обученія, изложенныхъ въ двухъ первыхъ томахъ, къ педагогической практикѣ. Къ величайшему сожалѣнію, этотъ трудъ остался не оконченнымъ. Но тѣмъ не менѣе сохранились черновые рукописные наброски его, сохранился даже весь конспектъ полнаго (трехтомнаго) сочиненія «Педагогической антропологіи», какъ оно было задумано и подготовлено въ-чернѣ его авторомъ. Все это находится въ распоряженіи г-жи Ушинской, вдовы покойнаго, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не опубликовано.

Въ печати (въ брошюрѣ г. А. Фролкова) опубликована лишь программа третьяго, предполагавшагося, тома «Педагогической антропологіи». Эту, практическую, часть труда предполагалось посвятить «психическимъ явленіямъ высшаго порядка или явленіямъ духовнымъ». Считая отличительнымъ признакомъ этихъ явленій самосознаніе или разумность, какъ общій корень всѣхъ духовныхъ, чисто

человѣческихъ явленій, Ушинскій подраздѣляетъ эти явленія на слѣдующіе виды: *даръ слова*, чувство *художественное*, чувство *нравственное*, чувство *религіозное*. Развитіе въ ребенкѣ каждаго изъ этихъ «видовъ», т. е. приведеніе каждаго изъ нихъ въ состояніе полнаго, яснаго самосознанія, и должно составлять задачу воспитанія, въ цѣломъ же—они должны дать воспитаніе *человѣка*.

Этотъ видъ воспитанія конечно не имѣетъ ничего общаго съ выпускомъ въ жизнь просто офицеровъ, инженеровъ, сельскихъ хозяевъ, учителей и проч., и проч. Въ каждомъ изъ нихъ чувствуется въ большей или меньшей степени *спеціалистъ*, но слишкомъ мало «человѣка». Между тѣмъ должно быть наоборотъ: воспитаніе должно образовать, оформить прежде всего «человѣка»,—и потомъ уже изъ него, какъ изъ личности развитой, нравственной, непремѣнно выработается и соотвѣтствующій спеціалистъ, любящій избранное имъ дѣло, преданный ему, тщательно изучающій его и потому способный приносить наибольшую пользу въ избранной имъ сферѣ дѣятельности; соотвѣтственно размѣрамъ своихъ природныхъ дарованій.

Такого именно воспитанія и добивался Ушинскій во всемъ, что вышло изъ подъ его пера теоретическаго, а равно—и въ своей педагогической практикѣ. Особенно-же большую услугу оказалъ онъ въ этомъ отношеніи своимъ послѣднимъ трудомъ—«Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія», разъяснивъ въ немъ основы, условія и требованія истинно-*человѣчнаго* и *человѣческаго* воспитанія, такъ чтобы не калѣчилась, не извращалась человѣческая природа, а наоборотъ—получала-бы наибольшее развитіе, соотвѣтственно индивидуальнымъ особенностямъ каждаго.

Если Россіи суждено когда-нибудь дождаться университетской каѳедры по педагогіи, то книга Ушинскаго «Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія», считая въ томъ числѣ и конспектъ третьяго ея тома, является готовою программою для такой каѳедры. За отсутствіемъ-же послѣдней, «Педагогическая антропологія» Ушинскаго представляетъ собою единственную сокровищницу и руководительницу для всѣхъ, не желающихъ ощупью бродить въ сложномъ, трудномъ и крайне отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія и обученія.

«Письма изъ Швейцаріи», выпускъ въ свѣтъ «Родного Слова» и «Педагогической антропологіи»—все это доказываетъ, какую дѣятельную жизнь велъ Ушинскій за границей,—едва-ли даже не болѣе труженическую, чѣмъ въ Россіи. Это было время наибольшаго его умственнаго и нравственнаго возбужденія, наибольшаго проявленія его творческой энергіи и силы.

Полный широкихъ замысловъ, подъ наплывомъ новыхъ и новыхъ плановъ педагогическихъ работъ учебнаго и научнаго характера, онъ переѣзжалъ за-границей изъ одной мѣстности въ другую не въ поискахъ отдыха и празднаго развлеченія, а для изученія школьнаго дѣла. Съ этой цѣлью, кромѣ Швейцаріи и Германіи, Ушинскій посѣщалъ Италію и Францію. Въ Ниццѣ знаменитый русскій педагогъ удостоился чести неоднократно бесѣдовать съ Императрицей Маріей Александровной о разныхъ вопросахъ воспитанія. О серьезномъ значеніи этихъ бесѣдъ можно судить уже потому, что Императрица поручила ему высказать свой взглядъ по вопросу о воспитаніи Наслѣдника русскаго престола.

Ушинскій изложилъ свой взглядъ по этому предмету въ четырехъ довольно обширныхъ письмахъ, которыя благосклонно были приняты Ея Величествомъ, встрѣтивъ съ ея стороны живое сочувствіе и одобреніе. Въ этихъ письмахъ указывалось между прочимъ на особенную трудность въ воспитаніи будущаго монарха Россіи, въ виду необычайной шаткости, неустойчивости тогдашняго русскаго общества, стоявшаго, такъ сказать, на рубежѣ между дореформеннымъ порядкомъ и нарождавшимися великими внутренними преобразованіями Россіи. Старое не вполнѣ еще умерло, новое не успѣло окрѣпнуть, набраться, какъ слѣдуетъ, силы. Между тѣмъ и другимъ порядкомъ велась упорная борьба, шелъ горячій споръ, поселялись сомнѣнія, слышались упрямыя отрицанія. Указывая на неблагопріятность и даже опасность для правительства такихъ противоположныхъ общественныхъ теченій, Ушинскій находилъ, что противовѣсомъ имъ должно служить какъ можно большее укрѣпленіе въ умѣ и сердцѣ будущаго главы государства не только собственно русскихъ, но и общеевропейскихъ государственныхъ убѣжденій и взглядовъ.

VII.

Послѣдніе годы жизни.

Изъятіе «Дѣтскаго Міра» изъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Ушинскій, какъ полемикъ. — Переѣздъ въ Петербургъ; непосредственное вліяніе Ушинскаго на столичную педагогическую среду. — Ушинскій, какъ центръ тяготѣнія педагогической дѣятельности въ Россіи. — Столкновеніе на университетскомъ диспутѣ. — Пребываніе на югѣ Россіи и сближеніе съ народными учителями. — Послѣдній ударъ жизни.

Проживая съ семействомъ за-границей, Ушинскій почти ежегодно пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ своихъ изданій. Пріѣхавъ

въ 1866 году, онъ былъ пораженъ и тяжко оскорбленъ извѣстіемъ, что его книга для класснаго чтенія (т. е. «Дѣтскій Міръ и Хрестоматія») не допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ школахъ этого вѣдомства. Со времени выхода «Дѣтскаго Міра» прошло уже болѣе пяти лѣтъ; книга успѣла получить обширное распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ всевозможныхъ вѣдомствъ и стать необходимой классной книгой; наконецъ извѣстность и авторитетъ Ушинскаго, какъ педагога, казалось бы, должны были предоставлять надежную гарантію противъ «недопущенія» ея по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе «недопущеніе» было совершившимся фактомъ.

И—чрезвычайно характерный фактъ—въ 1866 году «Дѣтскій Міръ» подвергся остракизму по вѣдомству народнаго просвѣщенія именно за то, за что онъ, въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, заслужилъ особенное одобреніе. Тогда, т. е. при министрѣ Головнинѣ, составителю книги вмѣнена была въ особую заслугу прагматичность ея, богатство и разнообразіе статей по естествознанію, разумный подборъ ихъ, помогающій наглядному ознакомленію дѣтей съ предметами природы. Но спустя пять лѣтъ, т. е. при министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Д. А. Толстомъ, тотъ же Ученый Комитетъ и, насколько извѣстно, даже то самое лицо, которое давало первый отзывъ о «Дѣтскомъ Мірѣ», на этотъ разъ истолковали обиліе статей по естествознанію въ смыслѣ развитія у дѣтей матеріализма, нигилизма ..

Ушинскій конечно нисколько не заблуждался, что въ этомъ гоненіи на его книгу повинна не сама по себѣ книга, остававшаяся одобренною учеными комитетами другихъ вѣдомствъ, а тотъ мелкій, ничтожный эпизодъ, который произошелъ около 16-ти лѣтъ тому назадъ, во время службы его въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, и возстановилъ противъ него графа Д. А. Толстого. Эпизодъ этотъ былъ чисто личнаго свойства, не имѣлъ никакого отношенія ни къ убѣжденіямъ Ушинскаго, ни тѣмъ болѣе къ его книгѣ для чтенія. Эта послѣдняя однако оставалась подъ остракизмомъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія не только во все время жизни Ушинскаго, но и спустя даже цѣлое десятилѣтіе послѣ его смерти. Только въ началѣ 80-хъ годовъ «Дѣтскій Міръ» вновь рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ этого вѣдомства, хотя конечно въ книгѣ этой не произошло никакихъ измѣненій.

Нравственное оскорбленіе, причиненное Ушинскому недопущеніемъ его книги для чтенія по вѣдомству народнаго просвѣщенія, было еще болѣе усилено случайнымъ совпаденіемъ этого факта съ выходомъ въ свѣтъ «Книги для первоначальнаго чтенія», составленной А. Филоновымъ и А. Радонежскимъ и появившейся въ Петербургѣ. Это изданьице болѣзненно отозвалось въ душѣ Ушинскаго, такъ какъ въ немъ чувствовалось отраженіе реакціи противъ всѣхъ новыхъ вѣяній въ русской жизни, и реакція эта явно уже начинала по немногу поднимать голову. Гг. Филоновъ и Радонежскій вздумали открыто пойти на перерѣзъ всѣмъ тѣмъ основамъ и принципамъ въ дѣлѣ начальнаго обученія и воспитанія, иниціаторомъ и насадителемъ которыхъ былъ Ушинскій. Жестоко же проучилъ онъ ихъ за эту продерзость!..

Ушинскій, нужно замѣтить, вообще былъ блестящимъ полемизаторомъ. Остроумный, находчивый, логичный, живой и точный въ выводахъ и положеніяхъ при устномъ и печатномъ спорѣ, онъ вполнѣ оправдывалъ названіе «ученаго бойца» («полемика»). Еще раньше онъ далъ превосходную отповѣдь па рецензію г. Толя, появившуюся въ журналѣ «Учитель», о его «Дѣтскомъ Мірѣ». Эта отповѣдь была чисто принципіальнаго свойства, такъ какъ въ ней Ушинскій отстаивалъ, развивалъ и разъяснялъ тѣ начала и принципы, которымъ должна удовлетворять книга для класснаго чтенія и противъ которыхъ рецензентъ его, г. Толь, дѣйствительно сильно погрѣшилъ въ предъявленныхъ имъ требованіяхъ «Дѣтскому Міру». Болѣе широкое поприще представляла для уясненія этихъ началъ и принциповъ книга гг. Филонова и Радонежскаго, такъ какъ въ ней они были не только забыты, но намѣренно поруганы, попраны.

Въ обширной статьѣ «Цвѣты московской педагогіи на петербургской почвѣ», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1866 году, Ушинскій, переходя отъ статьи къ статьѣ, разобралъ эту удивительную книгу, рѣшительно выходящую изъ ряда вонъ. Подлинныя цитаты изъ всѣхъ 6-ти отдѣловъ книги наглядно доказали несомнѣнную непригодность книги «для первоначальнаго чтенія», такъ какъ въ дѣтяхъ, едва овладѣвшихъ грамотою, предполагаются такія предварительныя познанія, какія только-только въ пору ученикамъ V-го класса гимназіи. Ничего не можетъ сдѣлать съ этою книгою и народный учитель даже при самомъ лучшемъ желаніи. Для прочтенія напримѣръ въ классѣ нѣсколькихъ статеекъ въ одну-двѣ страницы, ему пришлось бы употребить на предварительныя бесѣды съ учащимися цѣлые мѣсяцы, чтобы сообщить имъ все необходимое для пониманія той или другой статьи. А такъ какъ

такими именно статьями почти сплошь наполнены всѣ шесть отдѣловъ книги, то, значитъ, въ народномъ учителѣ предполагается такой запасъ знаній по Закону Божію, исторіи, географіи, естествознанію и словесности, какими могутъ обладать лишь преподаватели гимназій по каждому изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности. Наконецъ первый отдѣлъ книги (по Закону Божію) начинается отрывками изъ Священнаго Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ. Очевидно, составители книги признавали необходимымъ начинать учить дѣтей на церковно-славянскомъ языкѣ и потомъ уже переходить къ русскому,—учить такъ, какъ учили въ старину, когда единственными учебными книгами были «Часословъ» и «Псалтирь».

«Вся книга гг. Филонова и Радонежскаго есть одинъ большой курьезъ,—говоритъ Ушинскій, послѣ длиннаго ряда фактическихъ изобличеній нелѣпости въ ея составленіи:—но самое курьезное въ ней—это появленіе ея въ свѣтъ. Оно—законное дитя тѣхъ педагогическихъ мнѣній о дѣтскомъ обученіи, которыя проводились въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Современной Лѣтописи» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», — законное, но не старшее. Первенцемъ этой новѣйшей московской педагогики явилась книга г. Н. Щербины, одного изъ педагогическихъ дѣятелей «Русскаго Вѣстника». Г. Щербина, писавшій прежде только стишки, вдругъ, вдохновленный московскою прессою, вообразилъ себя педагогомъ; сначала написалъ громоносную статью противъ всякой раціональной педагогики и противъ всякихъ народныхъ учителей-педагоговъ, и потомъ захотѣлъ показать на дѣлѣ, что можно всякому быть педагогомъ, стоитъ только захотѣть: вооружился перомъ... нѣтъ, не перомъ, а *ножницами* и, вырѣзывая листы изъ разныхъ старыхъ изданій, преимущественно же куски изъ «Московскихъ Вѣдомостей», составилъ «Пчелу, сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи», «Молодымъ людямъ на поученье, старымъ людямъ на послушанье». Но г. Щербина былъ все-таки поосторожнѣе и — какъ бы сказать?.. поделикатнѣе своихъ петербургскихъ подражателей... Не прибавь онъ въ своей книгѣ: «и для употребленія при народномъ обученіи», для котораго она столько же годится, сколько и старыя «Московскія Вѣдомости», — мы бы и не упомянули о ней въ этой статьѣ. Но петербургскіе педагоги, гг. Филоновъ и Радонежскій, подъ наитіемъ московской педагогической музы пошли... гораздо дальше г. Щербины. Гг. Филоновъ и Радонежскій тоже принялись за ножницы; но ножницы ихъ работали гораздо быстрѣе, гораздо рѣшительнѣе и неразборчивѣе... и вотъ въ три-четыре вечера (куй желѣзо, пока горячо!) появилась книга уже не

для народнаго, а прямо для «первоначальнаго» чтенія, т. е. для *обученія чтенію.* Этимъ, правда, они избѣгли ошибки г. Щербины, который полагаетъ, что сѣдовласый старецъ и восьмилѣтнее дитя (ученикъ народной школы) могутъ читать одно и то же съ одинаковой пользою; но зато составили такую книгу *для первоначальнаго чтенія*, которую положительно полезнѣе будетъ замѣнить чтеніемъ казенныхъ объявленій, издаваемыхъ при «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Вотъ по какимъ причинамъ мы можемъ назвать книгу гг. Филонова и Радонежскаго «*цвѣткомъ московской педагогики, распустившимся на петербургской почвѣ*».

Составители этого «цвѣтка» не только погрѣшили противъ основныхъ педагогическихъ требованій, но даже и злоупотребили именами митрополита Филарета, Карамзина, Ломоносова, архіепископа Иннокентія и другихъ достойныхъ русскихъ людей. Слишкомъ ужъ неразборчиво работая ножницами, они преподносятъ для чтенія дѣтямъ, едва овладѣвшимъ азбукою, такія мудреныя выдержки изъ произведеній этихъ русскихъ писателей и церковныхъ ораторовъ, усвоеніе которыхъ, рѣшительно превышая дѣтскія силы, могло бы внушить имъ даже ненависть и отвращеніе къ самымъ уважаемымъ русскимъ людямъ. По этому поводу Ушинскій обращается къ составителямъ книги съ слѣдующими горячими словами:

«Эхъ, гг. Филоновъ, Радонежскій и tutti quanti, не трогать бы вамъ лучше почтенныхъ именъ нашихъ великихъ людей! Карамзины и Ломоносовы любили отечество, любили науку, горячо вѣрили въ прогрессъ, трудились всю жизнь для народнаго образованія и, прежде всего, были честные люди. Какъ глубоко огорчились бы они, если бы могли предвидѣть, что черезъ сто, полтораста лѣтъ послѣ нихъ возможны будутъ такія патріотическія спекуляціи ихъ именами въ дѣлѣ воспитанія русскихъ дѣтей! Какъ бы глубоко огорчились эти истинные патріоты — а не фальшивые, подкрашенные, размалеванные шуты въ патріотическихъ маскахъ—если бы могли предвидѣть, что черезъ сто, полтораста лѣтъ послѣ нихъ въ русской учебной литературѣ будутъ появляться такія книги, которыя даже гдѣ-нибудь на Отаитскихъ островахъ были бы нелѣпостью».

Разборъ Ушинскаго, можно сказать, въ лоскъ уложилъ эту болѣе чѣмъ неудачную книгу, которая, несмотря даже на явныя усилія поддержать ее, не имѣла никакого успѣха. Ушинскій произвелъ настолько сильное впечатлѣніе своимъ разборомъ, что отвѣтъ на него со стороны г. Филонова, подъ заглавіемъ «Плоды педагогическаго озлобленія», не былъ принятъ ни одною редакціею, и по-
-лся отдѣльною брошюрою. Но какой это удивительный отвѣтъ!

Безсильный отстоять свою книгу, г. Филоновъ просто написалъ доносъ на книги Ушинскаго: «Дѣтскій Міръ» и «Родное Слово», обвиняя ихъ въ анти-религіозномъ направленіи. Ушинскій не удостоилъ даже отвѣта эту очевидную для всѣхъ клевету... Разбирая книгу гг. Филонова и Радонежскаго, Ушинскій не имѣлъ въ виду рѣшительно никакихъ личныхъ счетовъ и цѣлей. Онъ желалъ только разсѣять тотъ мракъ, тѣ допотопныя понятія въ отношеніи воспитанія, которыми московскіе журналисты все еще продолжали наводнять Россію, несмотря на болѣе чѣмъ десятилѣтній уже благопріятный поворотъ въ русскомъ общественномъ мнѣніи—исключительно подъ вліяніемъ Ушинскаго.

К. Д. Ушинскій тяготился продолжительною жизнью за-границей, не соотвѣтствовавшей ни его порывамъ работать на пользу русскаго школьнаго дѣла, ни его взглядамъ на воспитаніе подроставшихъ своихъ дѣтей, которыхъ онъ желалъ учить непремѣнно въ Россіи, въ кругу русскихъ дѣтей, считая безусловно вреднымъ исключительное заграничное воспитаніе. Поэтому, почувствовавъ возстановленіе своихъ силъ, онъ немедленно перебрался съ семьею въ Петербургъ, въ 1867 году.

Здѣсь съ какою-то лихорадочною торопливостью предался онъ кипучей, разнообразной дѣятельности. Обрабатывая «Педагогическую антропологію», занимаясь подготовленіемъ третьяго года «Родного Слова», онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ увлеченъ и мыслью о примѣненіи въ Россіи всѣхъ тѣхъ новыхъ для нея педагогическихъ началъ, которыя выработалъ за-границей путемъ продолжительнаго наблюденія, большой научной подготовки и размышленія. Съ этой цѣлью онъ сталъ дѣятельно посѣщать петербургское педагогическое общество (при второй гимназіи). Внося собственные рефераты, принимая участіе въ обсужденіи рефератовъ другихъ членовъ, онъ немедленно выдвинулся, какъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ и авторитетныхъ членовъ общества и сталъ душою его. Довольно вялая, безличная прежде дѣятельность педагогическаго общества сильно оживилась. И это было очень важно, такъ какъ пора стояла горячая. Нарождались народныя школы и учительскія семинаріи; только что складывалась жизнь женскихъ гимназій; назрѣвала реформа среднихъ учебныхъ заведеній, такъ-называемая нынѣшняя классическая система образованія. На все это горячо и дѣльно стало отзываться столичное педагогическое общество, если не всегда по личному почину Ушинскаго, то обязательно при энергическомъ его участіи и руководствѣ. Именно благодаря главнымъ образомъ ему

ни одинъ изъ возбуждавшихся въ педагогическомъ обществѣ вопросовъ не снимался съ очереди, пока не былъ исчерпанъ, какъ говорится, до дна. Въ этомъ отношеніи Ушинскій — этотъ «ходячій педагогическій архивъ», «багажъ педагогической мудрости», какъ его называли сочлены общества, былъ неоцѣнимъ, незамѣнимъ.

Серьезное, умѣлое и чуткое отношеніе педагогическаго общества къ вопросамъ и явленіямъ школьной жизни снискало ему большое сочувствіе образованной части населенія, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Собранія общества посѣщались такою массою отборной образованной публики, что громадный залъ второй гимназіи, гдѣ происходили засѣданія, не всегда вмѣщалъ собравшихся. Въ педагогическихъ журналахъ обязательно помѣщались рефераты, вносимые въ собраніе; тамъ же печатались и подробные отчеты о преніяхъ, происходившихъ въ собраніяхъ (въ формѣ стенограммъ или точнаго пересказа). Это давало возможность общей печати и читающей публикѣ правильно оріентироваться относительно взглядовъ и заключеній кружка компетентныхъ людей по спеціальнымъ педагогическимъ вопросамъ, что, въ свою очередь, способствовало опредѣленности, устойчивости общественныхъ воззрѣній на школьное дѣло вообще.

Благодаря почину Ушинскаго, отдавшаго на гласный, открытый судъ педагогическаго общества свои учебныя и научныя сочиненія, вошло въ обычай, что почти не оставалось ни одного вновь появлявшагося педагогическаго сочиненія, которое бы не проходило черезъ горнило критики педагогическаго общества. Тутъ сообща установлялась гласная, безпристрастная оцѣнка каждому изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи особенно много помогалъ Ушинскій, зорко слѣдившій за всѣмъ, что появлялось въ нашей педагогической литературѣ. Онъ же главнымъ образомъ ввелъ въ обычай сообщать съ критической оцѣнкой обо всемъ, что появлялось выдающагося въ заграничной педагогической литературѣ, за которой также внимательно слѣдилъ.

Гласная критика всего, что появлялось въ нашей педагогической литературѣ, была очень полезна уже въ томъ отношеніи, что въ значительной мѣрѣ предотвращала одобреніе къ употребленію такихъ руководствъ, которыя не удовлетворяютъ своему назначенію. Кромѣ того эта критика имѣла еще и другое, болѣе существенное, значеніе. При оцѣнкѣ каждаго руководства или учебнаго пособія, всесторонне обсуждались также программа, планъ, методъ изложенія и пріемъ преподаванія каждаго предмета, въ связи съ особенностями того рода заведеній, для которыхъ предназначается данное сочиненіе. Такое обсужденіе конечно вызывало оживленный обмѣнъ

мнѣній и способствовало самому детальному выясненію дѣла, такъ что не оставалось мѣста никакимъ сомнѣніямъ и произвольнымъ выводомъ.

Въ виду этого, можно безъ преувеличенія сказать, что столичное педагогическое общество имѣло значеніе обще-русской педагогической школы. Вліяніе его дѣйствительно распространялось на всю Россію. Число провинціальныхъ членовъ возростало изъ года въ годъ. Каждый изъ нихъ непринужденно обращался въ общество со всѣми своими вопросами и сомнѣніями. Пріѣзжая въ Петербургъ, провинціальные члены являлись въ собраніе, знакомились и приходили въ сношеніе съ тѣми изъ членовъ, которые представляли для нихъ наибольшій интересъ по роду ихъ спеціальности.

Какое громадное и благотворное вліяніе имѣло въ это время педагогическое общество, душою и вдохновителемъ котораго былъ главнымъ образомъ Ушинскій, можно видѣть между прочимъ изъ того, что самыя дѣльныя руководства и учебныя пособія по всѣмъ предметамъ учебнаго курса появлялись въ свѣтъ или въ концѣ 60-хъ годовъ (съ 1867 по 1870 г.), когда Ушинскій принималъ непосредственное участіе въ обществѣ, или въ началѣ 70-хъ годовъ, когда были свѣжи еще великія традиціи Ушинскаго въ русской педагогической средѣ. Если вы дадите себѣ трудъ перечислить всѣ наиболѣе извѣстныя и уважаемыя нынѣшнія педагогическія силы,— они окажутся состоящими почти поголовно изъ тѣхъ лицъ, которыя или только-что начинали пріобрѣтать нѣкоторую педагогическую извѣстность, или впервые выступали на педагогическое поприще въ исходѣ 60-хъ годовъ. И память не подсказываетъ намъ между ними ни одного сколько-нибудь выдающагося педагога, который не былъ-бы сочленомъ общества, не принималъ бы участія въ его великой самодѣятельной работѣ, имѣвшей такое громадное воспитательное значеніе для всей обширной русской педагогической семьи. То, что творилось въ петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, разносилось по всей Россіи, вдохновляло провинціальныхъ ея работниковъ и руководило ими. Благодаря этому руководящему центру, они чувствовали общность и цѣльность педагогическихъ интересовъ. Это поддерживало въ нихъ интересъ къ педагогическому труду, увлекало высокою идейною стороною этой трудной дѣятельности.

Не занимая никакого оффиціальнаго педагогическаго положенія, Ушинскій тѣмъ не менѣе, черезъ посредство педагогическаго общества, сталъ центромъ тяготѣнія всей педагогической дѣятельности въ Россіи. Строго говоря, это—самая кипучая, бурная и производительная пора въ жизни Ушинскаго, когда педагогическій авторг

тетъ его достигъ наивысшей силы. Къ этому времени относится самая обширная переписка Ушинскаго и съ иностранными педагогами, и съ земствами, и съ отдѣльными русскими педагогическими дѣятелями, работавшими въ провинціи главнымъ образомъ по начальному образованію.

Такъ напримѣръ, баронъ М. О. Косинскій, бывшій директоромъ одной изъ первыхъ земскихъ учительскихъ семинарій, въ Новгородѣ, находился въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ Ушинскимъ, пользуясь его совѣтами и указаніями при организаціи новаго у насъ дѣла. Очень дѣятельную переписку велъ Ушинскій съ барономъ Н. А. Корфомъ, работавшимъ тогда въ Екатеринославской губерніи по народному образованію. Ушинскаго очень живо интересовало нарождавшееся у насъ въ то время народное образованіе, главнымъ же образомъ отношеніе къ нему самаго крестьянства и земства. Съ восторгомъ привѣтствовалъ онъ сознательное отношеніе крестьянъ къ потребности образованія для ихъ дѣтей, видя въ этомъ лучшій залогъ для разумной и прочной постановки начальнаго образованія и успѣшнаго его развитія, соотвѣтственно потребностямъ мѣстной жизни. Вотъ что, напримѣръ, говорилъ онъ въ своей статьѣ «О возникновеніи нашихъ народныхъ школъ», помѣщенной въ «Народной Школѣ», Ѳ. Н. Мѣдникова, въ 1870 году:

«...Наша народная школа, какъ ни слабы еще до сихъ поръ ея начатки, уже дѣйствительно начинается у насъ, и начинается *самымъ естественнымъ образомъ*, изъ прямыхъ своихъ источниковъ: изъ пониманія народомъ необходимости образованія для жизни и изъ теплаго источника любви родителей къ дѣтямъ, которыхъ отцы хотятъ приготовить къ жизни лучше той, какую они сами вели. Какъ ни просто и какъ ни естественно такое начало народной школы, но оно не такъ обыкновеннно, какъ можетъ показаться, и необыкновенно именно потому, что слишкомъ просто и естественно. Человѣкъ только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаетъ на прямой путь; по большей же части онъ долго колеситъ вокругъ и около, прежде чѣмъ придетъ къ тому, что просто и естественно. Страннымъ можетъ показаться, если мы скажемъ, что наша только что зарождающаяся народная школа стоитъ на той прямой дорогѣ, къ которой едва въ самое послѣднее время начинаетъ приближаться народное образованіе въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, далеко обогнавшихъ насъ въ этомъ дѣлѣ, но между тѣмъ это дѣйствительно такъ.»

Въ видахъ наиболѣе успѣшнаго и плодотворнаго развитія народнаго образованія, Ушинскій энергически ратовалъ въ пользу возможно большей свободы въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ органовъ обще-

ственнаго управленія, такъ чтобы «какъ администрація, такъ и высшіе слои общества сохранили за собою право содѣйствовать этому дѣлу только убѣжденіемъ, разъясненіемъ, примѣромъ и наконецъ матеріальною и интеллектуальною помощью, но никакъ не принужденіемъ, запрещеніемъ, регламентаціею и тому подобными мѣрами, которыя были у насъ прежде въ такомъ ходу и которыя здѣсь, въ этомъ чисто семейномъ дѣлѣ народа, не должны имѣть никакого мѣста... Если мы оставимъ за собою одну вспомоществующую дѣятельность, то и тогда поле этой дѣятельности будетъ безконечно громадно, такъ громадно, что для полной обработки его не хватитъ, можетъ быть, ни нашихъ финансовыхъ, ни нашихъ административныхъ средствъ.»

Короче говоря, Ушинскій добивался, чтобы все дѣло народнаго образованія, во всей его организаціи, созидалось и развивалось непремѣнно на почвѣ народнаго самосознанія, такъ какъ только при этомъ условіи образованіе получаетъ въ глазахъ населенія наибольшее значеніе и пріобрѣтаетъ особенно благотворное воспитательное вліяніе на массу. Въ чемъ именно должна была состоять эта «вспомоществующая дѣятельность», куда и какъ ее направить для просвѣтленія сознанія массы населенія,—Ушинскій обѣщалъ поговорить въ «особыхъ статьяхъ». Но судьбѣ угодно было распорядиться иначе: цитированная нами статья была послѣднею статьею Ушинскаго.

Какъ ни разнообразна была педагогическая дѣятельность Ушинскаго—кабинетная, журнальная, въ педагогическомъ обществѣ, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ педагогами, лично или письменно,—она не поглощала еще всей его энергіи. Въ немъ не умерла еще жилка ученаго, и онъ любилъ посѣщать университетскіе диспуты. Его живо интересовала философія, исторія, естествовѣдѣніе, особенно же успѣхи въ области анатоміи, гистологіи и физіологіи человѣка. Но въ немъ продолжалъ жить также интересъ къ юридическимъ наукамъ и тѣмъ болѣе къ политической экономіи. Не далѣе какъ въ 1867 году онъ помѣстилъ въ «Голосѣ» прекрасную статью «О голодѣ въ Россіи», въ которой чувствуется недюжинный экономистъ, глубоко понимавшій въ ту пору интересы народной жизни и корни экономическаго благосостоянія государства.

Высоко цѣня науку, Ушинскій, присутствуя на университетскихъ диспутахъ, не стѣснялся говорить горькую правду и называть вещи дѣйствительными именами, если ему казалось, что добивающійся ученой степени не имѣетъ соотвѣтствующаго этому

научнаго ценза. Тутъ у него иногда происходили довольно горячія стычки съ патентованными учеными, причемъ нѣкоторые изъ нихъ очень косо смотрѣли на вторженіе Ушинскаго въ ученую область, хотя диспуты—публичный ученый турниръ, на которомъ каждый имѣлъ право слова. Вотъ на одномъ изъ диспутовъ у него вышло весьма непріятное столкновеніе.

Профессоръ Владиславлевъ (бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ ректоромъ С.-Петербургскаго университета, нынѣ умершій) защищалъ свою диссертацію о философіи Плотина. Ушинскій, присутствовавшій на диспутѣ, также желалъ высказать свои замѣчанія. Ему пришлось говорить вторымъ послѣ оффиціальныхъ оппонентовъ, т. е. послѣднимъ. Когда онъ всталъ и направился къ тому мѣсту, гдѣ засѣдалъ совѣтъ историко-филологическаго факультета, намѣреваясь говорить, на встрѣчу ему поспѣшилъ председатель совѣта, т. е. деканъ факультета, г. Срезневскій. Показывая свои карманные часы, деканъ рѣзко добавилъ, что не можетъ позволить говорить ему болѣе пяти минутъ. Это поразило присутствовавшихъ и они зашикали. Ушинскій же, поклонившись декану, отвѣтилъ: «это—самая лучшая защита для докторанта»,—и вышелъ изъ аудиторіи. Вслѣдъ за нимъ направилась и почти вся присутствовавшая публика, выражая ему горячее сочувствіе. Профессоръ О. Ѳ. Миллеръ тутъ же заявилъ протестъ противъ поведенія декана, но это не помѣшало благополучному окончанію докторскаго диспута.

Это столкновеніе вызвало цѣлую бурю негодованія въ печати противъ самоуправства декана. Ушинскій же напечаталъ свои замѣчанія на диссертацію Владиславлева въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», Корша,—и это была поистинѣ пророческая оцѣнка Владиславлева, какъ ученаго.

Для характеристики разносторонности занятій Ушинскаго въ эту пору, надо добавить еще, что онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ занятій своихъ дѣтей и руководилъ ихъ ученіемъ. Третій напримѣръ годъ «Родного Слова», отъ перваго урока до послѣдняго, былъ проштудированъ г. А. Фролковымъ съ двумя младшими сыновьями Ушинскаго, подъ непосредственнымъ его руководствомъ. «Самъ-же онъ,—какъ говоритъ г. Фролковъ,—не могъ давать уроковъ, и особенно своимъ дѣтямъ. Малѣйшее затрудненіе учащихся, малѣйшая ошибка съ ихъ стороны сильно раздражали его, и онъ уходилъ, не окончивъ урока».

Ушинскій, какъ натура цѣльная, недопускавшій разлада между словомъ и дѣломъ, ставя семью однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ

воспитанія, самъ былъ идеально-хорошимъ семьяниномъ, горячо любимымъ всѣми членами семьи, отъ мала до велика. Тѣ немногіе часы досуга, которые ему удавалось проводить въ кругу семьи, онъ называлъ самыми пріятными въ его жизни.

Положеніе Ушинскаго въ это время можно бы назвать завиднымъ. Не занимая никакого оффиціальнаго поста, онъ былъ видимъ и слышимъ на всю Россію,—для всѣхъ лицъ, сколько нибудь интересующихся педагогическими вопросами. Матеріальное положеніе его было въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря необычайному спросу на всѣ его изданія. Ни отъ кого не зависимый, совершенно самостоятельный въ выборѣ занятій и въ распоряженіи своимъ временемъ, онъ могъ бы назвать себя даже счастливымъ; но, къ сожалѣнію, для этого ему недоставало самаго главнаго—здоровья.

Вся жизнь его была исполнена разумной борьбы; вся его дѣятельность была употреблена на прокладываніе самостоятельныхъ путей. Такая трудная работа даромъ не дается,—и за успѣхъ пришлось заплатить здоровьемъ. Охваченный лихорадочною жаждою дѣятельности, онъ сдѣлалъ большую ошибку, засидѣвшись въ Петербургѣ съ 1867 до весны 1870 года, такъ какъ надорванная грудь его не выносила сырой петербургской осени и весны. Весною 1870 года онъ чувствовалъ себя такъ плохо, что вынужденъ былъ наконецъ отправиться за-границу, намѣреваясь проѣхать прямо въ Италію. Но въ Вѣнѣ онъ окончательно расхворался и пролежалъ около двухъ недѣль. Мѣстныя медицинскія знаменитости посовѣтовали ему возвратиться въ Россію, ѣхать прямо въ Крымъ и лечиться кумысомъ.

Такъ онъ и сдѣлалъ, поселившись недалеко отъ Бахчисарая, въ имѣніи г. Варле, гдѣ было кумысо-лечебное заведеніе. Втеченіи мѣсяца силы его настолько возстановились, что онъ задумалъ подробно ознакомиться съ Крымомъ. Съ этою цѣлью онъ поѣхалъ на южный берегъ Крыма и въ Симферополь. Сюда онъ случайно прибылъ въ самый разгаръ съѣзда народныхъ учителей и былъ принятъ симферопольскимъ обществомъ съ такимъ почетомъ, который превосходилъ даже самыя смѣлыя его ожиданія. Ученіе въ народныхъ училищахъ было уже окончено, и Ушинскій, по предложенію мѣстнаго директора народныхъ училищъ, г. Соича, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Бахчисарай, чтобы познакомиться съ татарскою школою (медресе), главнымъ образомъ—съ новымъ отдѣленіемъ ея—для обученія учениковъ медресе русскому языку. Здѣсь ему впервые пришлось видѣть на дѣлѣ практическое примѣненіе въ школѣ своего «Родного Слова» и притомъ вполнѣ удачное. Взрослые ученики-татары, въ возрастѣ 20—35 лѣтъ, съ удовольствіемъ заяв-

ляли Ушинскому, что русское чтеніе и письмо дается имъ несравненно легче татарскаго; что въ библіотекѣ каждаго изъ нихъ обязательно есть первый годъ «Родного Слова», на ряду съ кораномъ и семью толкованіями его на арабскомъ языкѣ.

По возвращеніи изъ Бахчисарая, Ушинскій неоднократно посѣщалъ учительскій съѣздъ, принимая дѣятельное участіе въ его преніяхъ. Тутъ онъ проявилъ свое обаяніе, какъ педагога-руководителя, умѣющаго передать въ немногомъ многое, умно, авторитетно и доказательно поправить и направить другихъ,—и положительно очаровалъ присутствовавшихъ на съѣздѣ.

Когда стало извѣстно о днѣ отъѣзда Ушинскаго изъ Симферополя, не только участвовавшіе въ съѣздѣ, но и нѣкоторые изъ горожанъ, поклонниковъ и почитателей его педагогическаго таланта и трудовъ явились къ нему въ гостинницу, чтобы проститься и проводить его. Растроганный такимъ вниманіемъ, Ушинскій вмѣстѣ съ тѣмъ въ простой задушевной прощальной бесѣдѣ съ собравшимися еще разъ убѣдился, что кабинетные педагогическіе труды его нашли уже хорошее примѣненіе въ жизни. Обрадованный этимъ, онъ далъ горячее обѣщаніе присутствовавшимъ посвятить послѣдующую свою жизнь исключительно на пользу нарождавшагося у насъ народнаго образованія и выразилъ желаніе передѣлать свое «Родное Слово» спеціально для народной школы. Многіе изъ народныхъ учителей и нѣкоторые изъ постороннихъ провожали его за нѣсколько верстъ отъ Симферополя.

Много энергіи прибавило Ушинскому это искренное, безхитростное, безкорыстное выраженіе тружениками народнаго образованія уваженія и благодарности за педагогическіе его труды. Въ горячей душѣ его загорѣлись планы новыхъ педагогическихъ трудовъ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ около этого времени одному изъ близкихъ друзей своихъ въ Петербургѣ: «Написать книгу для народной школы составляетъ уже давно мою любимую мечту; но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мнѣ необходимо кончить «Антропологію», и потомъ только я сколько-нибудь примѣню «Родное Слово» къ потребностямъ сельской школы. Кромѣ того, у меня на душѣ еще первоначальная географія, какъ окончаніе «Родного Слова». Вотъ сколько дѣла, а гдѣ силы? И всего досаднѣе, что въ головѣ все это давно готово, такъ что три-четыре мѣсяца прежняго здоровья,—и я бы, кажется, все кончилъ».

Судьба послала ему даже и нѣкоторое улучшеніе здоровья. Проѣхавъ изъ Симферополя въ Ялту и проживши здѣсь нѣсколько не-[illegible], онъ почувствовалъ значительное возстановленіе силъ. Встрѣ-

тившись въ Ялтѣ съ Н. И. Костомаровымъ, онъ принялся горячо убѣждать его—взять на себя исполненіе той части третьяго года «Родного Слова», которая посвящена исторіи, т. е. иначе—написать отечественную исторію для дѣтей. По мнѣнію Ушинскаго, этотъ трудъ наиболѣе подходилъ Костомарову, какъ великому мастеру популяризировать историческія событія. Доводы были настолько убѣдительны, что Костомаровъ далъ свое согласіе въ принципѣ. Это очень обрадовало Ушинскаго, такъ какъ онъ вѣрилъ теперь въ осуществленіе своего «Родного Слова» въ той программѣ, какъ оно было задумано и изложено во II-ой части его «Руководства къ преподаванію по «Родному Слову».

Полный самыхъ лучшихъ надеждъ, бодрый духомъ и тѣломъ, покидалъ онъ Крымъ въ концѣ іюля 1870 года, въ разсчетѣ на скорый возвратъ туда со всѣмъ своимъ семействомъ. Прекрасное вліяніе Крыма на состояніе здоровья заставило его приторговать небольшое помѣстье по сосѣдству съ Ялтой, для постояннаго житья.

Съ такими разсчетами и планами торопился онъ къ семьѣ, ожидавшей его въ имѣніи Богданкѣ, Черниговской губерніи, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда. Было и особое обстоятельство, торопившее его возвратъ къ семьѣ. Старшій сынъ его, Павелъ, только-что окончивъ курсъ во второй с.-петербургской военной гимназіи, былъ назначенъ къ поступленію въ одно изъ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній и проводилъ лѣто съ семьею, въ деревнѣ. Юноша былъ прекрасно развитъ физически, умственно и нравственно, блестяще учился и вообще подавалъ большія надежды. Отецъ очень любилъ его, видѣлъ въ немъ опору семьи, въ случаѣ своей смерти—и это значительно ободряло его. Но онъ пріѣхалъ въ свою Богданку какъ разъ въ день похоронъ сына, по нечаянности смертельно ранившаго себя на охотѣ...

Это былъ слишкомъ ужъ жестокій ударъ, окончательно подломившій физическія и душевныя силы только что вернувшагося домой отца. Оставаясь спокойнымъ по наружности, Ушинскій весь ушелъ въ себя, избѣгая даже разговоровъ со знакомыми. Чувствуя, что силы покидаютъ его, онъ очень сокрушался объ участи малолѣтнихъ своихъ дѣтей.

Осенью того же года онъ перевезъ семью въ Кіевъ, гдѣ помѣстилъ двухъ своихъ дочерей въ институтъ. Но жизнь въ Кіевѣ страшно тяготила его. «Хорошо-ли мнѣ въ Кіевѣ?—писалъ онъ въ отвѣтъ на письмо одного изъ петербургскихъ своихъ друзей.—Увы, не хорошо. Душитъ глушью—и ничего близкаго сердцу; но думаю,

что для семьи моей будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Обо мнѣ же думать нечего—моя пѣсня, кажется, окончательно уже спѣта».

Доктора въ это время усиленно торопили его въ Крымъ, куда онъ и сталъ собираться, но на этотъ разъ крайне неохотно. Въ это время до него дошелъ слухъ, что симферопольская учебная администрація получила строгое замѣчаніе и внушеніе за тотъ почетъ, который былъ оказанъ ему, главнымъ же образомъ—за допущеніе его къ участію въ съѣздѣ учителей. Это было послѣднею каплею горечи, переполнившею его душу и отравившею тѣ воспоминанія и надежды, которыя у него связаны были съ Крымомъ. Онъ рвался въ Петербургъ, въ кругъ близкихъ друзей, которые могли бы его поддержать,—ему нужно было ощущеніе жизни.

«Худъ-ли, хорошъ-ли Петербургъ,—писалъ онъ въ это время одному изъ наиболѣе близкихъ друзей своихъ, Я. П. Пугачевскому,—но я съ нимъ сжился сердцемъ, въ немъ протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя, и радости и много проработано; тамъ я таскался безъ куска хлѣба, и тамъ-же составилъ состояніе; тамъ напрасно искалъ мѣста уѣзднаго учителя и бесѣдовалъ съ Царями; тамъ былъ невѣдомъ ни одной душѣ и тамъ пріобрѣлъ себѣ имя—надѣюсь честное—и вотъ почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербургъ и что, по всей вѣроятности, мнѣ уже болѣе не видать его».

Къ несчастію, предчувствіе это сбылось...

VIII.

Смерть и громкая слава.

Кончина Ушинскаго.—У гроба и могилы его.—Чествованіе памяти Ушинскаго повсемѣстно въ Россіи.—Имя Ушинскаго—какъ имя народное.—Тайна замѣчательнаго успѣха Ушинскаго.—Вина русскаго общества передъ памятью Ушинскаго.—Предстоящее двадцатипятилѣтіе со дня его смерти.

Крайне неохотно отправился Ушинскій въ Крымъ съ двумя своими младшими сыновьями. Въ дорогѣ онъ простудился, и, по прибытіи въ Одессу, у него открылось воспаленіе легкихъ. Онъ немедленно выписалъ изъ Кіева остальную свою семью, вполнѣ сознавая, что пришелъ его конецъ.

21 декабря 1870 года, часа за четыре до смерти, онъ почувствовалъ сильное облегченіе и выразилъ прежде всего желаніе

одѣться во все чистое. Находясь прежде въ сидячемъ положеніи, пожелалъ лечь въ постель и попросилъ, чтобы какъ можно ярче освѣтили комнату. Когда это было исполнено, пожелалъ выслушать чтеніе «Ундины» Жуковскаго. По окончаніи чтенія, онъ позвалъ къ себѣ всѣхъ дѣтей и, по обыкновенію, помолился вмѣстѣ съ ними. Отпустивъ дѣтей, уснулъ... на вѣки, тихо, безъ агоніи, въ полномъ сознаніи.

Такъ преждевременно оборвалась эта плодотворная, труженическая жизнь, всего на 47 году отъ рожденія, когда педагогическій талантъ его вполнѣ окрѣпъ и окончательно установился, когда душа его была переполнена прекрасными, широкими замыслами о добавленіи новаго и новаго къ тому, что было уже сдѣлано имъ, на пользу разумной русской школы, русскихъ педагоговъ, русскихъ женщинъ и всѣхъ вообще дѣтей разныхъ сословій, классовъ и состояній.

Такова ужъ судьба всѣхъ вообще даровитыхъ русскихъ людей, что, опережая общество, имъ приходится брать съ бою каждый свой успѣхъ въ жизни. Особенно тяжела и даже рискована участь такихъ новаторовъ, какъ Ушинскій, которымъ приходится изо-дня въ день, такъ сказать, *перегорать* душою, такъ какъ на ихъ пути преграды и препятствія являются буквально на каждомъ шагу. Тутъ труднѣе, чѣмъ во всякой другой области, идти неуклонно по разъ избранной дорогѣ, не потерять любви и вѣры въ дѣло, не озлобиться, не разочароваться.

Серьезно вникая въ обстоятельства и условія педагогической дѣятельности Ушинскаго, нельзя не признать, что они мало чѣмъ отличаются въ сущности отъ тѣхъ условій, при которыхъ работалъ замѣчательный предшественникъ его, Е. О. Гугель, бывшій инспекторомъ Гатчинскаго института, кончившій такъ печально свою жизнь. И если Ушинскій добился успѣха, то это стоило ему чуть не половины вѣка, на который онъ могъ разсчитывать по своей замѣчательно воздержной, аккуратной жизни.

Это надо бы помнить и знать русскимъ людямъ, чтобы достойно цѣнить заслуги своихъ великихъ работниковъ.

Въ Одессѣ, гдѣ умеръ Ушинскій, у него не было буквально ни одной души знакомой; но за то его, если не лично, то по трудамъ и дѣятельности, хорошо зналъ весь одесскій педагогическій міръ, вся мыслящая Одесса. И едва по городу распространилась вѣсть о смерти Ушинскаго, какъ около гроба его собралась обширная педагогическая семья. Вдову и дѣтей покойнаго окружили самыми нѣж-

ными заботами, совершенно освободивъ ихъ отъ всякихъ хлопотъ по отпѣванію и перевозкѣ тѣла въ Кіевъ, въ Выдубицкій монастырь, для погребенія. Это вниманіе разноплеменной, разноязычной Одессы, города, можно сказать, космополитическаго, очень выразительно охарактеризовано въ рѣчи, сказанной въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ профессоромъ богословія, протоіереемъ М. Павловскимъ, при выносѣ тѣла покойнаго на станцію желѣзной дороги, для отправленія въ Кіевъ.

«Вотъ тотъ гробъ, передъ которымъ съ любовію преклонятся и съ благодарностью помолятся многіе и многіе въ Россіи,—говорилъ о. М. Павловскій:—преклонится и помолится дитя и возрастный, ученикъ и учитель, мать и ея дѣти, начинающій изучать великое дѣло воспитанія и глубоко изучившій множество системъ воспитанія. Вотъ тотъ труженикъ, котораго такъ долго ждали русская школа и семья, который книгами своими облегчилъ и сдѣлалъ изъ горькаго сладкимъ ученіе для дитяти и для его учителя; который связалъ матерей съ ихъ дѣтьми крѣпкими и святыми узами воспитанія; который прочиталъ незабвенные уроки обученія и воспитанія всѣмъ воспитывающимъ и пишущимъ о воспитаніи. Вотъ тотъ дивный знакомецъ, котораго, никогда не видавши, знаешь, чтишь и любишь,—знаешь по его книгамъ, наполнившимъ училища и семьи, чтишь за тѣ разнообразные таланты, которыми такъ щедро награжденъ былъ и изъ которыхъ ни одного не скрылъ онъ въ землѣ; за тѣ многостороннія и глубокія познанія, которыя черпалъ онъ изъ себя самого, изъ своей природы и изъ образованныхъ странъ Европы; любишь за ту всегда живую любовь и за то неустанное терпѣніе, съ которыми онъ одинаково писалъ и азбуку для дѣтей, и глубокое по взглядамъ и многостороннее по познаніямъ сочиненіе свое о человѣкѣ, какъ предметѣ воспитанія;—любишь за ту новость взгляда на воспитаніе, истинность котораго почувствовали всѣ, когда прочли, но которую высказалъ онъ первый,—ту новость, что «чѣмъ меньше возрастъ учениковъ, надъ образованіемъ которыхъ трудится воспитатель, тѣмъ больше требуется отъ него педагогическихъ познаній». Любишь его за его «Дѣтскій Міръ», въ которомъ онъ такъ легко и такъ увлекательно знакомитъ дѣтей съ ними самими и съ окружающею природою;—за его «Родное Слово», по которому русскія дѣти начали изучать и съ любовью изучаютъ родную русскую жизнь во всемъ богатствѣ русскаго языка и во всемъ разнообразіи народныхъ поэтическихъ формъ. Вотъ почему и въ нашей разноплеменной и разноязычной Одессѣ, въ которой Провидѣніе указало кончину незабвенному Ушинскому, его гробъ окру-

жается такою искреннею любовью и молитвой: цѣну воспитателю русскихъ дѣтей и воспитателей—Одесса чувствуетъ если не болѣе, то ни въ какомъ случаѣ не менѣе другихъ городовъ Россіи. Съ миромъ и благословеніемъ отпускаемъ тебя въ путь твой, доблестный труженикъ, до конца жизни свято служившій святому дѣлу воспитанія».

Дѣйствительно, для разноплеменной и разноязычной Одессы фактъ очень знаменательный, что отпѣваніе Ушинскаго въ соборѣ и грандіозные проводы отъ собора до желѣзнодорожной станціи («Куликово поле») было дѣломъ народныхъ учителей, воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ и учащихся въ одесскихъ народныхъ школахъ. Это свидѣтельствовало о большомъ самосознаніи народныхъ педагоговъ. Какъ ни прискорбна была преждевременная кончина Ушинскаго, но чествованіе памяти его въ Одессѣ ясно доказывало, что труды его успѣли уже въ 1870 году принести большіе и осязательные результаты, вызвавъ значительный подъемъ духа въ средѣ народныхъ педагоговъ, осмысливъ ихъ задачи и цѣли, общественное положеніе и роль въ собственныхъ ихъ глазахъ. Это впрочемъ особенно ярко сказалось въ горячей рѣчи учителя одного изъ одесскихъ народныхъ училищъ, г. Росикова, произнесенной имъ на станціи желѣзной дороги, при разставаніи съ тѣломъ Ушинскаго. Вотъ что между прочимъ говорилъ г. Росиковъ:

«Замолчите всѣ, считающіе дѣло начальнаго воспитанія дѣломъ маловажнымъ, дѣломъ, нестоющимъ серьезнаго вниманія; замолчите и проникнитесь глубокимъ уваженіемъ къ дѣлу воспитанія, ибо есть люди, полагающіе жизнь свою за это дѣло. Вотъ гробъ человѣка, который всю жизнь свою принесъ на пользу своихъ соотечественниковъ. Вотъ останки труженика, предпринявшаго громадный трудъ: собрать мнѣнія о воспитаніи, высказанныя великими мыслителями впродолженіи многихъ вѣковъ и изъ этихъ разнорѣчивыхъ теорій и философскихъ взглядовъ выработать послѣднее слово науки о воспитаніи духовной и физической природы человѣка, составить руководство, необходимое для всѣхъ, кто посвятилъ себя воспитанію русскаго юношества. Этимъ трудомъ онъ желалъ положить конецъ тому жалкому обученію и воспитанію, какому подвергаются дѣти въ школахъ, руководимыхъ непризванными и неподготовленными педагогами»...

«Горе наше велико. На долю нашу выпалъ жребій не привѣтствовать, но провожать въ невозвратный путь всѣми нами любимаго ученаго. Вспомнимъ же, на прощаньи съ гробомъ симъ, и сохранимъ въ сердцахъ нашихъ все то, что говорилъ и завѣщалъ намъ по-

чившій въ этомъ гробѣ. Онъ говорилъ: «Неправильное воспитаніе тяжело отзывается во всей жизни человѣка, есть главная причина зла въ народѣ, и отвѣтственность за это падаетъ прямо на воспитателей». Онъ говорилъ, что для разумнаго воспитанія недостаточно одного терпѣнія и любви къ дѣтямъ, но необходимо при этомъ изучить и знать ихъ природу. Воспитаніе дѣтей онъ считалъ великимъ, святымъ дѣломъ и требовалъ, чтобы къ нему относились серьезно. Онъ сказалъ: «Преступникъ, убійца тотъ, кто берется за воспитаніе, не зная его».

«Пусть же, сотоварищи, гробъ этотъ пробудитъ въ насъ сознаніе святости долга, которому мы служимъ; пусть онъ напомнитъ намъ, что на поприщѣ воспитанія мы должны имѣть цѣлью—благо ближняго. Дадимъ обѣщаніе глубже ознакомиться съ мыслями этого благонамѣреннаго и честнаго труженика. И если каждый изъ насъ сдѣлаетъ хоть сотую долю того, что сдѣлалъ онъ, то уже много сдѣлаетъ. Прости-же, отецъ разумной русской школы, другъ дѣтей и славный педагогъ. Вѣчная память тебѣ, дѣлавшему дѣло для дѣла и трудившемуся для труда! Имя твое будетъ жить въ сердцахъ нашихъ и въ сердцахъ дѣтей, для блага которыхъ ты не щадилъ своей жизни».

Такая же дружная педагогическая семья, искренно проникнутая горемъ, собралась и въ Кіевѣ, для встрѣчи и погребенія останковъ Ушинскаго. Такою же неподдѣльною скорбью и задушевностью были проникнуты рѣчи, при опусканіи гроба его въ могилу.

Но не Одесса только и Кіевъ чествовали скончавшагося Ушинскаго: заглянувъ въ столичныя и провинціальныя газеты за первые мѣсяцы 1871 года, не трудно убѣдиться, что въ этой скорби принимала участіе вся мыслящая часть Россіи. Интеллигентная часть губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городовъ, принадлежащая и не принадлежащая къ педагогической средѣ, по собственному почину служила панихиды по Ушинскомъ. Особенно сильно чувствовали эту утрату учебныя заведенія, спеціально занимающіяся приготовленіемъ учителей и очень ясно оттѣнившія въ своихъ чествованіяхъ памяти Ушинскаго, что они считаютъ его главнымъ своимъ учителемъ и руководителемъ. Наиболѣе ярко освѣтилъ эту мысль законоучитель Кубанской учительской семинаріи, О. І. Стась, въ рѣчи, сказанной имъ 8 марта 1871 года, на панихидѣ по Ушинскомъ. Напомнивъ, что религія предписываетъ «поминать своихъ наставниковъ», законоучитель продолжалъ:

«Помня этотъ долгъ, мы, воспитатели ваши, пригласили васъ,

будущихъ учителей народа, помолиться вмѣстѣ съ нами о вѣчномъ упокоеніи души одного изъ величайшихъ русскихъ педагоговъ, К. Д. Ушинскаго, недавно скончавшагося. Вамъ, начинающимъ только приготовляться къ дѣлу народнаго образованія, неизвѣстно, быть можетъ, это имя, но вы скоро узнаете его по его сочиненіямъ; а эти сочиненія такого рода, безъ которыхъ вы шагу не можете сдѣлать въ народной школѣ, которыя переживутъ и насъ, и васъ, а быть можетъ, и внуковъ вашихъ. Когда вы изучите эти сочиненія, познакомитесь съ жизнью человѣка, трудившагося надъ ними, вы полюбите этого человѣка отъ всей души, отъ всего сердца, и не разъ, быть можетъ, поникните мыслью... не разъ призадумаетесь надъ судьбою русскаго педагога, русскаго просвѣщенія, русской мысли; не разъ вы увлечетесь мыслію этого человѣка, его духомъ».

Какъ ни выразительно, въ общемъ, это повсемѣстное чествованіе памяти Ушинскаго, но есть еще и нѣчто другое, ставящее Ушинскаго совершенно въ исключительное положеніе, въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ дѣятелей. Едва-ли найдется другой русскій дѣятель, смерть котораго почувствовалась бы такъ горячо и глубоко даже въ самыхъ глухихъ провинціальныхъ закоулкахъ, куда только судьба забросила развитого священника, образованнаго сельскаго учителя и образованную русскую женщину. Тамъ, въ этой дикой житейской глуши, свѣтъ и тепло таланта Ушинскаго особенно сильно чувствовались и наиболѣе цѣнились. И въ этихъ провинціальныхъ захолустьяхъ, по поводу смерти Ушинскаго, не мало уронено горячихъ слезъ благодарности и за осушеніе безвинно лившихся прежде горькихъ дѣтскихъ слезъ, и за возвышеніе роли учителя, и за облагороженіе положенія женщины... .

Тѣ обстоятельства, при которыхъ умеръ Ушинскій, т. е. оставаясь внѣ всякаго оффиціальнаго педагогическаго положенія, свободнымъ, независимымъ, способствовали еще большему возвышенію его нравственнной личности, закрѣпленію его ученія въ сознаніи общества и упроченію его славы.

Смерть его дала сильный толчокъ всему изданному имъ. Даже такой серьезный трудъ, какъ двухтомная «Педагогическая Антропологія», всего черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Ушинскаго, въ 1881 году, вышла уже *пятымъ* изданіемъ. Еще болѣе удивительно распространеніе его учебныхъ книгъ. Въ 1891 году, т. е. черезъ 30 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія «Дѣтскаго Міра», онъ вышелъ *двадцать седьмымъ* изданіемъ, т. е. почти по одному изданію въ годъ. Успѣхъ же «Родного Слова» по истинѣ поразителенъ.

даже безпримѣренъ на міровомъ книжномъ рынкѣ. Въ 1892 году, т. е. черезъ 25 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія «Родного Слова», оно вышло *девяносто девятымъ* изданіемъ, т. е. почти по четыре изданія въ годъ.

Въ общей же сложности сочиненія Ушинскаго разошлись въ разныхъ классахъ и слояхъ русскаго населенія въ милліонахъ книгъ, изъ которыхъ громадное большинство приходится конечно на низшіе, бѣднѣйшіе слои населенія и притомъ исключительно—на школьный контингентъ.

Иначе говоря, это означаетъ, что на сочиненіяхъ Ушинскаго воспитался уже длинный рядъ школьныхъ поколѣній и въ томъ числѣ—цѣлый рядъ народныхъ учителей. Поэтому съ увѣренностью можно сказать, что имя Ушинскаго есть имя *народное*.

Такому распространенію сочиненій Ушинскаго, такой популярности его имени можно только радоваться. Онъ въ свое время заботливо искалъ «человѣка, на котораго съ гордостью можно бы указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безупречной дорогѣ котораго можно бы вести смѣло наши поколѣнія». Именно самъ Ушинскій является однимъ изъ такихъ людей, съ его чистою, идеально безупречною жизнью и славною дѣятельностью.

«Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ,—скажемъ мы словами Ушинскаго,—и будущность нашего отечества будетъ обезпечена».

Вся педагогическая дѣятельность Ушинскаго непрерывно продолжалась лишь около 15 лѣтъ (съ 1855 по 1870 г.). Изъ нихъ семь лѣтъ приходятся на собственно служебную дѣятельность (съ 1855 по 1862 г.) и остальныя восемь лѣтъ—на литературно-педагогическую дѣятельность. И въ этотъ-то незначительный промежутокъ времени онъ принесъ такую громадную пользу всему отечественному школьному дѣлу и на вѣчныя времена составилъ себѣ почетное имя.

Въ чемъ же тайна такого замѣчательнаго успѣха? Что придавало главнымъ образомъ вліяніе Ушинскому?

Примѣръ Ушинскаго прежде всего доказываетъ, какое обширное, разностороннее образованіе необходимо человѣку, желающему съ честью и славой подвизаться на педагогическомъ поприщѣ. Да кромѣ этого необходимы еще и высокія нравственныя качества, которыми несомнѣнно обладалъ Ушинскій. Это былъ идеалистъ самой высокой пробы, фанатикъ гуманности, научности и справедливости, не обманывавшій ни себя, ни другихъ какими бы то ни было

компромиссами. Онъ признавалъ только то, слѣдовалъ только тому, что вполнѣ отвѣчало его идеаламъ, строго продуманнымъ и сросшимся съ его нравственнымъ *я*. Все же другое онъ рѣзко и рѣшительно отвергалъ, чего бы это ни стоило ему. Горячо любя отечество, желая ему лучшаго будущаго и понимая силу воспитанія не въ формальномъ, а въ нравственномъ его значеніи, онъ сконцентрировалъ всѣ свои идеалы и стремленія въ одну всеобъемлющую *педагогическую идею*, которою смѣло и удачно охватилъ семью и школу, малолѣтокъ и взрослыхъ, учащихъ и учащихся, условія и потребности первоначальнаго образованія и требованія воспитывающаго образованія вообще.

Вотъ между прочимъ какъ самъ писалъ Ушинскій объ этой его «педагогической идеѣ» и ея значеніи въ жизни. «У насъ—говоритъ онъ въ частномъ письмѣ—прежде всего не достаетъ *педагогической идеи*, изъ которой, какъ изъ здороваго корня, могли бы развиваться всѣ педагогическія улучшенія; а плодотворная педагогическая идея можетъ быть развиваема на прочныхъ основаніяхъ науки только въ университетахъ. Вѣковой традиціи, которая главнымъ образомъ ведетъ дѣло на Западѣ, у насъ нѣтъ, да и идеи, основанной на общественномъ сознаніи, также нѣтъ; а потому, безъ особыхъ университетскихъ каѳедръ антропологіи и даже особыхъ педагогическихъ факультетовъ съ философской подкладкой, рѣшительно невозможно образованіе у насъ, въ настоящее время, дѣйствительно хорошихъ учительскихъ семинарій, хотя и желательно пока, по крайней мѣрѣ, учрежденіе особыхъ школъ для дрессировки въ педагогической практикѣ, — ремеслѣ, въ сущности не хитромъ. Этой философско-педагогической идеи наши университеты, какъ извѣстно, не выработали, и для педагогической литературы ничего не дали до настоящаго времени; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ тоже мало дается матеріала для пытливой мысли и наклонности къ самостоятельному занятію науками гуманными, какъ литература, исторія и особенно философія».

Понимая всю неблагопріятность условій для педагогическихъ улучшеній, Ушинскій тѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе прилагалъ всѣ свои усилія для проведенія въ жизнь основаній научной педагогіи разными путями—въ печати, педагогическомъ обществѣ и посредствомъ сочиненій. И, наперекоръ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, идея восторжествовала надъ вѣками сложившейся рутиной. Ушинскій былъ настолько счастливъ, что еще при жизни видѣлъ несомнѣнное торжество впервые насажденной имъ у насъ научной педагогіи надъ тупой, бездушной, механической выучкой

и выправкой, не могшей имѣть должнаго воспитательнаго вліянія. Его глубокая, непоколебимая вѣра въ силу и жизненность идеи оправдалась самымъ блистательнымъ образомъ.

Если оглянуться на всю нашу литературу, обнимающую кругъ элементарнаго образованія со времени смерти Ушинскаго, то во всѣхъ трудахъ нашихъ лучшихъ педагогическихъ писателей, въ составленіи учебныхъ пособій и руководствъ—ясно видно сильное вліяніе научной педагогіи, впервые насажденной у насъ Ушинскимъ. Несомнѣнно, это значительный успѣхъ въ нашемъ школьномъ дѣлѣ; но останавливаться на этомъ, ограничиваться только этимъ успѣхомъ—значитъ сдѣлать слишкомъ плохое употребленіе изъ того драгоцѣннаго наслѣдства, которое оставилъ намъ Ушинскій.

Тѣ основы научной педагогіи, надъ выработкою которыхъ трудился Ушинскій, имѣютъ отношеніе вовсе не къ одному только начальному образованію, а къ школьному дѣлу вообще,—ко всей государственной системѣ образованія подрастающихъ поколѣній обоихъ половъ. Если самъ Ушинскій, по спѣшности и новизнѣ дѣла народнаго образованія у насъ, старался примѣнить выработанныя имъ начала раціональной педагогіи прежде всего къ начальному образованію, то это еще ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ, будто примѣненіе научной педагогіи должно ограничиться только этимъ.

Но, къ величайшему сожалѣнію, раціональныя педагогическія основанія почти не получили у насъ никакого распространенія на систему средняго образованія, остающагося, можно сказать, въ дореформенномъ состояніи. Родной языкъ не имѣетъ того почетнаго, главенствующаго значенія въ дѣлѣ воспитанія и обученія нашего юношества, какое принадлежитъ ему по праву. Это тѣмъ болѣе обидно, что идея о значеніи родного языка, высказанная въ Швеціи лѣтъ на 20 позже, чѣмъ у насъ Ушинскимъ, получила уже полное практическое примѣненіе во всѣхъ скандинавскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ и начинаетъ вызывать подражаніе и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Составъ и объемъ программъ нашихъ среднеучебныхъ заведеній, распредѣленіе предметовъ по классамъ, планы, методы и пріемы преподаванія—все это, въ отдѣльности и совокупности, слишкомъ мало разсчитано на возбужденіе любознательности и пытливости учащихся, на ихъ самодѣятельность. Вслѣдствіе этого ученіе обращается въ трудъ подневольный и лишается того животворнаго, воспитательнаго значенія, которое оно можетъ и должно имѣть, при условіи той постановки, которая соотвѣтствовала бы основаніямъ и требованіямъ научной

педагогіи. Вотъ поэтому-то главнымъ образомъ, выпуская въ жизнь съ каждымъ годомъ все большее и большее количество спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія, мы по прежнему ощущаемъ все тотъ же недостатокъ въ «людяхъ», какъ и въ ту пору, когда только-что выступилъ на педагогическое поприще Ушинскій,— ощущаемъ даже въ болѣе острой формѣ, чѣмъ тогда, потому что теперь сложнѣе и настойчивѣе потребности жизни.

Это—неизбѣжная кара за тяжкую вину всей мыслящей части русскаго общества передъ великою памятью Ушинскаго и его заслугами на пользу всего отечества. Съ тѣмъ богатымъ, незамѣнимымъ наслѣдіемъ, которое онъ создалъ цѣною собственной жизни на пользу родины, мы поступили, въ сущности, какъ «рабъ лукавый и лѣнивый», зарывъ его въ землю.

Если сравнить то время, когда умеръ Ушинскій, съ нынѣшнимъ, мы будемъ поражены необычайнымъ застоемъ во всей педагогической области. Ни одной свѣжей мысли, ни одного живого слова. Если что и подвернется подъ руку по части общепедагогическихъ вопросовъ,—такъ это, въ сущности, пересказъ того, что было дано Ушинскимъ, въ большинствѣ случаевъ даже плохой пересказъ, съ переиначиваніями, на почвѣ узко-учебной техники, а не на физико-психологическихъ основаніяхъ. Самая роль педагоговъ совершенно стушевалась въ глазахъ общества.

Мы имѣемъ дѣло съ той самой «педагогической летаргіей», на борьбу съ которой такъ мужественно выступилъ Ушинскій во второй половинѣ 50-хъ годовъ, не переставая будить и педагоговъ, и общество до конца своей жизни. Повтореніе же этой летаргіи служитъ доказательствомъ, что Ушинскій былъ у насъ не только первымъ, но и единственнымъ представителемъ научной педагогіи. Онъ вдохнулъ было живую душу въ наше рутинное школьное дѣло и указалъ ему надежный путь къ славному и безконечному развитію и усовершенствованію на пользу общую. Но не нашлось достойныхъ продолжателей, и дѣло разностороннихъ улучшеній въ учебно-воспитательной области ждетъ своей очереди.

Симптомъ весьма опасный. Ушинскій говорилъ и писалъ, что «каждая школа, каждый педагогъ неизбѣжно выполняетъ одну изъ двухъ функцій: или они готовятъ счастье своей странѣ, или несчастье». Вѣрная и мудрая формула эта невольно заставляетъ призадуматься.

Если мы на протяженіи почти четверти вѣка уже со времени смерти Ушинскаго все еще не имѣемъ достойныхъ продолжателей великой творческой его педагогической дѣятельности, то это слу-

житъ лишь нагляднымъ доказательствомъ вѣрности высказаннаго имъ положенія, что «плодотворная педагогическая идея можетъ быть развиваема на прочныхъ основаніяхъ науки только въ университетахъ». Положеніе это никѣмъ никогда не оспаривалось. Втеченіи перваго десятилѣтія со времени смерти Ушинскаго объ этомъ положеніи его довольно часто вспоминали въ печати, но потомъ какъ бы совсѣмъ забыли. Нынѣшній застой во всей вообще педагогической области самъ собою указываетъ на настоятельную необходимость помощи со стороны университетовъ педагогическому дѣлу,—на необходимость учрежденія «особыхъ университетскихъ каѳедръ антропологіи» и «особыхъ педагогическихъ факультетовъ съ философской подкладкой».

Возникновеніе такихъ каѳедръ и факультетовъ было бы достойною данью уваженія къ памяти Ушинскаго, въ виду истеченія 21 декабря 1895 года ровно четверти вѣка со дня его кончины. Если при жизни Ушинскаго такъ сильно ощущалась необходимость въ этихъ учрежденіяхъ, то конечно же втеченіи четвертивѣковой давности она могла только возрости. Дѣйствительно, по всѣмъ условіямъ внутренней нашей жизни, внѣ учрежденія университетскихъ каѳедръ и факультетовъ по педагогикѣ, невозможно положить предѣла произволу и ремесленничеству въ области воспитанія и обученія.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, мы имѣемъ университетскія каѳедры даже по сельскому хозяйству и географіи. Тѣмъ болѣе, значитъ, основаній не откладывать учрежденія каѳедръ по педагогикѣ, согласно завѣту Ушинскаго.

КОНЕЦЪ.

Учебныя руководства и пособія.

КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. И. Рыкачева. Съ 197 рисун. Ц. 1 р. 50 к.
ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ. А. Заблоцкаго. Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.
КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГІИ И КЛИМАТОЛОГІИ. Профес. Лѣсного Инстит. Д. Лачинова. Съ 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.
ОСНОВАНІЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГІИ. В. Селезнева. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. Гано. Переводъ Ф. Павленкова и В. Черкасова. 7-е изд. Ц. 4 руб.
ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. А. Гано. Перев. Ф. Павленкова. Съ 604 рис. Ц. 2 р.
КРАТКАЯ ФИЗИКА. М. Герасимова. Съ 335 рисун. и 214 задачами. Ц. 1 р.
ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ. Н. Вальберха и Ф. Павленкова. Съ 50 рис. Ц. 40 к.
УЧЕБНИКЪ ХИМІИ. А. Альмедингена. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ. В. Потоцкаго. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.
ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ. Бурдонъ Сандерсона. Переводъ д-ра Фридберга. Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ частяхъ со многими рисунками. Цѣна въ одной книгѣ 5 р.
СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. Лубенца. 7-е изданіе. Ц. 40 к. Тотъ же „Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.
САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. Т. Лубенца. Ц. 15 к.
УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для город. училищъ. И. Плетенева. Съ рис. Ц. 30 к.
МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. С. Житкова. 3-е изд. Ц. 75 к.
СБОРНИКЪ АРИѲМ. ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". С. Житкова. Ц. 40 к.
СБОРНИКЪ САМОСТОЯТ. УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИѲМЕТИКѢ. Задачникъ для учениковъ. С. Житкова. 2-е изд. Ц. 25 к.
ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. А. Кузнецова. изд 2-е. Ц. 1 р.
НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. Съ 800 рис. 10-е изд. Ц. 20 к.
ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ", Ф. Павленкова. 7-е изд. Ц. 15 к.
РОДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова, 7-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
АЗБУКА-КОПѢЙКА. Ф. Павленкова. 7-е изд., 12 стр. 100 рис. Цѣна 1 к.
НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. Ф. Павленкова. 1) „КЪ РОДНОМУ СЛОВУ" Ушинскаго (400 рис.) 2) „КЪ АЗБУКѢ БУНАКОВА" 460 рис.). 3) КЪ „ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКѢ" Паульсона (430 рис.). 4) КЪ „РУССКОЙ АЗБУКѢ" Водовозова (470 рис.). 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

НАШЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона Н. А. Корфа. 5-е изд. съ 200 рис. Ц. 75 к.
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. А. Тарнавскаго. Для низш учебн. заведеній и млад. классовъ гимназій, Съ 125 рисунками. 4-е изд. Ц. 60 к.
НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА. Н. Бучинскаго. Ц. 30 к.
ЗЕРНЫШКО. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Т. Лубенца. 1-я книга Ц. 30 к. 2-я книга. Ц. 40 к.
РУКОВОДСТВО къ „ЗЕРНЫШКУ". Лубенца. Ц. 50 к.
ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. Т. Лубенца. 2-е изд. Ц. 5 к.
РУКОВОДСТВО КЪ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ". Т. Лубенца. Ц. 15 к.
КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ А. Карюкова. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
РУССКОЕ СЛОВО. А. Павлова. Хрестоматія для гор. училищъ Ц. 1 р.
РУКОВОДСТВО къ „РУС. СЛОВУ". Ц. 60 к.
АЗБУКА ДОМОВОДСТВА и ДОМАШНЕЙ ГИГІЕНЫ. Сост. М. Клима. Ц. 75 к.
300 ПИСЬМЕН. РАБОТЪ. Задачи для упражненій въ письмѣ для 3-хъ отдѣленій начал. школы. Н. Корфа. Ц. 15 к.
ПЕРВОНАЧ. ПРАВОПИСАНІЕ. Диктовки и грам. правила. Н. Корфа. Ц. 12 к.
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. М. Герасимова. Съ 96 рис. Ц. 50 к.
СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. М. Савицкаго. Ц. 40 к.
ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГІИ. Поля Бера. Переводъ подъ ред. проф И Мечникова. 345 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к., въ переп. 1 р. 50 к.
КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сіязова. Съ 118 рис. Цѣна 50 к.
СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ. Разиграева: 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знак. препинанія. Ц 35 к.
ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к
ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ. Григоровича. 5-е изд. 52 портрет. Ц. 2 р.
ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А. Колтановскаго. 279 рис. Ц. 75 к.
РИСОВАНІЕ АКВАРЕЛЬЮ А. Касаня. Перев. съ франц. О. Кочетовой. 120 политип. и 6 акварел. Ц. 1 р. 50 к.
ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическіе совѣты Ф. Шубелера. Съ 130 рис. Ц. 60 к.
НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. Корнела. 11-е изданіе, съ 10-ю раскраш. карт. и 82 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

